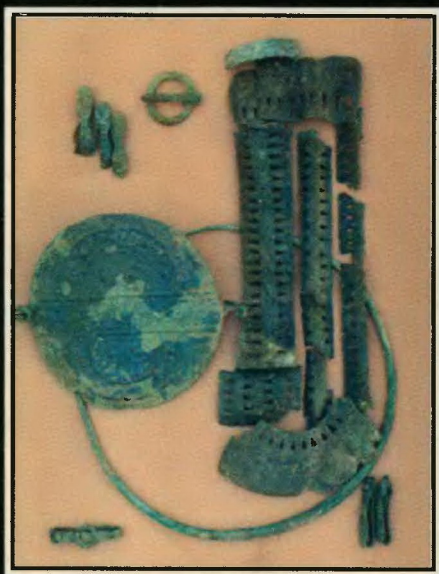

ОСТАНИНА Т.И.

НАСЕЛЕНИЕ
СРЕДНЕГО
ПРИКАМЬЯ
в III-V вв.

ЛОМ

Чепца

Вятка

АЗЕЛИНСКАЯ

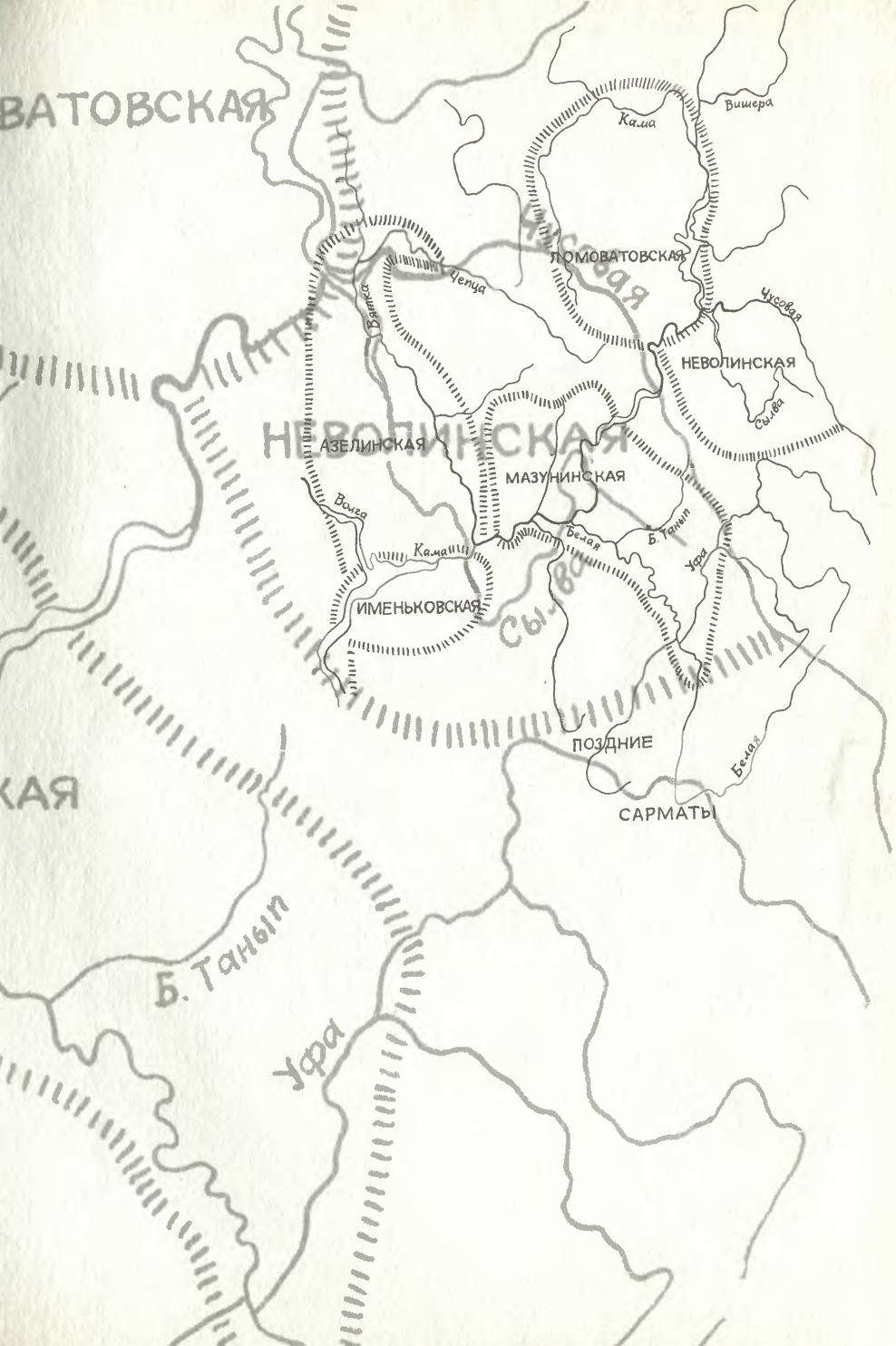
МАЗУНИНС

Волга

Каман

Бел

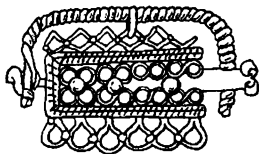
ИМЕНЬКОВСКАЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Т.И.ОСТАНИНА

НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ В III-V вв.

Печатается по решению ученого совета Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук и НИСО УрО РАН по плану выпуска 1996 года

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук Н.И.Шутова

Рецензенты: кандидат исторических наук Б.Б.Агеев
кандидат исторических наук П.Н.Старостин
Художники: О.В.Арматынская, Н.А.Быков, А.И.Лыков

Останина Т.И.

О76 Население Среднего Прикамья в III-V вв.: Монография.—Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997.— с.: ил.

ISBN 5-7691-0417-1

Монография является первым за последние годы научным исследованием, посвященным систематизации материалов мазунинской культуры III-V вв. н.э. в Среднем Прикамье, известной на территории Башкортостана под названием бахмутинской. В работе дана детальная характеристика системы расселения, хозяйственных сооружений и жилищ, погребального обряда и вещевого инвентаря мазунинского населения. Разработана хронология и периодизация вещевых находок. Рассмотрены вопросы развития хозяйства, демографической ситуации и социальной структуры мазунинских племен. Дана этническая интерпретация памятников III-V вв.н.э. в Среднем Прикамье, определено историческое место племен мазунинской археологической культуры.

Книга предназначена для специалистов-археологов, историков, этнографов и краеведов.

О $\frac{5040000000 - 05}{8П6(03) - 97}$ 5 - 96

ББК 63.4

Древняя культура финно-угорских народов, населяющих в настоящее время территорию Средней Камы и ее притоков, достоверно прослежена по археологическим данным до середины I тыс. н.э.

Перед археологами стоит важная задача выявить истоки этих народов, изучить более ранние этапы их формирования. Но здесь на пути исследования оказывается большой отрезок времени, недостаточно изученный в археологическом отношении. Он охватывает прежде всего древности, пришедшие на смену более ранним, хорошо исследованным, пьяноборским. Эти послепьяноборские памятники получили название мазунинской археологической культуры.

Роль носителей мазунинской культуры в формировании современных народов Прикамья была не выяснена в силу серьезных пробелов в ее изучении. Не достигнуто единство даже в определении специфических признаков этой культуры и в отнесении к ней тех или иных памятников. Не выработаны четкие критерии для отделения ее от соседних культур того же времени, не очерчены точные границы. Почти не велись раскопочные работы на поселениях. Спорны хронологические рамки культуры, не разработана внутренняя периодизация и поэтому не раскрыта динамика ее развития. Нет единства в определении даже самой культуры (мазунинская или бахмутинская). Ясно, что без точного определения всех этих данных, невозможны какие-либо исторические построения, нельзя судить о соотношении населения мазунинской культуры с предшествующими и последующими общностями, в конечном итоге ее месте в историческом процессе. Отсутствие источниковедческой базы позволяло исследователям высказывать порой весьма противоречивые мнения и суждения по основным вопросам мазунинской культуры. Диспут, который велся по многим историко-культурным, хронологическим и этническим темам, не мог привести к надежным заключениям.

В 1970-80-е годы в результате активизации разведочно-раскопочных работ как на территории Удмуртии, так и Башкортостана накопился огромный археологический материал, который настоятельно требовал своего анализа, а в итоге решения вопроса — его культурной принадлежности.

В предложенной читателю монографии “Население Среднего Прикамья в III-V вв.” впервые в науке весь обширный фонд источников по мазунинской культуре был подвергнут тщательному анализу и систематизации. Автором проведена значительная источниковедческая работа, трудоемкая по своему характеру, выполненная с тщательностью, на современном научном уровне при хорошем знании археологии Прикамья. Такая работа была необходима всем исследователям, занимающимся археологией Прикамья и Среднего Поволжья I тыс.н.э.

Следующим моментом, который выделяет исследование Т.И.Ос-таниной и делает его весьма результативным, является надежно разработанная хронология мазунинской культуры. Для ее древностей в литературе предложены весьма разные хронологические рамки — от III-IV до VII-IX вв. Поэтому вполне оправданным представляется большое внимание, уделяемое в работе установлению относительной и абсолютной хронологии мазунинской культуры. Надежной датировке всей культуры и ее отдельных стадий во многом способствовало то, что за последние годы в распоряжение науки поступили материалы еще 10-ти могильников с большим числом погребений (около 3 тысяч). В результате анализа вещевых материалов мазунинская культура датирована сравнительно узким отрезком времени — III-V вв., и этот период подразделен на 5 хронологических стадий, которые в исследовании обстоятельно описаны. Это дало основание для установления или уточнения дат отдельных могильников культуры. Можно вполне определенно утверждать, что хронология рассматриваемой культуры теперь имеет твердую и надежную базу.

Автором разработана также тема о взаимоотношении мазунинской культуры с бахмутинской. По ней в археологической литературе написано немало, но противоречиво и не всегда на основе конкретных материалов. Вопрос нуждался в новом специальном анализе. Исследовательница подошла к решению этого вопроса вне зависимости от ранее высказанных точек зрения. Представляется, что она абсолютно права в том, что все памятники III-V вв., расположенные и в Удмуртии, и в Башкортостане, характери-

зующиеся единым археолого-этническим комплексом, должны быть отнесены к одной мазунинской культуре. От решения этого вопроса во многом зависит определение ее этнической атрибуции и ее места в системе древностей Прикамья раннего железного века и начала средневековья.

Составленная в монографии археологическая карта мазунинской культуры является наиболее полной из всех имеющихся в литературе. Она дает возможность судить об ареале культуры во всех деталях, о заселенности территории и многих иных факторах.

Анализ, проведенный автором по системе расположения памятников, выявил групповое нахождение памятников (часто мазунинские селища примыкали к городищам). Ею детально рассмотрены вскрытые хозяйственные ямы, очаги, жилища. Заслуживает внимания реконструкция жилища мазунинской культуры — наземный сруб с лежанками, ямами и очагами.

Разработка относительной хронологии и датировки мазунинских древностей позволили конкретно проследить процесс заполнения площадки каждого могильника культуры, выделить группы одновременных погребений, а на этой основе сделать некоторые выводы о структуре общества и ее развитии. В мазунинское время получил наибольшее развитие новый институт общественной организации — патронимия. Удачно были использованы автором исследования по палеодемографии. Последние данные и планиграфия могильников показали сложный “переломный” характер эпохи III-V вв. в социальном плане.

Исследовательница не остановилась на “вещеведческом” уровне работы. Ею были предприняты попытки, используя материалы археологии и этнографии, выполнить реконструкцию хозяйства древнемазунинского населения, имеющего комплексный характер с преобладанием земледелия и скотоводства, находящихся на более высоком уровне развития по сравнению с пьяноборской эпохой.

Монография внесет заметный вклад в археологию железного века Прикамья. Чему будет способствовать и сравнительная легкость изложения, от чего работа читается с большим интересом.

Доктор исторических наук
В.В.Седов

*Светлой памяти
Анатолия Константиновича Амброза
посвящаю*

К началу 50-х годов XX в. на территории Среднего Прикамья были известны лишь памятники ананьинской, пьяноборской и карабызской археологических культур. Сведения же о послепьяноборских памятниках были незначительны, смутны, чаще всего не проверены¹. В 1954-1957 гг. в южных районах Удмуртии начала проводить исследования Удмуртская археологическая экспедиция (УАЭ) под руководством В.Ф.Генинга. Восемь разведочных отрядов обследовали правобережье Камы от пристани Сайгатка Пермской области до устья реки Иж, а также его среднее течение. Разведками охвачено 75 археологических памятников. Среди них было открыто или изучено 37 памятников послепьяноборского времени². В 1954-1956 гг. экспедицией полностью был вскрыт Мазунинский могильник (Сарапульский р-н, УР), давший своеобразный, отличный от пьяноборья, материал³. В 1956 г. около с.Сайгатка Пермской области силами Камской и Удмуртской экспедиций произведены раскопки могильника, аналогичного Мазунинскому⁴. В этом же году УАЭ обследовала и вскрыла Быргындинский могильник⁵, изучила синхронные ему памятники в бассейнах р.Ижболдинки и р.Сивы — правых притоков р.Камы, где обнаружила Нивский могильник⁶ с подобным Мазунинскому могильнику материалом. Еще один некрополь этого же круга был обнаружен и частично вскрыт в 1957 г. в г.Ижевске⁷. В итоге к 1958 году на четырех послепьяноборских могильниках было найдено 161 погребение. Они отличались своеобразием вещевых находок и погребального обряда. На основании этого В.Ф.Генинг выделил особую мазунинскую культуру⁸, определив следующие характерные для нее черты: 1) территория расселения — Прикамская Удмуртия; 2) датировка культуры — III-VI вв.; 3) основные характерные вещи — височные подвески, ожерелья из бус и спиральных пронизок, поясные наборы с медными

накладками шпилькообразной формы, застёжки-фибулы; 4) специфические элементы погребального обряда: жертвенные комплексы, пояс вдоль тела, справа; 5) культура не имеет ничего общего с пьяноборской культурой; 6) аналогии к ней — только в угорских культурах, “это этническая группа из большой угорской общности”⁹; 7) наибольшая близость мазунинской культуры с памятниками бахмутинской культуры; 8) вопрос о дальнейших судьбах мазунинских племен остается открытым, но, возможно, они вошли в состав мадьяр или в состав северной группы башкирско-угорских племен.

Эти основные положения были подтверждены В.Ф.Генингом и В.Е.Стойновым на Втором Уральском археологическом совещании¹⁰. При этом ими была уточнена дата (III-V вв.), территория (правый, частично левый берег р.Камы, от с.Сайгатка до р.Иж, низовье р.Белой) мазунинской культуры. Увеличено число элементов погребального обряда и категорий вещей, характерных для этой культуры, отмечена ее разница с материалами Бахмутинского могильника (V-VII вв.).

В конце 1950 - начале 1960-х годов на территории Башкортостана начались масштабные археологические исследования как разведочного, так и раскопочного плана послепьяноборских памятников. До этого времени их изучение носило эпизодический характер¹¹. В 1955-60 гг. велись разведочные работы А.П.Шокурова по р.Белой и на ее притоках¹². С 1958 года Н.А.Мажитовым, тогда сотрудником ИЯИЛ БФАН СССР, начинаются поиски и раскопки памятников послепьяноборского времени, продолжавшиеся шесть лет на территории Северной Башкирии. Им выявлен ряд новых памятников в Бураевском, Балтачевском, Бирском, Аскинском районах¹³. Начатые в 1958 г., продолженные в 1959-60, 1962 годах раскопки Бирского могильника дали значительный материал (206 погребений) по изучению послепьяноборского времени в среднем течении р.Белой¹⁴. В 1959 году Н.А.Мажитов, кроме того, вскрыл 18 погребений Каратамакского могильника, а в 1960 г. — 14 погребений раннего этапа Бахмутинского. Все эти памятники исследователь отнес к бахмутинской археологической культуре, выделенной в 1929 г. А.В.Шмидтом и датированной им V-VII вв.¹⁵ Характерными чертами культуры Бахмутинского могильника, по мнению А.В.Шмидта, явились: 1) прямоугольные, с чуть закругленными углами, ямы средней глубины 135 см; 2) костяки лежат вытянуто на спине; 3) умершие погребались одетыми, с украшениями; 4) горшки ставились в изголовье, в ноги и на грудь; 5) ножи прикреплялись к поясу. При характеристике вещевого материала А.В.Шмидт делил его на две группы. Для первой,

ранней, группы характерны привески в форме вопросительного знака с сомкнутым кольцом, ожерелья из красного рубленого бисера. Для второй, поздней, группы специфичными вещами являлись: 1) серьги в виде проволочного кольца с "напущенным многогранником"; 2) ожерелья из сердоликовых, янтарных, стеклянных бус; 3) кольцевые застежки; 4) привески-коньки; 5) привески в виде бутылочки; 6) посуда чандарского типа.

В первых своих статьях по осмыслению новых материалов Н.А.Мажитов, видя их отличие от Бахмутинского могильника в погребальном обряде и вещевом материале, делает попытку объяснить это хронологией, для чего выделяет ранний этап культуры (III-IV вв.)¹⁶. Сюда он включает Каратамакский могильник (II-IV вв.), 40 погребений Бирского, более 10 погребений Бахмутинского могильников¹⁷. При обосновании датировок автор приводит аналогии типам вещей, которые, как он выразился, "широко бытовали в первой половине I тыс. н.э."¹⁸ Поэтому у исследователя и получалась довольно широкая дата Каратамакского могильника, где 19 погребений были оставлены населением в течение трех столетий¹⁹. В статье "К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры" Н.А.Мажитовым уделяется большое внимание происхождению и локализации бахмутинской культуры. Автор приходит к мнению, что "средневековые памятники типа Мазунинского, Ижевского, Сайгатского..." по погребальному обряду и по вещевому материалу близки к раннебахмутинским²⁰. Эти памятники, по его мысли, объединяют: 1) бронзовые височные подвески с напускными бусинами; 2) состав ожерелий, в том числе большие крупные подвески из раковин; 3) поясные наборы; 4) редкое нахождение или отсутствие глиняных сосудов в могильниках; 5) жертвенные комплексы из женских украшений. На основании этих данных Н.А.Мажитов приходит к заключению, что признаки мазунинской культуры характеризуют не самостоятельную культуру, а вариант бахмутинской. Недостаточно четкая разработка типологии вещевого материала и погребального обряда башкирских и удмуртских памятников стала причиной того, что верная в сущности идея соотношения раннебахмутинских и мазунинских памятников подается автором не совсем аргументировано. Все его доказательство сводится к призыву к В.Ф.Генингу признать его правоту²¹. В своих ранних работах Н.А.Мажитов старается доказать пьяноборское происхождение бахмутинской культуры. Он пишет, что "никакой смены камского населения во II-III вв. не происходило, лишь в V в. турбаслинские племена оказали сильное

воздействие на бахмутинскую археологическую культуру”²². Основываясь на материале незначительного числа погребений (239 комплексов IV-VII вв. могильников Северного и Центрального Башкортостана, 161 комплекс III-V вв. Прикамской Удмуртии), археологи Урала вот уже несколько десятилетий ведут дискуссию по бахмутинской и мазунинской культурам. Изучая историю дискуссии, в 1971 году С.М.Васюткин приходит к мысли, что ни один из вопросов, по которым идут споры, нельзя считать в настоящее время окончательно разрешенным”²³, а основной причиной создавшегося положения, по его мнению, является отсутствие “прочной источниковедческой базы”²⁴. Судя по работам исследователей, для классификации вещевого материала памятников Прикамской Удмуртии и Северного Башкортостана была характерна краткость, формальность. Вся характеристика вещевого материала сводилась к перечислению основных категорий и их внешнему описанию²⁵. Число находок не указывается, а подменяется словами “большинство”, “редкая находка”, “около”. Классификация, по сути дела, превращалась в фиксацию наличия той или иной категории в вещевом материале. Следует отметить, что для большинства категорий вещей на данном объеме материала нельзя было разработать более подробную типологию (например, гривен, браслетов, блях, подвесок, пронизок). Некоторым категориям, в частности бусам, вообще не уделялось должного внимания. Но если в статьях В.Ф.Генинга, опубликованных в сборнике “Памятники мазунинской культуры” (1967 г.), классификация всегда выделялась в специальный раздел и дополнялась хорошими иллюстрациями, то в обобщающей работе Н.А.Мажитова “Бахмутинская культура” (1968 г.) нет даже раздела описания раннебахмутинских комплексов, а иллюстрации, в основном, относятся к поздним погребениям²⁶. Характеристика вещевого материала дается в описательном плане, перемежается с погребальным обрядом и сводится в работе только к перечислению категорий вещей²⁷. Об их типологии и роли в характеристике культуры приходится только догадываться. Недостаточное внимание авторов к вещевому материалу приводит к слабой аргументации при выделении специфических для культуры (культур) типов вещей. Многие броские на вид предметы, даже при единичных их находках, превращаются ими в характерные для всей археологической культуры. Число таких специфических предметов меняется почти в каждой статье данных авторов, хотя источниковедческая база остается прежней. Так, для мазунинской культуры по В.Ф.Генингу в 1959 г. были характерны четыре категории вещей²⁸, в 1961 г. — шесть²⁹, в

1967 г. — восемь³⁰, в 1972 г. — две³¹, в 1974 г. — три³². В последних двух случаях им было выделено два варианта культуры (башкирский и удмуртский) со специфическими категориями вещей.

Так же обстоит дело в исследованиях Н.А.Мажитова. В 1962 г. им было выделено 7 специфических типов вещей раннебахмутинских памятников (височные подвески, ожерелья из бисера позолоченного, красного, темно-серого, светло-голубого цветов; округлые подвески из раковин с петлей для подвешивания, провололочные браслеты с заходящими концами, серьги круглой формы, арбалетообразные фибулы с пластинчатым приемником, фигурки медведя)³³. А в 1968 г. они даже не до конца перечислены, даны лишь три типичные, по его мнению, категории³⁴. Такое положение вещей затрудняло изучение и сравнение памятников и приводило к разным выводам в вопросе определения их культурной принадлежности.

Недостатки в разработке типологии вещевого материала памятников Среднего Прикамья отразились и в определении их хронологии, и в датировке культуры в целом. Ни одна культура Урала не имеет такого количества точек зрения по данной проблеме, как мазунинская. В течение первых двадцати лет ее изучения у основных ее исследователей (В.Ф.Генинг, Н.А.Мажитов) постоянно менялось представление о хронологии культуры. В это и в последующее время к изучению вопроса подключались и другие авторы (А.П.Смирнов, С.М.Васюткин, А.К.Амброз, Р.Д.Голдина). Датировка культуры постоянно пересматривалась и уточнялась. Достаточно отметить, что только В.Ф.Генингом давались следующие даты культуры: 1958, 1959 гг. — III-VI вв.³⁵, 1961 г. — III-V вв.³⁶, 1967 г. — III-IX вв.³⁷, 1972, 1974 гг. — III-V вв.³⁸. К 1995 г. в литературе существовали следующие варианты датировок мазунинской культуры: В.Ф.Генинг — III-V вв.³⁹; Н.А.Мажитов — III-V-VIII вв.⁴⁰; С.М.Васюткин — III-V-VII вв.⁴¹; А.К.Амброз — IV-VII вв.⁴² В периодизации вещевого материала были сделаны лишь первые шаги. В 1967 г. В.Ф.Генингом было выделено 3 этапа культуры на основании классификации недатированных городищ (I этап — III-V вв.; II этап — VI - первая половина VIII в.; III этап — вторая половина VIII-середина IX в.)⁴³. Недостаточная обоснованность, надуманность периодизации уже отмечались в литературе⁴⁴, поэтому обращаться к ней еще раз не имеет смысла. Если В.Ф.Генингом была выполнена попытка исторической периодизации, то периодизация археологических фактов была сделана впервые в 1971 г. А.К.Амброзом. На основании эволюции фибул и поясной гарнитуры им было выявлено пять этапов⁴⁵. Но в силу недостаточно

разработанной классификации вещевого материала и его малого количества, данная периодизация оказалась не совсем удачной.

Нерешенные проблемы определения специфических категорий вещей и их хронологии привели в тупик решение вопроса о территории мазунинской культуры. При ее выделении В.Ф.Генингом территория определялась Прикамской Удмуртией, а памятники бахмутинской культуры V-VII вв. (Бахмутинский могильник, Чандарское селище) он размещал в бельско-уфимское междуречье⁴⁶. В последующих публикациях В.Ф.Генинга территория культуры уточнялась. Так, в обобщающей работе по мазунинской культуре (1967 г.) он ограничивает ее уже средним течением р.Камы от устья р.Сивы до устья р.Иж, средним течением р.Иж и низовьем р.Белой до с.Дюртюли и насчитывает 97 памятников⁴⁷. В 1972 году ее южную границу он доводит до р.Бирь⁴⁸. На данной территории, по его мнению, жило население двух вариантов культуры (башкирский и удмуртский).

Н.А.Мажитов, раскопавший в северном Башкортостане Каратамакский и Бирский могильники, объединил их в одну культуру, аналогичную Бахмутинскому некрополю (раскопки А.В.Шмидта), к которой отнес и могильники мазунинского типа. Территория бахмутинской культуры, по его мнению, “в основном локализуется в Северной Башкирии до устья р.Уфы, с прилегающими сюда районами Пермской области и на Средней Каме”⁴⁹. Этой же точки зрения он придерживался и в своей последующей работе, фиксируя на указанной территории около 300 памятников культуры⁵⁰.

Погребальному обряду, играющему, как правило, значительную роль в выделении археологической культуры⁵¹, исследователями не уделялось должного внимания. Основные черты погребального обряда, выявленные В.Ф.Генингом в обобщающей работе по мазунинской культуре (1967г.), сводились к следующему: 1) прямоугольные неглубокие могильные ямы без надмогильных сооружений; 2) захоронение умершего в деревянном гробу (ящик, долбленая колода) или в каменном ящике; 3) положение умерших вытянуто на спине; 4) отсутствие при костяке остатков металлических украшений костюма; 5) наличие при большинстве захороненных железных ножей; 6) сопровождение умершего жертвенным комплексом в берестяных коробочках; 7) в составе жертвенных комплексов мужских погребений – височные подвески, ожерелья (бусы и пронизки) и браслеты; женских – височные подвески, застежки-фибулы, ожерелья, пряжки и мелкие орудия (ножи и шилья); 8) фибулы-застежки на груди захороненных мужчин; 9) положение пояса — развернуто вдоль тела⁵². Незначи-

тельное количество погребений с определенной половозрастной характеристикой не дало возможность автору понять содержание жертвенного комплекса, место и его своеобразие среди всех культур Урала. Малое число погребений не позволило выявить единичные и характерные явления погребального обряда. При описании этого же элемента культуры у Н.А.Мажитова не всегда наблюдалась четкость в выделении основных его черт. Чаше всего он описывает то, что лежит на поверхности, что бросается в глаза. В то время как признаки обряда позднего этапа культуры разработаны им достаточно серьезно⁵³, основные черты обряда раннебахмутинских памятников у него даны как бы между прочим⁵⁴. Однако в основной своей работе “Бахмутинская культура” им сделаны попытки как-то систематизировать их. Общими же для всех раннебахмутинских памятников, по мнению Н.А.Мажитова, являются: 1) мелкие могилы простой конструкции; 2) редкое нахождение в могилах (за исключением части погребений Бахмутинского могильника) костей животных и керамики; 3) расположение в могилах предметов украшений в берестяных коробках или в кучах сбоку от костяков⁵⁵. При характеристике погребального обряда в следующей монографии, связанной с данной темой, “Южный Урал в VII-XIV вв.” (1977 г.) автор ограничивается описанием единичных случаев обряда, причем наблюдаемых в основном в позднебахмутинских комплексах, опять забывая выделить общие черты культуры⁵⁶. При такой степени изученности погребального обряда исследователи, естественно, приходили к разным выводам в отношении памятников послепяноборского времени на территории Удмуртии и Башкортостана.

При выделении какого-либо комплекса памятников поселенческого типа в отдельную археологическую культуру, по мнению видного археолога А.П.Смирнова, необходимо сходство керамики, включая форму, технику изготовления и систему ее орнаментации; типов поселений и обнаруженных на них объектов, в первую очередь, жилищ⁵⁷. К сожалению, к этим вопросам исследователи не проявили должного интереса. Изучение поселений на территории Башкортостана ограничивалось их поверхностным описанием или, в редких случаях, незначительными разведочными раскопками (Бирское-Чертово и Юмакаевское городища). Здесь собрана лишь небольшая коллекция керамики⁵⁸. Такая же картина наблюдается в изучении поселений на территории Удмуртии, где только в 1954-56 гг. были проведены раскопки на многослойном городище Чеганда I. Остатки сооружений верхнего (мазунинского) слоя оказались фрагментарны-

ми. Керамический материал, кроме пьяноборского, представлен еще несколькими группами, конкретная принадлежность которых к мазунинской культуре так и не определена автором раскопок — В.Ф.Генингом⁵⁹. Однослойные эталонные поселения мазунинской культуры вообще не изучались. Все высказывания исследователей, касающиеся характеристики керамики, жилищ основаны или на предположениях, или на незначительных коллекциях керамики из погребальных комплексов, или на аналогиях в других культурах. Не случайно один из виднейших исследователей Урала К.В.Сальников еще в 1962 г. отмечал, что археологи Урала уделяют недостаточно внимания поселениям мазунинской культуры⁶⁰.

Итак, к концу 1970-х гг. ни по одному вопросу изучения мазунинской археологической культуры не было достигнуто единства мнений среди ее исследователей. Точки зрения археологов, в конечном счете, свелись к следующим основным положениям: 1) памятники Прикамской Удмуртии и примыкающих к ней районов Пермской области относятся к бахмутинской археологической культуре III-VIII вв. (Н.А.Мажитов); 2) памятники III-V вв. Прикамской Удмуртии и Северной Башкирии оставлены племенами одной культуры (“бахмутинская” по С.М.Васюткину, “мазунинская” по Ф.В.Генингу) с двумя вариантами — удмуртский и башкирский (В.А.Оборин, С.М.Васюткин, В.Ф.Генинг). Так называемая дискуссия о соотношении мазунинской и бахмутинской культур, развернувшаяся в печати в 1960-70-е гг., стала сводиться к признанию приоритета одного из предложенных названий послепьяноборской общности. А основные вопросы изучения этой общности не разрабатывались.

Во второй половине 1960-70-х гг. происходит резкий рост накопления источниковедческого материала по исследуемому периоду как на территории Башкортостана, так и на территории Удмуртии. Было изучено 13 новых могильников, на которых вскрыто 3345 комплексов (табл.1). В это же время активизировали свою работу разведочные отряды ИЯИЛ Башкирского филиала АН СССР (ныне УНЦ РАН) под руководством Ю.А.Морозова⁶¹, В.С.Стоколоса⁶², А.Х.Пшеничнюка⁶³, Н.А.Мажитова⁶⁴, В.А.Иванова⁶⁵, а также Башкирского госуниверситета под руководством Г.И.Матвеевой, И.Б.Васильева⁶⁶. В итоге на территории Башкортостана, а также примыкающего к ней Куединского района Пермской области, вместе с ранее известными, было зафиксировано 267 археологических памятников мазунинской культуры. Это число пополнилось в результате исследований последних лет Г.Н.Гарустовича⁶⁷ и М.Ф.Обыденнова⁶⁸ в ни-

зовье р.Белой, а также Т.И.Останиной в бассейне р.Уфы⁶⁹. Разведочные работы активизировались и на правом берегу р.Камы. Начало им положили разведки 1965-1969 гг. в Алнашском районе Удмуртии и Агрызском районе Татарстана под руководством В.А.Семенова⁷⁰. В 1973-1974, 1978, 1979 гг. проводилось сплошное обследование бассейна р.Сивы, правого притока р.Камы, а также низовья р.Иж разведочным отрядом экспедиции Удмуртского республиканского краеведческого музея⁷¹.

В определении западных границ культуры большую роль сыграли разведки, созданной в 1973 г. в Удмуртском госуниверситете Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ)⁷². Кроме того, ею был исследован ряд южных районов Удмуртии, в результате чего уточнены данные по ранее известным памятникам и обнаружены новые, пополнявшие список памятников мазунинской культуры⁷³. Особое значение имеет открытие Красноярского могильника (IV-V вв.), произведенное в 1986 г. разведочным отрядом КВАЭ под руководством О.А.Казанцевой в бассейне р.Тулвы, левого притока р.Камы, на территории Бардымского района Пермской области⁷⁴. Этот могильник, обнаруженный на восточной периферии мазунинской археологической культуры, намного расширяет границы культуры и, возможно, прольет свет на решение проблемы дальнейшей судьбы мазунинского населения. Сотрудники КВАЭ под руководством Р.Д.Голдиной в 1973-1974 гг. провели крупные раскопочные работы на городище Пек-Жикья — памятнике-убежище мазунинской культуры⁷⁵. Это положило начало исследованиям поселений мазунинской культуры, проводимым прежде всего экспедицией Удмуртского республиканского краеведческого музея. Работы велись большими площадями как на территории Удмуртии (Сосновское, Постольское, Чужья-ловское, Староигринское городища)⁷⁶, так и Башкортостана (Казакларовское I, Сорвихинское городища, Алтаевское III селище)⁷⁷. В результате был получен значительный керамический и палеозоологический материал, исследовано 5 жилищ мазунинской культуры. Все перечисленные выше данные создали богатую источниковедческую базу для решения проблем истории населения Среднего Прикамья в послепьяноборское время. Первоочередными задачами изучения эпохи конца раннего железа и начала эпохи раннего средневековья, на наш взгляд, являются: 1) разработка типологии вещевого материала с выделением специфических черт мазунинской культуры; 2) разработка хронологии; 3) определение территории культуры; 4) определение признаков погребального обряда; 5) разработка типо-

логии сооружений на поселениях; 6) классификация керамического материала. Только комплексное исследование приведет к разрешению основной проблемы — правомерности выделения мазунинской культуры в Среднем Прикамье в послепяноборское время. Это в свою очередь поможет решить вопросы культурной принадлежности вновь открытых памятников на этой территории, происхождения и дальнейшей судьбы населения, оставившего эти памятники. Огромный археологический материал, имеющийся на данный момент в нашем распоряжении, позволяет подойти к разрешению проблем изучения вопросов экономики и социальной структуры древнего общества, которые пока находятся на чисто гипотетическом уровне.

Предлагаемая монография написана на материалах полевых исследований на территории Удмуртии, проведенных УАЭ под руководством В.Ф.Генинга (1954-1957 гг.), В.А.Семенова (1965-1969 гг.), археологической экспедицией Удмуртского республиканского краеведческого музея под руководством автора (1972-1990 гг.) и КВАЭ под руководством Р.Д.Голдиной (1974-1995 гг.). Были привлечены результаты полевых работ на территории Башкортостана, проведенные в разное время археологическими экспедициями ИЯИЛ БФАН СССР (УНЦ РАН) под руководством Н.А.Мажитова, Ю.А.Морозова, А.Х.Пшеничнюка, В.А.Иванова, Н.Г.Гарустовича, экспедициями Башкирского госуниверситета под руководством Г.И.Матвеевой, С.М.Васюткина*. В ней использованы коллекции памятников мазунинской культуры, хранящиеся в фондах Удмуртского республиканского краеведческого музея (с 1995 года — Национальный музей Удмуртской Республики), в лаборатории археологических исследований Удмуртского госуниверситета, в кабинете археологии Башкирского госуниверситета, в Музее археологии и этнографии отдела народов Урала УНЦ РАН. Были изучены отчеты вышеназванных экспедиций, хранящиеся в Архиве Института археологии РАН. Большая доля информации была взята из публикаций и теоретических работ.

Во избежание путаницы в терминологии археологической культуры послепяноборского времени в Среднем Прикамье мы предлагаем называть памятники III-V вв. мазунинскими, что обусловлено, на наш взгляд, следующими соображениями: Мазунинский могиль-

* Выражаю искреннюю благодарность С.М.Васюткину, Р.Д.Голдиной, В.А.Иванову, А.Х.Пшеничнюку, Н.А.Мажитову, Г.И.Матвеевой, Ю.А.Морозову, В.А.Семенову, Г.Н.Гарустовичу, О.А.Казанцевой за представленную возможность использовать неопубликованные материалы их разведок и раскопок.

ник был первым до конца вскрытым некрополем культуры; он однокультурен, что ставит его в положение эталонного; его материалы опубликованы⁷⁸, а коллекция полностью сохранена⁷⁹.

Для памятников территории бельского-уфимского междуречья VI (конца V?) — VII вв. следует оставить их прежнее название — бахмутинские, имея в виду характеристику, данную им в 1929 г. А.В.Шмидтом⁸⁰. Бахмутинский тип памятников отражает следующий, качественно новый этап в истории населения Среднего Прикамья.

¹ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р.Камы //МИА. №27. 1952. №№304, 309, 319, 338, 344, 354, 359-370, 619, 626.

² Генинг В.Ф. Удмуртская археологическая экспедиция //КСИИМК. №74.1957. С.92-93.

³ Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник //БАУ. Вып.7. Свердловск-Ижевск, 1967. С.85-166.

⁴ Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме //БАУ. Вып.4. Свердловск, 1962. С.117-134.

⁵ Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1958. С.169.

⁶ Семенов В.А. Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии //БАУ. Вып.7. Свердловск-Ижевск, 1967. С.119-122.

⁷ Генинг В.Ф. Ижевский могильник IV-Vвв. //БАУ. Вып.7. Свердловск-Ижевск, 1967. С.123-140.

⁸ Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа //Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Т.2. Казань, 1959. С.200-204; Он же. Археологические памятники Удмуртии. С.75-83.

⁹ Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья... С.201.

¹⁰ Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного века Урала //БАУ. Вып.1. Свердловск, 1961. С.39-46; Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) //БАУ. Вып.1. Свердловск, 1961. С.82.

¹¹ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. С.3-5.

¹² Шокуров А.П. Материалы к археологической карте нижнего течения р.Белой и среднего течения р.Ик //Древности Башкирии. М.: Наука, 1970.

¹³ Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. С.9; Мажитов Н.А. Отчеты 1959, 1960, 1962 гг. //Архив ИА РАН. Р-1; № 2005, 2105, 2531.

¹⁴ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. С.3-113.

¹⁵ Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР //Хозяйство Башкирии. Издание Госплана Баш.АССР. №8-9. Уфа, 1929. С.16-25.

¹⁶ Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры //БАУ. Вып.2. Свердловск, 1962. С.66-68.

¹⁷ Там же. С.66-69,70.

¹⁸ Там же. С.69.

¹⁹ Там же. С.70.

²⁰ Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры //АЭБ. Т.II. Уфа, 1964. С.102.

²¹ Там же. С.102.

²² Там же. С.103-108.

²³ Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре //СА. 1971. №3. С.32.

²⁴ Там же.

²⁵ Памятники мазунинской культуры //ВАУ. Вып.7. Ижевск-Свердловск, 1967. С.23-35, 90-96, 125-129.

²⁶ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. С.12-24.

²⁷ Там же. С.12-15.

²⁸ Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья. С.202.

²⁹ Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения... С.82-83.

³⁰ Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье //ВАУ. Вып.7. Ижевск-Свердловск, 1967. С.55-56.

³¹ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. (Проблемы этноса и его происхождения) //Проблемы археологии древней истории ургов. М.: Наука, 1972. С.239-240.

³² Генинг В.Ф. Этническая история Южного Прикамья в I тыс.н.э. М., 1974. Автореф. дис. докт. ист. наук. С.15.

³³ Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры. С.67-68.

³⁴ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. С.25.

³⁵ Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. С.83.; Он же. Очерки этнических культур Прикамья... С.202.

³⁶ Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения... С.82.

³⁷ Генинг В.Ф. Мазунинская культура... С.35-36.

³⁸ Генинг В.Ф. Южное Приуралье... С.222; Он же. Этническая история... С.14.

³⁹ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. С.222.

⁴⁰ Мажитов Н., Султанова А. История Башкортостана с древнейших времен до XVIв. Уфа, 1994. С.96-97, 111-119.

⁴¹ Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре. С.100.

⁴² Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии в Приуралье в IV-VII вв. //Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С.10.

⁴³ Генинг В.Ф. Мазунинская культура... С.36-37.

⁴⁴ Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре. С.98-101.

⁴⁵ Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы //СА. №3. 1971. С.106-112.

⁴⁶ Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья... С.200-201.

⁴⁷ Генинг В.Ф. Мазунинская культура... С.8-9.

⁴⁸ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. С.239.

⁴⁹ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. С.7.

⁵⁰ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977. С.41.

⁵¹ Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре //СА. №4. 1964. С.7; Генинг В.Ф. Проблемы соотношения археологической культуры и этноса //Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С.10.

⁵² Генинг В.Ф. Мазунинская культура... С.9-18.

⁵³ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. С.29.

⁵⁴ Там же. С.15.

⁵⁵ Там же. С.25-26.

⁵⁶ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. С.100-101.

⁵⁷ Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре. С.5.

⁵⁸ Мажитов Н.А. Поселения бахмутинской культуры //БАС. Уфа, 1959. С.143-151.

⁵⁹ Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время //ВАУ. Вып.7. Ижевск-Свердловск, 1967. С.141-163.

⁶⁰ Сальников К.В. Итоги и задачи археологии Башкирии //АЭБ. Т.2. Уфа, 1964. С.12.

⁶¹ Морозов Ю.А. Отчет о работе разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции 1964, 1965, 1966 гг. //Архив ИА РАН. Р-1, №2887, №3053, №3244.

⁶² Стоколос В.С. Отчет о разведках и археологических исследованиях в 1967 г. //Архив ИА РАН. Р-1, №3459.

⁶³ Пшеничник А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях в центральных районах БАССР за 1965 г. //Архив ИА РАН. Р-1, №3137.

⁶⁴ Мажитов Н.А. Отчет Башкирской археологической экспедиции 1967 г. //Архив ИА РАН. Р-1, №3496.

⁶⁵ Иванов В.А. Отчет об исследованиях памятников I тыс. на севере Баш.АССР по Открытому листу №356 //Архив ИА РАН. Р-1, №5692.

⁶⁶ Матвеева Г.И., Васильев И.Б. Отчет археологической экспедиции Башкирского государственного университета за 1969 г. //Архив ИА РАН. Р-1, №3951.

⁶⁷ Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М., Федоров В.К. Изучение памятников эпохи железа и средневековья в северных районах Башкирии //Археологические открытия Урала и Поволжья 1987-1988 гг. Сыктывкар, 1989. С.121-123; Гарустович Г.Н. Раскопки курганов в лесных районах Башкирии //Археологические открытия Урала и Поволжья 1989-1990 гг. Ижевск, 1991. С.168-171.

⁶⁸ Обыденнов М.Ф. Работы экспедиции Башкирского университета //АО. 1981. М., 1983. С.168-169.

⁶⁹ Останина Т.И. Отчет об археологических работах Удмуртского республиканского краеведческого музея, проведенных летом 1988, 1989 гг. //Архив ИА РАН. Р-1, №12691. С.1-18; №14560. С.1-10.

⁷⁰ Семенов В.А. К истории археологических исследований в Удмуртии //Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С.31.

⁷¹ Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея //АО—1974г. М., 1975. С.168; АО—1978г. М., 1979. С.194-195; АО—1979г. М., 1980. С.163-164.

⁷² Вотякова О.П. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в 1976 г. в Увинском и Вавожском районах Удм.АССР //Архив ИА РАН. Р-1, №5927; Она же. Отчет о разведочных работах летом 1977 г. в Вавожском и Можгинском районах УАССР //Архив ИА РАН. Р-1, №6628; Леконцева Н.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1976 г. в Елабужском, Агрызском районах ТАССР, в Алнашском районе УАССР //Архив ИА РАН. Р-1, №5936.

⁷³ Голдина Р.Д., Черных Е.М. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции //Новые источники о древней истории Приуралья. Устинов, 1985. С.78, 87-88, 99, 103-104, 106-107, 110.

⁷⁴ Казанцева О.А. Красноярский могильник //Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С.43-64.

⁷⁵ Голдина Р.Д. Поселение у д.Пек-Жикья в верховьях р.Увы //Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С.103-118.

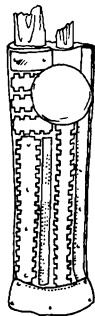
⁷⁶ Останина Т.И. Работы Удмуртского республиканского музея //АО—1974 г. М., 1975. С.168; АО—1975 г. М., 1976. С.192; АО—1976 г. М., 1977. С.191-192; АО—1978 г. М., 1979. С.195; АО—1979 г. М., 1980. С.163-164; АО—1981 г. М., 1983. С.170; Она же. Городище-убежище раннего средневековья у д.Старая Игра //Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С.78-91; Она же. Городище IV-Vвв. у д.Чужьялово Удм.АССР //Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.70-88; Она же. Городище мазунинской культуры около ст.Постол Удм.АССР //Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С.65-78.

⁷⁷ Останина Т.И. Работы республиканского музея //АО. 1979 г. М., 1980. С.163-164; АО. 1980 г. М., 1981. С.149; Иванов В.А. Исследование памятников эпохи железа в нижнем течении р.Белой //АО. 1980 г. М., 1981. С.132.

⁷⁸ Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник... С.85-115.

⁷⁹ Коллекция Мазунинского могильника хранится в фондах Национального музея Удмуртской Республики и имеет следующие учетные обозначения: УРМ 2815; УРМ 2822; УРМ 3133.

⁸⁰ Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции... С.16-25.

1. Погребальный обряд

Погребальный обряд является одним из основных определяющих признаков археологической культуры. “В широком смысле — это целый комплекс ритуальных действий, совершаемых живыми в заботе об умершем”¹. В археологическом значении, как это отмечается рядом авторов (Г.С.Лебедев, В.А.Назаренко, В.Ф.Генинг, Н.Б.Леонова, Ю.А.Смирнов, Г.Ф.Никитина), он рассматривается как система взаимодействующих категорий признаков. Хотя количество категорий у исследователей различно², но все они едины в определении основных частей погребального обряда. Ими являются: конструкция погребального сооружения, состояние и положение останков погребенного, характер погребального инвентаря. Именно в такой последовательности мы даем описание погребального обряда.

На территории Средней Камы известно 29 могильников и отдельных захоронений мазунинской культуры, из них два пьяноборских некрополя (Афонинский, Ныргында I) содержат незначительное число ранних мазунинских погребений III в.н.э. (рис. 1). Большое количество пьяноборских погребений II в.н.э. обнаружено на Тарасовском и Красноярском могильниках, но при этом оба памятника имеют значительное число погребальных комплексов мазунинской культуры, в основном, позднего периода. Два могильника (Бахмутинский, Бирский) содержат погребения других, более поздних археолого-этнических групп населения.

В выборе места для могильника проявляется устойчивая связь с водными артериями. Памятники, как правило, расположены на высоком берегу мелкой речки (родника), впадающей на определенном расстоянии в более крупную реку. Лишь часть, в основном, поздних некрополей, занимает берега более крупных рек (Старокабановский,

Бирский, Тарасовский). Могильники обычно находятся на второй-третьей надпойменных террасах, “уходящих” иногда на 1-2 км от современного русла реки. Для захоронений выбирали открытый берег реки без естественных ограничений или берег реки, окаймленный ее поймой, либо оврагами. Однако, в любом случае могильники всегда занимали господствующее положение над окружающей местностью. С их поверхности открывался вид на широкую пойму реки. Этот признак (условие) обязателен для местоположения всех могильников. Площадка с погребениями чаще всего была ровная, но могла быть и наклонена к реке (Сайгатский, Покровский, Тураевский, Тарасовский, Чужьяловский могильники).

Большая часть изучаемых нами памятников полностью, или почти полностью, вскрыта (табл. 2). Все могильники относятся к типу грунтовых. Каких-либо надмогильных сооружений из камня, дерева, земли не обнаружено, но четкость расположения могил и редкое налегание друг на друга (47 сл., 3,3%) могут свидетельствовать о наличии таковых*. На это указывают и грабительские лазы, которые входят в границы могилы даже не разрушая их (Чепаниха, Бирск). На основании этнографических данных можно лишь предположить существование над могилами небольшого холмика и сруба из бревен и досок на нем или навеса из липовой коры на четырех столбах³.

В погребальном обряде всегда предусматривается создание погребального сооружения. “Элементами его являются те компоненты погребального комплекса, которые характеризуют пространство, предназначенное для помещения умершего”⁴, а именно: ширина, длина, глубина и форма могилы.

Господствующей формой могильных ям на некрополях культуры была прямоугольная с закругленными углами (табл.2, 92,8%), другие формы могил редки (овальная, подтрапцевидная). Их размеры определялись при захоронении возрастом, полом умершего, а также количеством захоронений в них:

Размеры могил были скоррелированными с антропологическими данными (Покровское, Ижевск, Чепаниха). При этом выявлено следующее содержание показателей интервалов длины: 75-150 см — детские захоронения, 151-180 см — подростковые, реже взрослые, 181-120 см — взрослые с преобладанием женских, встречаются и подростковые, 211-240 см — взрослые обоего пола, 241-271 см — мужские захоронения, реже женские, 271-300 см — одиночные взрос-

* В работе использованы сведения 14 могильников (табл.1,1-14), материалы же других памятников приводятся выборочно

лые(преобладают мужские) и коллективные захоронения. По ширине погребений выявлено 4 интервала: 30-50 см - детские, подростковые захоронения, единично взрослые; 51-70 см - подростковые (редко детские), взрослые с преобладанием женских; 71-90 см — взрослые с преобладанием мужских, очень редко подростковые; 91 см и более (до 215 см) групповые, реже одиночные взрослые.

Графическая корреляция глубины погребений не позволила определить ее связи с полом, хотя можно предположить ее наличие.

Об этом свидетельствуют этнографические данные. Так, у язычников-удмуртов д. Калмияр Куединского района Пермской области существовала своя традиция при копке могилы: глубина ее для женщин была по грудь, для мужчин до пояса⁵. Можно лишь отметить, что на могильниках преобладала глубина в интервале 41-100 см (76,7%), хотя на Тарасовском могильнике достигала 260 см. Большая часть могил имела длину 181-270 см (71,1%), ширину 51-90 см (76,3%). Таким образом, для мазунинского населения характерны узкие, длинные, неглубокие прямоугольной формы могильные ямы (табл.3). При этом следует отметить, что обычно длина могилы намного превышает рост умершего. По данным этнографии это можно объяснить существованием среди южных удмуртов поверья: ноги покойника не должны прикасаться к стенке гроба, иначе на “том свете” жить будет тесно⁶. На могильниках преобладали одиночные захоронения (93,8%), причем это были в основном погребения взрослых. Дети и подростки составляли от 10 до 34,1% захоронений. В ряде погребений Чепанихинского и Покровского могильников обнаружены младенцы в возрасте до 1,5 года (2,4% от общего числа детей). При этом не следует забывать, что смертность среди них была наиболее высокая — 50-60%⁷. Чем же объяснить это кажущееся несоответствие? В.Ф. Генинг связывал отсутствие захоронений младенцев с особыми представлениями о свойствах их души⁸. Это предположение подтверждают материалы этнографической экспедиции НИИ при Совете Министров УАССР 1971 года, которая зафиксировала существование у удмуртов-язычников специального кладбища — Нимтэм-шай (безымянное кладбище), где хоронили детей, не имевших еще имени⁹.

Обнаружено незначительное число групповых погребений (табл. 2; 6,2%). Среди них преобладают парные захоронения (70%): двое мужчин, две женщины, женщина и мужчина, мужчина и ребенок, женщина и ребенок. Тройные же погребения чаще всего состоят из захоронений мужчины, женщины и ребенка в возрасте 7-16 лет.

Имеются случаи захоронения двух мужчин и женщины. В шести могильных ямах обнаружены 4-5 умерших. Такого рода захоронения можно связать лишь с несчастными случаями, уносившими из жизни целые семьи. Не случайно следов насильственного умерщвления в коллективных захоронениях не обнаружено.

Почти во всех могильниках зафиксированы остатки гробов (16% от общего числа захоронений), количество их достигает трех в одной могиле (Нива, погр.113, 150). По своим конструктивным данным большая часть находок приходится на гробы-колоды (57 случаев) и только 21 на гробы-ящики. Долбленные колоды имеют трапециевидную форму при высоте стенок до 30 см, гробы-ящики, сложенные из досок, — прямоугольную. Незначительная часть гробов-колод имеет дополнительные элементы: на торцах, против концов или несколько отступая от них (5-20 см), вставлены, либо положены сверху, перекладины из досок или жердей. На них, вероятно, укладывали крышку. Таким же образом были установлены перекладины и в гробах-ящиках. Среди всех найденных гробов Нивского, Сайгатского и Мазунинского могильников преобладают гробы-колоды, а в Ижевском — гробы-ящики. На Усть-Сарапульском могильнике найдены гробы обеих конструкций¹⁰. Размеры гробов зависели от роста и возраста умершего. Их средние размеры следующие: Нива — 160,4×45 см, Сайгатка — 172×45 см, Ижевск — 200×45 см, Усть-Сарапулка — 177×55 см. Средние размеры всех гробов из могильников культуры равны 178×48 см. Следует отметить, что ни в одном погребении не обнаружены гвозди или еще какие-либо приспособления для скрепления при изготовлении гроба-ящика, что, возможно, связано с существованием определенного отношения к магическому значению металлических вещей (гвоздей). Так, среди современных удмуртов-язычников Куединского района Пермской области в д. Кечтака, Барабан, Кыпчак существовал запрет на гвозди в изготовлении гробов¹¹. В этих же деревнях жители умели делать гробы из половых досок в самой могиле. Ранее считалось, что положение умершего в гроб было характерно для большинства погребений, но не зафиксировано вследствие плохой сохранности дерева¹². Нам думается, что утверждать подобное при имеющемся материале неправомерно. Так, на Покровском могильнике при относительно хорошей сохранности ткани, бересты, гробы обнаружены только в 26 погребениях (7%). То же самое можно наблюдать и в юго-западной части Ижевского могильника, где также хорошо сохранились органические вещества. Видимо были другие способы изоляции покойного

от контакта с землей (луб, береста, ткань). Так, остатки древесной коры фиксируются в 6,8% погребений Красноярского могильника¹³. О наличии луба в могиле свидетельствуют и материалы этнографической экспедиции: у язычников-удмуртов д. Союз Пермской области “гробы не делают, умершего кладут в лубок, где стелют шерсть”¹⁴.

Одной из важных составных частей погребального обряда является состояние и положение останков погребенного, которые всегда предусматривались, пусть даже символически. Но эта обязательная составляющая часть обряда обычно плохо фиксируется. Из всех известных видов захоронений обычай трупоположения является единственным во всех могильниках исследуемой культуры. Из пяти обнаруженных положений умерших господствует положение “вытянутого на спине” (98,3%). Прочие виды: на спине с едва согнутыми ногами, на боку, на животе, расчлененно — встречаются единично. В расположении рук погребенного выделяются 11 вариантов (табл.4). У большинства умерших руки расположены вдоль тела (83,5%). Такое положение рук встречалось как в мужских, так и в женских захоронениях всех возрастов. При определении зависимости других положений рук от пола и возраста умершего на основании половозрастной характеристики выявилось следующее:

руки едва согнуты в локтях — встречались в детских, мужских захоронениях всех возрастов, а в женских — только у молодых в возрасте 18-30 лет;

правая рука вдоль тела, левая согнута в локте — в мужских и женских захоронениях умерших в возрасте 20-45 лет;

левая рука вдоль тела, правая согнута в локте — в основном в женских захоронениях, реже в детских и мужских;

положение рук на животе — характерно для взрослых женщин, реже мужчин 40-60 лет.

Ориентировка умерших для каждого могильника была различна (табл.5). По нашему мнению, в определении ориентации относительно сторон света при захоронении большую роль играла река. Большинство погребенных расположено головой (49,7-100% от числа погребений с определенной ориентировкой), ногами (28-98,8%) к реке. Если на некрополе были захоронения только головой или только ногами к реке, то на нем господствовало лишь одно направление, а если и головой и ногами, то два (табл.5). Речная ориентировка погребений являлась характерной чертой и для предшествующих археологических культур (караабызской¹⁵, пьяноборской). Так, на могильнике Чеганда II 94,8% погребений было ориентиро-

вано головой к реке¹⁶. Только захоронения Покровского (IV-V вв. н.э.), Быргындинского (V в.) могильников лежали параллельно реке. Вероятно, в конце существования мазунинской культуры произошли какие-то крупные изменения в социальной структуре населения, отразившиеся в отношении к культу реки у части населения.

В названных могильниках преобладает западная ориентация погребений, что можно связать с культом солнца. Подобный элемент обряда зафиксирован у удмуртов-язычников Пермской области. В деревне Барабан “ориентир могилы берут по солнцу, хоронят так, чтобы лицо покойника смотрело на солнце”¹⁷, в деревнях Калмияр, Союз, Б.Гондыр — “головой к заходу солнца”¹⁸.

При изучении состава и положения в могиле погребального инвентаря нами взяты только массовые категории вещей. Особенностью погребального обряда является размещение большинства вещей при умершем не там, где они носились при жизни. Наличие жертвенных комплексов связано с проявлением этой особенности и считается одним из основных и характерных признаков данной культуры. Впервые этот признак применительно к памятникам мазунинской культуры был выявлен В.Ф.Генингом в 1958-1959 гг.¹⁹ Тогда он еще не получил своего нынешнего названия и формулировался следующим образом: “украшения костюма... почти всегда сложены в берестяной сосуд, стоящий у изголовья или у ног”²⁰. Позднее, в сборнике “Памятники мазунинской культуры” В.Ф.Генинг более подробно останавливается на происхождении и составе жертвенного комплекса. Исследователь называет его “остатками ритуального характера, связанными с культом тотема — предка рода”²¹. В то время ученый располагал небольшим количеством погребений с жертвенными комплексами (37), из них только по пяти захоронениям был определен антропологами пол. Все это не позволило дать его полную характеристику, выявить хронологическую эволюцию состава, территориальные особенности и т.д.

Позднее автором этих строк были тщательно изучены признаки, состав и место в погребальном обряде жертвенных комплексов²², для чего были использованы материалы 292-х захоронений с обнаруженными в них 296-ю жертвенными комплексами (19% всех захоронений). Анализ их признаков с использованием данных антропологии, хронологии и топографии (табл. 6, 7) позволил нам сделать следующие выводы:

1. Жертвенный комплекс — это скопление не менее двух категорий вещей, уложенных в берестяной туесок, поставленный в определенное место при умершем.

2. Вещи, уложенные в туесок, являются личными вещами покойного, а не дарами ему.

3. Обычай класть вещи в виде жертвенного комплекса имеет наибольшее распространение в женских захоронениях, реже в мужских (в удмуртской группе памятников — 2,4%).

4. Положение жертвенного комплекса у головы на всех памятниках культуры является господствующим (76,3%, табл.7).

5. Состав жертвенного комплекса постоянно изменялся как в качественном, так и в количественном отношении.

6. Гривны, головные украшения, остатки пояса, мелкие орудия труда, ожерелья из бус и пронизок встречаются только в женских захоронениях.

7. Бусы, височные подвески, браслеты, подвески, пронизки, остатки поясов входят в состав жертвенного комплекса на протяжении всего периода существования мазунинской культуры и во всех ее локальных группах.

8. В удмуртской группе памятников наибольшее распространение в составе жертвенного комплекса имеют мелкие орудия труда (81%) и фибулы (87%), а также ожерелье из бус и пронизок.

9. В башкирской локальной группе фибулы появляются лишь в V в., а височные кольца характерны для жертвенных комплексов только этой части памятников мазунинской культуры.

Появление жертвенных комплексов в погребальном обряде мазунинской культуры — явление качественно новое, но отдельные его элементы уже имели место на памятниках предшествующих культур. Нахождение вещей, прежде всего украшений одежды, при погребенном не там, где они носились при жизни, зафиксировано на некрополях караабызской культуры. Так, на Охлебининском могильнике в десяти погребениях (8,7%, погр. 8,21,24,30,39, 69,74,84,92,99) в ногах умершего положены украшения одежды (ременные подвески — “портупей”, трапезиевидные подвески, бляшки, обоймы)²³. У головы, с левой стороны, найдены накладки, бусы, пряслице в погр. 8 Шиповского могильника²⁴. Один из исследователей караабызской культуры А.Х.Пшеничнюк приходит к следующему выводу: “обычай класть в могилу предметы украшений рядом с умершим возникает у караабызских племен в еще III-II вв. до н.э. и окончательно оформляется уже на рубеже нашей эры”²⁵. При этом он отмечает следующий, заслуживающий внимания факт: размещение большого количества бронзовых украшений в ногах характерно только для женских погребений²⁶, что получает дальнейшее развитие в мазунинские времена.

Зарождение обычая класть украшения у головы, шеи, ног или на груди наблюдается в могильниках пьяноборской культуры (Чеганда II, Ныргында II, Кушулевский III, Ново-Сасыкульский) в погребениях II в.н.э.²⁷ Исследователь этой культуры Б.Б. Агеев считает, что подобное “неправильное” положение вещей должно иметь ритуальный смысл²⁸.

Еще в 1968 году один из ведущих исследователей памятников раннего средневековья Н.А.Мажитов писал об уникальности жертвенных комплексов, а появление их на Вятке в погребениях азелинской культуры считал итогом тесного контакта с населением бахмутинской культуры²⁹. В последние десятилетия в результате новых археологических исследований были выявлены жертвенные комплексы на памятниках других культур финно-угорского мира (азелинская, ломоватовская, ванвиздинская, городецкая, полумская и т.д.). Для каждой из них он уникален, неповторим в единстве всех признаков, характеризующих его. “Мода” на жертвенные комплексы появляется на памятниках Среднего Прикамья и Западного Поволжья одновременно (III-IV вв.), но наибольшее распространение получает в могильниках мазунинской культуры (19%, если включать данные Тарасовского и Афонинского могильников — 26,3%).

Наличие ножей в погребениях является одной из важных черт погребального обряда населения мазунинской культуры, хотя обычай положения их в могилу нельзя считать своеобразием этой части населения. Захоронения умерших с ножами характерны для погребальных памятников всех культур раннего средневековья Поволжья и Урала. На огромной территории финно-угорского мира в I тыс.н.э. нож имел особое значение в погребальном обряде. Такое же явление наблюдается и на могильниках мазунинской культуры, где ножи были найдены в 41% захоронений. Зафиксировано 6 вариантов их расположения. Чаще всего они лежали на поясе (75,4%) как в женских, так и в мужских захоронениях. Обнаружено небольшое количество погребений с ножами у головы (6,1%), в жертвенном комплексе (5,4%), у ног (8,3%), у рук (4,5%), на груди (0,3%). Размещение ножа у головы встречается в женских и мужских захоронениях. Ножи лежат у ног в мужских, в 2-х случаях в ножнах — в женских захоронениях и только в женских — в жертвенных комплексах и у рук. В последнем случае они чаще всего находились в ножнах.

В хронологическом плане наблюдается тенденция роста значения обычая положения ножа в могилу. Если на ранних могильниках (Чепаниха, Сайгатка, Ангасяк, Мазунино) или на памятниках с

преобладанием ранних погребений (Нива, Ижевск) процент захоронений с ножами составлял 18,3-40,6%, то в поздних могильниках – 37,5-65,0%. Из этого следует, что обычай размещения ножа в области пояса был характерен для населения мазунинской культуры, как и для всего уральского финно-угорского мира в I тыс. н.э. Истоки этой традиции фиксируются на памятниках местных культур данного региона.

Для могильников эпохи раннего средневековья Приуралья характерно наличие в погребальном инвентаре поясов (табл.8). В мазунинских погребальных памятниках остатки поясов (пряжки, накладки, наконечники ремней, бляхи, петельные застёжки, всего выделено 13 видов поясов, рис.2) найдены при 676 костяках. Если для погребального обряда предшествующих культур (пьяноборской и карабызской), характерно положение пояса на животе³⁰, то в мазунинских могильниках фиксируется многообразие в размещении пояса при умершем: вдоль тела, справа или слева (60,6%), на теле (вдоль, справа налево и наоборот – 12,1%), в жертвенном комплексе (4,5%), поперек ног и между ними (2%). И лишь 20,8% поясов зафиксировано на животе. На материале 157 захоронений с определенным антропологами полом выяснилось, что расположение пояса вдоль тела встречалось одинаково часто как в мужских, так и в женских захоронениях. Такое явление наблюдалось и в погребениях с поясами на животе, на теле, на ногах умерших. Только в женских захоронениях они входили в состав жертвенных комплексов. Положение пояса на животе мы связываем с сохранением погребальных традиций населения предшествующих археологических культур. В погребениях IV-V вв. наряду с вышеописанными вариантами расположения поясов фиксируются еще дополнительные пряжки на животе (12 сл.). Эти факты можно связать с другим назначением пряжек, например, для подвешивания ножен. В погребальном обряде мазунинского населения прослежена тенденция к усилению значения обычая сопровождения умерших поясами: в ранних могильниках они обнаружены в 25-43,2% захоронений, в поздних – 42,8-61,6%. Итак, пояса играли большую роль в погребальном обряде мазунинского населения. Характерно их расположение не так, как носили при жизни. Это отличает погребальный обряд населения мазунинской культуры от предшествующих (пьяноборская, карабызская) и синхронных ей соседних культур, хотя на могильниках пьяноборской культуры, как отмечают исследователи, данный факт уже фиксируется в ряде погребений³¹.

Височные подвески найдены на всех могильниках (табл.9), хотя процентное соотношение в каждом из них колеблется от 4,8 (Старо-Кабаново) до 37,5 (Ангасяк). Они обнаружены в жертвенных комплексах (73,4%), у головы (19,1%), реже выше головы (3,2%), у левого плеча (1%), у правого бедра, на животе (2,5%), ниже ног (0,8%). В одном погребении подвески встречаются по одному (32,6%), два (47,6%), три (18,2%) экземпляра. Если количество височных подвесок в составе жертвенного комплекса могло быть различным (1-8 экз.), то в других положениях обычно составляло 1-2 экземпляра. Из 85-ти захоронений с височными подвесками, с определенным антропологами полом, только 10 были мужскими (11,7%, Ижевск, Покровское, Бирск), а остальные — женскими. В Покровском могильнике число височных подвесок в мужских захоронениях всегда равнялось двум, в Ижевском и Бирском — 2 или 4 экз. Таким образом, количество подвесок при умершем определялось полом (в основном встречались в женских захоронениях), территориальным расположением могильника и не превышало 8 экземпляров.

Бусы обнаружены в 479 захоронениях (31,2%). Зафиксировано пять основных положений бус (табл.10). Большинство находок найдено в составе жертвенных комплексов (43,4%), у головы (25,5%). В последнем случае бусы являлись, вероятно, украшением шеи, прически, головного убора. Находки бус на животе, груди (11%), у рук (4,2%, у ног (15,9%) указывают на то, что ими могли украшать одежду умершего (на груди, по рукавам, подолу, штанам), а также обувь или ножны. Бусы входили в состав жертвенных комплексов, преимущественно в женских (опр. 37 погр.), изредка в мужских погребениях (опр. 3 погр.). Следует отметить, что бусы размещаются у головы и рук только в женских и детских захоронениях, у ног и на животе — только в мужских. Наибольший процент погребений с бусами приходится на Мазунинский, Бирский, Югомашевский, Малокачаковский могильники (34-64,8%).

Фибулы найдены почти во всех могильниках, за исключением двух ранних памятников (Чепаниха, Ангасяк) и двух недостаточно изученных могильников (Каратамак, Мало-Качаково). Фибулы встречаются в составе жертвенных комплексов (49%), на груди (39,7%), у левого или правого плеча (6%), у головы слева (2%), справа (2%), у бедра (1,3%). Среди 45 погребений с фибулами Ижевского и Покровского некрополей, имеющих половозрастные определения, только 4 захоронения оказались мужскими, а остальные — женскими. Если в Покровском могильнике фибулы в основном входят в состав жертвенных комплексов (75%), то в Ижевском лежат на груди (78%).

Итак, обычай положения фибул в могилу был наиболее распространен при захоронении женщин на Мазунинском, Ижевском, Покровском, Сайгатском, Усть-Сарапульском, Старокабановском могильниках (10,2-19,9%, рис.3). Все эти могильники расположены на территории современной Удмуртии или вблизи от нее. На других памятниках культуры эта часть обряда или отсутствовала, или составляла небольшой процент (2,5-9%).

Предметы вооружения на могильниках встречаются крайне редко. Наконечники стрел (5,2%) обычно размещали у ног умершего (79%); мечи, имеющие место только в некрополях удмуртской группы, всегда лежали вдоль тела с левой стороны (1,8%). Вместе с мечами обычно в ногах укладывали удила. Наконечники копий встречаются в основном в башкирской группе памятников (3,3%), располагались у ног (70,3%) или головы (29,7%) умершего. Единичны находки топоров (1,9%), кос (1%) и серпов (0,4%). За небольшим исключением обнаружены в основном на территории башкирской группы памятников. Эти крупные орудия труда укладывали обычно у тела (у головы, рук, ног) умершего. Обычай размещения топоров, кос, серпов в погребении не является характерным для погребального обряда населения мазунинской культуры. Их небольшое число (менее 7%) не дает право относить их даже к разряду территориальных особенностей культуры.

В незначительном количестве погребений (2,7%) обнаружены глиняные сосуды, в основном малых размеров. В могильниках они встречаются обычно в 1-2 погребениях и располагаются у головы умершего, реже входят в состав жертвенного комплекса. Кроме целых сосудов в заполнении погребений и в грунте межмогильного пространства на Нивском и Красноярском могильниках обнаружены фрагменты битой посуды. Особенно много подобного керамического материала обнаружено О.А.Казанцевой на Красноярском могильнике (40,6% мазунинских погребений)³², расположенного на довольно значительном расстоянии от основной территории мазунинской культуры. Оба указанных могильника располагаются на восточной окраине территории культуры и значительный удельный вес находок керамики в погребальном инвентаре является, очевидно, их локальной особенностью. Подобную картину возрастания роли керамики в погребальном обряде наблюдали исследователи и на памятниках пьяноборской³³, карабызской³⁴ культур. Здесь на могильниках также зафиксировано незначительное число погребений с керамикой, господство сосудов малых размеров, нахождение их в изголовье,

частые находки сосудов на определенной территории (в южных памятниках).

Не имеют погребального инвентаря (7,1)12,2-36,6% погребений могильников (рис.26). На Нивском и Красноярском могильниках для безынвентарных погребений выделено особое место на площадке. Таким образом, погребальный обряд населения мазунинской культуры представляет собой стройную систему сочетания основных категорий признаков. Ими являются:

1. Все могильники грунтовые, находятся на господствующей части местности, у рек.

2. Погребальные сооружения — узкие, длинные, неглубокие, без дополнительных конструкций, прямоугольные ямы.

3. Умершие лежат вытянуто на спине, руки уложены вдоль тела.

4. Ориентировка умерших определяется рекой.

5. Состав погребального инвентаря (бусы, височные подвески, гривны, браслеты, фибулы, предметы поясной гарнитуры, мелкие орудия труда) определяется полом, возрастом и социальным положением умершего.

6. В системе расположения инвентаря в могиле выделяются две тенденции. Первая — вещи размещены при костяке так, как их носили при жизни (нащиты на одежду, головной убор, обувь, прикреплены к прическе, ремню, привешены на шею, грудь и т.д.). Вторая — сопровождающий только съемный инвентарь лежит в необычных для него положениях. В размещении погребального инвентаря последняя тенденция превалирует и проявляется в наличии жертвенных комплексов, представляющих собой своеобразную и неповторимую систему положений вещей, отличную от аналогичных систем других культур; в размещении поясов на теле умершего и т.д.

7. Отсутствие погребального инвентаря в 1/10-1/3 числа погребений могильников культуры.

Итак, погребальный обряд, зафиксированный на могильниках мазунинской культуры, представляет собой цельную и специфическую для данной культуры систему действий по заботе об умершем.

¹ Никитина Г.Ф. Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. М.: Наука, 1974. С.58.

² Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАН. Вып. 13. Свердловск, 1975. С.44; Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа //

КСИА. Вып. 148. 1976. С.18; Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции // КСИА. Вып.148. 1976. С.24.

³ Емельянов А.Н. Курс по этнографии вотяков. Казань. Вып. III. 1921. С.10; Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 141-142.

⁴ Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект... С.19.

⁵ Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов... С. 137.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. №46. 1956. С.23.

⁸ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып.10. Свердловск-Ижевск, 1970. С.116.

⁹ Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов... С.138.

¹⁰ Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С.29.

¹¹ Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов... С.135; Отчет этнографической экспедиции за 1971 год // Архив НИИ при Совете Министров УАССР (ныне УдМНИИЯЛ УрО РАН). Дело №176. С.425, 429, 438.

¹² Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып.7. Свердловск-Ижевск, 1976. С.14,18.

¹³ Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С.48-59.

¹⁴ Отчет этнографической экспедиции за 1971 год... С.209.

¹⁵ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.V. Уфа. С.241.

¹⁶ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С.27, табл. 3.

¹⁷ Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов... С.139; Отчет этнографической экспедиции за 1971 год... С.189.

¹⁸ Отчет этнографической экспедиции... С.201, 209-211.

¹⁹ Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. С.79-80; Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН. Серия гуманитарных наук. Т.II. Казань, 1959. С.202.

²⁰ Генинг В.Ф. Очерк этнических культур... С.202.

²¹ Генинг В.Ф. Мазунинская культура... С.16.

²² Останина Т.И. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III-V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С.80-84.

²³ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С.93-103.

²⁴ Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. - III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 88.

²⁵ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.178.

²⁶ Там же. С.178.

²⁷ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С.25.

²⁸ Там же. С.25.

²⁹ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. С.25-26.

³⁰ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.178; Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С. 28-29.

³¹ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура... С.26; Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.178.

³² Казанцева О.А. Красноярский могильник... С.45-59.

³³ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура... С.23.

³⁴ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.188.

2. Классификация погребального инвентаря

Общая классификация погребального инвентаря могильников мазунинской культуры ранее не производилась. Как правило, исследователи рассматривали материалы одного¹ или небольшой группы памятников² по-отдельности. Проведение в 1970-80-е годы значительных по масштабу исследований мазунинских могильников существенно пополнило базу источников по истории населения Среднего Прикамья III-V вв. И поставило задачу пересмотра ранее разработанных схем систематизации полученных материалов. В нее вошли все сохранившиеся остатки деятельности населения III-V вв. на территории Среднего Прикамья как местного производства, так и привозные. Подобный подход к изучению материальных остатков археологической культуры получил в литературе определение “комплексный”³. Для характеристики погребального инвентаря нами были использованы материалы 13 могильников: Мазунинского, Нивского, Ижевского, Чепанихинского, Покровского, Сайгатского, Усть-Сарапульского, Ангасякского, Югомашевского, Старокабановского, Каратамакского, Бирского (73 погребений IV-V вв.), Бахмутинского (14 погребений V в.).

При выработке типологии различных категорий вещей мы исходили из определения “типа”, как устойчивого сочетания всех признаков. Отдельные признаки, такие как отличительные детали или размеры, позволили выделить варианты, разновидности предметов данного типа. При классификации учитывались только хорошо сохранившиеся предметы, дающие представление о форме, размерах и т.д. Всего типологическому анализу было подвергнуто 39 категорий предметов, составляющих около 30 тыс. находок погребального инвентаря.

Нами предлагается системная классификация массового материала и описание единичного по следующей схеме: украшения головы, шеи, рук, одежды, бусы, поясная гарнитура, орудия труда и оружие, прочее, керамика.

I. Украшения головы, шеи, рук. К ним относятся височные подвески и кольца, перстни, браслеты, наконечники, гривны, ожерелья из бус и пронизок.

Височные подвески (табл.11) имеют одинаковую форму: прямой стержень, верхний конец которого имеет крючок, а нижний - замкнутое кольцо (рис.4,1-7). На стержень некоторых подвесок

нанизывалась стеклянная бусина, бронзовая или железная пронизка. Подобный вид украшений известен в литературе как височные подвески “мазунинского” или “бахмутинского” типа, реже “подвески в виде знака вопроса”⁴.

Ряд исследователей считает, что нижним концом височной подвески являлся крючок, “куда в свое время, видимо, прикреплялись какие-то дополнительные, не сохранившиеся украшения”⁵. Накопленные в последнее время археологические материалы не подтверждают это мнение, о чем свидетельствуют следующие факты.

—Обнаружение в погр.68 Ангасякского могильника височных подвесок, крепившихся к кожаному ремешку головного убора с помощью крючка (рис.4,8).

—Расположение напускной бусины всегда фиксируется около кольца. Если ее основная функция - украшение конца подвески, то она должна быть вмонтирована у крючка, чего нет в действительности.

—Фиксация случаев ремонта крючка, что не имеет смысла, т.к. украшения из органических материалов (“не сохранившиеся украшения”) легко можно было бы закрепить за неровную (витая проволока) поверхность стержня.

Выделяется три вида техники изготовления подвесок: 1) загибание в кольцо и в крючок концов бронзового, реже железного, округлого в сечении проволочного стержня; 2) переплетение согнутой пополам бронзовой проволоки (техника витья); 3) навивание на железную или бронзовую основу тонкой, узкой, иногда подграженной, бронзовой пластины (техника навивки).

Височные подвески при исключительном однообразии формы различаются лишь по размерам. Изучение параметров серии подвесок выявило зависимость длины стержня от диаметра кольца. На раннем этапе происходил рост длины стержня за счет крепления дополнительного колечка, 8-образной и S-овидной подвески. Несоответствие между диаметром кольца и длиной стержня снималось древними мастерами путем увеличения размера кольца. На основе изменений размеров, в первую очередь кольца, нами выделено 3 эволюционно-хронологических ряда — 3 варианта.

Вариант 1. Височные подвески с диаметром кольца меньше или равным 2,5 см (рис.4,1-3), длина стержня находилась в пределах 2,3 - 6,5 см. Большинство височных подвесок изготовлены в первой технике из простого стержня. Незначительное их число выполнено

техникой витя и навивки.

Вариант 2. Височные подвески диаметром кольца больше 2,5 см, но равным или меньшим 3,5 см (рис. 4,4-6). Имеют стержень длиной 3,3 - 6,7 см, но чаще всего встречаются подвески длиной от 5 до 6,5 см. Для них характерно бытование всех трех способов изготовления, но преобладает второй и третий.

Вариант 3. Височные подвески диаметром кольца более 3,5 см (рис. 1,7), длиной стержня - 5,0 - 8,5 см (большинство имеет длину 5,4 - 7,0 см). Господствует техника навивки, чаще всего железный стержень был обмотан бронзовой граненой пластиной.

Височные кольца (табл. 12) выполнены из железной или бронзовой проволоки круглой, реже овальной или овально-подграненной в сечении. Коррелирование колец по размерам (их диаметр равен 1,3 - 5,0 см) не выявило каких-либо закономерностей. В одном и том же погребении лежали кольца очень малых и больших размеров, что связано с традициями их ношения у висков в виде составных украшений. Так, в Старокабановском могильнике (погр. 20) три височных кольца были сцеплены друг с другом в порядке увеличения их диаметра. Судя по расположению относительно головы умершего, большими кольцами они крепились к прическе или к головной повязке, а кольца малых размеров располагались внизу (рис. 15, 20, 21). Анализ соотношения концов колец выявил 4 варианта височных колец.

Вариант 1. С заходящими друг за друга концами от пологоборта до незначительного соприкосновения на 1-3 мм (опр. 39 экз., рис. 4,9-10).

Вариант 2. С разомкнутыми концами на расстоянии от 0,1 до 1,0 см (опр. 37 экз., рис. 4, 11, 12). Все они большого диаметра от 2,5 до 4,6 см. Оба варианта иногда имеют дополнительные украшения: каплеобразную подвеску (рис. 4, 11; 15, 21); колечки-пронизки (рис. 15, 21; 25, 12), колоколовидную или S-овидную (рис. 8, 16) подвески. Только височные кольца варианта 2 снабжены крупной бусиной (8 сл., рис. 4, 12; 25, 13).

Вариант 3. С соединяющимися при помощи петли и кольца концами (опр. 11 экз., рис. 4, 13; 15, 19). Кольца изготовлены из тонкой (0,1 - 0,2 см) проволоки и снабжены бусинами от 3 до 16 экз. Диаметр проволочных колец значителен (3,0 - 5,0 см), поэтому часто археологи относят их к браслетам. Но из-за нанизанных на кольца бусин, их можно было надеть на руку только сильно разогнув

концы, что при небольшой толщине проволоки приводило бы к ее быстрому перелому. Даже если бы такой “браслет” удалось надеть, то из-за больших размеров бус он охватывал бы только менее 2/3 окружности руки. Петля и крючок оказывались в данном случае функционально лишними. Устройство колец данного варианта (петля и крючок, застегнутые в замок), большое количество ярких бус, относительно малые размеры изделий, их размещение у висков свидетельствуют о том, что это были височные украшения, которые легко можно прикрепить к прическе или к кожаному ремешку головного убора.

Вариант 4. Височные кольца с замкнутыми концами (опр. 3 экз.), выполненные из железной (рис. 15, 22), бронзовой (рис. 4, 14) проволоки, имеют диаметр 3,0 - 4,4 см. Крепили их к вискам с помощью кожаного, продетого через кольцо, ремешка. Кольца единично встречаются в могильниках удмуртской группы в погребениях только IV в.* Там они составляют 11% всех подобных находок. Широкое распространение колец на могильниках современного Башкортостана (Югомашево, Бирск, Ст.-Кабаново, Бахмутино, Каратамак) неслучайно. Подобный вид украшения был унаследован от населения предшествующей карабызской культуры, в погребениях которой височные кольца обычно встречаются по два экземпляра⁶.

Головные украшения (60 экз.) в виде остатков металлической основы кольчужного плетения (накосники) по сложности и числу сохранившихся дополнительных элементов подразделены на 5 вариантов.

— Сетка из железных, реже бронзовых колец. Последние располагаются всегда в нижней части железной сетки (26 сл., рис. 4, 16; 31, 12). Размеры “спекшихся” от коррозии кусков сетки достигают 10×8 см. Нашивалась она на толстую ткань (платок?), отпечатки которой обнаружены в Покровском могильнике (погр. 317).

— Сетка из железных (бронзовых) колец и 8-образных бронзовых подвесок, крепившихся в нижней части накосника (9 сл., рис. 31, 11). Этот вариант очень близок предыдущему, здесь бронзовые кольца заменены 8-образными подвесками.

— Сетка из железных, реже бронзовых колец, соединенная с налобной повязкой (8 сл., рис. 4, 15, 17). Кожаная подвязка достигала

* Датировка погребений в этом и последующих случаях основана на данных главы “Периодизация и датировка памятников мазунинской культуры”.

длины 33 см и ширины 2 см. Ее украшали бронзовыми сферическими бляшками, иногда плоскими бляхами, пронизками, подвесками (рис. 31, 3-6, 9, 10, 12).

— Сетка из железных колец и подвесок (каплеобразные, якорьковидные, подвески-уточка, трапециевидные; 8 сл., рис. 73, 1, 2, 4, 6).

— Сетка из железных, реже бронзовых колец, и цепочек по бокам (опр. 9 сл., рис. 73, 8). Кроме основных компонентов (сетка, цепочки) в состав головного убора могли входить и подвески, даже поясные накладки.

Сложные головные уборы с наконечниками встречаются преимущественно у населения, хоронившего умерших на Покровском (43 экз.), Старокабановском (6 экз.), Ангасякском (5 экз.), Усть-Сарапульском (3 экз.) могильниках. На других памятниках их находки единичны.

Гривны (табл. 13) по своим конструктивным особенностям делятся на два основных типа.

ТИП 1. Бронзовый дрот (в шести случаях железный), загнутый в кольцо (опр. 78 экз.). Концы завершаются крючками-петлями, которые зацепляются друг за друга (рис. 7, 1, 3). Изредка для крепления пробивали отверстие на одном специально расплюсненном конце (рис. 7, 2), подобно гривнам Нармонского могильника⁷. Часть гривен из Покровского и Сайгатского могильников была украшена крупными стеклянными бусами (1-3 экз.) и пронизками, что часто наблюдается в материалах могильников азелинской⁸ и древнемордовской⁹ культур. Две гривны Покровского могильника (погр. 71, 147) имели имитацию навивки (рис. 32, 5).

Гривны этого типа могли быть как нагрудным, так и шейным украшением в зависимости от соотношения концов: при значительном их захождении друг за друга - шейным (диаметр равен 9,1 - 14,1 см), при их смыкании, что чаще всего встречается, - нагрудным (здесь был прав В.Ф.Генинг, считавший, "что гривны чаще всего служили не шейным украшением, а нагрудным"¹⁰). Гривны из погр. 7, 117 (Покровское) имели один разогнутый конец, а из погр. 40 (Ст.-Кабаново) гривна была полностью разогнута в прямую линию и сломана. Факты специального выпрямления гривен не раз фиксировались в погребениях пьяноборского могильника Чеганда II¹¹. Гривны первого типа были широко распространены на памятниках раннесредневековых культур, расположенных к западу от мазунинской территории. Они встречались и в погребениях II в. н.э. предшествующей "мазунино" - пьяноборской культуры¹².

ТИП 2. Железный дрот, загнутый в кольцо, с навитой узкой бронзовой пластиной или проволокой (опр. 36 экз.). Иногда подобного типа гривны украшались крупными бесцветными и (или) светло-зелеными бусами (рис. 33, 1) или бронзовыми кольцеобразными пронизками. Судя по отдельным находкам целых гривен, крепления концов были аналогичны вышеописанным гривнам I типа.

В единичных экземплярах обнаружены в могильниках бронзовые гривны: круглопроволочные с округлыми концами (рис. 5, 11), плоские серповидной формы (рис. 7, 4), из трех перевитых проволок с замком из расплюснутых петель (рис. 7, 5).

Число гривен в ранних погребениях могильников культуры незначительно (0,9-1,9%), что свидетельствует об их непопулярности среди населения. Они получают широкое распространение лишь в поздних могильниках западной и центральной частей территории культуры (Югомашево, Ст.-Кабаново, Покровское; 7,1-16,8%). Гривны найдены лишь в женских захоронениях, где они обычно встречаются по одному экземпляру, хотя в ряде погребений Покровского могильника их число доходило до 2-3. В последнем случае гривны входили в состав жертвенных комплексов.

Ожерелья из пронизок, бус и пронизок (50 экз.) являются оригинальными украшениями в погребальном инвентаре могильников культуры, хотя число их находок незначительно (3,6%). Большая часть подобного вида украшений обнаружена в удмуртской группе могильников (47 экз.). Они представляют собой тонкую кожаную полоску (реже тонкую проволоку или толстую нить), на которую нанизаны бронзовые спиральновитые или железные трубочки-пронизки, чаще всего встречающиеся с бусами шарообразной или кольцеобразной формы (3-8 экз., рис. 27, 4, 10). В ряде случаев в ожерелье включались зонные, биконические бусы и бисер. В погр. 247 Покровского могильника кроме обычных элементов ожерелья на нить были нанизаны фрагменты других предметов (цепочки, поясные накладки) и подвески (8-образные и каплеобразные). При изготовлении ожерелья мастера использовали чаще всего спиральновитые пронизки, реже — кольцеобразные и цилиндрические.

Браслеты сделаны из железа и бронзы (табл. 14). Материал, форма сечения дрота и концов браслетов позволили разделить их на типы и варианты.

ТИП 1. Железные круглопроволочные (опр. 48 экз.), иногда с имитацией навивки (2 экз.), подразделены на 4 варианта.

- В виде замкнутого кольца диаметром 6,6 - 7,6 см (рис. 9,27,29).
- С расширенными концами в форме трапеции (рис.10,1), круга (рис.10,4), сердечка (рис.9,28). Концы могут противостоять друг другу или же заходить друг за друга на полтора оборота (рис.10,1).
- С отвесными, резко рубленными, заходящими друг за друга концами (рис.20,1).

– С округлыми противостоящими концами (рис.38,3).

ТИП 2. Железные пластинчатые, имеющие в сечении прямоугольную или вытянуто-овальную форму (опр. 17 экз.), двух вариантов.

– С расширенными концами в виде треугольника (рис.11,4), круга, сердечка (рис.11,2,3). Браслет из Мазунинского могильника (погр.41) имеет двойное расширение в виде подпрямоугольных уступчиков и сердечка (рис.11,2). Концы браслетов этого варианта расположены друг против друга.

– С округлыми концами, противостоящими друг другу (рис.10,10). Браслет из Нивского могильника - двухвитковый (рис.10,2).

ТИП 3. Бронзовые круглопроволочные, в том числе едва огранные (опр. 48 экз.), трех вариантов.

– С отвесными, резко рубленными концами (рис.10,3,5).

– С округленными концами, в двух случаях они и заужены (рис.10,6,7), в одном – утолщены (рис.10,13).

– С расплюснутыми (расширенными) концами (рис.11,39;20,7). Концы ряда браслетов последних двух вариантов были украшены насечками в виде елочки (рис.20,7) или схематичным изображением змеи (рис.10,13), или едва заметным геометрическим узором (рис.30,11). У браслетов всех трех вариантов концы могут противостоять друг другу или заходить друг за друга.

ТИП 4. Бронзовые пластинчатые, с прямоугольным сечением дрота (опр. 10 экз.), двух вариантов.

– С отвесными, резко рубленными концами (рис.10,8,9,11,12).

– С округлыми концами (рис.10,14). В обоих вариантах концы браслетов могли противостоять друг другу или заходить друг за друга. При датировке погребений с выделенными типами браслетов было выявлено, что самыми ранними на памятниках культуры являются браслеты типа 2, которые вместе с типом 1 получают наибольшее распространение в удмуртской группе памятников. Браслеты 3 и 4 типов имеют более позднее происхождение (IV-V вв.). Они обнаружены в основном в башкирских могильниках, хотя единичные находки фиксируются и в удмуртских памятниках (Покровское, Усть-Сарапулка, Ижевск).

Перстни — редкая находка в могильниках культуры (11 экз.). Сделаны они из узкой бронзовой пластины, загнутой в кольцо, концы которого соединены (рис.11,5), едва заходят друг за друга (рис.11,6), противостоят друг другу (рис.11,8). Перстень из погр. 10 (Ангасяк) — многовитковый (рис.11,7). Иногда они имеют расширение посередине или на одном из концов. Диаметр колец (1,2) 1,4 - 1,9 (2,1) см. В редких случаях край или шиток перстня украшался насечками (рис.11,7) или сеткой (рис.11,5).

II. Украшения одежды включают в себя пронизки, подвески, бляшки, накладки, фибулы, сюльгамы. Ряд категорий входят в данную группу вещей условно, как наиболее часто встречающиеся на одежде. Хотя многие из них могли быть и украшением головного убора, обуви.

Бляшки в большинстве своем выполнены из бронзы и только 5 бляшек круглой формы — железные (рис.5,3). Бронзовые бляшки по форме щитка и его сечению разделены на типы, а технике изготовления и способу крепления — на варианты (табл. 15).

ТИП 1. Умбоновидные, с шишечкой — умбоном в центре (7,0%).

Вариант а. Литые (35 экз., рис.4,18), выполнены в пьяноборской технике комбинированного литья. Диаметр 1,7-2,5 см (3,2 см). Все они крепились с помощью бронзового ушка, через которое продевался ремешок. Иногда были украшены насечками по краю (рис.4, 29).

Вариант б. Штампованные из тонкого бронзового листа (12 экз.). Диаметр 2,6-3,3 см. Крепились бляшки с помощью толстой нити или ремешка, продетых через 1-2 отверстия на поле, через железные или бронзовые ушки или отверстия, где когда-то был умбон. Украшались бляшки чеканкой по 2, 4, 5 рядов точечного орнамента (рис.4,19).

Бляшки 1 типа наибольшее распространение получили в удмуртской группе памятников (87,2%). На территории башкирской группы они встречены единично в погребениях IV-V вв. Если в ранний период своего существования умбоновидные бляшки служили в качестве составной части ремня (накладка, держатель бляхи-раковины), то в поздний — как детали нарукавных украшений или часть головного убора. В погребении чаще всего они входили в состав жертвенного комплекса.

ТИП 2. С выпуклой (полусферической) поверхностью (85,8%).

Вариант а. Литые (53 экз.), имеющие диаметр 1,3-2,3 см, выполненные техникой комбинированного литья (рис.11,44). Для крепления к одежде они были снабжены переключиной. По класси-

фикации пьяноборских бляшек, выполненной В.Ф.Генингом, они относятся к бляшкам средних размеров¹³. Край бляшки из Ангасякского могильника был украшен мелкими полугорошинами (рис.4,20), а из Старокабановского — насечками, имитирующими веревочный орнамент (рис.4,21), имеющий широкое распространение в ананьинско-пьяноборское время. В Старокабановском и Югомашевском могильниках найдены двойные бляшки (21 экз.; рис.4,28), аналогичные бляшкам из 105-го погребения Охлебининского могильника¹⁴.

Вариант б. Штампованные из тонкой бронзовой пластины (521 экз.). Выделяются четыре способа крепления бляшек этого варианта к ткани, коже: с помощью двух противоположащих отверстий, куда продевалась толстая нить (рис.4,22); одного крупного отверстия в центре (рис.4,23), отверстия в центре и двух противоположащих по бокам (рис.4,25); бронзового штыря, плотно продетого в центральное отверстие (рис.4,24).

Бляшки, крепившиеся первым способом, за некоторым исключением имеют малые размеры 0,7-1,4 см. Судя по их нахождению в большом количестве у головы умершего, они использовались для украшения головного убора. Бляшки, крепившиеся 2 и 3 способами, диаметром 1,1-2,0 см (0,7-1,0 см — 2 экз., Ангасяк) входили в состав головного убора или использовались для украшения рукояти или ножен для ножа, меча. Бляшки диаметром 0,6-1,2 см с 4-ым способом крепления украшали только обувь.

Таким образом, при изготовлении бляшек второго типа почти полностью господствует техника штамповки, получившая особенно большое распространение в IV-V вв., а литье бляшек, свойственное пьяноборскому¹⁵, караабызскому¹⁶ времени, сохранилось, в основном, на памятниках башкирской группы.

ТИП 3. Плоские круглые (4,8 %).

Вариант а. Литые (рис.4,26). Диаметр 1,8-3,0 см. Крепились с помощью одного-двух ушек сзади (рис.9,31).

Вариант б. Вырезанные из плоской бронзовой пластины, диаметром 0,7-4,4 см (рис.4,27). Крепились бляшки через отверстие в центре, а бляшка из Бахмутинского могильника имела еще три отверстия по краям (рис.37,11).

Бляшки 1-3 типов (литые) относятся к реликтовым вещам, бытовавшим на памятниках предшествующих “мазунино” археологических культур. Неслучайно еще в древности многие из них из-за длительного пользования уже имели плохую сохранность (отломлено ушко, сломан верх умбона, сколы).

ТИП 4. Ромбические, плоские в сечении (1,1 %), крепившиеся через отверстие в центре (рис.5,1; 67,9). Найдены в двух погребениях III в. Чепанихинского и Ижевского могильников.

ТИП 5. Квадратные, едва выпуклые (1,3%, рис.5,2), крепившиеся через отверстие в центре.

Итак, в погребальном инвентаре могильников культуры господствуют бронзовые бляшки 1, 2 типов, выполненные в технике штамповки (*вариант б*), единично встречаются литые бляшки, имевшие место в основном в башкирской группе памятников.

Застежки - фибулы. Материал, форма, конструкция, размеры позволили выделить три основных типа фибул местного производства, отличающихся “прикамским своеобразием” (табл.16).

ТИП 1. Бабочковидные (с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, прикамский вариант¹⁷, мазунинские) фибулы, отличающиеся оригинальностью в оформлении щитка под узор, сходный с крыльями бабочек (73,9%).

Орнаментальное поле состоит из трех частей: средней полосы шириной 1,3-3,0 см, ограниченной двумя линиями точек, а чаще всего двумя параллельными узкими возвышениями, и двух боковых полей — полукругов с симметричным орнаментом. Узор на щиток бронзовых фибул наносился техникой чеканки и состоял на каждом поле из 2-х полугорошин, вокруг которых располагались узкие выпуклые линии полуокружностей — валики, с различными узорами вокруг них (круги, прямые линии, полугорошины), выполненными точечным наколом. На фибуле из Ижевского могильника в центральной части одного поля вычеканено схематичное изображение фигурки человека, а на другом — всадника (рис.6,8). Вдоль центральной оси средней полосы — три полугорошины, окаймленные точечным орнаментом. Для большей прочности щиток фибулы укрепляли на коже, ткани, бересте, железе с помощью смолы или заклепок.

Коррелирование фибул по материалу, размерам и сложности рисунка позволило выделить пять вариантов.

Вариант 1. Фибулы округлой формы малых размеров, диаметр 4-6 см (2×3 см - Мазунино, погр.40). Узор на пластинчатом щитке очень прост и состоит в основном из линий точек и полугорошин, валики почти отсутствуют (8 экз., рис. 6,1,3,4). Средняя полоса едва намечена, чеканка нечеткая. Так, фибула из погр.50 Мазунинского могильника имеет едва заметную линию возвышения по середине (рис.6,1), а из погр.51 — узкие возвышения в виде замкнутых овалов,

симметрично расположенных на расстоянии 1,2 см друг от друга¹⁸. Часть фибул самых малых размеров имеет едва выпуклый щиток.

Вариант 2. Фибулы эллипсовидной формы средних размеров (опр.24 экз., рис.6,2,5). Длина короткой оси в пределах 6,5-9,5 см, длинной — 8,0-11,0 см. Количество валиков равно двум-трем.

Вариант 3. Фибулы эллипсовидной формы крупных размеров (опр.20 экз., рис.6,6). Длина короткой оси 10,0-11,3 см, длинной — 12-14,1 см, лишь фибула из погр.54 Ижевского могильника была размером 8,1×11,0 см. Количество валиков на полях равно 4-5.

Вариант 4. Фибулы эллипсовидной формы сверхкрупных размеров (опр.23 экз., рис.6,8). Длина короткой оси - 11-13,5 (14-15) см, длинной — 13,8-16,5 см (18,0-19,4 см - фибулы из погр.93. Ижевск; погр.3, 139 Покровское). Число валиков равно 6 и более.

Большие размеры делают фибулы данного варианта тяжеловесными, громоздкими, непрочными. Неслучайно фибулы с 8-9 валиками по краю с оборотной стороны имеют окантовку в виде тонкой железной (рис.70,9), бронзовой полосок. Щитки фибул 1-4 вариантов выполнены всегда из бронзы.

Вариант 5. Фибулы железные эллипсовидной формы, украшенные узкими бронзовыми полосами и большим количеством бронзовых полугорошин — шляпки заклепок (опр.12 экз.). Кроме этого, в некоторых случаях имеются каплеобразные подвески (рис.6,7) или цепочки (рис.38,8). Они почти всегда имеют одинаковые элементы щитка: средняя полоса в виде бронзовой прямоугольной пластины, вместо валиков - одна-две бронзовые полуокружности. Остальное пространство щитка украшено полугорошинами. Застежки из погр.100 (Ст.-Кабаново), погр.25 (Бирск) на железной основе имеют только ряды бронзовых полугорошин. Фибула из погр.28 (Бирск) состоит из трех щитков округлой формы малых размеров (около 3,3×4,2 см каждая), укрепленных на железной узкой пластине, оканчивающейся пружиной на одном конце, приемником — на другом. Общая длина данной фибулы составляет около 10 см, т.е. столько же, сколько у остальных фибул варианта. (Длина короткой оси (4,2)7,3-9,9 см, длинной — 10,4-13,5 см). Сравнительно незначительные размеры (на уровне размеров фибул 2 и 3 вариантов) объясняются большей, чем у бронзовых фибул, тяжестью. Вероятно, при таких параметрах достигался тот предел веса, при котором застежка еще не отходила от одежды, а лежала на ней плотно.

В Покровском могильнике (погр.71) найдена фибула эллипсовидной формы размером 8,2×10,5 см, но не имеющая классических

элементов узора бабочковидных фибул (рис.20,5). Здесь весь бронзовый щиток украшен рядами полугорошин. Если размеры дают право отнести ее ко второму варианту, то рисунок на щитке является своеобразным подражанием фибулам варианта 5.

Эволюционировали не только рисунок, размеры щитка, но и способ крепления. Так, фибулы 1-2 вариантов были одночленными, т.е. щиток, пружина и приемник изготовлены из одного куска металла, а фибулы 3-5 вариантов — двучленными. В последнем случае пружинное устройство и приемник, бывшие обычно железными, делали отдельно и прикрепляли с помощью заклепок к щитку фибулы. Этот способ крепления был обусловлен тяжестью, громоздкостью застежек последних вариантов.

Фибулы вариантов 4,5 в ряде случаев снабжены длинными “усами” — на железную ось пружины намотана бронзовая проволока. “Усы” были так громоздки, что конец намотки для прочности прикреплялся через пробитое отверстие к щитку фибул (рис.70,9).

ТИП 2. Ассимметричные дуголенточные фибулы (13,3%) имеют следующую конструкцию: подпрямоугольная железная (бронзовая) пластина-спинка, украшенная бронзовыми полугорошинами, подвесками, ажурным литьем, скреплена с дугой, окаймляющей ее с трех сторон. Дуга, в основном, состоит из железной оси и намотанной на нее бронзовой тонкой проволоки. Соединяясь с передней частью спинки фибулы, она входит в состав пружинного устройства, а с задней — приемника, который всегда выполнялся из железа (рис.5,6). Размеры щитка: 2,5-5,2×6,0-9,5 см. В случае незначительных размеров щитка, дуга отводилась на большее расстояние от него, за счет чего создавалась иллюзия крупных размеров (рис.5,5,10).

В изготовлении фибул данного типа нет стандартности. Каждый мастер, не меняя основной конструкции, вводил какие-либо новые детали. Так щиток ряда фибул из Покровского и Усть-Сарапульского могильников состоит из трех железных кругов, плотно соединенных друг с другом — получалась та же прямоугольная спинка, но с выемками по бокам (рис.30,16). Иногда для украшения железной спинки фибулы использовали фрагменты ажурных нагрудных шумящих подвесок (рис.5,10), выполненных в технике объемного литья, имеющих широкое распространение, прежде всего, у азелинских племен (Уржумкинский, Мари-Луговской могильники). Или же сами подвески становились щитком (рис.5,5), к которому крепились приемник и пружинное устройство.

Для облегчения восприятия единства формы и конструкции фибул типа 2, они были названы нами фибулами “сайгатского типа”, по названию места их первой находки¹⁹.

ТИП 3. Бронзовые, прогнутые, с ленточным корпусом, с расширением на концах, известные в литературе как бантикообразные²⁰.

По способу крепления они разделены на два варианта.

Вариант а. Двучленные с кольцом для оси пружины (рис.5,7). Передний конец корпуса загибался в кольцо вокруг бронзовой или железной оси. Затем на ось навивалась бронзовая пружина, оканчивающаяся иглой. В месте начала сгиба на корпусе с двух сторон делались прямоугольные вырезки. Приемник (железный или бронзовый) закреплялся с помощью заклепки, продетой через отверстие в передней части ножки, в начале прогиба корпуса. Корпус украшался фасетками, отверстиями по краю. Длина фибул *варианта а* – 5,3-9,0 см при ширине ножки 1,0-3,0 см.

Вариант б. Двучленные беспружинные (равноконечные, табл.5,4). Если передний конец фибул *варианта а* загнут в кольцо, то здесь он симметричен по форме ножке и удлиннен на 1,7-2,1 см, то есть на столько, сколько нужно для загиба в кольцо фибул *варианта а*. Железная игла крепилась с помощью железной заклепки, продетой через отверстие в месте перехода передней части корпуса в его изгиб.

Таким образом, спинка приобретала форму прямоугольника с выемками посередине с двумя симметричными отверстиями. Этот вариант фибул был своеобразным полуфабрикатом *варианта а* или же его переделкой. Все фибулы *варианта б* имеют крупные размеры: длина 8,9-10,9 см при наибольшей ширине 1,4-2,9 см. Иногда они украшались круглыми отверстиями, насечками.

Фибулы третьего типа не имеют себе прямых аналогий на территориях других культур и являются, вероятно, местным подражанием двучленным, “воинским”, с треугольной ножкой фибулам, имевшим распространение на территории лишь черняховской культуры²¹. Они найдены только в Старокабановском и Бирском могильниках.

Прочие фибулы (единичные находки). Подвязная фибула из Бирского могильника (погр.61) имеет подогнутый приемник и расплюснутый вертикально конец корпуса с пробитым отверстием для оси (рис.9,30). Там же (погр.35) обнаружена фибула с кольцом для оси, отнесенная А.К.Амброзом к типу подвязных с ленточным корпусом и датированная им V в. н.э.²²

В единственном экземпляре найден фрагмент серебряной фибулы (рис.5,8) длиной спинки 3,4 см, относящейся к сильно-про-

филированным фибулам причерноморских типов с бусиной на головке²³. Техника изготовления скорее свидетельствует об ее подражании данным фибулам, что выражается в расплывшихся очертаниях бусины. В Мазунинском и Сайгатском могильниках обнаружены ромбические (поволжско-сарматские с завитком) фибулы (рис.6,9). Но если фибулы Поволжья имеют высокий приемник и коленчато-изогнутую крупных размеров спинку (длина 5,4-7,2 см), то фибулы, найденные на территории Среднего Прикамья, — низкий приемник и едва изогнутую в середине спинку малых размеров (1,7×2,5 см). Наиболее близки им по длине ромбические фибулы из курганов у с.Лебедевка в Западном Казахстане и с.Темясово²⁴ на юго-востоке Башкортостана, а также Шиповского могильника²⁵. В погр.37 (Мазунино) найден фрагмент пружинной фибулы с плавно-изогнутой спинкой (рис.5,9). По оси щитка едва заметно углубление — ряд точечного орнамента. По форме спинки и конструкции данную фибулу можно отнести к типу пружинных фибул с гладким корпусом и с кнопкой на конце пластинчатого приемника (вариант 4 по классификации А.К.Амброза), датируемых по крымским и северо-кавказским аналогиям второй половины II-III вв. н.э.²⁶ Подобного типа фибулы были известны еще пьяноборскому населению²⁷. Обнаружены они и в погребениях Тарасовского могильника (II-V вв.), отличающегося большим количеством находок фибул, в том числе неместного производства (рис.24,4,5). Здесь, в погр.14, наряду с вещами раннемазунинского типа (височные подвески варианта 1) найдена фибула очень близкая к бабочковидным варианта 1 (плоский округлый щиток), но не имеющая еще рисунка “под бабочку”, аналогичная фибулам с пластинчатым приемником и завитком на конце (рис.24, 16). В погр. 52 того же могильника (рис.26,12) фибула имеет форму и рисунок щитка, схожие с вариантом 1 бабочковидных фибул, но ее конструкция (приемник, пружинное устройство, плавно-изогнутая спинка) близка фибулам Нижнего Поволжья²⁸. Описанные выше две фибулы, на наш взгляд, являются попыткой местного подражания пластинчатым фибулам с завитком на конце (тип 7 по классификации А.К.Амброза) и дают нам право воспринимать их как образец для создания бабочковидных фибул. В погр.125, 234 (Покровское) обнаружены: фибулы, имеющие аналогии в материалах Поволжья²⁹: Т-образная передняя часть корпуса с кольцом для пружины, две пары симметричных выступов на корпусе (рис.38,10). Реликтовой вещью карабызской культуры была нагрудная фибула-застежка из Покровского могильника (рис.38,5). Кольцевидная пряжка с неподвижным

крючком (II в.н.э.) в более позднее время была снабжена приемником и иглой — превратилась в фибулу.

Итак, на всей территории культуры бытовали фибулы типа 1, но если в удмуртской группе их находки массовые, то в башкирской — единичные. Фибулы 2, 3 типов имеют региональное распространение (тип 2 — северная и центральная части территории культуры, тип 3 — бассейн р.Белой).

Застежки-сюльгамы (70 экз.) найдены в незначительном количестве почти на всех погребальных памятниках. Исключение составляет лишь Покровский могильник, где они обнаружены в 42-х погребениях (11,6%).

По своей конструкции сюльгамы однотипны: круглое или овальное разомкнутое кольцо, концы которого завернуты в трубочку, снабженное иглой. Исключение составляет сюльгама из Усть-Сарапульского могильника (погр.44), имеющая замкнутое кольцо, украшенное кружочками со спиральным орнаментом³⁰.

Выполнены они из бронзы или железа. Бронзовые сюльгамы имеют размеры чаще всего в пределах 2,7-3,7×2,9-4,4 см (рис.15,4,5), хотя в погр.65 (Покровское), 20 (Ст.-Кабаново), 40 (Бирск) найдены застежки диаметром 1,8-2,5 см, а в погр.11 (Покровское) — 5,7×6,6 см. Ряд застежек украшены насечками по краю (рис.15,5). Железные сюльгамы имеют большие размеры: в пределах 3,9-4,5×3,9-5,2 см (рис.19,8). Если бронзовые застежки бытовали на протяжении всей культуры, то железные — только в поздних погребениях могильников культуры (Бирск, Ст.-Кабаново, Покровское, Усть-Сарапулка). Чаще всего такого типа застежки находились в жертвенных комплексах и входили в состав головного убора. Подобная категория застежек известна на памятниках пьяноборской культуры³¹. Но особенно большое распространение получили сюльгамы у населения азелинской культуры³² и его потомков — мари³³, где до XX в. ими пристегивали нагрудные украшения. Сюльгамы были популярны и у древней мордвы³⁴, исследователи которой считают их “типичными мордовскими украшениями”³⁵.

Пронизки (табл.17) распространены во всех могильниках относительно равномерно (5,6-10,4%; 13,6-18,0%). Техника изготовления, конструктивные особенности, форма позволили выделить шесть типов пронизок.

ТИП 1. Кольцеобразные, диаметром округлого кольца около 1,0 см, реже 0,5-0,6 см; 1,2-1,3 см (91,2%). Техника исполнения дает возможность говорить о пяти вариантах пронизок.

Вариант 1. Пронизки (бусы), выполненные из бронзы техникой литья (80 экз., рис.5,14,15). Они имеют малую толщину и слегка сферическую внутреннюю поверхность. Подобный вид пронизок имел распространение в пьяноборских памятниках на стадии В, Г (I-II вв. н.э.) и был отнесен В.Ф.Генингом к категории бус³⁶.

Пронизка из Покровского могильника (погр.123) хотя и выполнена в технике литья, но отличается от вышеописанных по форме (подражание кольцеобразной стеклянной бусине; рис.5,32).

Вариант 2. Пронизки железные, кованые (25 экз., рис.5,30).

Вариант 3. Пронизки, загнутые из отрезка округлой бронзовой проволоки (31 экз., табл.5,16).

Вариант 4. Пронизки из тонкой бронзовой полоски (42 экз., рис. 5,17,18), иногда имеющие незначительное расширение посередине (рис.67,29) или орнамент в виде крестиков (рис.5,18).

Вариант 5. Пронизки из проволоки подтреугольного сечения (4495 экз., рис.5,19). Они нанизывались в большом количестве (например, в Покровском могильнике: погр.139 – 217 экз., 135 – 179 экз., 125 – 151 экз., Старокабановском: погр.20 – 166 экз., 69 – 261 экз., 80 – 287 экз.) на кожаный ремешок и служили в качестве нарукавного украшения.

ТИП 2. Спиральновитые (125 экз., 2,4%, рис.5,20), сделаны из узкой, тонкой бронзовой, реже железной пластины или проволоки, навитой в плотную спираль. В погребении их обычно находилось в незначительном количестве (от 1 до 16 экз.). Чаще всего спиральновитые пронизки входили в состав ожерелий из бус и пронизок, и в этом случае они как самостоятельная категория нами не рассматривались.

ТИП 3. Пронизки-цилиндрики (44 экз., 0,9%) сделаны из железа (23 экз., рис.5,21), кости (8 экз., рис.28,6,7), из листа тонкой бронзы, согнутой в трубочку (13 экз., рис.5,22). Пронизки из кости имеют овальное сечение и гофрированную поверхность.

ТИП 4. Пронизки-обоймы в виде прямоугольной, едва выпуклой пластины с загнутыми концами (266 экз., 5,2%). По размерам, орнаменту было выделено три варианта:

– малых размеров, длиной 0,5 см, шириной 0,2 см с гладкой поверхностью (12 экз., рис.5,23);

– средних размеров, длиной 1,3-1,8 см, шириной 0,4 см, украшенные одним рядом малых полугорошин (219 экз., рис.5,24);

– крупных размеров (1,3×1,2 см), украшенные тремя рядами выпуклых полугорошин (35 экз., рис.5,25). Пронизки, нанизанные на узкие полоски кожи, входили в состав головного и нарукавного украшений.

ТИП 5. Цилиндрические со вздутием внизу, реже - в средней части (дутые, 0,2%, рис.5,26,27), шесть пронизок имеют вертикальные полоски-вырезки, создающие ребристую поверхность.

ТИП 6. Пронизки-молоточки (0,1%, рис.5,28) длиной 2,7-2,8 см, высотой 0,4-0,6 см.

В Ижевском могильнике обнаружена трехгранная пустотелая железная пронизка (рис.5,29), в ряде погребений Покровского могильника данный вид украшений выполнен из загнутых поясных накладок.

На территории культуры пронизки являются самым распространенным видом украшения. Если на ранних памятниках их процент незначителен, то на поздних количество пронизок увеличивается (табл. 17). На всех памятниках культуры имеют место пронизки типов 1-3, при значительном перевесе типа 1. Тип 4 имел распространение в основном в башкирской группе могильников и отнесен нами к V в., а пронизки типов 5-6 встречаются только на территории удмуртской группы в III-IV вв.

Пронизки - полуцилиндрики пьяноборского типа найдены в Старокабановском, Нивском и Покровском могильниках (7 экз., рис.8,1). Состоят они из двух спаянных половинок трубочек. Для них характерно оформление одной половины, где на концах нанесены насечки, создающие вид гофрировки, а другая половина открыта и снабжена двумя поперечными перекладинами. Подобный вид украшений, часто встречающийся в материалах пьяноборского времени (II в. н.э.)³⁷, бытует в мазунинских могильниках уже как реликтовая вещь.

Бляхи (20 экз.), выполненные из бронзы, в зависимости от формы, способа крепления представлены тремя типами.

ТИП 1. Плоские, диаметром от 3,3 до 8,2 см (опр.10 экз. рис.8,3). Сделаны, в основном, из так называемой "белой бронзы", отличающейся большим содержанием олова³⁸, и имеющей зеркально-золотистую поверхность. Для крепления к коже или ткани они были снабжены одним-двумя отверстиями в центре (рис.8,4) или по бокам. Бляха из Югомашево имела большое отверстие, куда была вставлена другая, выпуклая с ушком бляха диаметром 3,7 см (рис.35,14). Бляха же из Ангасяка кроме отверстия в центре имела еще две петли (рис.8,5), подобно бляхе из погр. 5 Охлебининского могильника³⁹.

ТИП 2. Выпуклые, диаметром 3,3-6,3 см (опр. 4 экз., рис.8,7). Крепились они с помощью двух штырей, расположенных по краям (рис.8,6), ушка, двух пар отверстий по краю или в центре (рис.37,20), двух отверстий по краю и одного в центре (рис.8,7).

Типы 1, 2 имели широкое распространение в могильниках карабызской (в составе нагрудных украшений — “портупей” и поясов), пьяноборской (нагрудные украшения) культур и сохранились в незначительном количестве в памятниках мазунинской культуры, в основном, в башкирской группе (90%).

ТИП 3. Бляхи плоские с рассеченной для иглы стороной, с игольчатой застежкой диаметром 9; 10,4; 12 см (3 экз.). Вырезаны из тонкой бронзовой пластины, в отличие от литых — пьяноборских.

Бляха из Ангасяка (погр.10) украшена четырьмя едва процарапанными концентрическими кругами и восемнадцатью полугорошинами, расположенными по краю бляхи (рис.8,9); а из Мазунино (погр.62) — семью концентрическими кругами у отверстия и пятью по краю, бляха из Нивы (погр.64) — двумя концентрическими кругами-валиками и тремя кругами точечного орнамента, между которыми и отверстием в центре расположены четыре полугорошины (рис.8,8).

Крепились бляхи с помощью железной иглы (рис.8,9). Подобной конструкции бляхи, но без точечного орнамента, валиков, полугорошин — характерных элементов орнаментации мазунинских украшений — найдены в Суворовском могильнике⁴⁰. Малое количество находок, элементы орнаментации свидетельствуют скорее о местном подражании азелинским. Судя по датировке погребений, где найдены бляхи типа 3, они относятся к III-IV вв.

Подвески, являющиеся частью головного, шейного, нагрудного украшений, по форме, материалу, конструкции подразделены нами на 10 основных типов (табл.18).

ТИП 1. Каплеобразные (21,6%, рис.8,10,11). Выполнены из железной или бронзовой прямоугольной пластины, один конец которой расплюснен и имеет округлые контуры, другой — отверстие для подвешивания. Подвески из Ангасякского и Покровского могильников имеют загнутый в неправильное кольцо конец, с помощью которого их привешивали на железную проволоку. Они входили в состав головного украшения (рис.4,17). Длина подвесок колеблется в пределах 1,7-4,0 см, в редких случаях достигает 10,2-12 см. Иногда подвески украшали насечками, расположенными параллельно или в виде сетки. Они также входили в большом количестве в состав ожерелий, ножен для ножа и шила, поясных наборов (наконечники ремней, поясные накладки) и рассматриваются нами в единстве с указанными категориями предметов. Большинство каплеобразных подвесок обнаружено в удмуртской группе памятников (76,2%), в башкирской же, в основном, на Ангасякском могильнике.

ТИП 2. Трапециевидные (12,1%, рис.8,12-14). Изготовлены из железа или чаще всего вырезаны из бронзовой нагрудной бляхи. Длина подвесок зависела от радиуса блях и составляла 3-5,5 см. Так, из одной бляхи радиусом 5,5 см (погр. 107, Ст.-Кабаново) было сделано пять подвесок, из другой диаметром 12 см - шесть (семь? Покровское, рис.31,4). Если бляхи резали не от отверстия, то подвеска могла приобрести треугольную форму (рис.8,15). Бронзовые трапециевидные подвески имели широкое распространение на памятниках пьяноборской (I-II вв. н.э.)⁴¹ и на протяжении всей карабызской культуры⁴², Эта форма и способ изготовления сохранились, в основном, в Старокабановском могильнике.

ТИП 3. 8-видные подвески (2,8%) сделаны из бронзовой проволоки (рис.8,16; 38,11). Они, как правило, входят в состав цепочек, головных украшений.

ТИП 4. Зооморфные подвески – фигурки животных и птиц (13,4%): медведи (47 экз.), уточки (4 экз.), конь (1 экз.). Подвески-медведи имеют малые размеры: высота 1,0-2,0 см при ширине 1,8-3,0 см. В мелкой пластике мазунинского времени древний мастер обобщенно наметил основные характерные черты медведя, что выражено в неповоротливой, тяжелой фигурке хозяина леса с большими торчащими ушами на голове (рис.8,17-21). Для поздних же “медведей” Бирского могильника (VI-VII вв.) характерна потеря художественной выразительности и увеличение размеров⁴³. Единственная подвеска-медведь, найденная в удмуртской группе (Нива, рис.8,21), более монументальна и тяжеловата по своей конструкции, чем подвески башкирской группы. На спине фигурки зверя – отверстие, куда продевался конец цепочки или кожаного узкого ремешка, иногда украшенного бляшками (рис.8,19), пронизками (рис.8,20).

Подвеска-конек, имеющая прямые аналогии в материалах азелинской культуры⁴⁴, изготовлена в технике одностороннего литья (рис.8,22). Ее размеры: 3,5×1,8-3,0 см. От харинских и бирских коньков ее отличает гораздо большая стилизация: шея, туловище и хвост животного сделаны в виде одной изогнутой полосы металла, корпус и ноги (как и подставка, для ног) покрыты поперечными насечками.

Полые подвески-уточка с гладким туловищем, пластичной формы с тонким изгибом шеи и головы имеют высоту 1,3 см при ширине 2,0 см (рис.9,2). Внизу подвески – валик, на спине – отверстие для подвешивания. Данные скульптурки-уточка по классификации Л.А.Голубевой⁴⁵ относятся к типу 1, варианту 2 и встречаются, в основном, в памятниках азелинской культуры (Суво-

ровский, Тюм-Тюм, Рождественский, Уржумский могильники)⁴⁶, откуда они, как и подвеска-конек, попали на территорию мазунинской культуры.

ТИП 5. Подвески из раковины, имеющие округлую, реже трапиевидную форму (27%, рис.9,3-5). Все они едва выпуклы, что определялось линией створок раковин, из которых делались подвески. Подвески чаще всего вырезали сразу с петлей для подвешивания, хотя часть их по краю или в центре имела дырки, куда вдевалась бронзовая или железная петля. Диаметр подвесок 1,2-3,7 (4,0) см. Найдены они только в башкирской группе памятников, наибольшее количество приходится на Югомашево и Бирск.

ТИП 6. Колоколовидные полые подвески (4,4%), выполненные техникой литья, имеют всегда сверху петлю для подвешивания, а внизу — иногда утолщение — валик (рис.9,6,7). Высота их колеблется от 2 до 5 см, чаще — 2-3 см. Их находки зафиксированы только в материалах башкирской группы памятников.

ТИП 7. Колоколовидные подвески-пронизки (бутыльчатые, 2,3%, рис.8,23). Они всегда имеют сверху полый цилиндр, куда продевался кожаный ремешок. Размеры подвесок незначительны: высота 1,9-2,1 см, диаметр нижней части колокольчика 1,2-1,6 см.

ТИП 8. В виде пустотелой объемной лунницы с дужкой для подвешивания (2,3%, рис.9,1). Нижняя часть полый лунницы вытянута, здесь иногда видны едва заметные три выпуклости. Центральная часть удлинения чуть вогнута. Высота подвесок 4,2-5,2 см при ширине 1,6-1,8 см. Данные подвески являются, по нашему мнению, местным подражанием височным подвескам харинского типа с привеской в виде трехбусинной грозди (калачевидных)⁴⁷.

ТИП 9. Подвески-лунницы (3,1%), сделанные из тонкого листа золота (3 экз.), серебра (2 экз.), бронзы (7 экз.), представляют собой окружность, у которой с одной стороны вырезан круг меньшего диаметра или полукруг (рис.9,8,9). Рога лунницы почти смыкаются (2 экз.) или почти параллельны друг другу. Крепились подвески за петлю, расположенную в верхней части лунницы, или за небольшой выступ с отверстием. Золотые лунницы имеют три овальных углубления с напаянной по краю зернью, куда вставлялось стекло (рис.9,8). Пространство между стеклами украшено пирамидками зерни. Изделия из золотой фольги с цветными вставками из камня или стекла и пирамидками зерни были характерны для времени господства гуннов в Восточной Европе. Подобной формы украшения использовались степняками в качестве поясных накладок⁴⁸ и датируются И.П.Засецкой концом IV - первой половиной V в.⁴⁹

ТИП 10. Цепочки-подвески (11%) сделаны из железных, чаще бронзовых колец (рис.9,11). Железные колечки выполнены всегда из проволоки округлого сечения, бронзовые же — из проволоки круглого, треугольного сечения или плоской узкой полоски. Число колечек в цепочке достигает 32 экз. На конце цепочки могли висеть: каплеобразная и 8-видная (рис.38,12), колоколовидная типа 6, трапезиевидная подвески, кольцо от височной подвески, круглая бляшка и железная трапезиевидная подвеска (рис.25,3). В погр.139 Покровского могильника цепочка перехвачена по середине поясной накладкой типа 3 (рис.10,15).

Цепочки-подвески, в основном, найдены в поздних могильниках культуры (Бирск, Югомашево, Ст.-Кабаново, Бахмутино, Покровское), где они входили в состав головных, нагрудных украшений.

В могильниках культуры было обнаружено 26 подвесок, имевших распространение в предыдущих (пьяноборской, караабызской) или в соседних культурах, синхронных мазунинской. Это девять шейных подвесок пьяноборского типа (рис.9,12,13), которые В.Ф.Геннинг относит к позднему периоду существования пьяноборской культуры⁵⁰. К числу находок этой же культуры относятся подвески-полупронизки “сапожки” (3 экз., рис.8,2) в виде изогнутых двух рожков⁵¹. Сзади они снабжены перекладной, куда вставлялись кожаные ремешки.

Фрагмент лапчатой подвески пьяноборского типа, найден в Мазунинском могильнике (рис.9,32)⁵². Обломки двух ажурных арочных подвесок обнаружены в Старокабановском (погр.20) и Югомашевском (погр.5) могильниках (рис.9,14). Выполнены они в технике плоского комбинированного литья и имеют аналогии в материалах могильника Чеганда II⁵³.

В Старокабановском могильнике найдена бронзовая подвеска арочной формы, состоящая из трех пластин с имитацией сдвоенности, оканчивающихся внизу завитками, а сверху — петлей для подвешивания (рис.9,15). Выполнена подвеска техникой одностороннего плоского литья и является копией подвески из погр.12 Охлебининского могильника караабызской культуры⁵⁴.

В Ст.-Кабанове найдена колесовидная подвеска диаметром 2,3 см с перекрестием в центре и пятью симметрично расположенными полугорошинами. По краю колеса — имитация насечек. Вместе с колесом отлита и петля для подвешивания (рис.9,16). В Покровском могильнике обнаружена подвеска изогнуто-листовидной формы с поясной накладкой на конце (рис.38,9). Она имеет аналогии в Суво-

ровском могильнике⁵⁵. Небольшие бронзовые подвески якорьковидной формы (2 экз., рис.9,17) также имеют место в материалах азелинской культуры⁵⁶. В Покровском и Старокабановском могильниках найдены две шумящие подвески, выполненные техникой объемного литья. По своей конструкции они однотипны. Основу составляют фигурка лошади (рис.38,4) или умбовидная бляшка (рис.9,10) с колечками, колокольчиками в нижней части. Техника исполнения, форма, отдельные элементы находят аналогии прежде всего в украшениях азелинской культуры⁵⁷.

На Каратамакском могильнике найдена круглая литая бронзовая подвеска с вставкой из камня или стекла (рис.10,16), с насечками по краю, вероятно, имитирующими орнамент золотых вещей гуннской эпохи. В Бирске (погр.8) обнаружена кремневая подвеска треугольной формы с отверстием для подвешивания, а в Каратамаке (погр.5, 8) – бронзовые лапчатые подвески (2 экз.). В Покровском могильнике найдены две сложные железные подвески, состоящие из трех узких пластин, колечек, трапециевидных подвесок (рис.9,18) или из 8-видных и трапециевидных подвесок и колечек. Они не имеют аналогов в указанных выше культурах. Подвесками могли служить части других вещей: край бляхи, бляшки, кольцо височной подвески.

Итак, на всей территории мазунинской культуры имели место подвески 1, 2, 10 типов, однако количественно они преобладают на памятниках удмуртской группы. В основном в поздних могильниках (погребениях) башкирской группы господствуют подвески 4, 5 типов. Подвески типов 7, 8 немногочисленны, большинство их найдено в могильниках, территориально близких к памятникам ломоватовской культуры (Югомашево, Ст.-Кабаново). Подвески-лунницы (тип 9) обнаружены только в Бирском могильнике, наиболее близком к территории степных племен, откуда они, возможно, и были заимствованы.

Накладки не имеют широкого распространения (162 экз., обнаружены в 28-и погребениях). Форма, способы изготовления и крепления позволили выделить следующие три типа.

ТИП 1. Накладки треугольной формы с выемкой на одной стороне (тройчатки, 128 экз., рис.9,19). Сделаны штамповкой из тонкой бронзовой пластины: две стороны едва выпуклы, на углах треугольника полугорошины с отверстием в центре. Накладки типа 1 нашивались на кожаные ремешки, служившие в качестве нагрудного украшения. Обнаружены в Югомашево, Ст.-Кабанове, Бирске.

ТИП 2. Фигурные накладки с имитацией поясных накладок типа 1 (19 экз., рис.9,20). Выполненные из створок раковины, они входили в состав нагрудного украшения вместе с накладками типа 1 в погр.64 Югомашевского могильника.

ТИП 3. Накладки в виде прямоугольной пластины из бронзы (3 экз., рис.9,21), железа (3 экз.) размером 0,7; 1,7×3,5; 2,5 см. Крепились они с помощью заклепок, продетых в отверстия. Украшались шляпками-горошинами (Ижевск, погр.165), парными изображениями медведей или рядами зубцов (Усть-Сарапулка)⁵⁸.

Остальные накладки единичны (9 экз.). В Ижевском могильнике найден фрагмент передней бляхи эполетообразной застежки с отверстиями для крепления (рис.9,22). Здесь обнаружена накладка крестообразной формы с едва расширенными концами и отверстиями в центре (рис.15,23), подобная накладкам Суворовского могильника⁵⁹, а также накладка ромбической формы размером 1,1×1,3 см, имеющая аналогии в пьяноборских материалах⁶⁰, и прямоугольной формы с противолежащими завитками на одном конце (рис.9,25). Крепилась последняя с помощью заклепок со шляпками-горошинами на конце. В Югомашевском могильнике найдены две накладки четырехугольной (рис.9,24), шестиугольной (рис.9,23) формы с выемками по краям. На концах и в центре каждой из них выштампованы полугорошины. Накладка прямоугольной формы из Бахмутинского могильника выполнена техникой литья в стиле пьяноборских двойных цилиндриков-полупронизок. Но если поверхность ранних полупронизок оформлена скромно (ряд насечек), то здесь она украшена двумя рядами полугорошин, насечками вокруг них и по краям всей накладки (рис.37,12). Накладка из Ст.-Кабанова (погр.76) имеет Ж-образную форму (рис.38,15), а из Бирска (погр.70) — в виде лунницы с тремя отверстиями для крепления (рис.9,26). Последняя аналогична накладке из погр.1а VII кургана Тураевского могильника⁶¹ и датируется В.Ф.Генингом началом V в. н.э.⁶²

Таким образом, накладки, как вид украшения, не пользовались широкой популярностью среди населения Среднего Прикамья. Наибольший процент накладок приходится на тип 1 (72%), в массе появившийся в V в. в материалах Югомашевского могильника и единично встречающийся в Старокабановском, Бирском, Нивском могильниках.

Бусы — самая многочисленная категория, найденная в могильниках культуры (15864 экз., табл.19)⁶³. Они входили в состав ожерелий, височных подвесок и колец, гривен и браслетов, украшали

одежду, оружие. Бусы нанизывались на тонкую бронзовую проволоку или толстый бронзовый дрот, кожу, а также на нитку, остатки которой обнаружены в Ижевском могильнике (погр.201).

При изучении бус учитывались следующие признаки: материал, цвет, прозрачность, форма, орнаментация. Все они рассматривались во взаимосвязи, но без соподчинения. В результате чего в бусинной коллекции почти со всех исследованных нами могильников мазунинской культуры было выделено 119 типов (рис.21,1-85). Так как их описание потребовало бы много места, то мы даем лишь основные итоги изучения бус.

По материалу бусы в погребальном инвентаре могильников распределялись следующим образом: стеклянные бусы (98,5%, табл.19), бусы из камня и раковины соответственно составляли 0,2%, 1,3%. В окраске бус преобладают следующие цвета: синий (33,3 %), желтый (32,2 %), красный (8,5 %), голубой (8,0 %), позолоченный (7,0 %), бесцветный (1,2 %), черный (1,12 %). Незначительное число составляют бусы фиолетового (0,1 %), белого (0,12 %), коричневого (0,04 %) цветов, бусы с серебрением (0,07 %).

Если бусы красного (8,46 %), желтого (32,1 %) цветов, в основном, были найдены в башкирской группе, то бесцветные и грязно-желтые – в удмуртской. Бусы остальных цветов равномерно распространялись по всей территории культуры. Господствующей формой стеклянных бус был бисер (85,5 %). Нами была исследована технология бус Ижевского могильника (III-V вв.), где весь бисер был выполнен техникой членения стеклянной трубочки, что еще раз подтверждает мнение специалистов о господстве данной техники в изготовлении бисера в течение 1 тыс.н.э.⁶⁴

В Ижевском могильнике были также обнаружены бусы, изготовленные путем членения стеклянной палочки с последующим продольным или поперечным прокалыванием (6,9 %), путем навивки стеклянной массы вокруг своей оси с последующим прокалыванием (2,1 %).⁶⁵

Изучение технологии стеклянных бус раннего могильника – Чепанихинского (III в.) – дало несколько иные результаты. Здесь преобладали бусы из стеклянной палочки (72,5 %), тогда, как бусы из трубочки составляли 27,5 %. Неслучайно на данном могильнике бисер, выполняемый обычно в последней технике, почти отсутствовал.

Судя по технике исполнения, окраске, форме бусы были привезены на территорию Среднего Прикамья из Сирии, Египта, Финикии⁶⁶. Одним из возможных путей их проникновения может быть

Черное море. На памятниках Северного Причерноморья обнаружены аналогии почти всем типам стеклянных бус⁶⁷.

Разработанная типология бус дает возможность судить о количестве и территориальном распространении тех или иных типов бус. На всей территории культуры были широко распространены следующие типы: бусы синие (бисер, зонные, кольцообразные, биконические, шарообразные, тип I-5), голубые (бисер, шарообразные и зонные, типы 22-24), зеленый бисер (тип 32), светло-зеленые кольцообразные (тип 47), черный бисер (тип 54), позолоченные бусы (бисер, шарообразные, зонные, типы 73, 74, 76). Ряд типов имели локальный характер распространения. В башкирской группе памятников были популярны бусы желтого (бисер, тип 9), красного (бисер, шарообразные, кольцообразные, зонные, трубочки, типы 17-21), светло-зеленого (бисер, тип 49) цветов, бисер с серебряной прокладкой (тип 80) и бусы из раковины (бисер, кольцообразные, шарообразные и зонные, тип 107-110). В основном, в удмуртской группе памятников встречаются: бирюзовый бисер (тип 38), бесцветные зонные, кольцообразные, шарообразные (типы 44-46) и грязно-желтые биконические (тип 61) бусы. Остальные типы бус, особенно полихромные глазчатые, полосатые, мозаичные (типы 82-106), каменные (халцедон, хрусталь, янтарь, типы 112-118), не пользовались популярностью среди населения или же были дороги для него, поэтому встречаются в погребальном инвентаре крайне редко (до 7 экз.).

III. Поясная гарнитура представлена поясными накладками, наконечниками ремней, пряжками, петельными застежками, бляхами-раковинами,

Поясные накладки. Детальное изучение способа крепления, формы, размеров, материала позволило выделить 8 типов накладок (табл. 20).

ТИП 1. Накладки подпрямоугольной формы с треугольными или прямоугольными вырезами, фасетками и насечками по краям (11,2 %, рис.11,14-21). Данный тип накладок крепился к поясу с помощью одного-двух, реже – трех медных или железных штырьков, продетых в отверстия. Размеры их незначительны: 0,5-1,2×1,5-2,8 см. Только три накладки из Мазунинского могильника имеют длину 4,1; 4,4 см. Накладки типа 1 отличаются тщательностью изготовления, индивидуальностью рисунка. Количество накладок этого типа в погребении незначительно (1-10 экз.), исключение составляют поясные наборы из погр.41 (20 экз.), погр.47 (49 экз.) Мазунинского и погр.21

(35 экз.) Ижевского могильников. В среднем на одно погребение приходится девять накладок. В большинстве погребений с малым числом находок накладки изготовлены из так называемой “белой бронзы”, имеющей широкое распространение в пьяноборское время, отличающейся большим содержанием олова⁶⁸.

Вероятно, нехватка цветных металлов привела к тому, что часть накладок типа 1 делается из железа (33 экз., рис.11,19). Только с появлением нового сырьевого источника получения бронзы с большим содержанием олова, цинка и в незначительном количестве свинца⁶⁹, число накладок в погребении резко возрастает.

ТИП 2. Накладки подпрямоугольной формы с прямоугольными вырезами, насечками, снабженные задней планкой для крепления к ремню, (19,7%, рис.11,24-27). Они могут иметь дополнительные украшения: колечки, иногда с насечками, крепившиеся в месте сгиба задней планки (рис.11,24, 26), 1-3 горошины, являющихся шляпками заклепок (рис.11,25,26), 2-3 горошины и каплеобразные подвески (рис.11,27). Крепились накладки к коже при помощи одной заклепки, продетой через отверстие в верхней части передней и задней пластин (этот способ преобладает), реже двух-трех. Размеры передней части накладок типа 2 равны 0,5-1,2×3,0-3,5 см.

Количество накладок на одном поясе увеличивается и достигает 167 экз. (Нива, погр.150а). Среднее число поясных накладок в погребении равно 37. Большое количество одинаковых накладок на одном поясе, высокое искусство орнаментики характерно для накладок типа 2. Среди накладок типа 2 выявлена их простейшая форма (5 экз., Чепаниха, рис. 11,22, 23). Здесь нижний конец прямоугольной накладки типа 1 удлинен, загнут и снабжен железным или бронзовым грубо сделанным кольцом. Длина накладок достигает 3,3 см при ширине 0,7 см. Отсутствие выемок в месте сгиба пластины и ее оформление характерно для первого типа, наличие же задней планки - признак накладок типа 2.

ТИП 3. Накладки овальной, вытянуто-треугольной формы с задней планкой для крепления. Передняя пластина всегда слабо выпуклая, даже немного подгранена (12,6%, рис.11,28; 29,29). Количество накладок типа 3 в одном погребении составляет от 7 до 77 экз., в среднем 33 экз. на одно захоронение. В зависимости от размеров накладок выделены два варианта.

Вариант а. Накладки длиной 2,2-2,3 см при ширине 0,6-1,1 см (рис.11,28, 29).

Вариант б. Накладки длиной 2,7-3,0 см при ширине 0,6-0,8 см

(рис.67,25). Накладки обоих вариантов шириной 0,6-0,8 см служили украшением пояса, а шириной 1,1 см — украшением обувного ремешка.

ТИП 4. Накладки, состоящие из двух слабо выпуклых овалов, приближающихся к кругу, соединенных прямоугольной площадкой (23,4%). Крепились накладки с помощью прямоугольной задней планки и одной заклепки, очень редко только двух заклепок, продетых в отверстия на накладке. Размеры их равны 0,7-1,2×2,8-3,3 см. В большинстве случаев накладки снабжены привесками-колечками, иногда украшенными насечкой (рис.11,30). Количество накладок в погребении колеблется от 4 до 48 экз., среднее число их на одно захоронение — 27 экземпляров.

Отношение длины соединяющей площадки к общей длине накладки позволяет выделить два варианта.

Вариант а. Длина площадки составляет $1/5$ - $1/7$ часть длины накладки (рис.11,30-31). В данном варианте площадка всегда возвышается над общей поверхностью.

Вариант б. Длина, площадки около $1/2$ размера накладки (рис.11,32). На концах накладок варианта б выштампованы полуогорошины, возвышающиеся над округлыми поверхностями. Средняя площадка соответственно опускается вниз. Накладки из погр.7, 127 Покровского могильника вместо средней площадки имеют третий овал (рис.38,13).

ТИП 5. Накладки сердечкообразной, округлой форм размером 2-3 см с задней прямоугольной планкой, соединяющейся с ремнем при помощи одной заклепки (0,7 %, рис.11,34). По краю фигурных пластин нанесена насечка.

ТИП 6. Ромбические накладки размером 0,3-0,6×1,3-1,9 см (22,7%, рис.11,35). Накладки крепились с помощью бронзового штыря, расплющенного на концах. Количество накладок в погребении достигает 124 экз. (Покровское, погр.109Б), 126 экз. (Ст.-Кабаново, погр.4), 152 экз. (Покровское, погр.125). В среднем на одно погребение приходится 43 экз.

ТИП 7. Кольцеобразные накладки, диаметром 1,5-1,6 см (1,4 %, рис.11,36). Крепились они с помощью 2-3 штырей, продетых в отверстия. Накладки чаще всего украшали концы ремней вместе с накладками типа 6, реже имели самостоятельное значение. Количество их на поясе всегда незначительно: 2-10 экз., в среднем по 5 экз. на погребение.

ТИП 8. Штампованные железные или бронзовые накладки

прямоугольной или фигурной формы (8,3 %). В отличие от типов 1, 2 никаких дополнительных работ (фасетки, вырезки, насечки) древний мастер на передней пластине накладки не производил. Соответственно размерам, которые были определены шириной кожаного ремня, выделены два варианта.

Вариант а. Накладки малых размеров 0,5-0,7×1,6-2,0 (2,7) см (рис.11,37). Они крепились с помощью двух штырей (табл.11,38) или заклепок, имеющих с одной стороны длинный жалообразный конец, загибающийся под углом, с другой — шляпку-горошину (табл.11,37). Горошины были почти единственным украшением передней части накладок варианта А. Поясные накладки погр.61 (Ст.-Кабаново) имеют еще и колечки, крепившиеся с помощью задней планки (рис.38,14).

Вариант б. Накладки больших размеров 0,3-0,9×3,5-4,1 см (рис.11,33) украшались тремя (в 1 случае — пятью) горошинами, являющимися шляпками заклепок с жалообразным концом, при сгибе которого накладки хорошо прикреплялись к коже. Данный вариант накладок может быть снабжен и колечками (рис.11,33), для подвешивания которых сделана задняя планка. В качестве способа крепления она становится уже лишней. Неслучайно в погр.3,92 (Покровское) ее доводят лишь до уровня первой-второй заклепок. Сохранение задней планки можно объяснить только силой традиции изготовления накладок мастерами в более раннее время.

На основании данных табл.20 видно, что для удмуртской группы характерны поясные накладки типов 1-5, 86. Типы 1-3 встречаются в башкирской группе, но в незначительном количестве.

Наконечники ремня по их положению в погребениях разделены на поясные (169 экз.) и обувные (45 экз.).

Поясные наконечники ремней по форме передней пластины, способу крепления, конструкции делятся на четыре типа (табл.21).

ТИП 1. В виде подпрямоугольной железной или бронзовой пластины (рис.12,3,4), иногда украшенной точечным орнаментом и насечкой по краю (рис.12,1, 2, 19). Крепились они с помощью заклепок, продетых в отверстия. Ширина наконечников (1,3) 1,7-2,2 см при длине (1,8) 3,3-6,2 см.

ТИП 2. Прямоугольной формы с выемками по бокам, сделанные из железной или бронзовой фигурной пластины, согнутой пополам. Крепились наконечники заклепками через отверстия в верхней части. Данный тип имеет большую длину — 4,6-9,0 см при ширине 2-3,7 см (рис.12,5, 6).

ТИП 3. Прямоугольные, трапециевидные наконечники, выполненные из бронзовой, реже железной пластины, согнутой пополам. Большинство их в месте сгиба имеют небольшие выемки. Форма сечения нижнего конца позволяет выделить три варианта.

Вариант а. Без расширения, обе стороны наконечника параллельны (рис.12,7,10). Бронзовые наконечники имеют незначительные размеры (1,4-2,2×1,7-3,5 см), чего нельзя сказать о железных (1,7-2,7×4,5-9,6 см). Все бронзовые наконечники найдены в удмуртской группе, а железные - в башкирской.

Вариант б. С незначительным (овальным) расширением, куда вставлялась узкая полоска кожи (рис.12,8). По размерам выделяются две разновидности наконечников:

- малые, размеры 1,4-2,0×2,4-3,9 см (рис.12,8), крепившиеся 1-5 заклепками;

- крупные, размеры 1,4-1,7×5,8-8,3 см (рис.12,14; 29,13). Крепились двумя заклепками в один ряд вверх или на противоположных концах.

Вариант в. С цилиндрическим расширением нижнего конца с тремя разновидностями размеров:

- малые, размеры 1,4-2,5×(2,8)3,0-4,0 см (рис.12,13). Большинство наконечников удмуртской группы имеют ширину 2,0-2,7 см;

- средние, размеры 1,4-1,9×4,4-6,7 см (рис.12,12);

- крупные, размеры 1,4-1,8×7,0-9,9 см (рис.12,11).

Наконечники, в основном, крепились с помощью двух, реже одной, трех-пяти заклепок. Наконечники малых размеров характерны для Покровского, а средних и крупных размеров — Старокабановского могильников. Наконечники средних и крупных размеров в погребении могут находиться вместе. При выборке наконечников с 3-5 заклепками-горошинами оказалось, что почти все они малых размеров (1,4-2,7×2,7-4,5 см) и относятся к вариантам б, в.

ТИП 4. Прямоугольные, фигурные пластины, согнутые вдвое (комплект 2-4 экз.), имеющие иногда каплеобразные (рис.12,30), кольцеобразные (рис.12,16) подвески. Если наконечники с кольцеобразными подвесками сделаны всегда из бронзы, то с каплеобразными, за исключением двух комплектов из Ижевского могильника, — из железа.

К типу 4 можно отнести железный наконечник ремня (Нива, рис.12,17), состоящий из широкой, согнутой пополам, прямоугольной пластины с треугольным вырезом в месте сгиба. На загнутый конец надеты два круглых в сечении кольца.

Поясные наконечники ремней, как это видно из табл.21, в ранних памятниках культуры или совсем отсутствуют (Чепаниха), или составляют малый процент (2,9-9,8%). В поздних же могильниках (только в северных и центральных районах мазунинской культуры) число наконечников резко возрастает (12,4 - 25 %). Для удмуртской группы характерны пояса с наконечниками типов 2, 4, для башкирской — 3 в. На всей территории встречаются наконечники типов 3а, б. Наконечники типа 1, найденные только на Ангасяке и в Ижевске, являются самыми простыми по конструкции и самыми ранними по происхождению.

Обувные наконечники (45 экз.) имеют почти ту же форму, конструкцию, что и поясные, отличаются только размерами. Все они сделаны из согнутой вдвое пластины, форма которой позволяет выделить следующие типы.

ТИП 1. Прямоугольная пластина с выемками по бокам (4 экз., рис.12,18). Размеры: 0,6-1,1×4,4-4,7 см.

ТИП 2. Прямоугольная пластина, расплющенная в нижней части (сечкообразные наконечники, опр. 16 экз., рис.12, 20, 24, 25). Размеры 0,5-0,7×2,7-4,7 см. Крепились с помощью одной, реже трех заклепок.

ТИП 3. Прямоугольная (11 экз.) или трапециевидная (1 экз.) пластина, с тремя вариантами формы сечения нижнего конца.

Вариант а. Без расширения, обе стороны загнутой пластины параллельны (рис.12,26;17,8). Размеры: 0,7-1,2×2,4-6,3 см. Наконечники длиной 4,3-6,3 см характерны для Каратамака. К этому варианту нами отнесен наконечник из Бирского могильника (рис.12,21), имеющий подграненную переднюю пластину. Подобные “пластинчатые” наконечники обнаружены в курганах III, V Тураевского могильника⁷⁰.

Вариант б. Пластина с незначительным расширением нижнего конца (опр.7 экз., рис.12,23). Размеры: 0,9-1,2×2,2-3,3 см.

Вариант в. Пластина с цилиндрическим расширением нижнего конца (опр.5 экз., рис.12,22). Размеры: 0,9-1,2×2,0-4,4 см. Большинство обувных наконечников этого типа крепились с помощью одной заклепки, только в случае поломки места сгиба число заклепок увеличивалось до двух (рис.12,26). Обувные наконечники имели хождение в основном на территории башкирской группы, хотя были найдены в незначительном количестве и в удмуртской группе (Покровское, Нива).

Бляхи - раковины обнаружены в 34-х погребениях (51 экз.). Сделаны они из створок раковин моллюсков *Turbo marmaratus* семейства *Turbinidae*, обитавших в тропических частях Тихого,

Индийского океанов⁷¹. Бляхи матово-белого цвета имеют лощеную поверхность, иногда украшенную геометрическим орнаментом из круглых (рис.13,3), треугольных (рис.13,4) выемок или сквозных отверстий (рис.13,2). Наибольший размер блях, имеющих округлую или подпрямоугольную форму, равен 3,5-11 см. На территории удмуртской группы они являлись составной частью поясного набора, украшая его спереди, очень редко рукояти меча (2 сл., Покровское). Крепились через отверстие в центре с помощью пряжки (1 сл.), умбовидных бляшек, через ушко которых перекидывался ремешок из узкой кожи. На поясе обычно крепилось по одной бляхе, хотя их могло там быть и две (5 сл.), три (3 сл.), четыре (1 сл.). Бляхи-раковины получили распространение в погребениях III-IV вв. Чепанихинского (5 %), Мазунинского (8,7 %), Ижевского (9,5 %) могильников. После IV в. поступление подобных створок раковин моллюсков на территорию мазунинской культуры не прекратилось, но весь товар "оседал" в башкирской группе, где из них вырезали подвески типа 5 и бусы. Целые же бляхи из Бирского могильника (погр.31,61), вероятно, были заготовками для подвесок.

Итак, обработанные створки моллюсков, привезенные из Индии⁷², в III-IV вв. поступали только населению правобережья р.Камы, где они использовались как поясные украшения, а в V в. — населению правобережья р.Белой, где из них изготавливали шейные и нагрудные украшения.

Пряжки — наиболее часто встречаемая категория вещей (табл.22). В ранних могильниках культуры они обнаружены в 17,4-37,2% погребений, а в поздних — 51,1-64,2%.

подавляющее большинство пряжек относится к группе с подвижным язычком (796 экз.), только две пряжки имеют неподвижный крючок. При выработке типологии пряжек с подвижным язычком нами, прежде всего, были выделены основные признаки, которые необходимы для отделения одного типа пряжек от другого. Ими оказались: способ крепления с ремнем, форма рамки, форма язычка, материал.

Варианты этих признаков были разработаны В.Б.Ковалевской⁷³ и взяты нами для классификации пряжек.

По способу крепления с ремнем и форме рамки пряжки разделены на типы, по форме язычка — на варианты. При классификации также учитывались материал, диаметр дрота рамки, размеры шитка и орнаментальные узоры.

ТИП 1. Бесщитковые с овальной рамкой из круглого, реже огра-

ненного или подпрямоугольного дрота, массивного в передней части и зауженного в месте крепления к кожаному ремню (459 экз., 60,9%).

Вариант 1. С коротким язычком, не выступающим за передний конец пряжки, и петель, огибающей ее задний конец. Выполнены пряжки из бронзы (опр.97 экз., рис.12,27-29) или железа (опр.169 экз., рис.13,5, 6). Наибольшее число железных пряжек приходится на удмуртскую группу.

Вариант 2. С хоботковидным язычком, выступающим за передний край рамки до середины дрота, и имеющим чаще всего утолщение в основании (опр.36 экз., рис.13, 8, 10). Все пряжки бронзовые.

Вариант 3. С длинным, далеко выступающим за передний край рамки, хоботковидным язычком (опр.11 экз.). Пряжки варианта железные (3 экз., рис.13,11) или бронзовые (8 экз., рис.13,9, 24). Пять бронзовых пряжек имеют утолщение в основании язычка.

ТИП 2. Бесщитковые круглорамчатые с коротким язычком, не выходящим за пределы переднего края рамки (опр.7 экз., 0,9%). Выполнены из бронзы (рис.13,16) или железа (рис.13,14).

ТИП 3. Бесщитковые с В-образной рамкой (опр.9 экз., 1,2%).

Вариант 1. С коротким, не выходящим за пределы рамки, язычком (опр.2 экз., рис.13,15). Сделана пряжка из железного или бронзового круглого дрота.

Вариант 2. С длинным, далеко выступающим за пределы рамки, язычком (опр.2 экз.). Выполнены они из бронзы с двойным утолщением в передней части дрота (рис.13,13) или железа (рис.13,12).

ТИП 4. Бесщитковые с прямоугольной рамкой и коротким язычком (опр.3 экз., 0,4 %, рис.13,17, 18). Сделаны из железного круглого или прямоугольного дрота.

ТИП 5. Пряжки с выемками по бокам прямоугольного щитка и свальной, редко В-образной рамкой и коротким язычком, не выступающим за передний край рамки (опр.59 экз., 7,8 %). Размеры щитков бронзовых пряжек составляют 1,3-1,7×3,2 см (рис.13,19), а железных более значительны: от 1,8-2,0×3,0 см до 2,3-3,2×8 см. Крепились пряжки к поясному ремню с помощью одной-двух железных или бронзовых заклепок. Две железные пряжки из Покровского и Ижевского могильников в центральной части щитка были украшены бронзовыми пластинами с насечками и горошинами-шляпками заклепок (рис.13,21).

ТИП 6. Пряжки с трапециевидным щитком и овальной рамкой, выполненной из круглого, реже граненого дрота (опр.29 экз., 3,8%).

Вариант 1. С коротким, не выступающим за передний край пряжки язычком (опр.19 экз.). Бронзовые пряжки крепились с помощью одной-двух заклепок (рис.14,2). Размеры их щитков: 1,1-1,4 (1,7) x 2,1 (3,0) см. Аналогично крепились к ремню и железные пряжки (рис.14,3). Длина щитка их достигает 4 см, ширина — 2,3 см. У данного варианта выделяется группа комбинированных пряжек (опр. 3 экз., рис.14, 4, 5). Рамка выполнена из круглого железного дрота, щиток бронзовый. Крепились они одной заклепкой. Размеры щитка 0,6×1,3 см.

Вариант 2. С хоботковидным язычком, заходящим за передний край округлого дрота до уровня его середины (опр.4 экз.), сделанные из бронзы (4 экз., табл.14,17). Крепились с помощью 1; 4 заклепок. Размеры щитка: 0,6(0,7)-1,6(1,7)×3,0(3,3) см.

Пряжки типа 6 чаще всего использовались для застегивания обувного ремешка.

ТИП 7. С прямоугольным щитком и овальной, очень редко с сегментированной (1 экз.), В-образной (1 экз.) или прямоугольной (1 экз.) рамками (опр.77 экз., 10,3%).

Вариант 1. С коротким язычком, не выступающим за передний конец пряжки (опр. 42 экз.). Рамка бронзовых пряжек сделана из круглого, реже ограненного (3 экз.) дрота, массивного в передней части и зауженного в задней (опр.18 экз., рис.14,29). Размеры щитка: 1,7- 3,0×1,5-3,2 см. Они по форме приближаются к квадрату.

Рамки железных пряжек выполнены из круглого дрота, имеющего незначительное расширение в передней части (опр.13 экз., рис.14,7). Размеры: 1,1-3,3×2,2-3,4 см. Ряд пряжек — комбинированные: рамка или язычок, или щиток выполнены из железа, остальное — из бронзы (опр. 11 экз., рис.13,23). Они имеют незначительное расширение передней части круглого, в одном случае подпрямоугольного, дрота рамки.

Вариант 2. С хоботковидным язычком, выступающим до уровня середины передней части пряжки, с утолщением (рис.14,16) или выступом (рис.14,10) у основания (опр.9 экз.). Все пряжки данного варианта бронзовые. Диаметр передней части круглого, ограненного дрота рамки в 2 раза больше задней. Размеры щитка: 1,1-1,8×1,6-2,5 см.

Вариант 3. С длинным, далеко выступающим за передний край рамки, хоботковидным язычком, бронзовые (опр.2 экз., рис.14,9). Их рамки сделаны из круглого, с двойным утолщением передней части, дрота. Размеры щитка в пределах 1,1×1,3-2,1 см.

ТИП 8. Пряжки с округлым щитком, оттянутым от рамки за счет удлинения петелек, охватывающих овальное кольцо (опр.19 экз., 2,5%). Наибольшая ширина щитка пряжек данного типа приходится всегда на среднюю его часть.

Вариант 1. С коротким язычком, не выходящим за пределы переднего края рамки (опр.13 экз., рис.14,18,30). Рамки выполнены из круглого или подграненного дрота, имеющего расширение в передней части. Крепились они с помощью 1-3 заклепок. Ширина щитка 1,3-1,8 (3,5) см при длине 1,5-1,9 (4,0) см. Выполнены они в основном из бронзы, однако в Усть-Сарапульском могильнике имелись и железные пряжки, а в Покровском — комбинированные.

Этот вариант аналогичен пряжкам с черняховских памятников⁷⁴, самая поздняя дата бытования которых — конец IV в.

Вариант 2. С хоботковидным язычком, выступающим за передний конец рамки до уровня середины круглого дрота (опр. 2 экз., рис.14,19). Выполнены рамки из круглого, с двойным утолщением в передней части, дрота. Крепились пряжки двумя заклепками. Размеры щитка: 1,0-1,2×1,6-1,7 см.

Вариант 3. С длинным, далеко выступающим язычком и двойным утолщением передней части круглого дрота рамки (3 экз., рис.14,20). Крепились пряжки с помощью двух заклепок. Размер щитка 1,5×1,7 см. Если пряжки варианта 1 по происхождению являются более ранними, то варианты 2, 3 — результат их дальнейшей эволюции.

ТИП 9. Пряжки с сегментовидным щитком (лунницей) и овальной рамкой, бронзовые, изредка комбинированные (опр.73 экз., 9,8%).

Вариант 1. С коротким язычком, не выходящим за пределы переднего края рамки (опр.36 экз., рис.14,15,21). Крепились они с помощью двух шпенок, очень редко одного. Сделаны рамки из круглого, иногда, граненого (4 экз.) дрота с утолщением передней части до двух раз по сравнению с размером в задней части. У четырех пряжек язычок имеет утолщение у основания (рис.29,26), а у двух пряжек — прямоугольный уступчик (рис.14,15,21). Размеры щитка: 1,4-2,6×1,3-2,1 см. Пряжки с незначительным утолщением передней части, по мнению В.Ф.Генинга, являются более ранними по происхождению⁷⁵.

Вариант 2. С хоботковидным язычком, налегающим на передний край рамки до середины дрота (опр.32 экз., рис.14,12). Сделаны рамки из круглого дрота с двойным и более утолщением передней части, язычок чаще всего также имеет утолщение у основания (20

экз.), а в 4-х случаях — прямоугольные уступчики (рис.14,12). Длина щитка 1,1-2,0 см при ширине 1,5-2,5 см. В пяти случаях встречены пряжки, где рамка сделана из железа, а щиток из бронзы или наоборот (рис.14,22).

Пряжки с сегментовидным щитком В.Б.Ковалевская относит к местному производству волжско-уральского региона⁷⁶.

ТИП 10. Пряжки бронзовые с треугольным щитком и овальной рамкой (опр.15 экз., 2,0 %).

Вариант 1. С коротким язычком, не выходящим за пределы переднего края рамки (2 экз., рис.14,23), выполненной из круглого, граненого дрота с незначительным расширением передней части. Размеры щитка: 2,2-2,4×1,0-1,5 см. Крепление происходило при помощи заклепки.

Вариант 2. С хоботковидным язычком, доходящим до половины передней части дрота (10 экз., рис.14,14). Выполнены рамки из круглого или слегка ограненного дрота с двойным расширением передней части. Язычок утолщен у основания (8 экз., рис.29,25) или имеет прямоугольный уступчик (1 экз.). Размеры щитка: 1,0-1,5×2,2-2,8 см. Крепились пряжки одной бронзовой заклепкой, реже железной.

Вариант 3. С длинным язычком, далеко выступающим за пределы передней части рамки (2 экз., рис.14,13), с двойным утолщением дрота. Крепилась пряжка с помощью одной или четырех заклепок. Размеры щитка: 0,7-1,2×1,6-3,3 см. Пряжки этого типа использовались только для застегивания обувных ремешков и бытовали лишь в поздних могильниках культуры (Бирск, Ст.-Кабаново, Югомашево).

ТИП 11. Цельнолитые бронзовые с прямоугольным щитком и овальной рамкой (2 экз., 0,2 %). В специально сделанное отверстие одной пряжки вставлен прямоугольный в сечении железный язычок, слегка выходящий за пределы края рамки (рис.14,24). У другой пряжки язычок отлит в виде летящей птицы (рис.13,22). Крепились они к ремню с помощью одного шпенька. Пряжки подобного типа были известны в пьяноборское время, но с иной системой крепления — при помощи перекладин на оборотной стороне щитка⁷⁷.

Аналогии пряжкам подобного типа неизвестны за пределами культуры, что скорее свидетельствует о местном характере их производства.

ТИП 12. Цельнолитые бронзовые пряжки с овальной рамкой и треугольным щитком, с кругом на конце (2 экз., 0,2% рис.14,25). Подобный тип пряжек был широко распространен в памятниках азелинской культуры и имеет сходство с паннонскими пряжками⁷⁸.

Бронзовые пряжки с неподвижным крючком (2 экз., 0,3%, рис. 14, 26, 27) относятся к категории обувных и встречаются на памятниках пьяноборской культуры, где они считаются специфически местными застежками и датируются I в. до н.э. - II в. н.э.⁷⁹.

Петельные застежки - крючки (50 экз.), обнаруженные в 13 погребениях культуры, крепились по шесть, четыре или два экземпляра на конце ремня. Выполнены из прямоугольной железной (36 экз., рис.15,6,8) или бронзовой (14 экз., рис. 14,28) узкой пластины, один конец которой резко заужен и загнут в виде петли. Бронзовые крючки украшались насечками, фасетками, вырезками, малыми горошинами-шляпками заклепок в стиле поясных накладок типа 2. Иногда к нижележащему крючку подвешивали каплеобразные подвески (рис.12,15). Железные поясные крючки украшались редко (бронзовые горошины-шляпки заклепок, каплеобразные подвески, рис.15,8).

Подобного типа застежки встречаются только в материалах могильников Удмуртии (Ижевский, Нивский, Мазунинский, Покровский).

IV. Орудия труда и оружие на могильниках культуры представлены ножами, шильями, пряслицами, точильными брусками, теслом, косами, серпами, топорами, удилами, мечами, копьями и наконечниками стрел, шлемом.

Ножи (566 экз.) однотипны, имеют клинок вытянуто-треугольной формы с прямой, редко изогнутой (опр.8 экз.) спинкой и сильно сработанным лезвием. Черешок подтрапещевидной формы составляет обычно 1/2 часть клинка, в некоторых случаях - 1/4-1/6. Рукоять ножей была деревянной (зафиксировано 276 сл.), в одном случае - костяной (Покровское, погр.189). Для ее жесткого упора в месте перехода от черешка к клинку имелись уступчики: со стороны спинки и лезвия, со стороны только лезвия или спинки. Ножи различались лишь по длине клинка, что определялось, вероятно, их функциональным назначением. Размеры клинка позволили выделить три варианта ножей.

Вариант 1. Большие ножи с длиной клинка от 12,0 до 20,0 см (опр. 51 экз., рис.15,10). При коррелировании ножей этого варианта с прочим вещевым инвентарем в погребении выявилось следующее. Длинные ножи встречались только в мужских погребениях, вещевой материал которых (мечи, копья, топоры, наконечники стрел) указывал на функциональное назначение данных ножей — охотничьих и боевых. Размеры клинков ножей совпадают с размерами современных охотничьих ножей.

Вариант 2. Ножи средних размеров с длиной клинка от 9,0 до 12,0 см включительно (опр. 69 экз., рис. 15,9). Они были обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях, в последних их находки преобладают. В вариант 2 вошли и ножи с выпуклой спинкой (рис. 15,11). Ножам этого варианта, по нашему мнению, пользовались в повседневной жизни, в быту.

Вариант 3. Ножи малых размеров с длиной клинка меньше 9,0 см (опр. 67 экз., рис. 15,7). Наименьшая длина лезвия равна 5,2 см. Встречались ножи в погребениях обоего пола.

Данный вариант ножей также предназначался для бытовых работ, но более точных, например, раскройка кожи. Неслучайно ножи этого варианта лежали в ножнах с шилом (рис. 33,4,6,9). Их могли использовать и для снятия шкур, поэтому в погр. 142 Ижевского могильника нож варианта 3 лежал в ножнах с охотничьим ножом (вариант 1).

Шилья (94 экз.) однотипны — железные стержни, квадратные или прямоугольные в сечении, с зауженными концами, причем, концы острия закругленные. На гранено-заостренный конец надевалась костяная (1 сл.), в остальных случаях — деревянная (рис. 15,12,13) рукоять. Углы граненого стержня не давали ей сползать с железной основы. Длина деревянной рукояти достигала 6,0-6,6 см, диаметр — 1,2 см. Длина острия была различна, что связано с предназначением шильев для определенных видов работ.

Вариант 1. Длина острия 1,9-4,2 см. Они использовались для более точных работ (опр. 16 экз., рис. 15,12,13).

Вариант 2. Длина острия 5,0-7,0 см (опр. 12 экз., рис. 15,14). Шилья варианта 2 найдены только на могильниках удмуртской группы, где они были широко распространены, вместе с шильями варианта 1. Последние были найдены на Бирском (5 экз.) и Бахмутинском (4 экз.) могильниках.

На памятниках бассейна р. Б.Таныпа (Ангасяк, Югомашево, Каратамак) шилья не зафиксированы.

Ножны для ножа, ножа и шила (46 экз.) обнаружены в 44 погребениях, по форме накладок и конструкции делятся на три типа.

ТИП 1. Ножны с бронзовой пластиной-обоймой, которая зажимала кожу футляра в верхней части или же украшала ее (10 экз., рис. 15,15,16). Концы обоймы заходили друг за друга или находились друг против друга. Ширина обоймы от 0,9 до 3,0 см.

ТИП 2. Ножны составные из двух-трех накладок, крепившиеся на некотором расстоянии параллельно друг другу (6 экз., рис. 16,1). Основа ножен была кожаная, выкрашенная в красный цвет, что

часто фиксируется в погребениях. Красный цвет прекрасно сочетался с золотистым цветом бронзы или беловато-серым цветом железа. Нижняя накладка обычно имела трапециевидную форму и украшалась крупными горошинами-шляпками заклепок (Покровское, Ангасяк, Ижевск).

ТИП 3. Ножны сечкообразной формы, сплошь покрытые бронзовыми накладками ("роскошные", 28 экз.). Техника исполнения накладок позволяет выделить два варианта.

Вариант 1. Составные (2 экз., рис. 15, 17), состоящие из нескольких (7, 11 экз.) фигурных, богато украшенных чеканкой и вырезами пластин, при этом нижняя всегда расширена и имеет трапециевидную форму. Они отличаются пышностью, богатством рисунка (геометрический орнамент из точек, полугорошин, вырезки прямоугольной и треугольной формы, насечки).

Вариант 2. Ножны, украшенные сплошной фигурной пластиной или же составными пластинами, создающими вид целой (26 экз., рис. 71, 3), с орнаментом, выполненным чеканкой (точки, полугорошины). По краю всегда располагался ряд горошин-шляпок заклепок, державших петли с каплеобразными подвесками (рис. 16, 2; 75, 1). Иногда к нижним петлям крепились цепочка из железных, бронзовых колец (рис. 71, 3). Длина ножен колебалась от 19,5 до 23,3 см при ширине верхней части (4,4)6,0-7,8 см, нижней — (4,7-5,5)8,5-11,5 см.

Ножны башкирской группы всегда узкие и состоят из фигурных накладок, украшенных по краю только горошинами и каплеобразными подвесками (3 экз., рис. 75, 1). Они предназначались для ножа. Ножны типов 2, 3, найденные в удмуртской группе, служили для ножа и шила (для него была сделана специально выпуклость), поэтому ширина их значительна. Каплеобразные подвески ножен типа 3 варианта 2 всегда находились на правой стороне ножен, что имело смысл, если их носили слева, где они в большинстве случаев и фиксируются в погребениях. К поясу ножны крепились с помощью бронзовой петли, расположенной в верхней части оборотной стороны (ее длина 0,8-1,2 см).

Ножны типа 2 и 3 не имеют близких аналогий. Так, ножны пьяноборской культуры имели форму усеченного конуса⁸⁰. Та же форма была у ножен из ломоватовских памятников V-VI вв., отличавшихся от последних лишь большим богатством орнаментики (горошины по краю)⁸¹. Подобного типа ножны были найдены единично в Покровском и Усть-Сарапульском могильниках и являлись предметами импорта.

Точильные бруски (2 экз.). Изготовлены из плотного песчаника в виде параллелепипеда длиной 7,5 см (рис. 15,18) и уплощенной гальки длиной 9,0 см (рис. 38, 2). Для подвешивания они снабжены круглым отверстием.

Пряслица (4 экз., рис. 19, 9) диаметром 3-4 см, сделанные из глины, в разрезе имеют подпрямоугольную форму (Мазунино, Усть-Сарапулка).

Тесло (1 экз., рис.20,4) длиной 14,5 см имеет трапециевидную закругленную у лезвия форму рабочей части.

Топоры (33 экз.) железные, найденные, в основном, в материалах башкирской группы памятников (25 экз.). По способу крепления рукояти выделено 2 типа — проушные (30 экз.), втульчатые (3 экз.).

ТИП 1. Втульчатые, с симметричным лезвием размером 60-71 мм при высоте топора 118-140 мм (рис. 16,3). Втулка для рукояти глубиной 52-55 мм имеет в разрезе овальную форму размером 27-28×38-36 мм. Втульчатые топоры были найдены только на Бирском могильнике (погр. 35, 57, 63).

ТИП 2. Проушные, круглообушные топоры имеют симметричное (опр. 18 экз., рис. 17,1) или едва оттянутое назад (опр. 11 экз., рис. 18,1) лезвие. По размерам выделено три варианта.

Вариант 1. Топоры незначительных размеров, отношение высоты лезвийной части к обушной равно 1:1,0-1,4. Подобные пропорции создавали массивность, большую силу удара топора (опр. 20 экз., рис. 17, 1, 2). Размеры лезвия 44-65 мм. Общая длина топоров равна - 102-138 мм (1 сл. - 155 мм).

Вариант 2. Топоры средних размеров, отношение высоты лезвийной части к обушной 1:1,6-2,0 (опр. 4 экз., рис. 18, 1). Длина топоров (137) 155-158 мм при размере лезвия 59-64 мм, шейки — 28-29 мм.

Часть топоров обоих вариантов имеет насечку на щеках (рис. 18, 1).

Вариант 3. Топоры удлиненных пропорций, отношение высоты лезвийной части к обушной равно 1:2,7-4,2 (опр. 5 экз., рис. 17, 3). Длина топоров варианта — 170-223 мм, ширина лезвия 35-45(51) мм, при ширине шейки 15-20 мм. Отверстие для рукояти имеет самые малые размеры: (31)15-18×35-45 мм.

Если топоры типа 1, 2 варианта 1, 2 были характерны для башкирской группы памятников, за исключением 4-х топоров Покровского могильника (тип 2, вариант 1), то топоры типа 2 варианта 3 —

для удмуртской. Последние, вероятно, были привезены сюда с территории именьковской культуры, где их находки довольно часты⁸². Для них присуще несовершенство формы и конструкции. Неслучайно два топора (Нива, погр.17; Ижевск, погр.180) оказались сломаны в силу их неудачной конструкции (большая длина при малой ширине лезвия и шейки). Возможно, они имели ритуальное или символическое значение.

Серпы (6 экз.) обнаружены только в материалах Каратамакского (3 экз.) и Югомашевского (3 экз.) могильников. По классификации Р.С.Минасяна они относятся ко II группе, 1 подгруппе⁸³. Все серпы имеют слабоизогнутый клинок, заканчивающийся пяткой, конец которой загнут перпендикулярно его плоскости (рис. 17, 4). Если размеры пятки еще можно зафиксировать (3-4 см), то длину клинка, в силу его плохой сохранности, нет. По сохранившимся остаткам можно лишь предположить, что длина серпов была более 19 см. Данный тип бытовал длительное время в лесной, лесостепной и степной областях Восточной Европы, в частности, в Прикамье до IX в.⁸⁴

Косы (15 экз.) обнаружены в Ангасякском (1 экз.), Старокабановском (8 экз.), Югомашевском (3 экз.), Каратамакском (1 экз.), Покровском (2 экз.) могильниках. Все они однотипны и представляют собой короткий, узкий, обоюдоострый клинок и поставленную под тупым углом к его плоскости пятку с крючком на конце (рис. 18, 2). Ширина, обычно равная 2,0-3,0 см, была почти одинаковой по всей длине клинка и сокращалась только у его конца. Клинок длиной 13,0-17,0 см в сечении имел форму равнобедренного треугольника высотой 0,8-1,5 см. Высота подъема пятки, равная 3,7-6,7 см, зависела от длины клинка, так например, при длине 13,0 см она была равна 4,3 см (Каратамак, погр. 5), а при 16 см - соответственно 6,7 см (Ст.-Кабаново, погр.54). Косами подобного типа, судя по конструкции клинка и пятки, могли пользоваться как косами-горбушами, но производительность их была незначительна. Такими косами траву могли только рубить.

Удила (24 экз.) обнаружены в Покровском (9 экз.), Мазунинском (2 экз.), Ижевском (5 экз.), Старокабановском (2 экз.), Нивском (3 экз.), Чепанихинском (2 экз.), Бирском (1 экз.) могильниках. Они относятся к типу двусоставных кольчатых (два кованых стержня, соединенные между собой кольцами) и выполнены из железа, реже бронзы (2 экз.). Длина стержней неодинакова, как и различен диаметр колец, но каждая из грызл удила имеет примерно равные размеры.

Длина грызл железных удил колеблется в пределах 12,5-17,8 см. Последние иногда были снабжены одной железной обоймой на каждом кольце (рис. 18, 3) или двумя обоймами на одном и одной - на другом (Покровское, погр.26), или только одной обоймой на одном кольце (Покровское, погр.119) для крепления к уздечке. Уменьшенные в размерах бронзовые удила, по нашему мнению, носят votивный характер, т.е. были посвящены богам. Длина их грызл 9,5-10,9 см при толщине стержня и колец 0,5 см (рис. 20, 3), 0,2 см (рис. 20,6). При таких размерах удила не могли быть использованы по своему назначению.

Кольчатые удила были широко распространены в послепьяноборскую эпоху на Урале, хотя на памятниках пьяноборской культуры они не обнаружены, а на позднекараабызских памятниках, таких как Шиповский могильник, их было найдено 9 экземпляров⁸⁵.

Мечи и кинжалы обнаружены в 21 погребении (Чепаниха — 1 экз., Нива — 2 экз., Покровское — 11 экз., Ижевск — 6 экз., Усть-Сарапулка — 1 экз.), при этом встречаются только в мужских захоронениях. Все они без металлического навершия, двухлезвийные, имеющие наибольшее распространение в позднесарматское время. Лезвия мечей от основания до острия клинка параллельны и сужаются только на самом конце (за 7-12 см). Клинок в сечении дает линзу, близкую к форме ромба. У мечей данного типа штырь с клинком выкованы из одного куска железа. Длина брусковидного штыря от 8,0 до 14,0 см при ширине 1,5-2,8 см у основания, 1,1-1,4 см — у конца. Типология данных мечей подробно разработана А.М.Хазановым⁸⁶, на основе которой нами выделено 2 типа.

ТИП 1. Мечи и кинжалы с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять-штырь (11 мечей; 1 кинжал). Размеры, прежде всего клинка, позволяют выделить следующие варианты.

Вариант 1. С длинным клинком от 70 до 80 см (7 экз., рис. 19, 5). Ширина клинка у пяты находится в пределах (3,7) 4,5-5,0 см.

Вариант 2. С коротким клинком от (42,5) 56 до 61,5 см (4 меча). Ширина клинка у пяты (3,4) 4,5-5,0 см.

Вариант 3. С очень коротким клинком (34 см), шириной у пяты 2,6 см, у острия 1,4 см (1 кинжал, рис. 17, 5).

ТИП 2. Мечи, клинок которых образует прямой угол с рукоятью-штырем (опр.6 экз., рис. 19, 6).

Вариант 1. С длинным клинком от 76,3 до 82 см (4 экз.). Ширина клинка у основания 4,4-5,0 см.

Вариант 2. С коротким клинком (53; 60 см) и шириной клинка у пяты 5,7 см (2 экз.).

Мечи и кинжалы типа 1, как отмечает А.М. Хазанов, были наиболее распространены в I-II в. н.э., а типа 2 — со II в. н.э. В III-IV вв. н.э. мечи становятся массивнее и шире⁸⁷.

На всех штырях мечей были найдены фрагменты дерева от рукоятей. А на четырех мечах имелись отверстия, куда вставлялся железный штифт для крепления обкладок рукояти (в погр.19 Покровского могильника высота штифта равна 1,3 см). В ряде погребений сохранились рукояти, поэтому удалось зафиксировать их размеры. Рукоять меча (Ижевск, погр.16) имела длину 40 см при диаметре 4,0 см, верхняя часть ее была зажата пятью бронзовыми кольцами (рис. 19, 6). Другая рукоять меча (Нива, погр.17), окрашенная зеленой краской, имела длину 33 см при диаметре около 5 см и была закреплена выпукло-округлым набалдашником⁸⁸. Набалдашниками для рукояти меча могли служить небольшая круглая бляха-раковина (Покровское, погр.26), бронзовая или железная бляшки (Покровское, погр. 19, 83), а также халцедоновый диск (Усть-Сарапулка, погр.89). В последнем случае рукоять длиной 26,6 см была украшена бронзовыми бляшками-накладками, заклепками-полугорошинами и обмотана рядами проволоки. На поверхности клинков всех мечей обнаружены фрагменты дерева от ножен, форму которых удалось проследить лишь в погр.17 (Нива, рис. 19, 5). Они повторяли форму клинка, но были больше по размерам (длина 85 см, ширина 6,6 см). Половинки деревянных планок ножен скреплены у основания эллипсовидным кольцом, а внизу — железной накладкой⁸⁹. Подобные кольца-обоймы, закрепляющие ножны, найдены в погр.83, 99 (Покровское), но там они бронзовые и намного шире. Почти всегда на ножнах, чаще всего в их средней части, найдены крупные бусины. Судя по находкам остатков зеленых и красных кусочков дерева в погр.17 (Нива), ножны еще украшались красочным узором.

Наконечники копий (52 экз.) обнаружены, в основном, на могильниках башкирской группы, где составляют — 3,7-11,1 (19,0)%. На правобережье Камы они найдены только в Усть-Сарапульском могильнике (3 экз.). Все они относятся к типу втульчатых с узким пером шириной 2-4 см. Размеры пера и копья в целом позволили выделить 3 варианта.

Вариант 1. Наконечники копий с коротким листовидным пером и длинной втулкой (опр.20 экз., рис. 19,1,3). Максимальное расширение приходится на середину пера или немного ниже ее. Линзовидное, реже ромбическое в сечение перо в 2-3,8 (4,9) раза меньше общей длины наконечника копья, которая варьируется в пределах (11,3) 12,6-22,0 см.

Вариант 2. Наконечники копий с ланцетовидным пером (опр.7 экз., рис. 19, 4). Длина втулки всегда меньше длины пера, линзовидного в сечении. Общая длина копья (11,2)12,5-24,2 см.

Вариант 3. Наконечники копий с длинным пером и очень короткой втулкой (опр.1 экз., рис. 19, 2), которая в 4,4 раза меньше длины копья. Данный вариант своими отдельными элементами напоминает наконечники копий “закавказского типа”, распространенные у поздних сарматов во II в. н.э.⁹⁰.

Наконечники копий первых двух вариантов были наиболее удобны для пробивания доспехов⁹¹. Они имеют аналогии в вещевом материале предшествующих культур, причем только на памятниках, расположенных на территории современного Башкортостана (Шиповский могильный комплекс, Охлебининский, Камышлы-Тамакский могильники⁹²). Появление втульчатых наконечников копий линзовидной формы с ромбическим сечением пера еще в IV в. до н.э. у племен карабызской культуры связано с влиянием военного дела сарматов, у которых оно находилось на очень высоком для своего времени уровне⁹³.

Наконечники стрел (табл.23), изготовлены из железа (42 экз.), кости (219 экз.). Изучение способа крепления, формы и сечения пера, размеров выявило 6 типов железных наконечников стрел.

ТИП 1. Черешковые трехлопастные с ромбическим пером (опр.14 экз., рис. 18, 4, 6). Все они крупных размеров: длиной пера (3,5)4,0-6,2 см. А длина округлых в сечении черешков составляет около или более 1/2 общей длины пера и равняется 1,5-3,1 см. В месте перехода черешка в перо имеется незначительный уступчик-порожек. Нижняя и верхняя части пера приблизительно равны. Данный тип наконечников стрел имел распространение в Восточной Европе с I в. до н.э. Во II-IV вв. он становится господствующим, прежде всего на позднесарматских памятниках, где исследователями наблюдается увеличение его длины⁹⁴. Аналогичное явление фиксируется в прикамских могильниках. Наконечники стрел типа 1 в массе обнаружены в Югомашевском и Бирском могильниках, в памятниках наиболее близких по территории сарматам.

ТИП 2. Черешковые, с удлинненно-ромбической головкой на конце пера (опр.3 экз.).

Вариант 1. Перо в виде трехгранной головки длиной 2,7 см, переходящей в круглый стержень, конец которого является черешком. Общая длина наконечника 7,5 см (опр.1 экз., рис. 18, 7).

Вариант 2. Перо в виде трехлопастной головки длиной 2,7; 5,1

см, переходящей в круглый стержень, конец которого является черешком (2 экз., рис. 18,11). Общая длина наконечников 6,8; 11,0 см.

ТИП 3. Черешковые плоские, с ромбическим, округло-ромбическим, в единичном случае треугольным пером (опр.7 экз., рис. 18, 5), длиной 4,8-8,4 см. У части наконечников имеются выемки (рис. 18, 10), уступчики (Бирск, погр.29) у основания черешка. Длина подпрямоугольных в сечении черешков 1,2-1,7 см. В погр.67 (Ст.-Кабаново) черешок едва намечен. Происхождение данного типа стрел А.М.Хазанов связывает с сибирско-центрально-азиатскими районами, где они появились в III - начале IV вв. н.э.⁹⁵

ТИП 4. Черешковые граненые, гвоздевидные наконечники стрел длиной 7,7-9,1 см (опр.4 экз., рис. 18, 9). Они имеют короткий (1,7-1,8 см) черешок круглый, реже прямоугольный, в сечении, имеющий при переходе к перу уступчик. Прямоугольное в сечении перо имеет заостренную или заостренно- едва расплюснутую головку.

ТИП 5. Втульчатые, с плоским ромбическим пером, длиной 7,8 см (опр.2 экз., рис. 18, 12). Втулка выступает на 2,2; 2,5 см.

ТИП 6. Втульчатые конусовидные (пулевидные) наконечники стрел длиной 4,8; 5,3 см (опр.5 экз., рис. 18, 13).

Железные наконечники стрел найдены, в основном, на территории башкирской группы (35 экз., 83 %). На их форму и способ крепления большое влияние оказали соседние позднесарматские племена. Наконечники стрел найдены в могильниках культуры, как правило, по 1 экз. в погребении (12 сл.), 2 экз. — 4 сл., 4 экз. — 4 сл., 6 экз. — 1 сл. .

Типология костяных наконечников стрел основывалась на учете способа крепления, формы и сечения пера, размеров (табл.23).

ТИП 1. Втульчатые четырехгранные длиной 2,7; 2,9 (3 экз., рис. 18, 16). По мнению В.Ф.Генинга, наконечники этого типа чаще всего встречаются в Южной Сибири в тагарских памятниках⁹⁶.

ТИП 2. Втульчатые пирамидальные наконечники стрел длиной (1,9)2,8-3,7(5,2) см (8 экз., рис. 18,14,15). Этот тип был распространен на Северном Кавказе в I в. до н.э. - начале III в. н.э., а также бытовал у пьяноборских племен с III в. до н.э. до II в. н.э.⁹⁷.

ТИП 3. Черешковые с треугольной головкой, срезанной под прямым, очень редко — под тупым углом (42 экз.). Наконечники данного типа отличаются тщательностью отделки. Черешок почти всегда, за небольшим исключением, круглый в сечении. Длина стрел колеблется в пределах 3,2-7,0(8,1) см. Форма сечения пера имеет шесть разновидностей: треугольная (рис. 18,19,21), ромбическая (рис.

17,7; 18,8), овальная (рис. 18,22), трапециевидная (рис. 18,18), квадратная (рис. 18,20), пятиугольная (рис. 17,6).

ТИП 4. Иволлистные с едва намеченным черешком, образованным за счет незначительного количества срезов на одном из концов (опр. 103 экз.). Выполнены наконечники небрежно, хорошо обработано лишь острие. Размеры позволяют выделить 2 варианта.

Вариант 1. Средних размеров от 3,1 до 5,0 см (опр.9 экз., рис. 16,10,14; 18,17). Сечение пера почти всегда треугольное (8 сл.), только в одном случае – трапециевидное (рис. 16, 14).

Вариант 2. Крупных размеров, длиной до 12,6 см (опр.94 экз., рис. 16,5,6,8,15,16) со следующими видами сечения пера: трапециевидное (опр.34 экз.), треугольное (опр.23 экз.), ромбическое (опр. 5 экз.), прямоугольное (опр.2 экз.), овальное (1 экз.).

ТИП 5. Иволлистные со срезанной нижней частью и уплощенно-прямоугольным в сечении черешком (опр.30 экз.). Черешок подобного сечения получался в результате значительного срезания кости параллельными срезами с двух сторон. В некоторых случаях на плоскости черешка наносились насечки параллельно друг другу (рис. 16,7; 17,9) или в виде сетки (рис. 16,12,13). Все наконечники типа крупные, длиной 6,4–13,0 см. По форме сечения пера выделяются следующие разновидности: ромбические (опр.14 экз., рис. 16,9,11; 17,9); треугольные (опр.12 экз., рис. 16,7,12); трапециевидные (опр.1 экз.), пятиугольные (опр.1 экз., рис. 16,13). Наконечники данного типа имеют место лишь на Югомашевском и Бирском могильниках. Прямые аналогии им обнаружены на памятниках, прежде всего, ананьинской культуры⁹⁸.

Костяные наконечники стрел распространяются на территории культуры следующим образом: типы 3, 4 вариант 1, имеющие истоки в ананьинско-пьяноборское время, обнаружены, в основном, в удмуртской группе памятников (92 %), типы 5, 4 вариант 2 господствуют в башкирской группе. Большие размеры наконечников стрел типов 4, 5 и значительное их количество в одном погребении (до 25 экз.), совместное их размещение с железными (Югомашево, погр.53) дает право предположить использование и костяных наконечников стрел в качестве боевых, о чем в свое время писал А.М.Хазанов⁹⁹. Неслучайно особо крупные наконечники типов 5, 4 варианта 2 найдены в пограничных памятниках (Каратамак, Югомашево, Бирск).

Шлем (рис. 20, 2) является уникальной находкой на памятниках мазунинской культуры. По своей конструкции аналогичен шлему

из погр.27 Суворовского могильника¹⁰⁰. Он собран из 32 железных пластин шириной 1,0-1,2 см. Основу шлема, имеющего высоту около 17 см и диаметр у основания 21 см, составляет обод (шириной 1,6 см) и две перекрещивающиеся полосы. Все остальные полосы имеют раздваивающиеся концы. Сверху этот шлем выглядел в виде многолучевой розетки. Снизу к шлему на медной заклепке прикреплена железная петля. А.М.Хазанов отнес “ажурный” шлем подобной конструкции к разряду каркасных¹⁰¹. Как считают современные исследователи, они относятся к переходному типу: от цельнометаллических монолитных античных шлемов — к составным средневековым. “Ажурные” шлемы Прикамья стоят особняком, представляя собой самостоятельное явление в развитии средств защиты. И.А.Бажан, О.А.Гей датируют их второй половиной II - первой половиной III вв., хотя, по их мнению, возможно некоторое их запаздывание в Прикамье¹⁰².

К р ю ч к и (72. экз.) по способу крепления (по форме основания) разделены на типы, по материалу — на варианты.

ТИП 1. Железные с расплюснутым основанием и отверстием в нем для крепления (7 экз., рис. 11,10). Длина крючков от 4,1 до 7,3 см. Данная форма основания и способ крепления были характерны для крючков третьего этапа караабызской культуры¹⁰³. Крючки типа 1, вероятно, являлись дальнейшим развитием караабызских традиций.

ТИП 2. С подтреугольным или овальным основанием (57 экз.). Конец железного стержня, загнутый в петлю для подвешивания, находится с крючком в одной плоскости.

Вариант 1. Железные (54 экз., рис. 11, 11). В начале при изготовлении петли конец закручивали на стержень (рис. 11, 9)¹⁰⁴, а позднее стали приковывать к нему. Длина крючков (2,7) 3,9-9,5 см.

Вариант 2. Бронзовые (3 экз., рис. 11, 40, 41). Конец петли загнут и едва налегает на стержень. Длина крючков 4,0-4,5 см.

Крючки типа 2 варианта 1 появляются в конце существования караабызской культуры (II-III вв.), Например, они найдены в 6-ти погребениях Шиповского могильника¹⁰⁵. Своим происхождением данный тип обязан сарматам, которые изготавливали такие же по форме крючки, но только стержень у них всегда был круглый¹⁰⁶.

ТИП 3. С основанием в виде петли, находящейся в другой плоскости от стержня, из которого сделан крючок (2 экз.). Один крючок, с петлей, загнутой назад (рис. 11,12), длиной 2,5 см имеет аналогии в материалах позднекараабызских могильников¹⁰⁷. Другой, с петлей, загнутой вперед (рис. 11,42), длиной 4,1 см близлежащих аналогий пока не имеет. Оба крючка бронзовые.

ТИП 4. Железный крючок из длинной (14,0 см), узкой (0,9 см) пластины прямоугольной формы, загнутой вниз (1 экз., рис. 11, 13).

Крючки типов 1-3 исследователи сарматской, карабызской культур называют колчанными, так как рядом с ними обычно находят остатки колчанов или сложенные в груды наконечники стрел. Этого не наблюдается в погребениях с крючками в мазунинской культуре. Из 71-го погребения, где они были зафиксированы, только в шести было найдено от одного до трех экземпляров наконечников стрел. А в могильниках башкирской группы, где обнаружено большое количество наконечников стрел, за исключением четырех погребений Ангасякского могильника, крючки отсутствуют. Каково назначение крючков типа 1-3 остается пока неясным.

Как и в погребениях карабызской культуры, их по-прежнему укладывали, в основном, в мужские захоронения около ног (у бедра, колена, голени, стопы, опр. 58 случаев). Только в одном случае (Усть-Сарапулка) его использовали для крепления ножен с ножом к поясу. Неясно и применение крючка типа 4.

Прочие (отдельные предметы). В одном экземпляре обнаружен миниатюрный бронзовый сосудик с крышкой эллипсоидной формы, имеющий высоту 2,5 см (рис. 5, 31). Обнаруженные на его дне остатки органического характера дают право предполагать использование его в качестве туалетной коробочки. В пользу этого свидетельствуют и две пары ручек для подвешивания.

Пинцеты - щипчики (10 экз., рис. 15, 1-3) сделаны из тонкой железной (4 экз.) или бронзовой (6 экз.) прямоугольной, с глубокими выемками по бокам, согнутой пополам пластины. Нижняя, наиболее широкая часть пинцета, в ряде случаев имеет слабую выпуклость. Следует отметить, что бронзовые пинцеты более изящные по форме и меньшие по размерам (4,3-6,0 см), чем железные (их длина 6,4-8,0 см). Использовались они как предмет туалета (для выщипывания бровей).

Слитки бронзы (дроты, 9 экз.) представляют собой длинный, округлый на концах стержень треугольного (в одном случае прямоугольного) сечения (рис. 38, 1). Их длина колеблется в пределах (9,3)13,4-21,3 см, а толщина 0,3-0,8×0,4-1,0 см. Чаще всего они входили в состав жертвенных комплексов женских захоронений, в мужских погребениях лежали у головы (1 сл.) и в ногах (1 сл.). Найдены они только в Покровском и Усть-Сарапульском могильниках. Исследователь монет Поволжья и Приуралья А.Г. Мухамадиев относит бронзовые слитки к ранним металлическим товаро-деньгам, их появление в Приуралье связывает с гуннами¹⁰⁸.

Посуда представлена 39 целыми или почти целыми керамическими сосудами, поставленными при умершем, а также мелкими фрагментами (107 экз.), брошенными в заполнение могильной ямы или же около нее. Если целые находки являются ритуальной погребальной посудой, то обломки — остатками городищенских бытовых сосудов, специально разбитых при захоронении. Ритуальные сосуды в погребениях встречаются довольно редко (1-3 экз. на памятнике). Исключение составляет лишь Усть-Сарапульский могильник, где они обнаружены в 14 погребениях (14 %).

Ритуальные сосуды, выполненные техникой ленточного налеха с костровым обжигом, имеют округлое с уплощением дна. Состав глиняного теста индивидуален для каждого сосуда (песок, песок с галькой, растительность, птичий помет, ракушка) и неодинаков даже на одном могильнике. Так, на Югомашевском могильнике в глине сосудов были примеси песка, песка и растительности, песка и гальки. Форма шейки позволила выделить три типа сосудов.

ТИП 1. Горшки со слабопрофилированной шейкой (опр.23 экз., 62,2 %, рис. 22,1,2,4,6,7,9).

ТИП 2. Горшки с цилиндрической формой шейки (4 экз., 10,8%, рис. 22,11,12).

ТИП 3. Чаши (10 экз., 27,0%) с открытым (7 экз., рис. 22,3,5,8) и закрытым (3 экз., рис. 22,10) устьем. Чаши из погр.3 (Ангасяк) и 87 (Усть-Сарапулка) имеют сильно уплощенное дно, тем самым приближаясь к типу банок (рис. 22,8). Все сосуды имеют, в основном, очень малые размеры (диаметр по венчику до 10 см; 28 экз., 82,4%). Лишь часть сосудов первого типа относится к категории сосудов малых (диаметр по венчику 11-15 см; 4 экз., 11,8%), средних (диаметр по венчику 16-25 см, 2 экз., 5,8%) размеров. Большинство сосудов не имеет орнамента (20 экз. рис. 22, 2-5,8,10-12; 66,4%), а если он и присутствовал, то узоры были очень просты: один ряд круглых (1 экз.), треугольных (1 экз., рис. 22,1,7) ямок; два (1 экз.), три (1 экз.) ряда круглых ямок по шейке, плечу; насечки по венчику (6 экз., рис. 22,9); ряд круглых и ряд прямоугольных ямок по шейке (1 экз.); два ряда прямоугольных вдавлений (2 экз., рис. 22,6), елочка из прямоугольных вдавлений (1 экз.).

Приведенная характеристика ритуальной посуды, свидетельствует об их близости к городищенской керамике как по технике исполнения, составу глиняного теста, так и по форме и орнаментации (см. ниже). Отличается от нее лишь более малыми размерами.

¹ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. С.10-48; Генинг В.Ф., Мырси́на Е.М. Мазунинский могильник // ВАУ. Вып. 7. Свердловск-Ижевск, 1967. С.90-96; Генинг В.Ф. Ижевский могильник IV-V вв. // ВАУ. Вып. 7. Свердловск-Ижевск, 1967. С.125-129; Останина Т.И. Нивский могильник III-V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С.96-112; Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С.46; Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-кабановский могильник // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск, 1987. С.64-125.

² Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7. Свердловск-Ижевск, 1967. С.23-35; Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984. С.29-45.

³ Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С.9; Каменецкий И.С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. №2. С.25.

⁴ Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С.40.

⁵ Генинг В.Ф. Мазунинская культура... С.24.

⁶ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С.179.

⁷ Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. Рис.11, 11, 12.

⁸ Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. // ВАУ. Вып. 5. Ижевск-Свердловск, 1963. С.52-53.

⁹ Ефименко П.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // МАЭМ. Саранск, 1975. Рис.3, 5-10.

¹⁰ Генинг В.Ф. Азелинская культура... С.53.

¹¹ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. 11. Ижевск-Свердловск, 1971. Рис.14а.

¹² Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. 10. Ижевск-Свердловск, 1970. Рис. 10, С.53.

¹³ Генинг В.Ф. История населения... 1970. С.57.

¹⁴ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. Рис. 11-20.

¹⁵ Генинг В.Ф. История населения... 1970. С.57.

¹⁶ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.184.

¹⁷ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. ДІ-30. М.: Наука, 1966. С.46.

¹⁸ Генинг В.Ф., Мырси́на Е.М. Мазунинский могильник. — Табл. II-4.

¹⁹ Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4. Свердловск, 1962. Рис. 50-14.

²⁰ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории уртов. М.: Наука, 1972. С.140.

²¹ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части... С.71, табл. X-17.

²² Там же. С.6.

²³ Там же. С.46, табл. 5, 22.

²⁴ Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.М. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. Рис. 4, 3.

²⁵ Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. Рис. 25-35.

²⁶ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части... С.44, табл. 5, 9-11.

²⁷ Генинг В.Ф. История населения... 1970. С.50.

- ²⁸ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) //СА. 1977. №3.Рис.6.
- ²⁹ Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V-первой половине VI в. н.э. в Среднем Поднепровье //САИ. Вып.Е1-43.Л.:Наука, 1978. Табл.22,6.
- ³⁰ Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник. Рис.3, 18.
- ³¹ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... 1970. Табл.IX-5.
- ³² Генинг В.Ф. Азелинская культура...С.52.
- ³³ Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI—начало XVIII вв.). Йошкар-Ола, 1992. С.53-55.
- ³⁴ Ефименко П.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы...Рис.3,14; 4,7, 8; 5,5; 16,8.
- ³⁵ Цыркин А.В. Культурные связи мордвы с прикамскими племенами во II-X вв. //МАЭМ.Саранск, 1975. С.48.
- ³⁶ Генинг В.Ф. История населения... 1970.С.55, табл.IV-5.
- ³⁷ Там же.С.61-62, табл.IV-17-20.
- ³⁸ Там же.С.104.
- ³⁹ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник...Рис.11,5.
- ⁴⁰ Генинг В.Ф. Азелинская культура...Табл.VIII-4, IX-10, 11.
- ⁴¹ Генинг В.Ф. История населения... 1970.С.58.
- ⁴² Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура...С.183.
- ⁴³ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура.Табл.7,7, 8, 13.
- ⁴⁴ Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров //САИ. Вып.Е1-59.М.:Наука, 1979.Табл.11,1-4.
- ⁴⁵ Там же.С.10.
- ⁴⁶ Там же.С.10; Ошибкина С.В. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм //КСИА. Вып.158. 1979.Рис.3,13-23.
- ⁴⁷ Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье //ВАУ.Вып.12.Свердловск, 1973.С.67, табл.1,8-9.
- ⁴⁸ Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточно-европейских степей //КСИА. Вып.158.1979.Рис.6.
- ⁴⁹ Там же.С.14-15.
- ⁵⁰ Генинг В.Ф. История населения... 1970.С.54, табл.XVIII-1.
- ⁵¹ Останина Т.И. Нивский могильник III-V вв.Табл.1,19; Генинг В.Ф. История населения... 1970.Рис.20,102.
- ⁵² Генинг В.Ф., Мырсица Е.М. Мазунинский могильник.Табл.III-2; Генинг В.Ф. История населения... 1970.Рис.20,91.
- ⁵³ Генинг В.Ф. История населения... 1970.Табл.V-1.
- ⁵⁴ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник...Рис.11,12.
- ⁵⁵ Генинг В.Ф. Азелинская культура...Табл.V-3.
- ⁵⁶ Генинг В.Ф. Азелинская культура...Табл.XVIII-7, 11.
- ⁵⁷ Голубева Л.А. Зооморфные украшения...Табл.10.
- ⁵⁸ Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник...Рис.4,10, 21.
- ⁵⁹ Генинг В.Ф. Азелинская культура...Табл.X-10.
- ⁶⁰ Генинг В.Ф. История населения... 1970.Табл.III-1.
- ⁶¹ Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья.Казань, 1976. Табл.32,11.
- ⁶² Там же.С.108.
- ⁶³ По независимым от автора причинам в работе не использованы бусы Югомашевского, Каратамакского могильников.
- ⁶⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ.Вып.П1-12.М.:Наука, 1978. С.62.

- ⁶⁵ Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры...С.31-35.
- ⁶⁶ Деоник В.Б. Классификация бус Северного Кавказа //СА. 1959. №3.С.64.
- ⁶⁷ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ.Вып.ПІ-12.М.: Наука, 1975, 1978.
- ⁶⁸ Генинг В.Ф. История населения... 1970.С.104.
- ⁶⁹ Качественный анализ бронзы выполнен в лаборатории ПО "Ижсталь".
- ⁷⁰ Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э...С.51, рис.30, 11.
- ⁷¹ Определение вида моллюска выполнено сотрудниками Зоологического института РАН, доктором биологических наук Я.И.Скоробогатовым.
- ⁷² Генинг В.Ф. Мазунинская культура...С.30.
- ⁷³ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки //САИ.Вып.ЕІ-2.М.:Наука, 1979.С.10-13.
- ⁷⁴ Сымонович Э.А. Памятники черняховской культуры степного Преднепровья //СА. 1955.ХХІV.Рис.13-8; Кухаренко Ю.В. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном //СА. 1955. ХХІІ. Табл.ІV-3.
- ⁷⁵ Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) //КСИА. Вып.158.1979.С.99.
- ⁷⁶ Ковалевская В.Б. Поясные наборы...С.16.
- ⁷⁷ Генинг В.Ф. История населения... 1970.Табл.ХХ-17.
- ⁷⁸ Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры...С.98.
- ⁷⁹ Генинг В.Ф. История населения... 1970.Рис.20,38.
- ⁸⁰ Там же.Табл.Х-15, 17; ХІ-6.
- ⁸¹ Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники...Табл.8,12, 14-17; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.Рис.16.
- ⁸² Старостин П.Н. Памятники именковской культуры //САИ. Вып.ДІ-32 М.: Наука 1967.Табл.13,9-12.
- ⁸³ Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья //АСГЭ.Л., 1978.С.79, рис.4,50.
- ⁸⁴ Там же.С.79.
- ⁸⁵ Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников... С.64, рис.23,4, 5.
- ⁸⁶ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.,1971. С.16-17.
- ⁸⁷ Там же.С.21.
- ⁸⁸ Останина Т.И. Нивский могильник...Табл.5,1,С.110-111.
- ⁸⁹ Там же. Табл.5,1.
- ⁹⁰ Хазанов А.М. Очерки военного дела...С.48-49.
- ⁹¹ Там же. С.47-48.
- ⁹² Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников...С.61; он же. Охлебининский могильник.С.77; Мажитов Н.А. Камышлы-Тамакский могильник //АБ Т.ІІІ.Уфа, 1968.С.43.
- ⁹³ Хазанов А.М. Очерки военного дела...С.3.
- ⁹⁴ Там же.С.40.
- ⁹⁵ Там же.С.41.
- ⁹⁶ Генинг В.Ф. История населения... 1970.С.82.
- ⁹⁷ Там же.С.82.
- ⁹⁸ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... Рис.29,7,8.
- ⁹⁹ Хазанов А.М. Очерки военного дела...С.42.
- ¹⁰⁰ Генинг В.Ф. Азелинская культура...Табл.ХХХVІІ-2.
- ¹⁰¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела...С.62-63.
- ¹⁰² Бажан И.А., Гей О.А. К вопросу о датировке "прикамских" ажурных шлемов //Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени.СПб, 1992.С.120-121.

¹⁰³ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура...С.187.

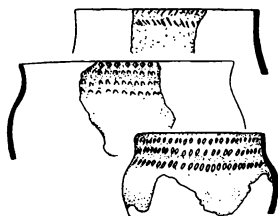
¹⁰⁴ Семенов В.А. Два памятника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии //ВАУ.Вып.7.Свердловск-Ижевск, 1967.Рис.1, 5.

¹⁰⁵ Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников... Рис.21,20,21.

¹⁰⁶ Садыкова М.Х. Сарматский могильник у д.Старые Кишки //АЭБ.Т.1.Уфа, 1962.Табл.VII-17.

¹⁰⁷ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник...Рис.9, 10.

¹⁰⁸ Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990. С.21.

Территория и поселения мазунинской культуры

На огромной территории мазунинской культуры, занимающей примерно 1/3 часть Удмуртии и Башкортостана, а также северо-восточную часть Татарстана и юго-западную окраину Пермской области, к 1996 году обнаружено 265 селищ и 124 городища, что примерно в 3,3 раза превышает число подобных памятников предыдущих археологических культур — караабызской, пьяноборской вместе взятых (рис.39,40). В удмуртском Прикамье мазунинское население жило на правобережье р.Камы и в бассейнах ее крупных притоков (Сива, Иж, Тойма), а также в верховьях р.Кильмезь, левого притока р.Вятки. В башкирском Прикамье население было сконцентрировано, в основном, на правобережье р.Белой с бассейнами рек Б.Танып, Бирь, Уфа, а также на р.Буй, левом притоке р.Камы. На левобережье р.Белой обнаружено в настоящее время 35 поселений, что составляет 13% памятников башкирской группы. Для северной и частично центральной части территории культуры (р.Кама с правобережными притоками, р.Буй, низовье р.Белой до устья р.Б.Таныпа) характерно равномерное расположение городищ с незначительным числом селищ. Здесь количество селищ около городищ обычно равно одному-двум, за исключением бассейна рек Варзи и Варзинки, правых притоков Ижа, где в окрестностях четырех городищ (Кузеебаевское II, Варзи-Пельгинское, Чумалинское, Балтачевское) сконцентрировано 28 селищ. Около 2/3 городищ и селищ расположено в междуречье Б.Таныпа и Уфы, правых притоков р.Белой. Причем, если по берегам рек Белой и Уфы городища расположены равномерно, а число селищ около них обычно равно двум-трем, то в бассейнах Б.Таныпа и Бири характерно расположение городищ в верховье их мелких притоков. А остальная прибрежная часть притоков этих рек была густо заполнена селищами, количество которых на каждой мелкой речке составляло от 4 до 11. Подобное расположение

памятников не случайно. Сооружение укрепленных поселений с незначительным числом селищ вокруг них, в основном, по берегам рек Белой и Уфы, объясняется необходимостью защиты мазунинского населения с юга, со стороны воинственных степных племен и народов. Городища, расположенные в верховьях Бири, Б.Таныпа, Буя, защищали территорию с востока, откуда существовала вероятность нападения неволинских или других соседних племен (рис.41).

Среднее и нижнее течение рек Б.Таныпа, Бири оказалось в центре расселения населения культуры, в относительно неопасной зоне, поэтому стало самой густонаселенной частью мазунинской территории. Население, проживающее в бассейне рек Иек, Шулии, Сибирган, Сюльди, Ар, левых притоков Б.Таныпа, не имели даже каких-либо укрепительных сооружений для защиты от врага.

Для селищ мазунинской культуры характерно их расположение на невысоких относительно поймы реки берегах, чаще всего на уровне 3-6 м. Из 265 селищ только 39 (14,7%) занимают площадки высоких береговых террас (15-40 м), но, как правило, они располагались возле крупных рек (Белая — 16, Б.Танып — 3, Уфа — 8, Б.Изяк — 4, Сива — 1, Кама — 7, Иж — 1 селище) или за площадками городищ (3 селища). В мазунинское время население “спустилось” с высоких террас крупных рек, характерных для системы расселения пьяноборских племен, на низкие берега мелких речек. Культурный слой открытых поселений незначителен, чаще всего беден находками. Размещение селищ на невысоких берегах рек, наиболее удобных для земледелия, привело к почти полной гибели культурного слоя в результате современной распашки земель. Поэтому раскопки селищ пока не дали значительных результатов. Так, при раскопках селища Чумали II (Алнашский район, Удмуртская Республика) на площади 333 кв.м обнаружены 1 хозяйственная и 3 столбовых ямы, а из вещевого материала — 14 фрагментов керамики¹. При раскопках Алтаевского III селища (Бураевский район, Башкортостан) вскрыто 13 хозяйственных и 5 столбовых ям на площади 694,5 кв. м². Площадь распространения находок (фрагменты керамики, куски обожженной глины, шлак, кости домашних животных) на таких селищах составляет от 300 до 15 тыс. кв.м, но чаще всего она равняется 2000-4000 кв. м в Удмуртском Прикамье и 8000-10000 кв.м в Башкирском Прикамье.

Классификация городищ. Городища мазунинской культуры подвергались в основном топографическому изучению и шурфовке, данные которой легли в определение культурного слоя. При его характеристике он назван нами слабым при мощности до 20 см с 2-10 фраг-

ментами находок керамики на 1 кв.м, средним — при мощности 30-40 см (иногда до 1 м) с большим количеством находок. Мощность культурного слоя, размеры, система укреплений позволили подразделить 118 городищ на три группы³.

ГРУППА I. Городища — сторожевые крепости с малой площадью от 0,5 до 3,5 тыс. кв.м (5 случаев — до 4,2 тыс.кв.м) — опр. 58 памятников. Для них характерен слабый культурный слой или его отсутствие. Система укреплений у данной группы встречается в пяти вариантах.

Вариант 1. С одним валом (41 городище, рис. 42, 1-3). Почти все городища расположены на высоких мысах, достигающих 100 м (Сундугачское городище), 135 м (Югомашевское III). Чаше всего они находятся на берегах крупных рек (Белая, Кама, Иж, Буй). Береговая терраса мелких речек вынуждала выбирать для городищ низкие мысы высотой 8-16 м, но в этом случае площадка памятника всегда занимала господствующее положение на местности (Перевозинское, Гаранькинское, Чумалинское, Поповское).

Вариант 2. С двумя валами (6 городищ, рис.42,4). Все они находятся на месте впадения мелких речек в более крупные (Минчегуртское, Староигринское, Цигвинцевское, Атуновское, Кансияровское, Камышенское II).

Вариант 3. С тремя валами (5 городищ, рис. 43,1; Югомашевское II, Загибовское II, Карлудское I, Краснохолмское, Чупихинское).

Вариант 4. С четырьмя валами (2 городища, рис. 42,5; Бобья-Учинское, Яромасское). Кроме того, три внешних вала Бобья-Учинского городища продолжают вдоль края оврага и выходят на конец мыса, укрепляя две невысокие, наименее защищенные стороны. Оба городища имеют удлиненно-треугольную (языковидную) форму и слабый культурный слой.

Вариант 5. С естественной защитой (4 городища) в виде высокой, отдельно стоящей горы (2 городища, рис. 43,3; Сайгатское I, Югомашевское III) или высокой возвышенности, отделенной от береговой террасы естественным оврагом — канавой (Пек-Жикья, Урталгинское).

Почти все городища группы имеют треугольную, удлиненно-треугольную (языковидную) форму, лишь пять — прямоугольную, три — круглую.

Таким образом, большинство городищ этой группы укреплено одним валом, иногда даже без искусственных укреплений (75,9%). При этом культурный слой отсутствует (23 гор.) или беден находками (35 гор.). Малая площадь, слабый культурный слой (или его полное

отсутствие), неразработанность системы искусственных укреплений свидетельствуют об использовании городищ первой группы в качестве сторожевых крепостей. Они являлись, прежде всего, наблюдательными пунктами, откуда следили за передвижением врага и предупреждали население о надвигающейся опасности. Неслучайно эти городища находятся на окраинных территориях мазунинской культуры: на юге — Акбердинское (Кыз-Кала-Тау); на востоке — Загибовское II, Большекиварское (Лазарево поле), Урталгинское (Назарова гора), Красноярское, Югомашевские II, III, IV, Кигазинское, Сундугачское, Афанасьевское, Чандарское (Соколиный камень); на западе — Пек-Жикья, Минчегуртское, Варалинское, Староигринское, Гаранькинское, Нижнекотельническое. Наблюдательными пунктами могли служить и другие господствующие на местности возвышения, но на них, к сожалению, не всегда фиксируется культурный слой. Наличие искусственных укреплений на городищах позволяет предполагать, что перед охранным отрядом стояла задача временного задержания врага, “отсидеться”, чтобы мирное население вместе со скотом, наиболее ценным имуществом, могло отойти в более безопасные места. В пользу подобного предположения могут свидетельствовать материалы Староигринского городища, где вскрыта вся площадка памятника (680 кв.м)⁴. При изучении планиграфии обнаруженных здесь объектов, была выявлена следующая картина. Вдоль склонов языковидного мыса городища находились равномерно расположенные очаги больших размеров, толщиной прокаленной глины до 40 см — остатки сигнальных костров. На конце мыса, на самой высокой его площадке, найдены столбовые ямы, располагавшиеся по трем окружностям диаметром 4, 6, 8 м. Большой диаметр столбовых ям (0,4–0,5 м) свидетельствует о возможной установке толстых бревен, в пазы которых можно было вставить доски-плахи. Подобная конструкция могла выдержать большую нагрузку. Мы предполагаем, что это были остатки наблюдательного пункта — башни. Слабый культурный слой свидетельствует о кратковременном пребывании здесь людей, которые оставили обломки жерновов, зерно ячменя, отдельные предметы обуви и украшений, фрагменты керамики.

Картографирование памятников первой группы выявило следующие закономерности (рис. 41):

1. Концентрация сторожевых крепостей на правобережье р.Тоймы, в низовье р.Ижа, на правобережье р.Камы между устьями Ижа и Белой, что свидетельствует о возможной агрессивности западных соседей, в частности, азелинцев, а позднее именьковцев. Неслучай-

но уже в VII в.н.э. часть мазунинской территории будет занята последними⁵.

2. Насыщенность городищами первой группы правобережья Камы от устья Сивы до устья Буя, а также р.Буй и восточных притоков Быстрого Таныпа. Если по р.Буй городища расположены на месте впадения в нее мелких рек, то на Б.Таныпе — в верховьях его притоков. Это позволяет судить о путях возможного проникновения сюда врага: в первом случае — по Каме, во втором — по Тулве или Ай-Уфе.

3. В центральной части территории культуры по Каме от устья р.Буй до р.Белой, а также в низовье р.Белой до устья Б.Таныпа городища первой группы не сооружали, очевидно, из-за отсутствия в этом регионе необходимости в них.

ГРУППА II. Одноплощадочные городища-поселения с большой площадью (35 городищ). По размерам они подразделены на две подгруппы.

Подгруппа 1. С очень большой площадью, равной 18-35 (132) тыс. кв. м (6 городищ, рис. 43,5; Тучубаевское, Урновское, Шульгановское, Благовещенское, Месягутовское, Сорвихинское). Они располагаются в верховье Б.Таныпа (4 гор.) и в междуречье Бири и Уфы (2 гор.). Городища с большой площадью были характерны в Среднем Прикамье для карабызских племен⁶, неслучайно традиции этого населения сохранились только на территории или вблизи их бывшего проживания. Все городища этой группы имеют слабый культурный слой и защищены одним (5 сл.), двумя (1 сл.) валами.

Подгруппа 2. С площадью от 4,0 до 13 тыс.кв.м (30 гор., рис. 41). Характеристика системы укреплений позволила выделить следующие варианты городищ.

Вариант 1. С одним валом (12 гор., рис. 44,1) и высотой площадки над поймой реки 18-60 м. Культурный слой незначителен и беден находками. Городища располагаются по берегам крупных рек (Кама, Сива, Белая, Уфа, Бирь, Буй).

Вариант 2. С двумя валами на мысах высотой 10-28 м (9 гор., рис. 43,2). На Тибельском городище внешний вал представляет собой замкнутое кольцо (рис. 42,6). Находятся они вблизи крупных рек, на мелких речках, родниках. Культурный слой средней мощности (до 50 см), но насыщен находками.

Вариант 3. С тремя валами высотой площадки 10-26 м (8 гор., рис. 43,4). Размещены городища по берегам мелких рек (Лып, Вотка — правые притоки р.Сивы; Постолка, Пироговка — правые притоки

Ижа) или родников на территории только Удмуртского Прикамья. Культурный слой, достигающий иногда 1 м (Чужьяловское городище), насыщен находками. Городища-поселения этого варианта в четырех случаях имели дополнительные укрепления на конце мыса в виде 1-2 валов (Сосновское, Загибовское I, Постольское, Ольховское III). На поселениях 2,3 вариантов преобладает площадь 5,6 - 9,4 тыс. кв.м, на них могли проживать жители 2-3 родов⁷.

Вариант 4. С естественной защитой — лог поперек высокого мыса (1 городище, Чеганда II).

Таким образом, чем ниже мыс, на котором располагалась площадка городища, тем больше сооружалось искусственных защитных укреплений, чем дальше городище-поселение от крупных рек, тем длительнее время его существования.

ГРУППА III. Многоплощадочные городища-поселения (16 городищ, рис. 41), имеющие по две (12 сл.), три (3 сл.), пять (1 сл.) площадок. Городища такого вида получались в результате сооружения через определенный промежуток времени на большом расстоянии друг от друга дополнительных валов. Это происходило вследствие количественного роста населения (Барьязское, Варьязское, Непряхинское, Ксяко-Тау, Бажинское, Поздышкинское, Рождественское, Камышенское I городища, рис. 44,2,4). Чаще всего (9 сл.) мазунинские племена использовали городища населения предшествующих культур (ананьинской, пьяноборской, караабызской). В числе городищ этой группы оказались и городища-крепости с кольцевым валом на конце мыса, сооруженные еще в пьяноборское время (Андреевское, Юлдашевское, Петер-Тау), которые из временных, очень удобных для защиты крепостей-убежищ⁸, превратились в мазунинское время в городища-поселения за счет увеличения площади при сооружении второго вала.

Все многоплощадочные поселения снабжены хорошей системой укрепления (2-5 валов и рвов) и располагаются, чаще всего, на высоких (20-50 м) мысах языковидной формы (в двух случаях — на отдельно находящихся возвышенностях овальной формы — Барьязское, Рождественское). Площадь городищ составляет 4,0-10,0 тыс. кв. м (подгруппа 1; 14 городищ), 18-33,0 тыс. кв.м (подгруппа 2; 2 городища). В большинстве случаев культурный слой беден находками, за исключением Андреевского, Юлдашевского, Петер-Тау, Юмакаевского, Барьязского, Варьязского городищ, на которых он достигает 75 см и насыщен остатками человеческой деятельности.

Используя городища предшествующего времени, мазунинское население на ряде памятников не сооружало новых дополнительных

укреплений. Находки керамики и отдельных вещей мазунинской культуры обнаружены в культурном слое многослойных городищ (Бурнюшское, Новомедведевское, Караабызское, Кувыковское, Чегандинское I, Момылевское). В соответствии с выработанной нами классификацией, первые 2 городища относятся к группе I, а остальные — к группе II подгруппы 2.

Для изучения оборонительных сооружений на ряде городищ (Сосновское, Постольское, Казакларовское I, Юлдашевское) были произведены разрезы валов и рвов, не выявившие никаких дополнительных конструкций. Лишь на Юлдашевском городище на внутреннем склоне внешнего вала найдены остатки бревен или жердей, уложенных горизонтально. Насыпи валов сооружались из грунта, взятого при рытье рвов или с площадок городища (Юлдашевское)⁹.

В последние два десятилетия на городищах-поселениях мазунинской культуры стали проводиться значительные археологические работы, о чем свидетельствует таблица 24. Полученный материал позволяет судить о характере жилищ, очагов, хозяйственных ям поселений культуры. Всего на шести городищах (Сосновское, Постольское, Чужьяловское, Казакларовское I, Барьязское, Юмакаевское) обнаружено 59 очагов, 148 хозяйственных ям, 5 жилищ, 1 хозяйственная постройка (табл.25).

Классификация очагов (табл 26). Конструктивные особенности позволили выделить 4 типа очагов (рис. 45, 1-13).

ТИП 1. Оранжево-розовые прокаленные пятна подстилающей глины, песка или глиняной подсыпки (подушки), имеющие овальную (9 сл.), подпрямоугольную (6 сл.), треугольную (2 сл.) и круглую (1 сл.) формы (рис. 45,1-6). Мощност прокала в пределах (3)10-30 см. На проколах трех очагов I Казакларовского городища еще лежали бесформенные куски обожженной глины толщиной 5-12 см, которые, возможно, содействовали более длительному сохранению тепла.

ТИП2. Пятно прокаленной глины (подушки) с камнями (26 очагов). Зафиксированы следующие пять вариантов расположения камней около прокала (рис. 45,7-11):

- камни лежат (стоят) по периметру (13 сл.);
- камни лежат по периметру и на прокале (4 сл.);
- камни находятся около прокала одиночно или скоплениями (6 сл.);
- камни уложены в форме прямоугольника около прокала, иногда с одной стороны, частично налегая на него (2 сл.);
- камни лежат только на прокале (1 сл.).

Очаги этого типа чаще всего функционировали длительное время, о чем свидетельствует значительная толщина прокаленной глины, достигающая 60 см (Чужьяловское, очаг VI), а также наличие у девяти очагов околоочажных пятен с мощностью выброса из них до 45 см. Ряд очагов этого типа около прокала имеют бесформенные вымостки тонкого слоя сырой глины (5 сл.), служившие, очевидно, в противопожарных целях.

ТИП 3. Пятно прокаленной глины с околоочажной впадиной (7 сл., рис. 45, 12). Мощность прокала в пределах (6) 10-26 см, глубина впадины 30-106 см.

ТИП 4. Очажные ямы (5 сл.) двух вариантов:

— ямы незначительных размеров, не намного превышающие размеры прокала, находящегося в ее нижней части (2 сл., рис. 45, 13). Прокал глины в сечении имеет линзовидную форму, мощность его достигает 20 см, диаметр равен 56-96 см. Глубина ям 42-66 см;

— ямы, значительно превышающие размеры прокала (3 сл., рис. 46, очаг VIII).

Если глиняный прокал очагов последнего варианта имеет размеры в пределах 62-75×110-156 см, то размеры ямы соответственно составляют 171-258×225-345 см. Уровень фиксации ямы и очажного прокала одинаков. Глубина ямы незначительна (30-50 см), мощность расположенной в ней прокаленной глиняной подушки — 15; 23 см.

Очаги типа 1,2 на поселениях мазунинской культуры имели наибольшее распространение, использовались они для отопления жилища и для приготовления пищи летом на открытом воздухе.

Если на каждом памятнике удмуртской группы обычно представлены все, выделенные нами, четыре типа очагов, то в башкирской всегда господствует какой-то один определенный тип (табл. 26). Очаги типа 1,2 являются прежде всего продолжением местных, пьяноборских отопительных традиций. Так, на городище Чеганда I 90% очагов принадлежит к типу 1, 10% — к типу 2¹⁰. Эти же типы очагов обнаружены на поселениях полемской культуры, следующей по хронологии археологической культуры лесной зоны Прикамья¹¹. Очаги типа 1 обнаружены и при раскопках городищ карабызской культуры на территории центральной части Башкортостана¹².

Очаги типов 3, 4 зафиксированы лишь на поселениях мазунинской культуры, их использовали для приготовления пищи в летнее время.

Классификация ям (табл. 27). По конструкции ям (форме сечения) выделено четыре типа.

ТИП 1. Ямы с вертикальными стенками (79 сл.; 73,1%), плоским (26 сл.) или закругленным (53 сл.) дном. Глубина ям в основном равнялась 7-50 см и только 13 ям (16,5%) имели глубину от 50 до 105 см. Большинство ям в плане имели овальную (19 сл., рис. 45,14), подпрямоугольную (22 сл., рис. 45,15), круглую (26 сл., рис. 45,16) формы, реже — трапециевидную (8 сл.), треугольную (4 сл.).

Ямы типа 1 обнаружены в жилищах (9 сл.), около жилищ (4 сл.), в пределах хозяйственной постройки (1 сл.), у очагов (38 сл.), по краю городищ (19 сл.).

В состав заполнения ям чаще всего входит темно-серая супесь с примесью гумуса, угля, золы, кусочков прокаленной глины, а также фрагменты керамики. Незначительная глубина, состав заполнения свидетельствуют об использовании их в качестве выгребных ям (для временного сброса мусора при очистке очага). Часть наиболее глубоких ям могла использоваться и для хранения продуктов.

ТИП 2. Ямы с вертикальными стенками, со ступенями сбоку (13 сл. 12%, рис. 45,17-19). Глубина их находится в пределах (35)42-112 см. На плане они имеют овальную (2 сл.), прямоугольную (2 сл.), круглую (6 сл.), трапециевидную (2 сл.), треугольную (1 сл.) формы. Ямы этого типа сооружались в жилище (1 сл.), у жилища (1 сл.), в хозяйственной постройке (1 сл.), у очагов (5 сл.), у края городища (5 сл.). Для заполнения ям этого типа характерно наличие кусков обожженной и сырой глины, угля, песка, камней, керамики. Так, например, в яме №14 (Сосновское городище) обнаружено 308 фрагментов керамики, в том числе со следами оплавления. Песок, глина находятся обычно на дне ям. Все это позволяет предположить о производственном использовании ям типа 2 (печи для плавки? цементации? металла).

ТИП 3. Ямы подколоколовидной формы (подпрямоугольной, иногда с выемками посередине, с расширением внизу, 11 ям, 10,2%, рис. 45, 20-22). Для них характерна значительная глубина (55)75-198 см. На плане преобладает круглая форма диаметром 100-160 см (5 сл.). Из других форм определены: прямоугольная (3 сл.), трапециевидная (1 сл.), треугольная (1 сл.). В заполнении ям, особенно в нижней их части, на дне, обнаружено большое количество фрагментов керамики и костей. Большая глубина, расширение в нижней части, где найдены фрагменты керамики, кости, позволяют отнести ямы этого типа к продуктовым, причем к типу холодильников для хранения молочных и мясных продуктов. Ямы, в основном, располагались по краю площадки поселения, вблизи очагов и жилища.

ТИП 4. Ямы трапециевидной формы (расширяющиеся книзу, 5 сл., 4,7%), имеющие большую глубину (50) 75-120 см (рис. 45,23). На плане они круглой (5 сл.) или овальной (1 сл.) формы. Ямы этого типа служили для хранения продуктов и были расположены всегда у очагов.

Для всех поселений, указанных в таблице 27, характерно преобладание ям типа 1. Ямы производственного назначения (тип. 2) составляли незначительный процент (12%). Ямы типа 3,4 характерны только для башкирской группы поселений. Ямы 1-3 типов имели место на поселениях пьяноборской культуры. Так, на городище Чеганда I они составляют 71%¹³. Ямы на мазунинских городищах, в отличие от пьяноборских, имеют большие размеры и разнообразны по форме. Ямы типа 1 небольшой глубины были характерны для ранних поселений полумской культуры (городища Гыркесшур, Варнинское I)¹⁴.

Жилища. Крупные раскопки на однослойных поселениях долгое время не производились, поэтому исследователи могли высказывать только предположения о характере мазунинских жилищ. Так, на поселениях удмуртской группы памятников В.Ф.Генинг предполагал наличие наземных жилищ¹⁵. А для башкирских памятников, согласно мнению Н.А.Мажитова, характерны жилища-полужемлянки размером 6×6, 6×5, 6×4 м, которые обнаружены им на многослойном Новотурбаслинском II поселении¹⁶. Здесь, в культурном слое мощностью до 40 см, были найдены разные типы керамики (кушнаренковская, романовская, турбаслинская, мазунинская). Соотносить жилище только с мазунинской культурой нет достаточных оснований, так как данных о залегании определенных типов керамики на дне землянок не имеется. В последнее время другой башкирский археолог В.А.Иванов рассматриваемые жилища относит к турбаслинской культуре¹⁷. При раскопках однослойных мазунинских городищ были обнаружены остатки пяти жилищ и одной хозяйственной постройки (табл. 28).

Жилищные пятна фиксируются обычно по пестроцвету темно-серой супеси, угля, гумуса, кусочков прокаленной глины мощностью 5-15 см. Если жилище находилось на поверхности с большим перепадом высот (Казакларовское I), то пол будущего дома для выравнивания подрезался, отчего получался своеобразный котлован глубиной 20-30 см. В некоторых случаях под стены подставлялись столбы-пеньки (Постольское). Размеры жилищных пятен позволяют выделять жилища с большой площадью (Сосновское, жилище №1-121,

5 кв.м; Постольское, жилище №1-118, 4 кв.м) и средней (Чужьяловское, жилище №1; Казакларово I, жилище №1-36, 5 кв.м). Незначительная площадь жилищных пятен дает возможность предполагать существование наземных жилищ подпрямоугольной формы. Суровые климатические условия края, его лесные богатства свидетельствуют в пользу распространения бревенчатой срубной постройки. Судя по найденным остаткам, ее ставили на поверхность ровной площадки поселения, а в случае перепада высот — при соответствующем подрезании почвы — на материк (Казакларовское I городище). На Чужьяловском городище по периметру обоих жилищ на древнюю поверхность поселения, под нижние ряды срубов, была подсыпана полоса глины шириной до 72 см, мощностью до 13 см.

Южная (Ю-С, ЮЗ-СВ) ориентация жилищ на поселениях удмуртской группы памятников, наш взгляд, связана с климатическими особенностями региона, "где большую часть года преобладает юго-западное направление ветра. Средняя повторяемость ветра этого направления — 20-30%"¹⁸. Немаловажную роль в выборе ориентации дома могли играть и традиции пьяноборского населения, у которого зафиксировано подобное расположение жилых сооружений¹⁹. На Казакларовском I городище (башкирская группа) жилище было поставлено по линии ВЮВ-ЗСЗ, перпендикулярно краю береговой террасы, что, вероятно, было тоже определено господствующими здесь западным и южным направлениями ветра²⁰.

Почти в каждом из исследованных полностью остатков жилищ были обнаружены очаги типа 2, которые удобны для приготовления пищи, для обогрева, т.к. камни могли долго сохранять тепло. В жилище Постольского городища находился еще и очаг типа 4 (№ VIII). Только в жилище Казакларовского I городища обнаружен очаг типа I (№ IV), имеющий сверху слой кусков обожженной глины, аккумулирующий тепло, как и камни. Обязательным элементом жилища были хозяйственные ямы (2; 4 экз.), являющиеся хранилищами продуктов или сборниками мусора, особенно очажного. Все найденные в жилищах ямы относятся к типу I.

Вдоль одной из длинных стен, на значительном расстоянии от очага, судя по отсутствию здесь остатков каких-либо сооружений, находились нары-лежанки. О наличии таковых свидетельствуют и данные лингвистики. Слово, обозначающее нары (настил), имеет общепермское происхождение (сравни: удм.жыжол²¹ и коми джодж²²). Зафиксированы они и на поселениях других культур Прикамья (гляденовская, пьяноборская, ломовская). Пол был земляной, судя

по остаткам глиняного пятна в жилище №1 Чужьяловского городища, мог быть утрамбован глиной. Судить о высоте дома при отсутствии археологических данных очень трудно. Можно лишь найти аналогии в постройках более раннего времени, обнаруженных на поселениях пьяноборской культуры. На городище Чеганда I при раскопках был найден угол сгоревшего дома (жилище VIII), упавшего на расстоянии 1-2 м от основания жилища, что дает возможность реконструировать высоту стены в пределах 1,5-1,8 м. Это составляет примерно 7-8 венцов бревен.

Таким образом, для поселений мазунинской культуры были характерны наземные срубные прямоугольной формы жилища, поставленные на поверхность почвы (на материк — Казакларово, на глину — Чужьялово). Обязательными внутренними элементами интерьера являлись нары-лежанки, очаг и несколько хозяйственных ям.

Привлекая фотоматериалы энтографического плана Удмуртского республиканского краеведческого музея, совместно с архитектором О.К.Грачевым мы попытались реконструировать раскопанное на Постольском городище жилище. Полезная площадь жилища составляла около 103 кв.м (рис. 46). Основываясь на изучении сохранившихся древнеудмуртских построек — куа (куала), а также вышеуказанной находки угла дома на городище Чеганда I, количество венцов, могло достигать восьми. Отсюда высота прямоугольного сруба жилища равнялась около 2, 4 м. При кладке сруба шло чередование по вертикали комля с верхушкой, что было необходимо для уравнивания сруба при большой длине бревен (около 13,0 м). Система отопления (открытые очаги) предполагала отсутствие потолка. Большие снеговые нагрузки, характерные для прикамской климатической зоны, при значительных размерах жилища требовали устройства покоившейся на слегах двускатной крыши. Слеги, в свою очередь, были жестко связаны с самцами, являющимися на торцах продолжением сруба (рис. 47). Покрытием могли служить крупные куски коры, перекрывающие друг друга на крыше снизу вверх. Не исключена возможность и наличия на ней соломы. Концы лубяной кровли, судя по этнографическим данным, защемлялись внизу тонкими бревнами — водостоками, крепившимися крюками-корневищами (курицами), а наверху — гнетом-замком. Остатки входа не зафиксированы, но ряд фактов свидетельствует о размещении его с юго-восточной, торцевой стороны, а именно:

1) наибольшая утоптанность погребенной почвы зафиксирована в продольной восточной и в юго-восточной частях жилища;

2) почти все хозяйственные объекты расположены ближе к выходу для удобства удаления мусора;

3) расположение входа с длинной стороны при больших размерах стены привело бы к ослаблению конструкции сруба;

4) вход с юга обеспечивал самое благоприятное освещение и наименьшее выдувание тепла зимой;

5) отсюда было наименьшее расстояние до родника, расположенного у южной подошвы мыса.

С конструкцией жилища тесно связаны три столбовые ямы (№ 9,11,18). Значительные их размеры и расположение на плане постройки предполагают их вспомогательную роль — в качестве опоры сруба в момент сборки (столбовой пенек). Это было обусловлено наклонной поверхностью площадки под жилищем. Расположение столбовой ямы №13 на плане жилища позволяет предположить, что в ней устанавливали столб, не связанный со срубом. Правда, не исключена возможность использования его в качестве "сохи" для поддержания конструкции крыши. Он мог служить и для каких-либо ритуальных целей, неслучайно в удмуртском языке сохранялся термин "воршуд юбо" (столб с изображением родового божества)²³.

Обнаруженные в жилище ямы типа I служили для сбора мусора, отходов костра (№ 3,5, 9), а также для хранения продуктов (№ 4). На полу, вдоль восточной стенки, обнаружены два очага 2, 4 типов (№ XII, VIII), расположение которых предполагает наличие нарлежанок вдоль длинной, западной стенки, как наиболее свободной и пожаробезопасной. Для сбора сажи с гигиенической точки зрения над нарами мог быть навес из кусков коры или широкая полка. Освещением жилища служил естественный солнечный свет, который мог попадать через дверь, волоковое окно с восточной стороны и через отверстие в крыше для выхода дыма. Нахождение волокового окна определялось направлением ветра и солнечных лучей, что не могло не учитываться древним населением.

Судя по планиграфии поселений, на которых проводились масштабные раскопки, жилища располагались обычно в центральной части площадки, но чаще всего ближе к валу. Около вала или по краю городища находились очаги в комплексе с хозяйственными и столбовыми ямами. Пространство около домов было относительно свободным от сооружений. Здесь редко встречались хозяйственные и столбовые ямы (Сосновское, Постольское, Казакларовское I городища).

На Казакларовском I городище обнаружены остатки наземной

постройки прямоугольной формы площадью 20,8 кв.м, которую мы относим к типу хозяйственных сооружений. Она располагалась на склоне с перепадом высот в 40 см, поэтому для выравнивания площадки была срезана земля на 20-25 см. На поверхности пола зафиксированы 2 хозяйственные и 1 столбовая ямы. Заполнение котлована — темно-серая гумусированная супесь с кусочками прокаленной глины. В ямах и в котловане найдено большое количество фрагментов керамики.

Для всех исследованных поселений мазунинской культуры присуще незначительное число находок вещей, за исключением разве что Чужьяловского городища, на котором найдено 135 предметов (на Постольском — 10 предметов). Набор обнаруженных вещей почти одинаков: пряслица, наконечники стрел, ножи и шилья, бусы, обломки украшений, точильные бруски, песты, зернотерки. Если зернотерки или их обломки встречаются на городищах удмуртской группы, то обломки жерновов были найдены на башкирских памятниках (Казакларовские I, II городища)²⁴. Остатки древнего металлургического производства зафиксированы в коллекциях Чужьяловского и Сосновского городищ (куски шлака, обломки тиглей)²⁵. Здесь же обнаружены косы и скобель, новые, впервые встреченные на поселениях III-V вв. данной территории, находки орудий труда. Для всех поселений культуры характерна насыщенность культурного слоя обломками глиняной посуды (керамики).

Характеристика керамического материала. Обработка керамического материала шести рассматриваемых выше поселений проводилась по программе, предложенной В.Ф.Генингом²⁶ (табл. 29). Исследованию было подвергнуто 735 крупных обломков керамики, позволяющих определить параметры сосудов и их внешние характеристики.

Вся керамика выполнена техникой ленточного налёпа без помощи гончарного круга, округлодонна или слегка уплощенна. Обжиг сосудов костровой, отчего поверхность имеет неодинаковый цвет (черный, серый, светло-коричневый). Внешняя поверхность сосудов гладкая, сравнительно хорошо обработана куском ткани (кожи?). При этом не наблюдается тщательности обработки до лощения, характерной для керамики ананьинской и пьяноборской культур²⁷. При обработке внутренней поверхности качество заглаживания ухудшается (используется трава, щеп).

Анализ основных показателей форм сосудов позволил определить следующие цифровые характеристики керамического комплекса (табл. 29). Он представляет собой низкогорлые (средний процент

88,2), широкогорлые (средний процент 98,7) сосуды, у которых шейка слабо (средний процент 50,1) или среднепрофилирована (средний процент 40,3). По показателю выпуклости тулова сосудов они слабо (средний процент 59,3) или средневypуклы (средний процент 20,6). В изучаемом керамическом комплексе преобладают сосуды средних размеров (диаметр по венчику 16-25 см), средний процент их равен 73,8. На всех памятниках встречаются сосуды очень маленьких (до 10 см, средний процент 5,4) и больших (26-35 см, средний процент 11,2) размеров. Орнамент чаще всего располагается в верхней части сосудов (венчик, шейка, плечико). На памятниках бассейна р.Белой его могли наносить и на тулово. Мотивы орнамента не отличаются многообразием (табл.29):

- зашпы или насечка по венчику (рис. 50, 2,3,7,9-14,17,18);
- горизонтальные ряды (чаще всего 1-3 ряда) круглых, треугольных, овальных, ромбических, прямоугольных ямок (рис. 48, 2-10, 12,14; 50,1,2,7,9,11,13-18);
- круглые ямки, расположенные хаотично по всему тулову, при этом обычно их накалывали с ровного ряда по шейке (рис. 48,1,7, 11,13; 49, 3,6,10,12,13);
- в виде елочki по плечику из разных форм вдавлений, чаще всего овальных.

Изредка встречались узоры из сложных фигур, выполненных из тех же ямок (рис.50, 4). На некоторых крупных сосудах выявлены по 1-6 сквозных круглых отверстия, расположенных на шейке, реже — плечике (рис. 50,6,10). На наш взгляд, они имели утилитарное назначение (для соединения трещин, для продергивания шнура). Давая характеристику орнамента сосудов, следует подчеркнуть его бедность и относительную редкость. Несмотря на то, что уже в полевых условиях целенаправленно собирается керамика с узором, число сосудов с орнаментом в изучаемых коллекциях составляет незначительное количество. Так, на Постольском городище орнамент имеется у 33% фрагментов сосудов, на Чужьяловском — у 56% всех выделенных сосудов, представляющих 33% всех собранных фрагментов, на Сосновском — 28,4%.

Для каждого памятника состав глиняного теста сосудов был индивидуален (табл.29). Так, в состав глиняного теста сосудов Чужьяловского городища входит раковина (99,4%), в единичных экземплярах отмечен песок или растительность. На Постольском городище формовочная масса большинства сосудов включает добавки растительности и песка (илистоподобное сырье, 58,5%) или раковины

(32,1%) и очень редко растительность (9,4%). В керамическом комплексе Сосновского городища в состав глиняного теста входит растительность (77,4%), сосуды с раковиной составляют 8,7%, с песком – 6,9%. Сосуды Казакларовского I городища выполнены из глины с примесью песка и мелкой гальки (81,2%), реже песка (18,8%), а в коллекции городища Барьязы в глиняном тесте преобладает песок (50,8%), песок с галькой (32,8%), реже встречается раковина (13,4%), шамот (1,5%). Можно отметить, что примеси раковины и растительности чаще всего встречаются на памятниках правобережья р.Камы, а песка и песка с галькой – на правобережье р.Белой (табл.29).

Корреляция указателей форм (ФЖ, ФГ, табл.29), выявленных по верхней части сосудов позволила выделить 4 типа посуды (табл.30).

ТИП I. Округлодонные горшки с выпуклыми плечиками и отогнутыми наружу шейками (ФЖ > 0; ФГ > 0). Всего они составляют 93,7%. Профилировка шейки данного типа сосудов имеет четыре варианта: слабопрофилированные (47,9%), среднепрофилированные (45,3%), сильнопрофилированные (6,4%), очень сильнопрофилированные (0,4%).

ТИП II. Округлодонные горшки с прямыми (вертикальными) шейками и выпуклыми плечиками (ФЖ>0, ФГ=0; 3,5%).

ТИП III. Округлодонные горшки закрытого типа с шейкой, наклоненной вовнутрь, и выпуклыми плечиками (ФЖ>0, ФГ<0; 0,4%).

ТИП IV. Округлодонные непрофилированные чаши (2,4%).

При соотношении размеров с выделенной нами типологией выяснилось, что чаши (тип IV) были в основном очень малых размеров (от 2,9 до 10 см), а среди сосудов типа I больше средних и больших (от 16 до 35 см). Если чаши (округлодонные стопки) служили для питья, то остальные типы сосудов – для приготовления пищи и хранения продуктов.

Для выявления степени типологического сходства или различия между рассматриваемыми керамическими комплексами было проведено сопоставление керамики по основным морфологическим признакам (всего 34, табл.29) методом, разработанным И.С.Каме-нецким, Б.И.Маршаком, Я.А.Шером²⁷. По формуле, предложенной данными авторами, были определены показатели сходства²⁸ и представлены в турнирной таблице 31. Построенный на основании этих данных по модели "А" граф типологического сходства керамического материала (рис.80) показывает, что памятники бассейна р.Белой (Казакларовское I, Барьязы, Юмакаевское) образуют между собой устойчивые типологические связи (показатель сходства в пределах

0,63-0,9), что свидетельствует об их культурном единстве²⁹. Чужьяловское, Сосновское, Постольское городища (правобережье р.Камы) образуют звено с такой же устойчивой связью (0,69-0,8). Среднее звено графа, связывающее памятники правобережья р.Камы (Чужьяловское, Сосновское) и р.Белой (Барьязы, Юмакаевское), имеет наивысший показатель сходства керамического материала (0,68-0,9). Это свидетельствует в пользу их культурного единства и наибольшей хронологической близости. Судя по показателям сходства, Казакларовское I и Постольское городища являются более ранними по хронологии, о чем свидетельствует граф (рис.83), построенный по моделям "В", дающий право судить об относительной хронологии памятников³⁰.

¹ Останина Т.И. Отчет об археологических исследованиях в Алнашском районе УАССР летом 1977 г.//Архив ИА РАН. Р-1, №6573. С.4-6.

² Останина Т.И. Отчет об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея летом 1979 года.//Архив ИА РАН. Р-1, №7490. С.1-12.

³ При отсутствии слоя культурная принадлежность городищ была определена по единичным находкам у подошвы мыса или по 1-2 фрагментам керамики 2-3 шурфов, или по близлежащим памятникам археологии, если кроме них в данной местности памятников других культур не обнаружено.

⁴ Останина Т.И. Городище — убежище раннего средневековья у д.Старая Игра //Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С.78-91.

⁵ Семенов В.А. Петропавловский могильник //Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С.10; Останина Т.И. Кузбаевское городище. Каталог археологической коллекции. Рукопись. С.5

⁶ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) //АЭБ.Т.V.Уфа, 1971.С.193.

⁷ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху //ВАУ. Вып. 10. Ижевск-Свердловск, 1970. С.17.

⁸ Иванов В.А. Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии //СА. 1978. №1. С.173.

⁹ Иванов В.А. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) //СА.1982.№3.С.201.

¹⁰ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху //ВАУ. Вып. 11. Ижевск-Свердловск, 1971. С.66-68.

¹¹ Семенов В.А. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI — первой половине IX вв. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С.151.

¹² Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.194.

¹³ Генинг В.Ф. История населения... 1971. С. 64-65.

¹⁴ Семенов В.А. Материалы к истории жилища... С.153.

¹⁵ Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье //ВАУ. Вып. 7. Ижевск-Свердловск, 1967. С.19.

¹⁶ Мажитов Н.А. Поселение Ново-Турбаслинское II //АЭБ. Т.1. Уфа, 1961. С.154-155.

¹⁷ Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб, 1994. С.76.

¹⁸ Природа Удмуртии. Ижевск, 1972. С.81.

¹⁹ Генинг В.Ф. История населения... 1971. С.61.

²⁰ Атлас Башкирской АССР. Уфа, 1976. С.11.

²¹ Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск, 1991. С.113.

²² Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С.88.

²³ Семенов В.А. Материалы к истории жилища... С.154.

²⁴ Останина Т.И. Отчет о разведочно-раскопчных работах в Дюртилинском районе БАССР. //Архив ИА РАН. Р-1, № 7760. С.40,46.

²⁵ Останина Т.И. Городище IV-V вв. у д.Чужьялово Удмуртской АССР //Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.77; она же. Отчет о раскопках Сосновского городища в Шарканском районе Удмуртской АССР летом 1975 г. //Архив ИА РАН. Р-1, №5862. С.14-15.

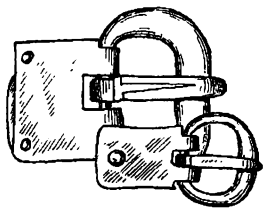
²⁶ Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок //СА. 1973. №1. С.114-135.

²⁷ Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М, 1975. С.50-51.

²⁸ Показатель сходства (f) подсчитывался по формуле $f = \frac{S^2}{kl}$, где S — количество признаков, одинаковых для объектов А и В, т.е. количество пар единиц, оказавшихся в одних и тех же столбцах таблицы; k — общее количество признаков, отмеченных единицей на объекте А, l — общее количество признаков, отмеченных единицей на объекте В.

²⁹ Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников... С.57-59.

³⁰ Там же. С.62.

Одной из важнейших проблем археологии, особенно ранне-средневековой, является определение относительной, а в конечном счете и абсолютной хронологии. Важность правильности решения хронологических вопросов отмечается в той или иной степени всеми исследователями, занимающимися данной проблемой¹, и приобретает особое значение при изучении мазунинской культуры, датировка которой, а также ее периодизация, являются спорными.

Основой для разработки хронологии вещевого материала явились его систематизация и классификация, описанные выше. Для работы нами взяты только те погребальные комплексы, в которые входили самые массовые, типологически разнообразно представленные категории вещей, встречаемые на памятниках всех периодов и на всей территории культуры, а именно: височные подвески, поясные накладки, фибулы. Для определения относительной хронологии древностей культуры были взяты комплексы погребений Чепанихинского, Ангасякского, Ижевского, Нивского, Мазунинского, Покровского, Старокабановского, Югомашевского, Бирского, Бахмутинского, Нырғындынского I могильников (всего 95 комплексов). Для обоснования датировок некоторых групп вещей привлекались материалы погребений Тарасовского могильника, где пока еще ведутся археологические работы КВАЭ.

При составлении корреляционной таблицы использованы только те погребения, где, во-первых, присутствовали вышеназванные категории вещей, во-вторых, число категорий вещей равнялось двум и более. В последнем случае при подсчете категорий вещей исключались орудия труда, керамика, бусы, предметы, имеющие единственный характер. Первые две категории не несут узкой хронологической нагрузки, а бусы затрудняют работу с таблицей и делают ее громоздкой. Кроме того, бусы сами по себе требуют отдельного исследования, что нами и было сделано позднее.

Главная цель работы с таблицей — определить группы взаимовстречаемых, а значит синхронных типов вещей. Выделение этих групп (соответственно этапов, стадий) производилось методом коррелирования. Признаком каждой новой группы (стадии, этапа) явилось появление новых форм вещей². Таких групп в результате корреляции выявлено девять. Если пять групп типов несут самостоятельную хронологическую нагрузку, то четыре являются смежными (табл. 32).

Хронологическая ГРУППА I характеризуется следующими взаимовстречающимися типами вещей: поясными накладками типа I (рис. 51, 67–70), умбоновидными литыми бляшками (тип I, вариант *a*, рис. 51, 71), височными подвесками варианта I (рис. 51, 72–74). Погребения с предметами группы I отличаются бедностью и однотипностью состава погребального инвентаря (рис. 23), в состав которых, кроме вышеназванных типов, могли входить лишь мелкие орудия труда, железные пряжки, бусы.

Погребальные комплексы стадии I обнаружены на Нивском, Мазунинском, Чепанихинском, Ижевском, Ныргындинском I могильниках.

ГРУППА 2 (переходная) связана с появлением умбоновидных штампованных бляшек (тип I, вариант *b*, рис. 51, 61), бабочковидных фибул варианта I (рис. 51, 60). В этот период существуют типы вещей группы I, в частности височные подвески варианта I и поясные накладки типа I. Но, если на первой стадии накладки в погребении составляли единицы, то во второй стадии их количество достигает более 10. Височные подвески имеют большое значение индекса ($A > 1,8$), свидетельствующее о позднем характере данного варианта.

ГРУППА 3 представлена поясными накладками типов 2, 3 варианта *a*, 5 (рис. 51, 43–51), наконечниками ремней типов 1, 3 варианта *a* (рис. 51, 55–57), бабочковидными фибулами варианта 2 (рис. 51, 53), височными подвесками варианта 2 (рис. 51, 52), петельными застежками (рис. 51, 54, 58), составными ножами для ножа и шила (рис. 51, 59). Все они обнаружены в погребениях Мазунинского, Нивского, Ижевского, Ангасякского могильников.

ГРУППА 4 (переходная) характеризуется только бабочковидными фибулами варианта 3 (рис. 51, 24), с которыми встречаются височные подвески только варианта 2. В этот период появляются поясные накладки типа 4 варианта *a* (рис. 51, 84), получившие дальнейшее развитие уже на стадии 5. Погребения с этими вещами обнаружены, в основном, на Нивском, Ижевском могильниках и единично на Мазунинском, Покровском.

ГРУППА 5 представлена височными подвесками варианта 3 (рис. 51, 8), бабочковидными фибулами варианта 4 (рис. 51, 5), поясными накладками типов 3 варианта б (рис. 51, 4), 4 варианта б (рис. 51, 3), 6-8 (рис. 51, 1, 7, 10); ножнами для ножа и шила (тип 3, вариант 2, рис. 51,14), пронизками-колечками типа I варианта 5 (рис. 51,2), бронзовыми круглопроволочными браслетами с расплюснутыми концами (тип 3, вариант 3, рис. 51,11), подвесками-животными (медведи, уточки, рис. 51,6), подвесками из раковин (рис. 51,13), пронизками типа 4 вариантов 2, 3 (рис. 51,21), наконечниками ремней типа 3 варианта в (рис. 51,18), пряжками бесщитковыми с длинным хоботковидным язычком (рис. 51,19), пряжками с трапециевидной (тип 6, вариант 3, рис. 51,15), прямоугольной (тип 7, рис. 51,17,20), сегментовидной (тип 9, рис. 51,16) и треугольной (тип 10, рис. 51,12) обоймами, фибулами типа 2 (рис. 51,23), 3 (рис. 51,22).

Единичное бытование фибул типа 2 возможно на третьей стадии. Корреляция выявила и смежные группы вещей. Первая смежная группа состоит из типов вещей, встречающихся на всех стадиях существования мазунинской культуры. Сюда входят: железные бесщитковые пряжки типа 1 варианта 1 (рис. 51,81), железные пряжки с прямоугольной обоймой (тип 7, вариант 1, рис. 51,63), бронзовые пронизки-бусы типа 1 варианта 1 (рис. 51,86-89).

Вторая смежная группа предметов представлена типами, существовавшими на протяжении стадий 2-5. Это спиральновитые пронизки типа 2 (рис. 51,79), трапециевидные подвески (рис. 51,77,78), подвески-цепочки (рис. 51,80), браслеты железные (типы 1,2, рис. 51,75,76,82,83).

Вещи третьей смежной группы бытовали на протяжении стадий 3-5: бабочковидные фибулы варианта 5 (рис. 51,25), наконечники ремней типа 2 (рис. 51,27) и типа 3 варианта б (рис. 51,28), пряжки с выемкой по бокам прямоугольной обоймы (тип 5, рис. 51,42), бляшки полусферические варианта б (рис. 51,29), каплеобразные подвески (рис. 51,34,36), височные кольца варианта 1 (рис. 51,35), головное украшение из колец кольчужного плетения (рис. 51,39), пряжки бронзовые бесщитковые (тип 1 вариант 1, тип 2). Возможно, их существование в ранние стадии (рис. 51,40,41), пряжки с сегментовидной обоймой варианта 1 (рис. 51,30), ожерелье из бус и пронизок (рис. 51,26), браслеты бронзовые (рис. 51,31-33), гривны бронзовые из круглой проволоки с петлей и крючком на концах (тип 1, рис. 51, 37), гривны железные с бронзовой навивкой (тип 2, рис. 51,38). Последний тип гривен встречается на территории башкирской группы только на стадии 3, а в удмуртской — на стадии 5.

Четвертая смежная группа включает в себя вещи, существовавшие на протяжении стадий 1-3: бляхи-раковины (рис. 51,65), пряжки железные с трапецевидной обоймой (вариант 1, рис. 51,64,66).

Выделенная нами относительная хронология связанных в определенной последовательности синхронных групп вещей позволяет определить абсолютные их даты. Поскольку ни в одном из приведенных в таблице 32 комплексов не найдено абсолютно датированных вещей (например, монет), то хронология будет нами определена на основании аналогии в материалах археологических памятников, в первую очередь, близлежащих. В силу большого своеобразия мазунинских вещей аналогии удалось выявить только к некоторым типам предметов. Вторая хронологическая группа вещей может быть датирована по среднесарматской фибуле, имеющей коленчато-изогнутую спинку (рис. 28,2), относимой исследователями к концу III - началу IV вв. н.э.³ Для памятников Приуралья, в том числе мазунинских, время ее бытования — вторая половина III в. Это доказывают, прежде всего, ее находки на Темясовском III кургане⁴ вместе с шарнирной ромбической фибулой-брошью, экспорт которой из Рейна и Паннонии прекратился в начале III в.⁵, и лучковой одночленной подвязной фибулой с расширенной ножкой, получившей распространение с середины II - до середины III вв.⁶ Встречаются позднесарматские фибулы в сарматских погребениях Нижнего Поволжья в конце III-IV вв. н.э.⁷ Таким образом, группу вещей стадии 2 следует отнести ко второй половине III в. - нач. IV в.

При датировке первой группы вещей (стадия I) мы исходили из установки, что данная группа в системе относительной хронологии предшествовала во времени второй группе. Ряд аналогий уточняют дату существования типов первой группы (стадия I). Так, характерные для этой стадии литые умбоновидные бляшки найдены в позднесарматских памятниках, которые датируются исследователями I-III вв. н.э.⁸ Комплексы первой группы содержат вещи, бытующие в конце пьяноборской культуры (II в. н.э.): лапчатые подвески (рис. 23,6), втульчатые костяные наконечники стрел (рис. 23,25), большие круглые железные пряжки (рис. 23,37), бляхи-застежки с рассеченной стороной (рис. 23,5)⁹. Височные подвески мазунинского типа, появившиеся в конце II в. н.э., известны в литературе по пьяноборской культуре как височные подвески в виде знака вопроса с напускной бусиной¹⁰. Отсутствие же в комплексах стадии I большинства типов пьяноборских вещей II в. н.э. (эполетообразных застежек с пятью и более жгутами, височных подвесок с конической трубицей и припа-

янным кольцом, обувных пряжек с неподвижным язычком, ажурных накладок и т.д.) говорит о позднем характере погребений с единичными находками пьяноборских вещей и о возможности их датирования III в. н.э. В пользу этой даты свидетельствует и находка в погребении 89 Шиповского грунтового могильника поясной накладки типа 1, которая датируется А.Х.Пшеничнюком III в. н.э.¹¹ К группе погребений стадии 1 относится погр. 25 Тарасовского могильника, где вместе с накладкой типа 1 и полупронизками пьяноборского типа найдена фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника с плавным изгибом спинки (рис. 24,5), которая датируется А.К.Амброзом второй половиной II-III вв. н.э., а для памятников Нижнего Поволжья уточняется А.С.Скрипкиным — III в. н.э.¹² Следовательно, абсолютная дата существования вещей первой стадии — III в. н.э., скорее всего, его первая половина — третья четверть.

Хронология вещей группы 5 определяется поясной гарнитурой. Так, в погр. 56 Бирского могильника найдена бронзовая бесщитковая пряжка с далеко выступающим язычком (тип 1 вариант 3, рис. 51,19), которая стала известна на юге (Крым, Подунавье) не ранее V в. Примерно в это же время она появилась и в Прикамье¹³. Комплексы этой группы (погр. 10 Югомашево, погр. 5 Бахмутино, рис. 35; 37) в свою очередь содержат подобные пряжки, но без хоботовидного язычка, существование которых прекращается в V в.¹⁴ Пряжки из погр. 107, 152 Старокабановского могильника с сегментовидной обоймой и спускающимся до середины приемника язычком (вариант 2, рис. 75,3), а также из погр. 61 Бирского могильника с треугольной обоймой (вариант 2, рис. 29,19) имеют аналогии в погр. 1 кургана VII Тураевского I (курганного) могильника, датированные В.Ф.Геннингом нач. V в. н.э.¹⁵ Неслучайно, обнаруженные на Тураевском II (грунтовой) могильнике, височные подвески соответствуют варианту 3 нашей типологии и входят только в комплексы стадии 5. Описанные выше пряжки близки к харинским, датировка которых (V - первая половина VI вв.) подкрепляется монетами Пероза (457-484 гг.)¹⁶. Эти же типы пряжек А.К.Амброз относит к первому периоду харинских древностей и датирует V в.¹⁷ Пряжки с квадратным щитком, подобные пряжке из погр. 5 (Бахмутино) (рис. 37,18), датируются В.Б.Ковалевской IV-V вв. н.э.¹⁸ Язычок, далеко выступающий вперед, позволяет относить данное погребение к V в. н.э.

Итак, при датировке пряжек, являющихся основными при определении хронологии вещей пятой группы, мнения исследователей совпадают: все вышеприведенные нами типы пряжек бытуют в При-

камье в V в. н.э. К этой же группе относится фибула (погр. 61 Бирск, рис. 29,12), близкая по форме к прогнутым подвязным фибулам с узкой ножкой, бытовавшим в конце IV - нач. V вв.¹⁹ Следует отметить, что со всеми типами изделий, характерных для стадии 5, в том числе и с бабочковидными фибулами варианта 4, не коррелируются вещи VI-VII вв. (геральдические пряжки и накладки, цельнолитые полые снизу пряжки и т.д.).

Группа 4 (переходная), конец IV - нач. V вв. Аналогии к данной группе, к сожалению, немногочисленны. К ним относится пряжка из погр. 63 (Мазунино) с округлым расширением на конце задней пластины (рис. 14, 25), аналогичная пряжкам могильников Среднего Подунавья, датируемых монетами IV в.²⁰ В пользу этой даты свидетельствует и положение язычка пряжки, который не свисает над кольцом, как у пряжек V в. Фибулы стадии 4 встречаются с височными подвесками варианта 2, судя по показателю индекса ($A > 1,8$), позднего происхождения, которые единично еще существуют в погребениях V в. наряду с височными подвесками варианта 3.

Датировка вещей группы 3 определяется ее положением в таблице 32, где она “зажата” между второй (конец III - нач. IV вв.) и четвертой (кон. IV - нач. V вв.) группами. Это дает возможность относить ее к IV в. (вероятно, 2-3 четверти IV в. н.э.). Подтверждением этой даты является наличие поясных накладок типа 2 в погр. 55 (Бирск), где обнаружена пряжка с треугольной обоймой и язычком, не выходящим за пределы приемника (рис. 29, 21), что было характерно для IV в.²¹ Концом IV в. датируются подобные пряжки в материалах Тураевского могильника.²² Кроме того, в погр. 19 Тарасовского могильника, в котором обнаружено значительное количество фибул неместных типов, вместе с височными подвесками варианта 2 обнаружена фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника с коленчато-изогнутой спинкой (рис. 24, 4), датируемая концом III-IV вв.²³

Таким образом, хронология пяти выделенных нами стадий (этапов) следующая: 1 стадия — III в., 2 стадия — конец III - нач. IV вв., 3 стадия — IV в., 4 стадия — кон. IV - нач. V в., 5 стадия — V в. н.э. Соответственно определена датировка смежных групп: дата первой смежной группы (стадии 1-5) — III-V вв., второй смежной группы (стадии 2-5) — конец III-V вв., третьей смежной группы (стадии 3-5) — IV-V вв., четвертой (стадии 1-3) — III-IV вв.

Как указано выше, в общую корреляционную таблицу не вошли многие типы вещей, в первую очередь те, которые являются специ-

фичными только для одного или нескольких памятников. Для более полной характеристики хронологических стадий и для определения дат бытования подвесок-медведей, подвесок из раковины, накладок типа 1 (тройчаток), подвесок типов 5-8, поясных накладок типов 6, 7, нами составлена еще одна таблица. В таблицу 33 вошли комплексы Югомашевского, а также Бирского могильников, в которых эти типы получили наибольшее распространение. Принцип отбора погребальных комплексов при наличии перечисленных вещей оставался тот же, что и при составлении общей корреляционной таблицы (всего выделен 31 комплекс).

Составленная корреляционная таблица встречаемости вещей показала высокую степень сходства всех, включенных в нее погребальных комплексов, а значит их синхронность. Дата данной группы комплексов основывалась только на аналогиях пряжек. Так, найденные в погр. 7, 10, 16, 19, РIII-8 (Югомашево) бронзовые бесщитковые пряжки с коротким язычком (тип 1 вариант 1, рис. 36, 21), согласно исследованию В.Б.Ковалевской, относятся к III-V вв.²⁴ При этом она считает, что пряжки подобного типа не выходят за рамки V в., тем самым могут служить “прекрасным датирующим материалом”²⁵.

Пряжка из погр. 24 Югомашевского могильника (тип 1 вариант 3, рис. 36, 7), имеющая длинный хоботовидный язычок, характерный для стиля V в., совершенно идентична пряжке из кургана V Тураевского I (курганного) могильника, датированной В.Ф.Генингом второй четвертью V в.²⁶ Пряжки с треугольным щитком (варианты 2, 3, рис. 36, 20) из погр. 7, 8, 19 (Югомашево), 8 (Бирск), также находят близкие аналогии в Тураевском I могильнике.²⁷ Маленькие пряжки с трапециевидной обоймой и язычком, свисающим до середины приемника, из погр. 6, 24, 51 (Югомашево, рис. 36, 8) имеют наибольшее сходство с харинскими пряжками V в.²⁸

Итак, приведенные выше аналогии позволяют отнести все комплексы таблицы 33 к V в. н.э., а значит датировать этим временем следующие типы: накладки-тройчатки (тип 1), подвески-медведи, подвески калачевидные и колоколовидные, колоколовидные подвески-пронизки, подвески из раковины (типы 4-8), пронизки типа 4 варианта 3, поясные накладки типов 6, 7, обувные наконечники ремней сечковидной формы (тип 2).

Хронология бус

Бусы, как самая массовая категория находок на погребальных памятниках, являются относительно хорошим материалом для разработки вопросов хронологии. Для этого нами использованы погребальные комплексы с тремя и более типами бус. Всего взято 80 комплексов из погребений Мазунинского, Нивского, Ижевского, Ангасякского, Старокабановского, Бирского, Бахмутинского могильников. Корреляция производилась на основе выработанной нами типологии бус. В результате удалось выделить три самостоятельные и три смежные группы бус (табл. 34)²⁹. Датировка полученных групп определялась на основании аналогии с однотипными бусами юга Восточной Европы.

В первую группу вошли следующие типы: синие (тип 5) и грязно-желтые (янтарно-желтые, тип 61) биконические бусы, голубые цилиндрические (тип 26), мозаичные шарообразные с голубой, зеленой, красной основой (типы 93-95), хрустальные шарообразные и 6, 8, 10 – гранные (типы 114, 116), халцедоновые зонные (тип 112). Время распространения бус первой группы – III – нач. IV вв. н.э., об этом свидетельствуют следующие данные. В памятниках Северного Причерноморья бусы типов 5, 61 датируются II-III вв. н.э.³⁰, а бусы типа 26 “связаны с комплексами I-IV вв.” В погр. 15 (Мазунино) найдена поперечно-полосатая бусина (тип 98), бытование которой относится к I-II вв.н.э. Мозаичные бусы (типы 93-95) по технике исполнения наиболее близки к 92 типу по классификации Е.М.Алексеевой и датируются ею I-II вв.н.э.³¹ Таким образом, все южные аналогии бусам первой группы определяют их существование периодом I-III вв.н.э. Но если учитывать, что в I-II вв. часть таких бус встречалась у населения пьяноборской культуры³², то судя по времени появления вещевого материала, определяющего археолого-этнический комплекс (АЭК) мазунинской культуры, они могли появиться лишь в III в.н.э. Найденные вместе с бусами первой группы в погр. 24, 40, 50 (Мазунино) бабочковидные фибулы варианта I, уточняют конечную дату – нач. IV в. Так как бусы относятся к категории наиболее долго существующих во времени предметов, то естественно, что характерные для группы типы бус, в единичных экземплярах найдены в IV в., а тип 5 даже в погр. V в. (погр. 27, 28 Бирск; погр. 2 Бахмутино). Бисер одновременно с бусами первой группы не встречается. Например, на Чепанихинском могильнике (III в.) бисер составляет всего около 2% стеклянных бус, тогда как бусы 5, 61 типов – 98%.

Вторая группа бус состоит из бесцветного (тип 43), черного (тип 54), бирюзового (тип 38) бисера. В Северном Причерноморье подобные типы бус были особенно популярны в II-III вв., в IV в. начинается некоторый спад в их бытовании. На памятниках мазунинской культуры, как и в Северном Причерноморье, господствует тот же цветовой набор бисера: черный, грязно-синий, желтый.³³ В эту же группу вошла бусина типа 8 (синяя цилиндрическая) из погр. 5 (Нива), известная на юге в III-IV вв.³⁴

Бусы второй группы найдены в погребениях с бабочковидными фибулами варианта 2 (погр. 40 Ижевск; 5, 14 Нива; 25 Покровское), 3 (погр. 81, Нива). По датировке мазунинских фибул и южным аналогиям бусы второй группы отнесены к IV в.

Третья группа представлена красным бисером (тип 17), бирюзовыми (тип 39), красными (тип 18) шарообразными бусами, синими 14-гранными (тип 6), бусами из раковины (бисер, кольцообразные, зонные, типы 107-109). По южным аналогиям бусы группы 3 имеют довольно широкий диапазон бытования. Так, синие 14-гранные бусы (тип 134 по Е.М.Алексеевой) характерны для II-IV вв., бусы из глухого красного стекла — I-V вв.³⁵, поэтому датировка их основана на хронологии вещей местного характера из погребений с этими бусами.

При сравнении таблиц 32, 34 видно, что бусы третьей группы встречаются только в погребениях 5 хронологической стадии, которую мы датировали V в.

Бусы первой смежной группы бытуют с вещами 1, 2 группы (III-IV вв.). К ним относятся следующие типы: мозаичные синие шарообразные (тип 92), светло-зеленый бисер (тип 49). Наиболее многочисленная вторая смежная группа типов бус существует на протяжении IV-V вв. К ней относятся: синий (тип 1), зеленый (тип 32), желтый (тип 9), голубой (тип 22), белый (тип 66) бисер, желтые (тип 10), красные (тип 19), позолоченные (тип 77) трубочки; зонные бусы красного (тип 21), желтого (тип 13), зеленого (тип 33) цветов, полихромные с восьмерковидным узором бусы (тип 105).

Итак, на памятниках IV-V вв. мазунинской культуры наблюдается тенденция к резкому увеличению бисера, что является характерной чертой памятников Северного Кавказа и Северного Причерноморья³⁶.

Третья смежная группа состоит из типов, бытующих на протяжении всей культуры (III-V вв.). Это бесцветные (типы 44-46), голубые (типы 23-25), синие (типы 2-4), позолоченные (типы 73, 74, 76) кольцообразные, зонные, шарообразные по форме и глазчатые бусы. Эти типы имели широкое распространение также в Северном При-

черноморье во II-IV вв.н.э.³⁷ Таким образом, большинство типов бус, количество которых в коллекции наиболее значительно, имеют длительный период бытования (2-3 столетия). В датировке основных типов отмечается соответствие с хронологией южных бус (Северное Причерноморье, Северный Кавказ), однако фиксируется заметное отставание в бытовании некоторых. Так, широкое распространение бисера - своеобразный "бисерный бум" - начинается в Приуралье не в III в., как на юге, а в IV в. Значительное запаздывание наблюдается и в бытовании мозаичных и глазчатых бус, к которым, вероятно, было особое отношение населения. Сопоставление хронологических групп бус с датировкой вещевого материала показывает некоторое различие: бусы имели более длительный период бытования, чем другие группы вещей. Так, время существования первой группы бус соответствует периоду I, II стадий вещевого материала культуры.

Таким образом, представленный вещевой и бусинный материал из могильников мазунинской культуры позволяет определить ее нижнюю и верхнюю даты — III-V вв.

В последнее время появился ряд работ, прежде всего башкирских археологов, пересматривающих конечную дату предшествующих мазунинской археологических культур (пьяноборская и карабызская), доводя ее до III в.н.э.³⁸ Рассмотрим правомерность переноса верхней даты пьяноборской культуры с II на III в.н.э. Во всех исследованиях Б.Б.Агеева по данному вопросу эталонным памятником, определяющим и соответственно изменяющим верхнюю дату этой культуры, стали материалы Ново-Сасыкульского могильника, в комплексах которого найдено 14 античных фибул.³⁹ Авторами раскопок этого могильника С.М. Васюткиным и В.К.Калининым было выделено 5 типов.⁴⁰ Проанализируем датировку этих типов фибул (рис. 52), опираясь на фундаментальную работу А.К.Амброза ("Фибулы юга европейской части СССР", 1966), и учитывая новые материалы, полученные в последнее время в результате их изучения на территории Нижнего Поволжья и Дона. Самыми ранними из них были раннеримские шарнирные дуговидные без бусины или с бусиной на головке типа "Авцисса" (2 экз., рис. 52, 1, 2). Как считает А.К.Амброз, они происходили из Галлии и Северной Италии и часто встречаются на территории Северного Кавказа, Кубани и Нижнего Дона. Их дата — первая половина I в.н.э.⁴¹ Так же датируются эти фибулы на памятниках Нижнего Поволжья А.С.Скрипкиным.⁴² Следующий по хронологии тип фибул — сильно профилированные с бусиной на головке с крючком для тетивы (4 экз., рис. 52, 9-12). По

оформлению спинки А.К.Амброз относит их ко второй половине I в. (рис. 52,9) и II в.н.э. (рис. 52,10-12).⁴³ А.С.Скрипкин, характеризую фибулы Нижнего Поволжья, относит их к типу I, варианту 1, (рис. 52,9), 2 (рис. 52, 10-12) и датирует II в.н.э.⁴⁴ При этом он считает, что фибулы первого варианта являются хронологически более ранними (первая половина II в.н.э.). Исследуя коллекцию фибул из некрополя Кобыяковского городища на Дону, В.М.Косяненко все фибулы с круглой в сечении спинкой (рис. 52,9,10,12) относит ко второй трети I в.н.э. (Они найдены вместе с краснолаковыми тарелками второй трети I в.н.э.), а фибулы с пластинчатым сечением (рис. 52,11) — II в.н.э., при этом резко отрицает их бытование на Дону в III в.н.э.⁴⁵

В погр. 139 и 164 Ново-Сасыкульского могильника найдены две лучковые подвязные фибулы (рис. 52,13,14), дату бытования которых А.К.Амброз определяет второй половиной I в. - II в.н.э.⁴⁶ Они имеют наибольшее распространение в сарматских памятниках Нижнего Поволжья, куда они попадали через Нижний Дон из городов Северного Причерноморья, в которых было налажено их производство. С подобной датировкой фибул соглашается А.С.Скрипкин.⁴⁷ Этой же даты придерживается В.М.Косяненко, анализируя данный тип фибул и используя другие критерии их классификации, однако допускает более длительный период бытования фибул выделенного им типа 2 (рис. 52,14) — нач. III в.⁴⁸

Самую значительную группу находок Ново-Сасыкульского могильника составляют пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника (5 экз., рис. 52,3-7). По классификации А.К.Амброза четыре фибулы (рис. 52,4-7) можно отнести к третьему варианту (небольшие фибулы со слабо намеченной кнопкой). Их дата — конец I - первая половина II в.н.э. Одна из них (рис. 52, 3) соотносится с фибулой четвертого варианта (II-III вв.)⁴⁹, хотя в последнем случае разница в размерах с другими фибулами небольшая (в основу датировки фибул этого типа А.К.Амброз положил размеры, которые, к сожалению, носят субъективный характер — “малый”, “большой”). В.М.Косяненко, взявший за основу классификации форму спинки, а затем уже размеры фибулы с прямоугольной спинкой (рис. 52,4,6,7), датирует второй половиной I в.н.э. по хронологии краснолаковой керамики, а фибулы с выпуклой спинкой крупных размеров (рис. 52,3,5) — I в.н.э. Другими словами, датировка фибул, предложенная А.К.Амброзом, на материалах Дона не подтвердилась.

И последний тип фибул (рис. 52, 8) — с гладким корпусом, крупной пружиной и завитком на конце приемника — определяется А.К.Амброзом второй половиной I - нач. II в.н.э.⁵⁰, другие исследователи не возражают в отношении такой датировки.

Подводя итог анализа фибул Ново-Сасыкульского могильника, можно прийти к выводу об их наибольшей близости по типологическому составу к коллекциям некрополей Нижнего Поволжья и Дона, а по хронологии они не выходят за рамки I-II вв.н.э. Только одна фибула (рис. 52, 14) могла бытовать в нач. III в.н.э. Для большинства фибул, обнаруженных на могильнике, дату можно сузить до второй половины I - первой половины II в.н.э. Именно в этот период они могли попасть на территорию верхнего течения р.Ик (в погребальные комплексы Ново-Сасыкульского могильника), находящейся в лесостепной зоне — в зоне влияния сарматов. Кстати, ряд фибул тех же типов, что и на Ново-Сасыкульском могильнике (рис. 52, 6, 12), входят в поздние стадии корреляционных таблиц, разработанных для материалов могильников Чеганда II и Ныргында II⁵¹. Они определяют позднюю хронологическую стадию этих памятников второй половиной I - первой половиной II вв.н.э. Но почему-то Б.Б.Агеев при датировке поздних стадий делает ссылку опять на материалы того же Ново-Сасыкульского могильника, “уверенно датирующегося по фибулам”⁵².

На наш взгляд, представляется неверным датировать верхний рубеж карабызской культуры III в.н.э.⁵³ Предложенные А.Х.Пшеничнюком для аналогии предметы (бронзовые пряжки с подвижным язычком, железный двулезвийный меч позднесарматского типа, поясные накладки ромбической формы), не могут дать с уверенностью эту твердую дату. Первые две категории вещей имеют довольно длительный диапазон бытования (I-IV вв.н.э.) как на территории сарматов, так и у племен черняховской культуры⁵⁴. А поясные накладки ромбической формы отличаются от мазунинских (V в.н.э.) по технике исполнения и системе крепления, поэтому не могут служить аналогом. Мазунинские поясные накладки выполнены в технике штамповки и крепятся при помощи штыря, а карабызские — в технике литья и крепятся с помощью ушка. Здесь имеет место случай, когда форма еще не определяет хронологическое место предмета.

Анализ погребального инвентаря Шиповского грунтового и Охлебининского (раскопы VIII, X) могильников показывает, что лишь незначительная часть погребений относится к III в. — переходному

периоду от карабызской культуры к мазунинской. Это же явление можно наблюдать на ряде пьяноборских памятников (Ныргында I, Афонинский могильники).

¹ Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы //СА.1971.№2.С.96; Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс.н.э. (по материалам могильников Прикамья). //КСИА.Вып. 158.1979.С.96-97.

² Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. //Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.С.4.

³ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР.//САИ.Вып. Д1-30.М., 1966.С.46; Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений)//СА.№2.1977.С.115.

⁴ Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии //Древности Южного Урала.Уфа, 1976.Рис. 4-3, 7-9, 15.

⁵ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья...С.117; Косяненко В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища //СА.№2.1987.С.59.

⁶ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья...С.107.

⁷ Там же.С.115-116, рис. 6, 17; Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР.С.46; Он же. Бирский могильник...С.10.

⁸ Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское //МИА.№60.1959. С.313, рис. 33, 14; Сеницин И.В. Археологические исследования Заволжского отряда. //МИА.№60.1959.С.134, рис. 45,4.

⁹ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху //ВАУ.Вып.10.Свердловск-Ижевск, 1970.С.92-93, рис. 20, 80, 83, 91, 99; Агеев Б.Б. К хронологии могильника Чеганда II //СА.№3.1976.С.63-66; Он же. Пьяноборская культура.//Уфа, 1992.С.54-79.

¹⁰ Генинг В.Ф. История населения...С.93.

¹¹ Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс...Рис. 22,22, с.76.

¹² Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья...С.114-115; Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР.С.46.

¹³ Амброз А.К. Бирский могильник...С.21.

¹⁴ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. //САИ.Вып.Е1-2.М., 1979.С.15.

¹⁵ Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в.н.э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья.Казань, 1976. Рис. 32, 3,5, с.108.

¹⁶ Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.//ВАУ.Вып.12.Свердловск, 1973.С.86-87, табл. 4, 13, 14; 6, 11.

¹⁷ Амброз А.К. Бирский могильник...С.30-32.

¹⁸ Ковалевская В.Б. Поясные наборы...С.16.

¹⁹ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части...С.61, рис.11,6,7.

²⁰ Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры...С.98-99.

²¹ Ковалевская В.Б. Поясные наборы...С.16.

²² Генинг В.Ф. Тураевский могильник...Рис. 27, 2, 3.

²³ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья...С.114-115, рис. 6, 6, 17.

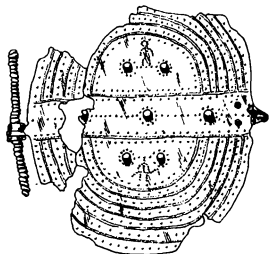
²⁴ Ковалевская В.Б. Башкирия и Евразийские степи IV-IX вв. (по материалам поясных наборов) //Проблемы археологии и древней истории утров. М., 1972. С.110, рис. 1, 1, 8.

²⁵ Ковалевская В.Б. Поясные наборы...С.15.

²⁶ Генинг В.Ф. Тураевский могильник...С.108, рис. 30, 5.

²⁷ Там же. Рис. 25.

- ²⁸ Амброз А.К. Бирский могильник...С.27-32, рис. 8, 9.
- ²⁹ При составлении окончательного варианта таблицы были исключены погребения, в комплексах которых оказались только широко распространенные типы бус (III-V вв.).
- ³⁰ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья.//САИ.Вып. Г1-12.М., 1978.С.69.
- ³¹ Там же.С.67, 40, 69.
- ³² Генинг В.Ф. История населения...1970.С.54-55.
- ³³ Алексеева Е.М. Античные бусы...1978.С.62.
- ³⁴ Она же. Античные бусы...1975.С.34.
- ³⁵ Она же. Античные бусы...1978.С.70, 63, рис. 15.
- ³⁶ Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа//СА. №3.1959.С.54.
- ³⁷ Алексеева Е.М. Античные бусы...1978.С.15, 29, 65.
- ³⁸ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура.Уфа, 1992.С.54-79; Он же. Хронология и периодизация пьяноборской культуры //Хронология памятников Южного Урала.Уфа, 1993.С.62-70; Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку //Вопросы древней и средневековой истории Урала.Уфа, 1987.С.67-76; Он же. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника //Хронология памятников Южного Урала.Уфа, 1993.С.32-61.
- ³⁹ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура.С.56, 77-79.
- ⁴⁰ Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник //Археологические работы в низовьях Белой.Уфа, 1986.С.106.
- ⁴¹ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части...С.26.
- ⁴² Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья...С.116.
- ⁴³ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части...С.40, рис. 8, 1, 2, 7-9.
- ⁴⁴ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья...С.112-113.
- ⁴⁵ Косяненко В.М. Бронзовые фибулы...С.47.
- ⁴⁶ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части...С.49, 50.
- ⁴⁷ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья...С.102, 107.
- ⁴⁸ Косяненко В.М. Бронзовые фибулы...С.56-57.
- ⁴⁹ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части...С.43, рис.5,6,7.
- ⁵⁰ Там же.Рис. 6, 2.
- ⁵¹ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура...С.59, 68, рис: 1, 9; Генинг В.Ф. История населения...Табл. II-20, 21, XVIII-7.
- ⁵² Агеев Б.Б. Пьяноборская культура...С.64.
- ⁵³ Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация...С.49; Он же. Шиповский комплекс памятников...С.76.
- ⁵⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов.М., 1971.С.20; Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников...С.75.

Наибольшую информацию для изучения социальной структуры древнего мазунинского общества и его демографических аспектов дают материалы могильников. Этому способствуют разработанная нами хронология вещевого материала, особенности планиграфии могильников и наличие данных половозрастной характеристики погребений ряда памятников, а также результаты значительных исследований в области палеодемографии, особенно проведенных в последние годы¹. Для подсчета численности коллектива, оставившего могильник, нами были применены две формулы. Одна, впервые так широко используемая В.Ф.Генингом:

$$\frac{\text{количество умерших}}{\text{количество лет}} : \% \text{ смертности}^2,$$

обозначена буквой А, а другая, применяемая шведскими, в последнее время и российскими исследователями:

$$\frac{\text{количество умерших}}{\text{количество лет}} \times \text{средняя продолжительность жизни}^3,$$

обозначена буквой Б. В том случае, когда на памятнике отсутствовала половозрастная характеристика из-за плохой сохранности костяков, использовалась цифра средней продолжительности жизни средневекового населения Северной Европы (30-40 лет)⁴, кстати, оказавшаяся очень близкой к аналогичному показателю некоторых памятников мазунинской культуры. Коэффициент смертности для населения древних обществ обычно определяют 3-4%⁵, а для детей в возрасте до 5 лет (их погребения на могильниках культуры почти отсутствуют) он составляет 50% и более всех совершенных захоронений⁶. Исходя из этих данных, нами проводился подсчет численности коллективов, оставивших изучаемые могильники.

Чепанихинский могильник является самым ранним некрополем мазунинской культуры, где все полученные датировки погребальных

комплексов относятся к III в.н.э. При наличии лишь 40 погребений (рис.53), как доказывают И.С.Каменецкий, Б.И.Маршак и Я.А.Шер, могильник мог существовать не более 50 лет⁷. В северо-восточной части некрополя все взрослые захоронения располагаются группой (с трудом “улавливаются” три ряда), а детские — по его краям. Подобное расположение детских погребений на периферии могильника с компактным размещением взрослых могил наблюдается исследователями на хронологически предшествующем Чепанихинскому могильнику Чеганда II⁸. В юго-западной части памятника погребения расположены в два ряда, на расстоянии 5-6 м друг от друга: при этом могилы одного из рядов принадлежат в основном детям. Некоторые факты позволяют говорить о более позднем характере расположения могил рядами. Это наличие в погр.38 железного плоского наконечника стрелы с выемкой у основания (рис.18, 10), который датируется Л.Р.Кызласовым и А.М.Хазановым для Хакасско-Минусинской котловины III-нач.IV вв., а для Поволжья — IV-V вв.⁹. А также присутствие в погр.7 поясных накладок типа II, хотя и простейшей конструкции (в других погребениях некрополя они встречаются в единичных экземплярах и относятся к I типу), что было характерно для первой стадии (первая-третья четверти III в.н.э).

Таким образом, в материалах Чепанихинского могильника, на наш взгляд, отразились какие-то изменения, скорее социального характера, которые произошли в обществе в III в.н.э. И эти изменения археологически выразились в переходе расположения погребений на кладбище от компактного к рядовому. Своеобразием этого могильника является и значительное число детских и подростковых погребений (17 погр., 41,5%). Среди них в 6 могилах захоронены дети в возрасте до 4-5 лет. Средняя продолжительность жизни взрослого “чепанихинского” населения равна 29,1-39,2 годам, при этом у мужчин, составляющих большинство взрослых захоронений, она более значительна — 33,3-43,4 года. По предложенным ранее формулам нами подсчитана численность коллектива, оставившего могильник. Вначале определено общее количество умерших. Всего на некрополе зафиксировано 41 захоронение. К этому числу приплюсуем дополнительно 50% детских в возрасте до 4-5 лет, которые были захоронены в каком-то другом месте, за исключением 6-ти погребений, и получим 59 умерших. По формуле А подсчитаем вероятную численность одновременно живущих людей, она оказалась в пределах 25-39 человек, а по формуле Б — 34-46 человек. Это дает

возможность предположить, что могильник существовал не более двух поколений. Судя по планиграфии, площадка некрополя была заполнена вначале взрослыми умершими (опр. 4 мужских, 1 женское захоронение), имеющими одинаковый по составу невыразительный вещевой материал (нож, пряжка, крючок, иногда бусина, рис. 23, 21-26, 34-36)¹⁰. Мужчины были в “пожилом”, с точки зрения средневекового времени, возрасте (35-60 лет). Складывается впечатление, что пришедшее на новую территорию (в бассейн р.Иж, правого притока Камы) население во время движения “потеряло” молодых мужчин (в военных действиях?) и женщин. Семьи стали полнокровными двухпоколенными (муж, жена и дети) только через некоторое время. В выделенных двух рядах погребений можно определить четыре малые семьи, имеющие 9 (11?) детей и подростков, учитывая детей, умерших в возрасте до 4-5 лет, их число равнялось 14 (16?) человек, т.е. на каждую семью приходилось 3-4 ребенка. Следует отметить отличительную черту Чепанихинского могильника — разграбление ряда погребений еще в древности, при этом в основном расположенных в северо-восточной части памятника. Ограбленные захоронения были только мужскими (одно — подростковое) и более ранними по времени. Сохранившиеся от разграбления мужские погребения имели в составе инвентаря кроме обычных находок ножа и пряжки еще удила и кинжал (погр.6), железный наконечник стрелы (погр.30), костяную “проколку” (знак власти?, погр.10), часто встречаемую на могильниках карабызской культуры¹¹.

На протяжении примерно 50 лет могла использоваться площадка **Сайгатского могильника** (конец III - первая половина IV вв.)¹². Из 43 захоронений только два (погр. 18,41) относились к концу III в. н. э., а остальные — к IV в. (рис.54,1). Заполнение могильника происходило рядами (опр. 3 ряда, рис. 54,3), расположенными по линии дуги. Судя по погребениям 18,41 (в последнее было выпущено погр.36, IV в.), ранние захоронения находились в юго-восточной части, откуда, вероятно, шло заполнение рядов в северо-западном направлении. В каждом ряду выделяется четыре группы погребений: муж, жена, дети и редко другие взрослые, вероятно, не имеющие по какой-то причине семьи (рис.54,3). Детские захоронения располагались в одной могиле с матерью (погр.21,41), между родителями (группы 4,10), сбоку от родителей (группы 1,3,5,9,11). Если выделенные нами 12 групп погребений представляют кладбища малых моногамных семей, то три ряда могил, состоящих из семейных групп, — некрополи патриархальных семей (патронимий?). Подобное сочетание малых

и больших семейных групп на могильнике зафиксировано исследователями уже на памятниках пьяноборской культуры (Кушулевский могильник)¹³, а также на раннесредневековом Безводнинском могильнике на территории Поволжья¹⁴. По вышеописанной схеме сделан подсчет одновременно живущих членов коллектива, оставившего Сайгатский могильник. Общее число умерших при учете детей до 4-5 лет составляло 63 человека. Численность коллектива по формуле А — 31-42 человека, а по формуле Б — 37-49 человек. Другими словами, время заполнения могильника не превышало продолжительности жизни двух поколений.

Зная, что дети и подростки составляют обычно 70% от всех умерших¹⁵, можно подсчитать количество взрослых: при подсчете по формуле А их будет 10-13 человек, а по формуле Б — 11-15 человек. Используя коэффициент семейности (2,1), выведенный Г.Н.Журавлевой на основе изучения материалов рождаемости и смертности 1710 и 1894 гг.¹⁶, можно подсчитать число малых семей (4-7 семей). Зная число семей и количество детей, можно подсчитать сколько в среднем детей приходится на одну семейную пару (4-6 детей), отсюда в среднем малая двухпоколенная семья могла состоять из 6-8 человек, что соответствует письменным данным по северным удмуртам XVII в. Здесь такие семьи составляли от 23,4 до 32% от всего исследуемого массива¹⁷.

Погребальный инвентарь не дает резкой разницы в материальном положении "сайгатского" населения. Дети и подростки не имеют вещей, в могиле взрослых обычно лежат нож и остатки пояса (пряжка, наконечник ремня, поясные накладки), бусы. В женских захоронениях появляются новые категории вещей (гривны, фибулы, браслеты), иногда уложенные в виде жертвенных комплексов. Население начала IV в., судя по материалам Сайгатского могильника, принадлежало к одной социальной группе (свободные члены одного рода).

Количество погребений **Ангасякского могильника** (71) также свидетельствует о незначительном промежутке его бытования (70-80 лет), который полностью укладывается в период IV в. Для вещевого материала характерно господство височных подвесок варианта 2 при почти полном отсутствии (за исключением погр. 2) подвесок варианта I, что по нашей хронологии исключает начало IV в. Кроме того, на могильнике найдены типы вещей, встречающиеся только в период II-III четверти IV в. (поясные накладки типа 3 варианта а, наконечники ремней типа I), а также на протяжении IV-V вв. (ожерелья из бус и подвесок, каплеобразные подвески, головные уборы из желез-

ных колец, гривны типа 3, пряжка с выемками по краям прямоугольной обоймы, сферические бляшки варианта б). Захоронения на могильнике располагались рядами (рис. 56,1,4). Всего на раскопах I, IV, на которых была вскрыта значительная площадь, зафиксировано 12 рядов. На северо-восточных концах рядов №№ 1-5 находились только детские и подростковые захоронения, тогда как на юго-западных концах, на значительном расстоянии от них, — взрослые. Лишь взрослые захоронения найдены в рядах №№ 6-10. Однако, судя по соотношению детских и взрослых погребений в рядах №№ 1-5, можно предположить расположение детских захоронений на еще не вскрытой площади некрополя. Итак, особенностью Ангасякского могильника является расположение детских и взрослых погребений в разных концах одного, вероятно, семейного ряда. Хотя возможен еще один вариант расположения детских и подростковых погребений только на определенной территории древнего кладбища, в его восточной части (раскоп I). Более поздние по хронологии захоронения совершались на окраине семейного участка (погр. 13, 14, 19, 20, 32, 42). Учитывая число разрушенных и не вскрытых погребений на могильнике¹⁸, равное 32, количество захоронений должно быть около 104, а при учете детей до 4-5 лет — 148 умерших. Число людей, одновременно проживавших в "ангасякском" роде, по формуле А достигало 42-62 человека, а по формуле Б — 55-74 человека. Если предположить, что дети и подростки до 16 лет составляли 70% всего населения, то их число в первом случае равнялось 32-43, во втором — 38-52, а количество взрослых — соответственно 14-19 и 17-22 человека. Используя коэффициент семейности (2,1), подсчитаем количество семейных пар: в первом случае — 7-9; во втором — 8-11 семей. Это соответствует данным планиграфии, где на площади раскопов I, IV четко фиксируется 7 рядов взрослых захоронений. Численность членов семей будет равняться 5-9 человек. Судя по тому, что в рядах №№ 6-12 взрослые захоронения составляли (2)5-9 умерших, можно предположить, что эти ряды принадлежали представителям малых и больших патриархальных семей, хоронивших умерших детей на определенных участках родового кладбища. Сопровождающий инвентарь отличается относительным однообразием (остатки поясов, ножи, височные подвески, бусы, браслеты) и равномерно встречается во всех семейных рядах. Количество погребального инвентаря не превышает 6 категорий предметов. Все это свидетельствует в пользу социальной однородности патриархальных семей, составляющих "ангасякский" род. Почти в каждом семейном

ряду имелись один-два захоронения с жертвенными комплексами (рис.56,4). И только в некоторых погребениях взрослых мужчин встречались единичные находки топоров (погр. 1,31,39,67), копий (погр. 46,67) и серпов (погр.4,43). Последние находились в рядах №№ 3, 4, 8, 9, 11, наибольшее число погребений с этими ценными предметами приходится на ряд № 9.

При датировке погребений **Мазунинского могильника** (середина III-IV вв.) выявлено, что заполнение его площадки проходило вдоль линии гряды с юго-запада на северо-восток, вероятно, 4-мя группами населения (рис. 55,3). Первая группа погребений зафиксирована на раскопе I. Здесь все захоронения совершены в III в. Они располагались цепочкой (детские, мужские, женские), умершие уложены головами на ССВ (рис.55,2,3). Вторая, выделенная нами группа погребений, занимала площадь VI и VIII раскопов и состояла из захоронений III в. (с ориентировкой головы на СВ). Погребения располагались хаотично и на значительном расстоянии друг от друга. Самые поздние в этой группе были погребения 23,41,47 (кон. III-нач. IVвв.). К северо-востоку от них вновь обнаружены захоронения III в., возможно, это было начало кладбища третьей группы населения (рис. 55,2,3), занимающее площадь от линии 9 до линии 16 раскопа VIII (ориентация умерших головой на СВ). В конце III-нач. IV вв. среди населения, хоронившего своих умерших на могильнике, произошли какие-то изменения, выразившиеся в появлении на раскопе VIII рядового расположения погребений. Всего выделено три (четыре ?) ряда. Они, как и погребения группы I, были ориентированы по линии ЮЮЗ-ССВ. Одинаковая ориентация умерших и более поздний характер захоронений в выделенных нами рядах предполагают наличие наиболее тесных связей с населением группы I.

Погребения №№ 14, 15, 18 (кон. III-нач. IVвв.) могли быть оставлены еще одной группой населения, захоронения которой, возможно, были разрушены карьером между раскопами I, IV. Вероятность существования еще одного семейного объединения основывается на наличии достаточной площади (ее длина достигает 30 м). Кроме того, если заполнение могильника, как это прослеживается по группам раскопов VI, VIII, происходило с ЮЗ на СВ, то указанные погребения должны носить поздний характер, что и фиксируется нами. Выделенные в юго-западной части могильника участки трех (четырех ?) групп погребений, можно связать с кладбищами больших патриархальных семей, а появившиеся в конце бытования могильника участки из рядов погребений, — с кладбищами малых и патриар-

хальных семей, объединенных в патронимию. Учитывая число погребений, которые могли бы быть на разрушенной части Мазунинского могильника (30 погр., I погребение на 18 кв.м), подсчитаем общее число захоронений – 102. Приплюсуем число детей в возрасте до 4- 5 лет (49 человек) и получим общее количество умерших – 151. Исходя из датировки вещевого материала, древний некрополь мог использоваться в течение 100-120 лет. Подсчитаем численность “мазунинского” одновременно живущего коллектива людей. По формуле А он будет составлять 38-50 человек (при условии 100-летнего использования), 31-42 человека (при условии 120-летнего использования). При соответствующих подсчетах взрослые могли насчитывать 11-15 или 9-13 человек и составлять 5-7 или 4-6 семейных пар. По формуле Б число одновременно живущих будет достигать 45-60 человек (100 лет) или 38-50 человек (120 лет), взрослые люди соответственно составлять 13-18 или 11-15 человек. Они могли создать 6-9 или 5-7 семейных пар. Подсчет количества одной семьи, выполненный по разным формулам, в среднем дает одинаковые показатели – 5-10 человек. Данные планиграфии могильника подтверждают наши подсчеты о количестве семей – 6-7 (рис. 55, 3), а также отражают сложные процессы в развитии древнего рода.

Хронология **Ижевского могильника** определялась датировкой типов вещей и стратиграфией захоронений (III-Vвв.). Материалы по данной теме были опубликованы в специальной статье¹⁹, поэтому здесь мы лишь затронем вопрос последовательности заполнения площадки могильника. Погребения III в. - рубежа III-IV вв. располагались группами с рядовым расположением по южному краю мыса, вдоль береговой террасы родника (рис.57;58,1). Расстояние между этими группами было значительным и менялось в зависимости от изгиба берега. Число групп раннего этапа заполнения могильника равно семи. Каждый ряд в группе захоронений состоял из 4-8 погребений. В IV в., частично еще в конце III в., подобные ряды стали образовываться в северном, а где позволяла береговая терраса, и в южном направлениях. Всего таких рядов на площади могильника выявлено 18. В конце IV-нач.V вв. число рядов сокращается до восьми, а в V в. на могильнике продолжало существовать лишь четыре участка с подобным расположением могил (рис. 58,2). Выделенные ряды с 4-6 захоронениями разного пола и возраста в восточной части могильника и 6-9 – в западной, мы связываем с кладбищами малых или больших патриархальных семей. Возрастание их числа отражало появление новых семей, выбиравших себе место на родовом

кладбище как можно ближе к родительской группе захоронений, так что торцы могил почти касались друг друга. В то же время в меридиональном направлении расстояние между скоплениями семейных участков значительно. Таких больших скоплений, связываемых нами с кладбищами патронимий (совокупность ряда семей, ведущих свое происхождение от общих предков), на Ижевском могильнике обнаружено 7 (рис.58). Наиболее сильными, по всей вероятности, являлись II и III патронимии. На их кладбищах зафиксировано наибольшее число рядов погребений, оставленных моногамными семьями (по 9 на каждом), находок фибул, височных подвесок, роскошных поясов, жертвенных комплексов и оружия.

Итак, при датировке погребений могильника выяснилось, что у коллектива, хоронившего умерших на данном некрополе, существовало как минимум семь крупных родственных общественных объединений (патронимий), в состав которых входило несколько семей. В каждую хронологическую стадию количество семей менялось, наибольшие их число приходится на IV в., в V в. продолжали существовать лишь семьи II, III, V патронимий.

Исходя из хронологии погребений Ижевского могильника и предложенной нами датировки семейных рядов-кладбищ²⁰, можно предположить оптимальное время его использования в течение 200 лет (середина III-IV — первая половина V в.). Количество захоронений людей на нем составляло 246 человек (222 зафиксировано при раскопках и 25 не вскрыто или разрушено), а учитывая 122 дополнительных детских, общее число умерших равнялось 369. Средняя продолжительность жизни женщин, судя по антропологическому материалу Ижевского могильника, была в пределах 28-36 лет, а мужчин — 30,7-43 года. Средняя продолжительность жизни всего взрослого населения равна 29,3-39,5 годам. Число одновременно проживающего населения, оставившего могильник, по формуле А составляет 46-62 человека, а по формуле Б — 54-73 человека, что при соответствующих подсчетах составляет численность 7-10 семей. Это соответствует среднему числу семей, подсчитанному выше для Ижевского могильника (за 4 временных периода использования могильника зафиксировано 37 семей, т.е. на один период приходится в среднем 9 семей).

Анализ погребального инвентаря свидетельствует об относительной его однородности и, соответственно, о почти одинаковом социальном положении населения, оставившего его. Около половины умерших не имела вещей (49 захоронений, 22,0%) или инвентарь состоял из одного предмета (ножа или остатка пояса, или украшения,

51 сл., 23,1%). Это были погребения детей, подростков и взрослых. Вещей не имели и старики в возрасте 40-70 лет. Другую половину умерших сопровождали 2-5 категорий вещей (102 сл., 45,9%), которые укладывались в разных вариантах: остатки пояса + украшение; нож + украшение; сосуд + украшение; остатки пояса + нож+ украшение; нож + остатки пояса + наконечники стрел или крючок. В эту же группу по числу предметов мы включаем погребения с роскошными поясами (с большим количеством накладок) и украшениями (в т.ч. фибулы) или ножом и крючком (9 погр.), а также с жертвенными комплексами + украшениями (в т.ч. фибулы), редко с остатками поясов и мелкими орудиями труда (19 погр.) Если по количеству размещенных предметов эти погребения ничем не выделяются, то их значимость в глазах общества позволила выделить специальную подгруппу (26 погр., 11,7%). В этих погребениях фибулы найдены в обломках или отремонтированными, несут следы реставрации и пояса, что свидетельствует об их ценности и особом отношении к ним. Число предметов в погребениях с роскошными поясами обычно было в пределах 2-3, а с жертвенными комплексами — 4-5. Подавляющее большинство захоронений этой подгруппы принадлежат женщинам.

Особое место в обществе занимали умершие женщины, содержащие в погребальном инвентаре 6-9 предметов и мужчины с мечами, топором, мелкими орудиями труда, удилами, с незначительным числом украшений (бусы, пронизки) и остатками поясов, в т. ч. роскошных (6 сл.). На Ижевском могильнике они составляют 9,0% всех захоронений (20 погр.). Анализ хронологического распределения погребений этой группы дали интересный результат. Первые богатые погребения появляются в конце III-нач.IV вв. (погр.2, 171). Наибольшее число их относится к IV в. : 5 женских и 5 мужских. В V в. в основном встречаются женские (5 погр.), только одно (погр.180) мужское с топором приходится на конец IV - нач.V вв. Складывается впечатление об однородности населения, хоронившего умерших в III в. В IV в. из общей массы древнего населения выделяются мужчины-воины, которые чаще всего находятся в единых семейных группах с богатыми женщинами. В V в. значение воинов падает, в почете оказывается мужчина, имеющий топор. По-прежнему велика роль богатых женщин. Это можно объяснить уходом части населения (судя по планиграфии могильника, остались захоронения только 4-х патронимий) во главе мужчин-воинов или же переоценкой ценностей в древнем обществе (на смену большого значения военной добычи приходит критерий объема продуктов и предметов, полученных в результате хозяйственной деятельности).

Следует отметить, что богатством и могуществом (властью?) обладали не отдельные малые или патриархальные семьи, а только представители II и III патронимий. При относительной социальной однородности древнего "ижевского" населения, только здесь мы фиксируем погребения мужчин-воинов, наибольшее число богатых женских захоронений, наибольшее количество находок роскошных поясов, фибул и жертвенных комплексов.

По хронологии и вещевому материалу Ижевскому могильнику идентичен **Нивский** (середина III - середина V вв., рис.59)²¹.

Первые захоронения (III в.) располагаются по всей площадке могильника на значительном расстоянии друг от друга (рис. 60,1) и имеют разную ориентацию (СВ-ЮЗ; ЗСЗ-ВЮВ; СЗ-ЮВ). В IV в. захоронения "переносятся" на новые места древнего кладбища, а в некоторых случаях налегают на более ранние (погр.11-114; 92-99). Погребения этого периода сосредоточены в основном в средней части мыса, при этом прекращается заполнение ЮЗ и СЗ частей площадки (рис.60,2). В этот период господствуют две ориентировки могильных ям (по линии СЗ-ЮВ; В-З). Погребения кон.IV-нач.V в. — V вв. располагаются в основном на окраине древнего кладбища, прежде всего в северо-западной части. Ориентировка могил в направлении В-З, как и в северо-восточной группе IV в. Итак, заполнение могильника происходило с юго-запада на северо-запад. Сначала была освоена южная половина мыса, судя по разной ориентировке захоронений, тремя группами населения (рис. 60,1). Первая группа с рядовым расположением могил (опр. 4 ряда из 12-16 погребений) занимала западную часть. Плотное заполнение этих рядов происходило около 150 лет. По восточному краю трех хорошо зафиксированных рядов (№№12-14) располагались погребения детей и подростков. Основываясь на материалах полностью вскрытого 12-ого ряда, можно предположить наличие детских захоронений и на западном крае остальных рядов I группы. Вторая и третья группы соответственно занимали северо-восточную и юго-восточную части площадки могильника. Для них характерно расположение на некотором расстоянии друг от друга скоплений погребений (кладбища семей из 3-7 человек). Для большинства семейных участков II и III групп также было характерно расположение детских погребений с краю от взрослых. На площадке группы II найдено 5 семейных кладбищ, а группы III — 6. К концу IV-нач. V вв. нехватка свободной площади приводит к переносу могильника на север мыса, изучение которого было затруднено из-за разрушения поверхности силосными траншеями.

Выделенные три территориальные группы, расположенные на значительном расстоянии друг от друга и различающиеся ориентацией погребения, мы связываем с кладбищами трех патронимий, а отдельные скопления и ряды погребений — с кладбищами малых и больших патриархальных семей. Если в III в. их насчитывалось 7 (№№1,3,4,9,10,12,13), в IV в. — 10, то в конце IV - V вв. — 6 (рис.61,2). На южном конце мыса обнаружена группа детских, подростковых и шесть взрослых захоронений. Последние, имеющие в погребальном инвентаре одну-две вещи, в отличие от погребений вышеописанных групп, были ориентированы по линии Ю-С. Связывать их с какой-либо патронимией при такой ориентировке трудно. Данная территория, вероятно, являлась местом захоронения детей и представителей самой низшей социальной части мазунинского общества.

Итак, площадка Нивского могильника заполнялась с юга на север представителями трех патронимий. Территория каждой семейной большой патриархальной или малой моногамной группы, а их обнаружено 16, постоянно изменялась, но в пределах участка каждой патронимии.

Произведем подсчеты одновременно живущего населения, оставившего Нивский могильник. На могильнике обнаружено 156 погребений (172 захоронения), если учесть 100 погребений, разрушенных силосными траншеями (на 7,4 кв. м приходится 1 погребение), то общее число захоронений могло достигать 272 (время использования некрополя — 200 лет). Добавим детские захоронения до 4-5 лет, получим 405 человек. Число одновременно живущего населения по формуле А будет 51-60 человек, а по формуле Б — 61-81 человек. Из них взрослых будет 15-19 или 18-24 человека, число семей будет колебаться от 7 до 11-12. Это соответствует нашим данным при исследовании планиграфии (в III в. — 7 семей, кон.IV- нач. V вв. — 6 семей, V — 10 семей).

На Нивском могильнике наблюдается пик роста численности населения в IVв. и его резкое сокращение в конце IV-начале V вв., что совпадает с данными Ижевского могильника. Погребальный инвентарь Нивского могильника однообразен и относительно беден. Большинство захоронений не имеет вещей или в могиле находится одна из категорий предметов (украшение, остатки пояса, нож; 92 захоронения, 53,5%). В эту группу входят прежде всего захоронения детей и подростков. Другая группа погребений имеет 2-5 категорий предметов, в том числе в виде жертвенного комплекса (пояс + нож + украшения; пояс + украшения; украшения + орудия труда; только

украшения; пояс + нож + крючок), 65 захоронений, 37,8%. Как и в Ижевском могильнике, здесь выделяется группа женских захоронений (10 погр.), имеющих в инвентаре 6-9 (18) категорий предметов (большое число украшений в виде жертвенного комплекса + мелкие орудия труда или очень редко роскошный пояс, или ножны для ножа и шила). Судя по составу инвентаря, пять мужских погребений содержат мечи и удила (2 сл.), шлем (1 сл.), топор (2 сл.). Почти все они располагаются на территории участка определенной для II патрионимии и единично на площадках других патрионимий. Датируются погребения более поздним временем использования кладбища (IV-V вв.). Процент умерших, захороненных с относительно большим количеством погребального инвентаря и его значительной ценностью, возможно, и значимостью равен 8,7. Материалы Нивского могильника свидетельствуют об имущественном равенстве "нивского" населения, особенно в ранний период, которое нарушается только в рамках более богатых патрионимий (патриархальных семей).

По хронологии **Старокабановский могильник** не выходит за рамки конца IV-V вв. (рис.62). При изучении расположения погребений на могильнике выделилось четыре участка с древними захоронениями, разделенных свободным пространством в 3-4 м²¹. Погребения каждого участка имеют свою господствующую ориентацию. Здесь выявляются ряды захоронений — семейные кладбища. На II-IV участках обнаружено девять семейных групп с погребениями конца IV в. (рис. 63,1). Количество погребений на участке IV, позднее разрушенного оврагом, было, вероятно, больше. К V в. здесь не осталось свободной площади и патрионимическое кладбище было перенесено на территорию участка I. О позднем характере заполнения последнего свидетельствует и отсутствие ранних погребений. Ориентировка могил на участках I, IV совпадает (по линии В-3), что еще раз свидетельствует об их родственной (?) близости. Существование четырех участков погребений можно связать с кладбищами трех патрионимий, а ряды погребений — с кладбищами малых или патриархальных семей. В выделенных семейных рядах находились и мужские (с копьями, топорами, наконечниками стрел, косами, серпами), и женские (с фибулами, височными подвесками, жертвенными комплексами) погребения (рис. 63,3). В IV в. на участке II таких семейных кладбищ было 4, а на участке III-3, IV-2 (рис.63,1). В V в., скорее всегда в его начале, они продолжают заполняться, хотя и появляются новые семейные участки. В общей сложности, первая патрионимия (участки I,IV) в течение всей своей истории похоронила

12 семей, вторая и третья — соответственно 11, 16. Исходя из планиграфии могильника, в среднем на каждом семейном кладбище было захоронено по 4 взрослых человека (2 поколения семьи ?).

Каждая патрионимия оставила от 11 до 16 семей за весь период использования родового кладбища (около 100-120 лет). При соответствующих математических подсчетах, с учетом числа разрушенных погребений (20 погр.), и дополнительного количества детей до 4-5 лет, можно определить общее число умерших "старокабановского" рода (276 погр.), а отсюда и одновременно проживающих: по формуле А — 69-92 человека (57-76 человек при 120 годах), по формуле Б — 82-110 человек (69-92 человека при 120 годах). Соответственно взрослые составляли 21-28 (17-23) и 25-33 (21-28) человек. Исходя из коэффициента семейности, они могли создать (8)10-16 семей, а отсюда число членов одной семьи колебалось от 5 до 11 человек. Это может свидетельствовать в пользу сосуществования двух видов семей (малой и патриархальной). Наши подсчеты совпадают с данными планиграфии. В начальный период использования древнего могильника были зафиксированы погребения 9-ти семей (рис. 63, 1).

По составу погребального инвентаря "старокабановское" население можно разделить на 2 основные большие группы. В первую входят погребения, не имеющие инвентаря (в основном это дети и подростки, 30 сл., 18%), или с одной-двумя категориями предметов (нож, остатки пояса, редко отдельные украшения, 53 сл., 31,5%). Другую группу составляют захоронения с 3-6 категориями вещей (73 сл., 43,5%). Здесь почти обязательно присутствовали пояс + нож, а с ними украшения (женские захоронения) или оружие и крупные орудия труда (мужские захоронения). Эта группа отличается обилием находок топоров (2 сл.), наконечников копий (30 сл.), кос (7 сл.). Только в погребениях этой группы найдены удила (2 сл.), точильные бруски (2 сл.) и предметы удлиненно-трапециевидной формы с кольцом на узком конце (знак отличия ? 3 сл.) и большинство находок наконечников стрел (в 8 погр. из 10-ти). В погребениях этой группы появляются фибулы, украшения, уложенные в виде жертвенного комплекса, роскошные пояса и головные украшения из железных колец.

Умершие второй группы, особенно ее мужская часть, судя по составу инвентаря, занимали особое положение не только в "старокабановском" роде, но и среди всего мазунинского населения. Мужчины-воины защищали устье р.Белой (могильник расположен напротив места впадения р.Белой в р.Каму) от проникновения врага на основную территорию древнего населения. Состав орудий труда

и оружия свидетельствует о наличии определенной военной иерархии в обществе, что фиксируется в существовании разных вариантов находок оружия и орудий труда: нож+копье; нож+топор; нож+копье+топор; нож+копье+топор+коса; нож+копье+коса; нож+копье+топор+коса+наконечники стрел. Последний вариант набора погребального инвентаря был наиболее представительным, но единичным. Возможно, он принадлежал военным вождям. На кладбище каждой патронимии обнаружены семейные группы, имеющие подобные погребения: участок I — погр.137; участок II — погр.22; участок III — погр.76,86 (рис. 63,3). Указанные погребения всегда занимают центральное место на патронимическом кладбище. Следует заметить, что они оставлены в поздний период существования кладбища (V в., рис.63,2,3), тогда как в конце IV в. (в ранний период освоения площади кладбища) можно наблюдать погребения только с находками копий или кос (рис.63,1,3). Захоронения с копьями и топорами (вместе и отдельно), а также с косой, "окружают" погребения вождей. По краям выделенных нами патронимических кладбищ находятся богатые женские захоронения (третья группа, 12 погр., 7%), имеющие в инвентаре 7-11 категорий предметов (рис. 63,3), в их числе украшения в жертвенных комплексах, нарукавные и головные составные украшения из колечек, фибулы, роскошные пояса. Подобное их местонахождение можно объяснить только поздним характером захоронений, когда особенно усиливается социальное расслоение древнего рода.

Все погребения **Югомашевского могильника**, согласно выработанной хронологии относятся к V в.н.э. (рис.64). Захоронения (88) содержат удивительно однотипный, а значит синхронный погребальный инвентарь (табл.33). Разделить погребения на более мелкие хронологические периоды пока не представляется возможным, поэтому нельзя проследить процесс заполнения площадки могильника. Планиграфия погребений позволяет выделить семейные участки: в восточной части раскопа II обнаружено 10, а в западной — 2. Для восточных семейных групп характерно господство СВ ориентировки, а для западных — в пределах ССЗ-ССВ (рис.65). Захоронения в восточной части, по всей вероятности, оставлены одной большой группой населения (патронимией), а в западной — другой.

При нанесении на общий план раскопа II элементов, специфических для мазунинской культуры, было выявлено следующее. Жертвенные комплексы, височные подвески, подвески-медведи присутствуют в погребениях всех семейных групп, кроме X (рис.65,1).

Накладки-тройчатки, подвески из раковин, чаще всего встречаемые вместе в погребении, были обнаружены почти во всех группах, кроме V, IX, X (рис.65,2). Погребения с оружием найдены лишь в I, II, V, IX семейных группах (рис.65,3). При этом наибольшее количество погребений с оружием приходится на I семейную группу, где в погр.53 найдены не только оружие (наконечники стрел), но и разнообразный набор крупных орудий труда (коса, топор, серп). Таким образом, Югомашевский могильник был оставлен в V в. двумя патронимиями, в состав которых, как минимум, входило 10 малых и больших семей, играющих неравнозначную роль в обществе. Наиболее зажиточными и знатными оказались семьи, где было 5-9 взрослых.

Погребальный инвентарь Югомашевского могильника свидетельствует об относительной однородности древнего населения, которое можно разделить на 2 основные группы. Одна группа не имеет вещевого материала (8 погр., 9,9%) или содержит в могиле только одну категорию (остатки пояса или украшение; 17 погр., 20,9%). Она составляет 30,8% погребений памятника. Другая же группа представлена погребениями с 2-5 (очень редко с 6) категориями предметов (45 погр., 55,6%). Инвентарь состоит из остатков пояса (пряжка, наконечник ремня), украшений, ножа, редко из наконечников стрел, копья (1 сл.), серпа (1 сл.). Она составляет 13,6%. Следует отметить, что если женские погребения этой группы отличаются от второй только количеством украшений, а не набором погребального инвентаря, то два мужских погребения (раскоп II, погр.53, раскоп I, погр.3) содержат, судя по их редкости, самые ценные и значимые для общества предметы. Люди, похороненные с этими предметами, занимали, возможно, какое-то особое положение в обществе (вожди ?, старейшины ?). Итак, материалы Югомашевского могильника свидетельствуют только лишь о тенденции имущественного неравенства в древнем обществе. В связи с тем, что могильник не вскрыт полностью, палеодемографические подсчеты здесь не проводились.

Хронология погребений **Покровского могильника** не выходит за пределы конца IV-V вв., большая часть их относится к V в. (только 15 погр. датируются второй половиной IV в.). Здесь было вскрыто большое число погребений (364, рис.66). Он почти полностью исследован, и, самое главное, имеется значительный антропологический материал с половозрастной характеристикой, который вместе с погребальным инвентарем дал возможность определить пол у 244 захоронений. Половозрастные данные умерших совместно с их планиграфией на могильнике позволили сделать интересные наблюде-

ния, связанные с социальной структурой “покровского” населения. Погребения четко делятся на две большие группы: западную и восточную, разделенные относительно свободным пространством, а также имеющие разницу в ориентировке погребений. Подавляющее большинство погребений восточной группы имеют ЮЗ и ЗЮЗ ориентацию с очень малым числом погребений, в которых умершие уложены головой на запад (7 сл.). Для западной же группы характерно расположение умерших в основном в пределах ЗЮЗ-запад-ЗСЗ, и очень редко головой на ЮЗ (5 сл.). По краю могильника располагаются 4 хозяйственные ямы, имеющие в ряде случаев кусочки прокаленной глины и угля в заполнении. Кроме того, в северной и восточной окраинах могильника обнаружено 2 очага, один из них (очаг 1) снабжен околочажной ямой. Эти сооружения, возможно, были связаны с ритуальными действиями в период совершения погребального обряда и ограничивали первоначально выбранную площадку древнего кладбища. Только нехватка места в поздний период использования могильника привела к появлению погребений за пределами первоначально очерченной границы.

В ранний период освоения площадки могильника погребения располагались хаотично, почти на всей территории кладбища. А затем в течение 120-150 лет около них образовались четкие ряды захоронений (рис.66). Таких рядов зафиксировано 17 (18?): 8 рядов (I-VIII) в западной части могильника, 9(10?) — в восточной. Степень заполненной каждого из них неодинакова. Два ряда (VI,XIV) тянутся с юга на север на всю длину кладбища, другие составляют $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{3}$ его длины и менее. Количество погребений в самом длинном ряду достигает 48, а в коротком (XVII) — 4. По какому же признаку происходило заполнение каждого такого ряда? Половозрастная характеристика захоронений и их планиграфия дали следующую картину. Во-первых, на Покровском могильнике преобладают женские захоронения (61,8% от всех определенных взрослых погребений). Если в восточной группе их было столько же, сколько и мужских погребений (61 против 52), то в западной группе их число уже вдвое больше (88 против 43 мужских). Во-вторых, выявлено необычное для могильников мазунинской культуры расположение погребений в выделенных рядах. Женские захоронения в основном находятся к югу от мужских (рис.66). Если в II,IV,VIII рядах наблюдается четкое деление: на севере — мужские погребения с редкими включениями женских, на юге — женские (в ряду II только одно погребение мужское), то в VI и VII рядах зафиксировано чередование групп мужских и женских

захоронений. Они также начинаются на севере — мужскими, дальше находятся женские и т.д. И только ряд V на севере заполнен женскими погребениями, далее на юг — детскими, в том числе, возрастом до года, а затем — двумя мужскими в пожилом возрасте до 55 лет (этот ряд вклинивается в IV ряд). Расположение умерших мужчин на севере, а женщин на юге площадки могильника наблюдается и в восточной группе погребений (XIV, XV ряды), чересполосное их расположение имеет место в XII ряду, и только захоронения детей и подростков, женщины находятся в ряду XIII. В рядах, расположенных на окраине восточной группы, фиксируется и смешанное расположение умерших (ряды IX, X, XI, XVI, XVII). Они содержат и коллективные — семейные погребения (V в.): мужчина, женщина, ребенок. Число взрослых захоронений здесь сравнительно небольшое (3-9 человек). В этом случае наблюдается захоронение малых или патриархальных семей, последние состояли из нескольких малых моногамных семей, которые могли бы “вырасти” в более крупные объединения, основанные на родственных связях — патронимии. К патронимиям можно отнести все ряды, в которых расположение умерших происходило по половому признаку, а количество взрослых умерших в рядах выходило за пределы 9-ти взрослых погребений. Таким образом, социальная структура “покровского” населения была довольно сложна.

Могильник оставлен представителями двух крупных объединений (родов), состоящих из нескольких патронимий и патриархальных семей. У последних наблюдается процесс распада на малые индивидуальные семьи, место которых стало четко определяться на могильнике только в конце его использования (погр. 8-10,31). Размещение погребений в зависимости от пола на территории Прикамья зафиксировано В.Ф.Генингом на Мыдланьшайском могильнике VIII-IX вв. Аналогии этому он находит в венгерских могильниках²³. Это явление В.Ф.Генинг связывает с процессом разложения родового строя и усиления влияния патронимии.

Интересные данные дают и палеодемографические подсчеты. Средняя продолжительность жизни взрослого населения составляла 28,6-37,8 лет: мужчины — 30,9-41,2 года, женщины — 26,2-34,3 года. Учитывая число разрушенных карьером погребений, а также еще не вскрытых захоронений (около 30), добавляя дополнительное количество детских (до 5 лет) захоронений (210), подсчитаем общее число умерших. Оно будет равно 647. Время использования площадки древнего могильника равнялось 120-150 годам. Сделаем подсчет

одновременно живущего “покровского” населения по формуле А. Если могильник функционировал 120 лет, то число жителей будет 135-180 человек, а 150 лет — 108-144 человека. Подсчеты по формуле Б дали соответственно 154-204 и 123-162 человека. Число взрослых по формуле А составляло при 120 годах функционирования могильника 41-54 человека, а при 150 годах — 32-43 человека. Подсчеты взрослых по формуле Б определили их число 46-61 человек (при 120 годах) и 37-48 человек (при 150 годах). Это примерно в два раза больше, чем на всех крупных могильниках, которые оставлены представителями одного рода (Нивский, Ижевский, Старокабановский). Это еще раз подтверждает данные планиграфии о захоронении на Покровском могильнике представителей двух родов.

Для изучения социальной структуры “покровского” общества был использован погребальный инвентарь. Его анализ позволил выделить 4 группы женских захоронений и три мужских.

Первая группа женских погребений не имеет вещевого материала или при костяке находится один предмет (опр. 11 погр., 7%). Этим предметом может быть пряжка, нож, фрагмент височной подвески. По возрасту это были молодые (16-25 лет) или пожилые (40-55 лет) женщины.

Вторая группа содержит в погребальном инвентаре две-четыре категории предметов (опр. 59 захоронений, 37,8%). Чаще всего это были пряжка и нож, реже эти же отдельно взятые предметы с крючком или наконечником стрелы, или с каким-либо украшением. В погребении могли быть уложены только украшения, аналогичные составу жертвенных комплексов (бусы, браслет, ожерелье из бус и пронизок, подвески, фибула, гривна, скульгама). Есть в ней и погребения с жертвенными комплексами (27 погр., 46%), где число предметов равнялось 2-4. Погребальный инвентарь с 2-4 категориями предметов встречался в погребениях женщин всех возрастов с обладанием возрастной группы в 20-30 лет.

Третья группа с 5-6-ю категориями предметов (опр. 36 захор., 23,1%) отличается почти полным господством жертвенных комплексов в погребальном инвентаре (91,7%). В их состав входило от 2 до 6 предметов, но чаще всего 4-5. Кроме жертвенного комплекса, в погребальный инвентарь могли входить пряжка или пряжка с наконечником ремня (пояс). В редких случаях встречается нож и какое-либо украшение. В этой группе погребений начинают появляться предметы, не свойственные ранее описанным двум группам, но имеющие наибольшее распространение в последующей (головное украшение из колец и подвесок, нарукавное украшение из пронизок,

ножны для ножа и шила, роскошный пояс). В третью группу входят женские захоронения всех возрастов (16-50 лет). Ее можно назвать связывающей, переходной. Она выделяется большим числом погребений только в Покровском могильнике мазунинской культуры и определяется нами как самостоятельная.

Четвертая группа имеет от 7 до 15 (1 сл. - 21 предмет) категорий вещей (опр. 50 захоронений, 32,1%). Во всех погребениях (кроме № 139) присутствуют жертвенные комплексы, число категорий предметов в которых достигает 12 экземпляров. В двух погребениях зафиксировано два жертвенных комплекса (погр. 258 А, 309). Кроме того, в состав погребального инвентаря входили ножны с ножом и шилом, нарукавные украшения из пронизок, сложные головные уборы и роскошные пояса, а также украшения, редко встречаемые в других группах (фибулы, гривны, браслеты). Все они, на наш взгляд, являлись дорогими вещами и были престижными в глазах членов древнего общества. Сочетание составных частей погребального инвентаря с жертвенным комплексом позволило выделить несколько подгрупп: 1) с украшениями + роскошный пояс или нарукавное украшение из пронизок (13 сл.); 2) с нарукавными украшениями и роскошным поясом или головным убором (6 сл.); 3) с ножами для ножа и шила и остатками ремня, в т.ч. роскошного (14 сл.); 4) с нарукавными украшениями, головным убором и роскошным поясом (15 сл.). В шести случаях в погребениях последней подгруппы встречаются еще ножны для ножа и шила, в нескольких погребениях — гривны, фибулы и обувные роскошные ремешки. По набору вещей в эту подгруппу включено погр. № 139.

В четвертую группу вошли захоронения женщин всех возрастов, в т.ч. более 60 лет (погр. № 338). Она принадлежит зажиточным, богатым женщинам, а погребения подгруппы 4, возможно, относятся к сверхбогатым, знатым женщинам. Здесь общее число категорий предметов чаще всего находится в пределах 12-13 и достигает 21 (погр. № 199). Эта подгруппа оставлена женщинами в возрасте (15) 18-35(40) лет. Анализ количественных и качественных характеристик погребального инвентаря мужских погребений Покровского могильника не выявил большого разнообразия групп, как это наблюдается в женских захоронениях (выявлено три группы).

Первая группа характеризуется отсутствием вещевого материала в погребении или его наличием в единственном экземпляре (нож или пряжка, опр. 13 захоронений; 15,5%). Она оставлена умершими в молодом (18-20 лет) или, чаще всего, в пожилом (35-60 лет) возрасте.

Вторая группа, самая многочисленная, представлена погребениями с 2-3 категориями предметов (опр. 38 захоронений; 45,2%). Это были нож с остатками пояса (пряжка, резе наконечник ремня и несколько поясных накладок). В погребении еще может быть крючок, бляшка (от ножен ножа). В единственных экземплярах встречаются бусы, пронизка, кольцо, обувные ремешки, коса и топор.

Третья группа мужских погребений имеет большое число находок (4-6 категорий, в 3-х случаях - 7-8), но основной состав погребального инвентаря мало чем отличается от второй группы захоронений (33 захор., 39,3%). Это были ножи и остатки поясного ремня, имеющего иногда значительное количество поясных накладок, а также крючки, бляшки. Но стало больше погребений с бусами, пронизками и подвесками. Появились погребения с наконечниками стрел (1-4 экз.), мечами и удилами, бронзовыми слитками. Единично встречаются находки топоров, кос, точильных брусков. Вещевой инвентарь данной группы принадлежал в основном мужчинам в возрасте 20-45 лет.

При сопоставлении состава инвентаря мужских погребений второй и третьей групп складывается впечатление об их почти идентичности, разница существует лишь в количественных показателях. Возможно, количество предметов не имело в данном случае существенного значения в определении места, роли человека в обществе и не отражает в полной мере имущественного расслоения. Выделяются лишь погребения с оружием, удилами, крупными орудиями труда, представляющие наибольшую ценность в жизни населения мазунинской культуры. Таких погребений зафиксировано 19. Мечи (опр.10 захор.) обычно лежали в погребениях могильника с ножами, остатками поясов (в погр.115,325 пояса относятся к типу роскошных). Они всегда имели ножны, украшенные бусиной и бляшкой. Иногда вместе с мечом в ногах укладывали удила, очень редко топор и бронзовые слитки. Крупные орудия труда (коса, топор, точильный брусок) находились в погребении с ножом и остатками поясного и обувного ремней. В погр.231 нож был вставлен в привозные ножны харинского типа ломоватовской культуры. Удила могли находиться в погребении в сочетании с крючками, и в этом случае они были votivного назначения. Количество категорий вещей погребений этой подгруппы равнялось 4-6 экз., только в погр.148 их было 3. В погр.289, имевшем в инвентаре 8 категорий предметов, наблюдалось редкое сочетание вещевого материала (меч, удила, топор, бронзовые слитки, нож, обувные и поясной ремни), что, возможно, определяло особую роль умершего.

При анализе состава погребального инвентаря детей и подростков (опр.44 захор.) было выявлено следующее. Большинство из них не имеет вещей (20 сл.). Последние появляются у незначительного числа детей только в возрасте 4-7 лет. Обычно в детском погребении лежали один (7 сл.), два (9 сл.), три-четыре (8 сл.) предмета. Это были нож, пряжка и какое-либо украшение. В погребениях детей в возрасте 8-12 лет единично встречаются наконечник стрелы и крючок. У девочек-подростков (12-16 лет) иногда фиксируются жертвенные комплексы. Количественные показатели и состав инвентаря дают возможность соотносить погребения детей и подростков только с 1 и 2 группами взрослых захоронений.

При нанесении выделенных групп на план раскопа было выявлено следующее. В каждом ряду (кладбище патриархальной семьи или патронимии) имелись захоронения из всех выделенных нами групп. Даже в одной могильной яме по составу погребального инвентаря могли быть представители разных групп захоронений. Например, в коллективном погребении 341 находились захоронения мужчин 1, 2, 3 групп, а в погребении 109 — три женских захоронения четвертой группы и одно мужское — второй группы. Следует отметить, что число богатых женских захоронений (4-ая группа) и мужских захоронений с мечами, удилами, крупными орудиями труда (третья группа), было неравное в разных рядах. В девяти рядах они или отсутствуют, или составляют не более 2 захоронений. В четырех рядах их количество колеблется в пределах 3-4. Только ряды III, IV, VI, XII, XIV содержат большое число подобных захоронений (от 5 до 14). Последние ряды, по нашему мнению, были кладбищами выделенных нами патронимий.

Таким образом, богатство и власть у "покровского" населения были сосредоточены в руках представителей только нескольких патронимий. Патронимия, а не отдельная индивидуальная семья, определяла имущественный статус в древнем мазунинском обществе в конце IV-V вв. Социальное положение человека в каждой такой патронимии, что выражалось в количественном и качественном составе погребального инвентаря, определялось возрастом, вкладом человека в хозяйственную и военную функции общества. Поэтому мы наблюдаем полное или почти полное отсутствие вещей у детей, подростков, молодых мужчин, женщин и стариков.

Подведем итоги социально-демографических исследований по данным могильников мазунинской культуры. Продолжительность жизни взрослого мазунинского населения была незначительна: 29-

38,8 лет, что почти соответствует средней продолжительности жизни средневекового населения Северной Европы (30-40 лет). Следует отметить, что уровень продолжительности жизни женского населения был ниже, чем мужского (27,1-35,1 года против 31,6-42,5 года). Более продолжительный уровень жизни мужского населения, по сравнению с женским, исследователи наблюдают на территории Прикамья до XVIII в.²⁵ и объясняют это частыми родами, нерациональным питанием и оседлым образом жизни женщин, поэтому в большей степени подверженных эпидемиям. Численность коллектива людей, использовавшего мазунинские могильники, укладывалась в пределах 25-204 человека, из них взрослые могли составлять 10-61 человек. Следует отметить, что население, оставившее ранние могильники или некрополи, в которых преобладали ранние захоронения, отличается меньшим числом популяций – 25-51 (взрослых 10-15 человек). Численность коллектива резко возрастает в конце IV-V вв. (в 4-6 раз).

Итак, социальная структура мазунинского общества представляла собой сложный организм, постоянно изменяющийся, как территориально, так и хронологически. Как видно из предыдущего анализа, каждый могильник имел свое социальное лицо. Ранние некрополи несут в себе признаки развития общества пьяноборской эпохи: родовой могильник представлял собой совокупность кладбищ больших патриархальных семей²⁶, где малая моногамная семья четко не выделялась на древнем кладбище, она здесь как бы “потерялась”. Ранние могильники (Чепанихинский, Сайгатский, Мазунинский, Ангасякский III-нач. IV вв.) представляют собой некрополи, прежде всего, больших семейных групп (патриархальных семей). В начале их использования на них, как и на пьяноборских памятниках, погребения располагаются хаотично. Это всегда наблюдается исследователями на могильниках, в которых у населения, оставившего их, были сильны родовые отношения. Позднее, при освоении новой территории, оторвавшись от своего рода, в патриархальных семьях особенно остро почувствовалась значимость рабочих рук каждой семейной пары. Возможно, этим можно объяснить, что планиграфия данных могильников четко выделяет как ряды-кладбища патриархальных, так и ряды-кладбища малых индивидуальных семей. Но наряду с этой новой тенденцией, по-прежнему продолжают традиции сохранения родовых отношений, что особенно четко наблюдается на Нивском могильнике.

На позднем этапе существования мазунинской культуры (около сер. IV в.) появляется новый институт в социальных отношениях – патронимия. Кладбища патронимий четко фиксируются на террито-

рии Старокабановского, Нивского, Ижевского и Покровского могильников. Их появлению способствовала относительно спокойная внешняя обстановка, успехи в хозяйственной деятельности. Подсечно-огневая система земледелия на новых землях требовала лишь на короткое время объединения рабочих рук, что можно скоро и эффективно выполнить на основе родственных отношений.

Следует отметить, что в мазунинском обществе не было резкого имущественного неравенства, сосредоточения богатства в руках малой семьи. Особенно это наблюдается на ранних этапах культуры. Все взрослые жители были полноправными членами рода. Только на позднем этапе появляются погребения, отличающиеся большим количеством и содержанием погребального инвентаря. И это явление особенно проявляется в погребениях женщин, реже — мужчин. Погребения последних отличаются лишь находками оружия и крупных орудий труда. Более состоятельными были представители не малых индивидуальных семей, а прежде всего члены отдельных патронимий и реже патриархальных семей одного рода. Выделенные нами группы погребений на основе количественных показателей погребального инвентаря скорее отражают обрядовый характер, основанный на половозрастных принципах, а потом уже имущественное расслоение общества. Это особенно ярко проявляется в погребениях стариков, детей и подростков, где вещи или совсем отсутствуют, или составляют 1-3 экз. Указанные последние две категории умерших отличаются на могильниках культуры не только малым числом погребального инвентаря, но и своим особым расположением на площадке могильника (Чепаниха, Нива, Ангасяк, Старокабаново, Покровское) и почти полным отсутствием погребений детей до 5 лет. Хотя последнее явление наблюдается на всех памятниках Прикамья до XVII в., что было характерно и для могильников предыдущих культур пьяноборской эпохи²⁷.

Погребения с оружием оказались на площадках кладбищ самых сильных и наиболее богатых патронимий, реже патриархальных семей (Нива, Ижевск, Покровское). Такое же явление наблюдает исследователь Б.Б.Агеев на пьяноборских памятниках и считает, что представители сильных патриархальных семей выступали предводителями в военных походах, из них формировалась родовая и племенная знать²⁸. Погребения с оружием в могильниках культуры, за исключением Старокабановского, составляют незначительное количество. Это затрудняет реконструкцию организации военной дружины древнего мазунинского общества. Исходя из имеющегося матери-

ала, можно лишь с уверенностью утверждать, что в нее на удмуртской территории культуры входили всадники с мечом и ножом или воины с луком и костяными наконечниками стрел, а на башкирской — воины с копьем, топором и луком с железными наконечниками стрел.

Залесенное пространство правобережья Камы защищало мазунинское население от нападений извне, что давало больше возможностей для хозяйственной деятельности, особенно на позднем этапе культуры (в погребение укладывали топор, косу, а не оружие). Этого нельзя сказать о населении башкирской группы, имеющего постоянные контакты со степными племенами. Не случайно все мужское население второй группы Старокабановского могильника имело оружие. Возможно, это были профессионалы-воины дружины, имеющей довольно сложную структуру (на могильнике зафиксировано 6 вариантов наборов погребального инвентаря с оружием). Только в этих погребениях найдены наиболее ценные крупные орудия труда (серпы, косы, топоры) — военная добыча (?). На всех поздних могильниках башкирской группы центральное место на кладбище патрионимии или патриархальной семьи занимали 1-2 погребения с самым значительным набором оружия и крупных орудий труда. Военная добыча давала возможность обогатиться и другим членам (женщинам) патриархальной семьи (Ст. Кабаново, Югомашево).

Исследуя количество погребений на могильниках, а также число членов коллективов, оставивших их, можно проследить тенденции постепенного роста численности населения (в 4-6 раз). Для ранних могильников характерны небольшие площади с незначительным числом захоронений (40-71 погребение), для поздних — большое число погребений (Покровский, Усть-Сарапульский, Тарасовский, Тураевский II, Старокабановский, Югомашевский, Бирский могильники). На их площадках хоронили членов не только одного рода, но и двух, что наблюдается нами на Покровском могильнике. Тарасовский могильник, имеющий захоронения еще пьяноборского времени, вследствие удачного расположения комплекса поселения на самой крупной реке территории культуры — Каме, имеет самое большое число погребений (1875). Зная количество населения пьяноборской культуры, подсчитанного В.Ф.Генингом в пределах 5 тысяч человек²⁹, и темпы прироста населения к концу существования культуры, можно подсчитать общую численность мазунинского населения. Она будет равняться 20-30 тысячам человек. Эти подсчеты довольно грубы и условны, но они дают возможность хотя бы приблизительно представить численность населения, оставившего памятники мазунинской культуры.

Итак, структура мазунинского общества постоянно развивалась, в результате чего шел распад родовых отношений и перенос центра тяжести исполнения социальных функций от рода к патронимии. Семейная структура была сложна и своеобразна для населения каждого могильника. Мирная хозяйственная деятельность на севере и военно-хозяйственная деятельность на юге территории культуры привели к социальному разложению общества: выделению богатых патронимий и патриархальных семей. В них главенствующую роль играли мужчины-воины, мужчины-земледельцы и часть взрослых замужних женщин.

¹ Евдокимов В. В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы. // Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1986. 21с; Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989.; Шутова Н.И. Удмурты XVI - первой половины XIX в. (По данным могильников). Ижевск, 1992. С. 87-96.; Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. 82-101.; Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (Опыт палеодемографических реконструкций) // Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 1995. 22 с.

² Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. 10. Свердловск-Ижевск, 1970. С. 116.

³ Gräslund A.—S.Birka. Stokholm. 1980. V.VI: The Burial Customs. P. 82.

⁴ Там же. P. 82.

⁵ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. №48. М., 1956. С.91.

⁶ Шутова Н.И. Удмурты XVI - первой половины XIX в. С. 91.

⁷ Каменецкий И. С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975. С. 91.

⁸ Агеев Б.Б. К хронологии могильника Чеганда II // СА. 1976. №3. С. 63; Он же. Пьяноборская культура. С. 96.

⁹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М. 1971. С. 41.

¹⁰ Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984. С. 58-61. Табл. 25, 26.

¹¹ Пшеничник А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. Рис. 13-20.

¹² Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4. Свердловск, 1962. С. 117-134.

¹³ Агеев Б.Б. К вопросу о большесемейных группах в пьяноборской культуре // Из истории Сибири. Томск. Вып. 21. 1976. С. 142.

¹⁴ Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М., 1980. С. 123-132.

¹⁵ Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья... С.18

¹⁶ Там же. С.18

¹⁷ Гришкина М.В. Семья удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в последней четверти XVII - первой четверти XVIII в. (поколенная и половозрастная структура, численный состав) // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII - первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 96.

¹⁸ Васюткин С.М. Ангазский могильник — ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С.72-91.

¹⁹ Останина Т.И. Ижевский могильник. Погребальный обряд, социальная структура

ра общества // Удмуртия: новые исследования. Ижевск, 1991. С. 31-47.

²⁰ Там же. С. 46.

²¹ Останина Т.И. Нивский могильник III-V вв. //Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 92-117.

²² Васюткин В.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник //Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск,1989.С.64-125.

²³ Останина Т.И. Покровский могильник, IV-V вв. //Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 94.

²⁴ Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай. //ВАУ.Вып. 3. Свердловск, 1962. С. 94-103.

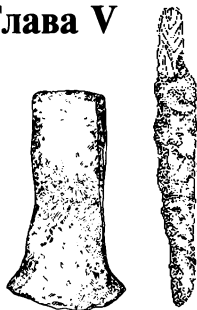
²⁵ Алексеев В.П. Палеодемография СССР //СА. 1972. №1. С. 20.

²⁶ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. С. 90-100.

²⁷ Там же. С. 93.

²⁸ Там же. С. 96-97.

²⁹ Генинг В.Ф. История населения... С. 127.

Территория мазунинской культуры находится в благоприятном для жизнедеятельности человека климатическом и географическом районе. По характеру рельефа она относится к восточной части Восточно-Европейской равнины, называемой Предуральем. На отдельных ее участках имеется холмистый рельеф. Для нее присущи возвышенные изрезанные междуречья и широкие речные долины. Климат умеренно-континентальный, с продолжительной холодной и многоснежной зимой, с теплым летом, с хорошо выраженными переходными временами года — весной и осенью. Агроклиматическое районирование относит территорию по линии Новый Мултан-Чур-Воткинск (удмуртская территория проживания населения мазунинской культуры) к южному району, для которого был характерен теплый, менее влажный климат. Среднегодовая температура воздуха выше 0° держится 200-205 дней — с 5-8 апреля по 23-26 октября. Зимний режим залегания устойчивого снежного покрова составляет 160-165 дней¹. Такие же признаки характерны для башкирской территории, отнесенной исследователями к III и частично к IV агроклиматическим районам². Количество осадков равнинной части Предуралья за теплый период достигает 400-500 мм, а в течение года - 500-600 мм³. Увлажнение по годам неравномерное, что приводит к неустойчивым урожаям сельскохозяйственных культур. Особенно подвержены степени риска территории низовьев рек Иж и Тоймы, а также равнинная часть р. Белой с очень жарким летом. Зато эта площадь наиболее благоприятна по обеспечению теплом, что очень важно для получения хороших урожаев ранних яровых. Продолжительность периода без заморозков в воздухе здесь колеблется от 110 дней на севере до 135 дней на юге.

Большая часть территории мазунинской культуры от широты г. Ижевска на севере до широты г. Уфы на юге входит в подзону смешанных и широколиственных лесов лесной зоны, только незначи-

тельная часть ее на правобережье р.Белой — в лесостепную подзону. Основным географическим элементом флоры Прикамья является бореальный (северный), виды которого сосредоточены в темно- и светлехвойных лесах, на болотах и лугах. Интересуемая территория правобережья Камы ботаниками относится к 5, частично 4 геоботаническим районам⁴. Юго-восточный (пятый) район слабо облесен (облесенность колеблется в пределах 7-17 %, реже 25 %). Пониженные равнины Прибелья облесены на 5-10 %. Здесь есть включения растений, присущих северным луговым степям (ковыль перистый, спаржа лекарственная и т.д.). Это районы местообитания дубов и орешника, граница распространения которых соответствует северной границе мазунинской культуры (Малопургинский, Завьяловский, Можгинский районы УР)⁵. В Прикамской Удмуртии преобладают серые и темно-серые лесные почвы. Лесные почвы занимают высокие участки. Поймы рек, которыми изрезана вся территория культуры, ежегодно заливаются водой, за счет чего растения получают большое количество минеральной массы. В Закамье, на севере Башкортостана, в лесной зоне распространены дерново-среднеподзолистые почвы, на левом берегу р. Белой — оподзоленные черноземы. Леса в основном хвойные — сосна, ель, пихта. В них большая примесь лиственных — березы, осины, клена, липы, реже дуба. Флора характерна для таежной зоны, но с включениями сибирских, уральских и степных растений. В хвойно-лиственных лесах растут рябина, черемуха, калина, яблоня; в подлеске — черная смородина, малина. Территория культуры изрезана крупными реками: Кама, Белая, Уфа, Б.Танып, Буй, Сива, Иж, Тойма с многочисленными мелкими притоками, имеющими прекрасные пойменные (заливные) луга. Густота речной сети 0,21-0,5 км/км². Особенностью камских лугов является ярко выраженное их остепнение. Растительность характерна для северных луговых степей (timoфеевка степная, подмаренник настоящий, спаржа и т.д.), что было связано с постоянным изменением климата. Так, в интересующую нас эпоху I тыс. н.э., по данным А.В.Шнитникова, была характерна пониженная влажность⁶, а соответственно — более сухой и жаркий климат, приведший к изменению растительности. Из культурных растений в настоящее время наибольшие площади занимают озимая и яровая пшеница, овес, ячмень, рожь. Самым менее требовательным из них в почвенно-климатическом условиях является овес.

Таким образом, разнообразие природных условий и благоприятный климат дают основу для развития комплексного хозяйства (земледелие, скотоводство, охота, собирательство, рыболовство). Хозяйство племен мазунинской культуры реконструируется нами на основе археологических находок, прежде всего, находок орудий труда, палеоботанических и палеозоологических данных. Экономической основой неселения мазунинской культуры являются земледелие и скотоводство. Такому направлению хозяйственной деятельности способствовали природно-климатические условия, а также традиции и навыки населения предшествующих эпох и культур на территории Среднего Прикамья. Исследователи археологических культур начала I тыс. в данном регионе отмечают следующий уровень развития этих видов деятельности. Начиная с ананьинской эпохи, на данной территории одним из ведущих направлений в экономической жизни в Предуралье было **животноводство**. В таежных лесных районах основным продуктом питания были лошадь и крупный рогатый скот, а в районах более южных, ближе к лесостепи, — свинья и лошадь⁷. При раскопках памятников следующей по времени пьяноборской культуры В.Ф.Генингом были обнаружены кости лошади, крупного рогатого скота, овцы и свиньи⁸. Другой исследователь этой же культуры Б.Б.Агеев на основании новых статистических данных утверждает, что в этот период происходит некоторое сокращение в рационе питания мяса лошади, увеличение значения свинины, что связано с применением лошадей в качестве тягловой силы при обработке почвы⁹. На карабызских памятниках, расположенных к югу от пьяноборских поселений, большинство костей принадлежало домашним животным. Первое место среди них занимает мелкий рогатый скот, затем лошадь, крупный рогатый скот и свиньи. Основными отраслями скотоводства являлись овцеводство и коневодство. Крупный рогатый скот и свиньи разводились в ограниченном количестве¹⁰. Прочная оседлость, поселения с мощным культурным слоем предполагают развитие пастушеского скотоводства, а состав стада указывает на кочевнические элементы в скотоводстве карабызских племен (наличие тебеневки). Основой для развития животноводства в конце I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э. исследователи считают богатую травами Камско-Бельскую пойму. Орудий же труда по заготовке кормов на зиму на памятниках пьяноборской культуры не обнаружено, а на памятниках карабызской культуры найдена лишь обоюдоострая пластина (остатки косы ?) на II Охлебининском могильнике¹¹. Нехватка кормов приводила к тому, что животных

забивали в основном в молодом возрасте, оставив на воспроизводство стада минимум его поголовья.

Впервые характеристику отраслей хозяйства племен мазунинской культуры дал В.Ф.Генинг¹². В период написания статьи (1967 г.) материалов для глубокого анализа скотоводства не было. И выводы, сделанные им, скорее носили предположительный характер. Он отметил его интенсивное развитие в пастушеской форме (с отгоном скота на значительные расстояния от мест поселений) с широким развитием коневодства. Появление орудий труда (косы, серпы), хотя и найденных на памятниках соседних культур, по его мнению, сказалось на резком увеличении стада домашнего скота. Раскопки памятников мазунинской культуры, прежде всего поселений, проведенные в 70-80-ые годы XX в., дали значительный остеологический и вещевой материал. О характере скотоводства можно судить по палеозоологическим находкам, являющимся “кухонными остатками”. Они свидетельствуют об использовании населением в питании мяса и домашних, и диких животных, как минимум 9 видов (табл. 35, 37)¹³.

Большинство диагностированных костных остатков принадлежало домашним животным (78,6 %). В состав стада на поселениях культуры входили крупный рогатый скот (20-50 %), свинья (13,0-33,3 %), лошадь (17,5-40 %) и мелкий рогатый скот (0-20 %). Следует отметить, что удельный вес в стаде первых трех видов животных примерно одинаков, с незначительным перевесом в сторону увеличения числа крупного рогатого скота и лошадей (табл. 36). Процент же мелкого рогатого скота в основном небольшой, а на Постольском городище находки костей овец вообще отсутствуют. Если сравнить состав стада по территориальному принципу, то он почти идентичен по процентным показателям, особенно это касается Чужьяловского (север культуры) и Сорвихинского (юг культуры) городищ. Видовой набор домашних животных “мазунинского стада” продолжает традиции пьяноборской и караабызской культур, но отличается в процентном соотношении. На юге культуры большой процент в стаде стали составлять крупный рогатый скот (37,5 %) и свиньи (32,5 %) при значительном сокращении овец (12-24 раза) и лошадей (в 2 раза). В северных памятниках культуры такого резкого изменения, по сравнению с памятниками пьяноборской культуры, не происходит, но наблюдается тенденция увеличения роли свиноводства. Это можно объяснить освоением новых земель, где, как уже говорилось нами ранее, имели широкое распространение дубовые рощи. Способствовали разведению свиней и успехи в зерновом земледелии, о

которых пойдет речь далее. Большой процент крупного рогатого скота и лошадей в стаде объясняется и появлением новых орудий труда, имевших широкое распространение на всей территории мазунинской культуры. На поселениях (Сосновское, Чужьяловское) и в погребениях могильников встречаются находки кос, их мы относим к типу кос-горбуш. Размеры лезвия, в сравнении с современными косами, небольшие. Захват площади травы был незначительный, но это был шаг вперед в заготовке сена впрок. На памятниках башкирской группы обнаружены серпы, которые также могли служить для среза травы. Наличие крупных рек и большая изрезанность мелкими речками территории культуры с пойменными лугами создавали надежную кормовую базу для развития животноводства. Кормом могли служить ветви лиственных деревьев, кора, орехи, желуди, которых было достаточно в Среднем Прикамье. Животноводство носило мясо-молочное направление. Возрастные данные, полученные по морфологическому анализу палеозоологического материала домашних животных, свидетельствуют о разностороннем и рациональном использовании всех четырех видов животных. Как свидетельствуют материалы Постольского и Кузубаевского городищ (в последнем дана общая характеристика костного материала всех 4-х археологических культур, в т.ч. мазунинской), коров моложе 3 лет, а лошадей раньше (7) 9-12 лет не забивали на мясо. Свиной и овец держали до 1,5 лет и лишь единичных особей оставляли до 3-4 лет для воспроизводства поголовья этих видов¹⁴. Анализ возраста, в котором забивали домашних животных, свидетельствует, что крупный, в незначительном числе и мелкий рогатый скот, свиньи разводились для получения мяса, молока, шерсти, а лошади использовались в качестве ездовых и тягловой рабочей силы. Подтверждением этому могут служить находки удила в погребениях могильников, изображение всадника на фибуле из Ижевского могильника (рис. 6, 8). Мотив коня является одним из изображений в мелкой пластике цветного металла: подвеска-конек (рис. 8,22), шумящая подвеска (рис. 38,4). Большой процент в стаде лошадей (средний процент 30,8) объясняется еще и тем, что они имеют физические преимущества перед другими домашними животными в условиях повышенной залесенности, характерной для территории мазунинской культуры. Определения, выполненные А.Г.Петренко, позволили отнести породы домашних животных к лесному типу. Преобладание лошадей и крупного рогатого скота, как по поголовью, так и по интенсивности употребления в питании, как считает исследователь-

ница, является основной чертой животноводства лесных регионов Волго-Камья. На памятниках мазунинской культуры их особи составляли 2/3 стада, почти 1/3 часть стада составляли свиньи и очень мало было овец. Природно-климатические условия, состав древнего стада определяют и формы организации животноводства. Лесной характер растительности создает самые благоприятные условия для вольного выпаса животных без пастуха. Судя по этнографическим данным удмуртов, коми, мари, чуваш, башкир, при вольном выпасе скот свободно бродит по лесам и лугам, организованный в разные стада (свиньи и овцы — одно стадо, лошади, крупный рогатый скот — другое)¹⁵. Чтобы не было потравы зерновых скотом, поля огораживали изгородью из жердей или делали загоны для скота¹⁶. В удмуртских деревнях свиней с весны выпускали в огороженные леса, а осенью их собирали уже с приплодом¹⁷. Вольный выпас продолжался от полного таяния снега до поздней осени, когда животные уже не могли добывать корм. На территории мазунинской культуры он был равен 6-7 месяцам. Подобную организацию животноводства в древности археологи, изучающие славянские памятники I тыс. н. э., называют приселищной¹⁸. Стойловый период мог продолжаться 5-6 месяцев. Специальных теплых построек для скота на памятниках культуры не обнаружено. Зимой, по всей вероятности, скот содержался в открытых загонах на площадках поселений. Молодняк в холодные дни временно держали в жилищах, пока он не окрепнет¹⁹. Будет неверно, если подобную характеристику скотоводства мы распространим на всю территорию культуры. Южная часть территории памятников культуры (южнее современного г.Уфы), хотя незначительно, но попадает в лесостепную, граничившую со степью, зону²⁰, для которой еще в карабызское время было присуще полукочевое скотоводство, где основными видами животных были лошади и овцы. Хотя палеозоологических материалов из этого района пока не собрано, но вряд ли при не изменяющихся природно-климатических условиях и традициях местного населения могли произойти какие-либо резкие перемены. Это дает возможность предположить наличие здесь тебеневки-перегона части скота (овец, лошадей) с места на место для нормального кормления. Как отмечают исследователи, овцы предпочитают открытые пространства, где их невозможно сохранить без помощи пастуха. Таким, образом, на большей части территории культуры развивалось приселищное скотоводство мясомолочного направления, только на южной ее окраине было пастушеское отгонное животноводство. Хотелось бы отметить наблюда-

ющийся на ряде поселений факт наличия незначительного числа находок костей — “кухонных остатков”. Это явление фиксируется как на поселениях удмуртской группы памятников (табл. 35), так и башкирской (Казакларовское I городище — 79 костей, Алтаевское III селище — 53 кости), где вскрыты были довольно большие площади. Объяснить это явление пока трудно. Возможно, это связано с изменением приоритетов отраслей хозяйства (большой роли земледелия ?), а отсюда и изменение состава пищи.

По своему назначению очень близко к скотоводству подсобное занятие охотой, как средство добычи дополнительных запасов мясных продуктов. Как показывают данные палеозоологии, основными объектами охоты мазунинцев были бобр, лось, медведь, кабан, заяц, лисица и куница (табл. 37). Дикие животные в среднем на памятниках составляли 32,7 %, их значение в жизни племен разных регионов культуры было неодинаково. Если на самом северном — Чужьяловском городище — они составляли 60,4 % всех обнаруженных особей, то на самом южном — Сорвихинском — кости диких животных составляют 9,1 %, а на Постольском городище они совсем отсутствуют.

Подавляющее большинство костей принадлежит диким животным, мясо которых употреблялось в пищу (75-100 %, табл. 37). Население лесной зоны со смешанным лесом (удмуртская территория) охотилось на обитателей больших лесных массивов (бобра, медведя, лося, кабана), при этом предпочтение отдавало охоте на бобра (63,7-100 % особей), который давал человеку и мясо, и ценную пушнину, и бобровую струю для лечения от болезней. В зоне лиственных лесов с большей степенью хозяйственной освоенности человеком охотились на пушного зверя — зайца, лисицу, имеющих здесь самые благоприятные условия для обитания. Следует отметить, что находки их костей немногочисленны. Анализируя остеологические данные по пушным животным, можно сделать вывод, что их промысел был незначителен, в отличие от ранних этапов истории населения Среднего Прикамья. Претерпело большое изменение занятие охотой на юге, где по имеющимся данным, исчезает добыча бобра и сокращается охота на ценного пушного зверя, который, по нашему мнению, добывался в основном для собственных нужд. Это связано, возможно, с изменением природно-климатических условий данной части территории, а также с политической изолированностью мазунинского населения. О последнем явлении свидетельствует, прежде всего, ярко выраженный местный характер вещевого погребального

инвентаря. Почти единственным привозным товаром, за который надо было платить пушниной, были стеклянные бусы и раковины моллюсков. Остеологический материал, свидетельствующий о развитии и значении охоты, хорошо дополняется находками предметов из раскопок, прежде всего, могильников. В мелкой металлической пластике часты изображения хозяина леса — медведя. На удмуртской территории обнаружена только одна подвеска-медведь (рис. 8, 21), а в поздних погребениях башкирской группы памятников они встречаются в большом количестве на всех могильниках. Здесь наблюдается своеобразный парадокс: в экономической жизни общества исчезает охота на медведя, а в духовной — его культ резко растет.

Большую группу предметов составляют средства охоты и орудия труда, используемые при разделке туш, обработке шкур. Самая представительная часть подобных находок приходится на костяные наконечники стрел. Стрелы и лук являлись основным оружием охоты. Если остатки луков пока не обнаружены, то костяные наконечники стрел найдены при раскопках всех поселений и на ряде могильников культуры. Все они разнообразны по типам, размерам, сечению и форме пера. Стрелы при большой уплощенности острия обладали качеством легкого прохождения сквозь эластичные ткани, поэтому имели самое широкое применение при охоте на мясных диких зверей. Они относятся исследователями к типу режущих²¹. Наибольшей силой удара обладали наконечники стрел треугольного и ромбического сечения (колющие), которые при затупленности острия могли сбить любого зверя, не попортив шкурки. Могли использоваться при охоте и железные наконечники стрел. В целом мазунинское население обладало разнообразным арсеналом наконечников стрел, предназначенных для разных видов животных, в том числе и птиц. Находки последних фиксируются остеологами на поселениях культуры, но их данные пока ограничены. Основную информацию несут отдельные изделия с сюжетом птиц. Это подвески-уточки (рис. 73, 2), бронзовая пряжка с язычком в виде летящей птицы (журавля ? рис. 13, 22). Для эффективности охоты древние люди использовали собак, кости которых были найдены при раскопках Сорвихинского городища (4 особи).

Итак, охотничий промысел у мазунинского населения играл определенную роль в пополнении запасов мясной пищи и для добычи мехового сырья. Но по имеющимся данным наблюдается тенденция уменьшения значения охоты на диких мясных животных к югу территории культуры, сокращение количества видов пушных зверей,

являющимися объектами охоты, в т.ч. бобров. Например, из каждых 10-ти убитых на мясо животных на Чужьяловском городище как минимум 6 было дикими. В то же время на Сорвихинском городище (среднее течение р. Белой) на каждых 10 убитых только одно животное было дикое. Анализ карты археологических памятников дает возможность выявить большую разреженность в расположении поселений на удмуртской территории и севере современного Башкортостана и их значительную концентрацию в бассейне р.Белой и ее правых притоков. Это дает право предполагать наличие больших охотничьих угодий на севере культуры, способствующих развитию охоты в данном регионе.

Вторым, основным по значению, занятием населения Среднего Прикамья в III-V вв. было **земледелие**. Давая характеристику мазунинского времени в 1967 г., В.Ф.Генинг считал, что в этот период происходит переход от мотыжного земледелия к подсечно-огневому, которое в дальнейшем будет полностью господствовать. Появляются зачатки пашенного земледелия, при этом он датирует культуру III-IX вв.²² Поступивший в результате раскопок последних лет археологический и палеоботанический материал позволяет на новом уровне дать оценку системы земледелия в период раннего средневековья. Во-первых, археологическая карта памятников мазунинской культуры свидетельствует, что в течение III-V вв. происходит активное освоение человеком новых земель. Территория культуры, по сравнению с площадью распространения пьяноборской и карабызской культур, увеличилась вдвое. Это произошло, прежде всего, благодаря освоению человеком железных проушных топоров. Как уже писалось ранее, их находки единично встречаются в погребальном инвентаре могильников удмуртской группы памятников и в более значительном количестве — башкирской. Топоры и огонь позволили освоить земли лесной зоны со смешанными и лиственными лесами. Почвы Среднего Прикамья (серые лесные оподзоленные, богатые гумусом, — на территории современной Удмуртии и оподзоленные черноземы — на территории Башкортостана), растительность, рельеф (невысокие ровные берега рек) создавали самые благоприятные условия для развития бесплужной системы земледелия, а именно подсеки. Она была одной из ведущих форм земледелия и в предыдущих археологических культурах. В III в.н.э. подсечно-огневая система земледелия, благодаря продуктивности проушных топоров, получила новый импульс, выразившийся в резком увеличении земель, освобожденных от леса. Как свидетель-

ствуют этнографические данные, для подсеки выбирались участки на возвышенных ровных местах, некрутых склонах, открытых солнцу и защищенных от холодных ветров. Сжигание смешанных, особенно лиственных деревьев, давало много золы. Огонь уничтожал и семена, и корни растительности. На протяжении 1-2 лет посевы оказывались свободными от сорняков и давали хорошие урожаи. Особенно большие урожаи на гарях давали ячмень, рожь, полба и овес, яровая пшеница. Эти виды зерновых не страдают от заморозков и недостатка питательных веществ. Для того, чтобы ежегодно был гарантирован хороший урожай, обычно практиковались смешанные посевы, что вообще было характерно для эпохи раннего земледелия²³. Не случайно при анализе находок обугленных злаков с более раннего по времени Осинского городища были найдены вместе зерна полбы, ячменя, пшеницы и овса²⁴. Анализ же скопления зерен со Староигринского городища (IV-V вв., VII-VIII вв.), выполненный доктором биологических наук В.В.Туганаевым, дал довольно оригинальные данные. Все зерна принадлежали одному сорту голозерного ячменя. Этот же вид зерна определен им на куске глиняной обмазки с Алтаевского III селища²⁵. В первый год использования гари в зернах наблюдается чистота, отсутствие в них сорняков. При вторичном использовании площади подсеки появляются сорняки, поэтому было необходимо поджигать солому, производить легкое боронование бороной-суковаткой или обрабатывать почву только железной мотыгой. Как указывает А.Х.Пшеничнюк, впервые железную мотыгу в виде тесла на территории Среднего Прикамья обнаружили археологи В.В.Гольмстен и Д.Н.Эдинг при раскопках II Охлебининского могильника²⁶. Мотыгу такой же конструкции нашел Н.А.Мажитов при раскопках Кансияровского городища, относящегося к позднему этапу мазунинской культуры²⁷. О вторичном использовании гаревых земель свидетельствует обломок "лепешки"-покрышки (?) для глиняных сосудов, найденный при раскопках Сосновского городища²⁸. На одной из ее сторон четко просматриваются отпечатки зерен ячменя и сорняков²⁹. Ряд фактов свидетельствует о возможном существовании еще и другой системы земледелия - пашенной. Исследования форм древнего земледелия на огромной территории лесной полосы Восточной Европы, проведенные Ю.А.Красновым, показали, что распространению пахотных орудий с железными рабочими частями предшествовал длительный период целиком деревянных пахотных орудий. Факторами, сопровождающими новый способ обработки почвы, по его мнению, являются появление серпов и жерновов³⁰. И

те, и другие были найдены при раскопках могильников (Каратамак, Югомашево) и поселений (Казакларовские I, II городища) башкирской группы памятников. Остатки жерновов были найдены на самой западной границе мазунинской культуры — на Староигринском городище (удмуртская группа). Но здесь о точной культурной принадлежности говорить трудно, т.к. памятник многослойный. Были определены размеры только у одного обломка жернова из Казакларовского II городища (диаметр 21,2 см, толщина 2,3-5 см). Следует отметить, что могильники, где найдены серпы, датируются V в., что соответствует хронологическим рамкам их распространения в финно-угорских землях, определенным Ю.А.Красновым³¹. Территориально они наиболее близки к лесостепной и степной зонам, откуда серпы получили распространение, дойдя к середине I тыс. н.э. до Балтийского моря, верховьев Волги и Оки. Легкие лесные почвы и оподзоленные черноземы, столь характерные для бассейна р. Белой, хорошо обрабатывались упряжными деревянными орудиями типа рала, способные разрыхлять почву, вот почему при раскопках не были найдены железные наконечники рал — наральники.

Наличие больших лесных массивов, открытых пространств на башкирской территории позволяли успешно сочетать подсеку и пашенное земледелие. Это привело к резкому росту объема уборки зерновых. Именно здесь появляются ямы третьего типа (колоколовидной формы), как наиболее удобные для хранения большого количества зерна. Особенно много подобного типа ям найдено на городищах около д. Казакларово Дюртюлинского р-на Башкортостана³². Их глубина достигает 158 см, а в заполнении найдены куски обожженной глины (от глиняной обмазки ? стенок). В яме №12 Казакларовского I городища лежал фрагмент жернова, еще раз подтверждающий характер ее назначения (зернохранилище). Для хранения большого количества зерна могли использовать и ямы четвертого типа (трапезиевидные в разрезе), которые имели глубину до 210 см (яма №5, Алтаевское III селище)³³. Этот тип ям был распространен опять же на памятниках башкирской территории, где, как мы выяснили, наблюдался резкий прирост продуктов зернового земледелия.

Уборка урожая осуществлялась с помощью железных серпов. Кроме того, могли применять и косы-горбуши, имевшие распространение по всей территории культуры. Их находки фиксировались как в погребальном инвентаре могильников (Покровский, Югомашевский, Ангасякский, Старокабановский, Каратамакский), так и

в культурном слое поселений (Чужьяловское, Сосновское городища). Как утверждают палеоботаники, древние сорта зерновых были все пленчатые, поэтому осыпи зерна при сильном ударе не происходило. Это давало возможность использовать косы-горбуши не только для заготовки кормов, но и для уборки зерновых.

Археологические раскопки дали достаточный материал, связанный с переработкой зерна. Это части зернотерок, представляющие собой нижний камень с плоской или овально-вогнутой стороной и куранты (терочники), которыми производили растирание зерна. Выполнены терочники из галечника естественной округлой формы, иногда подработанные рукой человека. Их размеры колеблются от 5 до 18,5 см. Чаще всего торцовые стороны терочников сильно сработаны. Судя по размерам, ими можно было растирать зерно как одной, так и двумя руками. Нижние камни зернотерок выполнялись из камня известняка и песчаника, что способствовало более быстрому размолу зерна. Сохранилась только одна целая нижняя часть зернотерки, найденная на Постольском городище. Размеры прямоугольной по форме рабочей поверхности равнялись 19,6×26,5 см. Как свидетельствуют этнографические данные, такими зернотерками одна женщина за день могла смолоть 2-2,5 кг муки³⁴. Остатки зернотерок в довольно большом количестве найдены на поселениях удмуртской группы памятников (Постольское, Чужьяловское, Сосновское городища), а в бассейне р. Белой обнаружены единичные находки терочников и обломки жерновов более совершенных ручных мельниц. Последние выполнены из известняка с шероховатой поверхностью.

Состав зерновых, обнаруженных при раскопках, определяет и основное назначение продуктов зернового земледелия. Полба, ячмень, овес представляют прежде всего крупяные культуры. При их очистке и дроблении в деревянных ступах получали крупы для варки каш, при размоле — муку для получения пресных лепешек.

Таким образом, мазунинские племена сделали большой шаг вперед в развитии земледелия по сравнению с населением предыдущих культур. Намного увеличились посевные площади, появились новые орудия труда. На позднем этапе культуры на башкирской территории имела место более эффективная система земледелия — пашенное земледелие. Все эти успехи поставили местные финно-угорские племена на одинаковый уровень развития с населением других территорий лесной полосы Восточной Европы, в том числе со славянами — носителями киевской культуры³⁵.

Металлургическое производство и цветное литье с одной стороны продолжают традиции предыдущего населения, с другой — сделан определенный шаг вперед в приемах обработки металла. Судя по погребальному инвентарю мазунинских могильников, наблюдается резкий рост производства железа. Из него делают почти все необходимые в жизни предметы (орудия труда, оружие, поясная гарнитура, украшения), при этом в значительном количестве. При раскопках поселений сооружения для варки железа не найдены, хотя еще в пьяноборское время были обнаружены горны ямного и наземного типов³⁷. Возможно, варили металл за пределами городищ и селищ. Здесь происходила лишь дальнейшая обработка. Анализ находок, полученных при раскопках значительных площадей на памятниках культуры, дал довольно интересный материал. Остатки черной металлургии в большом количестве найдены только на площадке Сосновского городища (306 кусков шлака и крицы), а на других памятниках куски шлака и крицы или совсем отсутствуют, или представляют единичные находки (1-2 куса). Только при раскопках Алтаевского III селища найдено 10 кусков шлака.

Отсюда можно сделать вывод, что металлургическим производством занималась лишь определенная часть населения, обладающая определенными производственными навыками и имеющая на своей территории залежи болотной руды. На поселениях происходила только металлообработка, и это не было привилегией жителей городищ. Она имела место и на площадках селищ. Куски шлака были двух типов: стекловидные легкие пористые и крупные куски непрокованных криц. На Сосновском городище происходила их проковка-отделение губчатого железа от пристывшей к нему шлаковой корки. И делалось это, по нашему мнению, на краю площадки, обращенной к реке Вотке, где зафиксирована цепочка открытых очагов и окружающих их 2-3 хозяйственных и 2-3 столбовых ям (кузницы ?)³⁸.

Металлургических кузнечных инструментов не зафиксировано, но на ряде поселений найдены точильные бруски и шлифовальные плиты (Казакларовское I, Сосновское городища, Тибельское селище) для заточки лезвий, ножей, топоров и т.д. Металлографический структурный анализ изделий из железа и стали не производился, поэтому очень трудно судить о технологии производства предметов из черного металла.

Остатки **бронзолитейного производства** за некоторым исключением найдены на всех раскопанных поселениях. Но при этом следует отметить незначительное число находок подобного рода и

их фрагментарность. Это прежде всего обломки тиглей двух типов: конусовидной (на памятниках удмуртской территории) и рюмковидной (на памятниках башкирской территории) формы. Диаметр тигля по венчику равен 5,1 см (Алтаевское III селище), 6,5 см (Сосновское городище). В коллекции Сосновского городища, а также на ряде могильников (Покровский, Усть-Сарапульский, Красноярский, Тарасовский)³⁹ обнаружены куски бронзового дрота и слитки цветного металла длиной 13,4-21,3 см, которые могли служить сырьем для бронзолитейного производства.

Анализ вещевого материала могильников свидетельствует, что в ранних погребениях (III - первая пол. IV вв.н.э.) изделий из цветного металла относительно немного (в основном все предметы из железа). Во второй половине IV в.н.э. происходит резкий скачок в производстве бронзовых вещей. Видимо, в конце пьяноборской эпохи используемые древними людьми источники медной руды истощились, это прежде всего известные в Каракулинском районе Удмуртии искусственного характера Чегандинские и Нырғындынские пещеры. И только освоение новых земель привело к открытию месторождений медной руды. Одним из таких источников могли быть залежи медной руды в виде желваков и тонких жилок около деревни Варзи-Алексеево Алнашского района Удмуртии, где чистая медь в горной породе колеблется от 1-2 % до 25-30 %⁴⁰. Не случайно в 1760 г. здесь будет основан Варзино-Алексеевский медеплавильный завод⁴¹. Залежи медной руды в виде выходов на поверхность есть и на территории Южного Урала⁴². Меди становится так много, что ее в виде слитков, как самое ценное, стали укладывать в погребения богатых людей (и мужчин, и женщин).

Анализ техники изготовления изделий из цветного металла дает возможность сделать следующие выводы. Техника цветного литья и пайка уходят на задний план. Только несколько категорий предметов изготавливаются с помощью литья (подвески-медведки, подвески-коньки, ряд типов пронизок и бляшек, подвески, накладки). Это в основном были предметы, продолжающие традиционные формы вещей предыдущих археологических культур или привезенные с территории соседней азелинской культуры. Имеет самое широкое распространение техника штамповки в изготовлении ряда типов бляшек, поясной гарнитуры, подвесок, застежек, ножен. Эта техника чаще всего сочеталась с элементами чеканки (бабочковидные фибулы, пронизки, ножны для ножа и шила, бляхи с разрезом сбоку, наконечники ремня типа I) и аппликацией из полугорошин-заклепок.

Большое значение приобрело волочение бронзовой проволоки и ковка проволоки из железа, спрос на которую был велик при изготовлении височных подвесок и колец, ожерелий, ряда типов пронизок, браслетов, цепочек и головных украшений из колец.

Удивительное разнообразие категорий, типов предметов из цветного металла дает нам право говорить о существовании определенных центров производства. Изготовление вещей не ограничивалось удовлетворением спроса на определенный вид украшений жителей одного поселения или их комплекса. Продукция, как из железа, так и цветного металла, была рассчитана на огромную территорию. У каждого центра была своя зона влияния – свой рынок, отсюда и выявляются специфические особенности памятников разных регионов. Этнические вкусы мазунинского населения определяли набор изделий мастеров и отражали территориальное своеобразие разных групп древнего населения.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют об увеличении роли металлургии железа и бронзы в жизни общества и выделение ее в ремесло, точнее, продолжение ремесленных традиций населения предыдущих культур. В III-V вв.н.э. наблюдается резкий скачок спроса на металлические изделия, который успешно удовлетворяется ремесленниками, живущими как на городищах, так и селищах. Происходит освоение новых месторождений железа и меди, а также успешно развиваются новые приемы обработки металла. Мазунинское население удовлетворяет свои потребности в металле на основе местного сырья и с помощью мастерства своих ремесленников.

Важным подспорьем в пополнении запасов продуктов питания было **рыболовство**. Данные об этом занятии пока очень скудны. Не найдены орудия рыбной ловли, нет находок с изображением рыбы. Возможно, это свидетельствует о снастовом способе и коллективном ее характере, чем об индивидуальном лове. Богатство рыбой рек и пойменных озер Среднего Прикамья, нехватка рабочих рук делали ненужной лов рыбы с помощью удочки. Возможно поэтому археологи не находят крючков, блесен, в то время как в коллекции Сосновского городища обнаружены обломки глиняных грузил от сетей, а в составе остеологического материала Казакларовского I и Сорвихинского городищ – чешуя рыбы. И сейчас р. Елбаза, левый приток Белой, где находится Казакларовское I городище, богата чехонью. На территории Удмуртии известно 39 видов рыб, из них особенно крупные – сом (до 300 кг), налим (до 20 кг), судак (до 16 кг), щука (до 20 кг)⁴³. Все они могли быть объектами рыбной ловли.

Также слабо представлен в археологических коллекциях еще один вид подсобных занятий — **собирательство**. Этот промысел в условиях лесной и лесостепной зоны объединяет несколько занятий: сбор грибов, ягод, корнеплодов, корней, орехов, плодов деревьев и лекарственных трав. Особо благоприятные условия на территории Среднего Прикамья были для сбора плодов черемухи, смородины, рябины, калины, а также дикой яблони и вишни⁴⁴. Травяной покров смешанных лесов, болот, лугов состоит из брусники, малины, черники, земляники, также являющихся прекрасными продуктами питания богатыми витаминами. Часть плодов деревьев могла быть продуктом питания и для животных, особенно в зимний период. Это прежде всего желуди для откорма свиней, обнаруженные при раскопках Староигринского городища⁴⁵.

Домашние ремесла предполагают переработку сырья в том хозяйстве, где его добывают. Необходимы они для удовлетворения личных нужд древнего населения: от строительства жилища до изготовления мелких предметов. Археологические находки в материалах могильников и городищ свидетельствуют о наличии у “мазунинцев” следующих производств: обработка дерева, костерезное дело, производство керамической посуды, обработка шкур, прядение и ткачество.

Обработка дерева. В домостроительстве для обработки бревен использовались железные топоры, тесла и скобели. Как уже отмечалось выше, топоры в III-V вв. имели довольно широкое распространение. А вот находки последних орудий труда единичны. Одно тесло обнаружено в погребальном инвентаре погр.11 Нивского могильника⁴⁶, а скобель — в коллекции Сосновского городища. Следует отметить незначительные размеры данных предметов (высота тесла 14,5 см, длина дуги лезвия скобеля 8,0 см, ручек — 5,2 см), свидетельствующие о низкой производительности труда, но это был шаг вперед в специализации работ по дереву.

Мелкие предметы из дерева обрабатывали ножами, прежде всего, имеющими горбатую спинку, хотя находки специализированных ножей довольно редки. Для получения углублений при изготовлении ложек, чашек, поварешек стал использоваться ложкарь, который впервые был найден в Покровском могильнике (рис. 38, 6).

Для удовлетворения хозяйственных, а также религиозных нужд (в погребальном обряде) применяли берестяную посуду. Она фиксируется в погребениях могильников в виде туесков для жертвенных комплексов. Относительно хорошая сохранность туесков на Ижевском, Покровском могильниках дали возможность судить о кон-

струкции и размерах берестяных сосудов, представляющих собой круглое дно диаметром 10-20 см и невысокое (5-7 см) цилиндрическое тулово. Тулово пришивалось ко дну, на котором обнаружены следы парных отверстий (погр. 65 Ижевского могильника)⁴⁷.

Костерезное дело имело место, но не в таком значительном объеме, как в культурах средневековья Камско-Вятского междуречья (поломская, чепецкая)⁴⁸. Из кости изготовляли в основном наконечники стрел, реже лошила, проколки, рукояти ножей и шильев. Изготовление лошил, проколок не требовало больших усилий, так как использовались естественные формы кости (ребра, трубчатые и грифельные кости). Мастеру необходимо было только проделать отверстие для подвешивания, подправить ножом отдельные элементы, заострить рабочую часть⁴⁹. Следует отметить, что изделия из кости присутствуют в основном в коллекциях городищ, реже могильников (наконечники стрел, в одном случае — в Нивском могильнике — рукоять шила выполнена из кости). Обработка костей проходила этапы размягчения, раскалывания, резьбы, реже полировки. В коллекциях памятников культуры пока не найдено костяных орнаментированных предметов, а также произведений мелкой пластики.

Изготовлением **глиняной посуды** занимались жители всех поселений, о чем свидетельствуют массовые находки ее обломков. Очень редко встречается глиняная посуда в виде целых горшков, чаш и в составе погребального инвентаря могильников культуры (характеристика обоих видов керамики дается в предыдущих главах). Выполнялась посуда вручную в единой технике — технике ленточного налепа. Для всех поселений и могильников, где найдена глиняная посуда, характерна тщательность обработки ее внешней поверхности и костровой обжиг, отсюда неравномерность и разнообразие цвета сосудов. Орнаментальные узоры просты (ряды ямок, насечки, зашпы). Зоны орнаментации имели территориальные особенности: на сосудах из удмуртской группы памятников украшались в основном венчик, шейка, плечико, башкирской — шейка, плечико, тулово. Как показали предыдущие исследования, почти для каждого памятника был характерен свой состав глиняного теста, но при этом наблюдается тенденция к выбору определенной примеси (в удмуртской группе памятников преобладает битая ракушка или растительность, в башкирской — песок, песок с галькой).

В ритуальных целях использовали посуду малых и очень малых размеров, не отличающуюся ни по форме, ни по технике от керамики с поселений. Таких же размеров и частично средних (диаметр равен

20-25 см) горшки и чаши использовали в качестве столовой посуды, а крупные горшки (диаметр 26-35, 38, 40 см) были предназначены для приготовления пищи и хранения продуктов. Кухонная посуда была более толстая в черепке и скупо орнаментирована. На ней можно найти и сквозные отверстия для подвешивания и крепления посуды (рис. 50,6). Пока не имеется достоверных данных по изготовителям глиняной посуды. Только по устоявшейся в литературе традиции можно отметить, что ими были женщины.

Обработка шкур и ткани. Одежда. Среди домашних ремесел можно отметить выделку шкур, как для шитья теплой одежды, так и для изготовления кожи. В мазунинское время как никогда широко используется кожа. Ее куски часто обнаруживаются под бронзовыми предметами, обладающими консервирующими свойствами, в погребениях могильников культуры. Это остатки поясных и обувных ремней, головных повязок, шапочек и нарукавных украшений, ножен для ножей и шильев. Наличие обувных ремешков и отсутствие инструментов для плетения лаптей позволяют предполагать наличие кожаной обуви. Особенно часты находки кожаных ремней, выполненных из полос кожи шириной от 2 до 4 см. При раскопках ряда погребений Мазунинского, Ижевского, Нивского, Покровского могильников зафиксированы почти целые поясные ремни, состоящие из кусков кожи, сложенных в несколько рядов. Были случаи, когда внешняя поверхность ремней была выкрашена в красный цвет⁵⁰.

На памятниках обнаружены и инструменты для обработки кожи. Это и кремневые скребки, найденные в грунте Нивского могильника и в культурном слое Сосновского городища⁵¹. В коллекции Чужьяловского городища обнаружено значительное число лошил (26 экз.), выполненных из ребер крупных животных. Для обработки шкур (снятия мездры, сглаживания) использовался более тонкий край почти по всей длине ребра, иногда подправленный ножом, или поперечный его слом, также имеющий срезы⁵². Для шитья кожаных изделий “мазунинцы” использовали костяные проколки и железные шилья. Первые найдены в коллекциях поселений, вторые — прежде всего входят в состав погребального инвентаря всех могильников удмуртской группы памятников, а также найдены и на городищах культуры (Чужьяловское). В женских погребениях с ножнами они всегда встречаются в комплекте с ножами. Обе категории предметов были необходимы при раскрое и шитье кожаных изделий.

Мазунинское население продолжало традиции местных финно-угорских племен в области прядения и ткачества, истоки которых

уходили в более древнее время (эпоха неолита). Находки пряслиц на всех исследованных поселениях, и очень редко в погребальном инвентаре (Мазунинский, Усть-Сарапульский могильники), свидетельствуют о прядении. Пряслица надевали на нижнюю часть деревянного веретена-стержня для придания ему более быстрого вращательного движения. Для прядения тонкой нити грузик-пряслице должно быть более тяжелым, для грубой и толстой нити годилось и легкое. Все обнаруженные при раскопках пряслица (17 экз.) в основном сделаны из глиняного теста, из которого местные жители изготавливали глиняную посуду, используя некоторые приемы ее исполнения (костровой обжиг, ямочная орнаментация). Только 2 пряслица (Чужьяловское городище) выполнены из камня-известняка. В разрезе почти все они имеют подпрямоугольную форму, только в одном случае — биконическую. Диаметр пряслиц колеблется в пределах 2,8-4,2 см, но у большинства — 3,7-4,2 см, т.е. предназначенных для прядения тонких нитей. В оформлении пряслиц не наблюдается той тщательности и изысканности форм и красоты орнамента, как в эпоху средневековья⁵³.

Мазунинские могильники отличаются большим количеством находок ткани в погребениях, при этом в одном захоронении могут быть найдены ткани разного вида. Остатков же ткацкого стана пока в коллекциях не зафиксировано. Особенно много кусков ткани обнаружено в погребениях Покровского, Ижевского и Нивского могильников. Анализ части этих находок был сделан реставратором высшей категории А.К.Елкиной⁵⁴. Ею исследовано 17 образцов шерстяных тканей и 2 плетеных изделия. Шерстяные ткани четко разделяются по внешнему виду на 2 группы. Первая группа (8 образцов) коричневого цвета разных оттенков, рыхлые, небольшой плотности, другая группа (8 образцов) черно-коричневого цвета, плотно сотканые, с четкой репсовой структурой. По сравнению с первой группой, куски ткани тонкие, отличаются высоким качеством исполнения. Оба вида древних изделий по структуре являются репсовыми тканями. Разница плотности тканей объясняется разным соотношением количества нитей основы и утка. Коричневые ткани по основе имеют 13-22 нити, по утку от 5 до 8 нитей на 1 см, а черные по основе — 20-30 н/см и по утку от 8 до 11 н/см. При изготовлении черной ткани нити основы были сдвоены, а уток состоит из крученых ниток, отсюда фактура этой группы была зернистая.

В коллекции обнаружен кусок ткани из погр. 196 Покровского могильника, где основа состоит из шерстяных нитей, а уток — остатки

растительных стеблей (соломины). Кроме тканей имеется еще 2 текстильных изделия из шерсти: толстые крученые нити-шнурки и кусочек плетеной тесьмы, последняя плелась по принципу сутажа. Получалось объемное изделие, похожее на две веревочки правой и левой крутки, сложенные параллельно.

А.К.Елкина считает, что темные цвета тканей свидетельствуют о большом количестве красителей в волокнах. При этом исследовательница утверждает, что в коллекции нет образцов тканей, окрашенных драгоценными красными и синими красителями, являющимися предметом международной торговли (пурпур, индиго и т.д.). Окраска тканей происходила с помощью местного сырья. А им могли быть корни и стебли, кора и листья, цветы и плоды множества растений, имеющих место на территории Прикамья. При исследовании красителей более поздних тканей (чепецкой культуры) М.Г.Иванова приводит сообщение доктора биологических наук В.В.Туганаева о красящих свойствах местных растений: кора ольхи дает десятки оттенков от светло-желтого до темно-коричневого, плоды растения воронец — черную краску, а его листья и ветки — красную, плоды волчьего лыка (дафны) — синий и фиолетовый цвета и т.д.⁵⁵ О данных красящих свойствах не могли не знать древние люди.

Все образцы ткани обнаружены в женских погребениях, имеющих большое количество бронзовых вещей, обладающих свойством консервации органических веществ. Это были остатки разных частей одежды и специального покрывала. К последнему по назначению относится прежде всего кусок ткани с растительным некручным утком (соломой).

Опираясь на этнографические данные костюмов финно-угорских народов, прежде всего удмуртов, а также археологический материал, можно представить женскую одежду с комплексом украшений. Об ее сложном составе можно судить по находкам в одном погребении двух групп тканей, лежащих друг на друге. Украшения, их нахождение на костяке и взаиморасположение, находки кусков ткани, антропологические данные позволили дать реконструкцию костюма из погр. 56, 135, 220, Покровского (рис. 67, 68, 70-74), погр. 139 Ижевского (рис. 67, 69), погр. 152 Старокабановского (рис. 75, 76) могильников.

Судя по налегающим друг на друга фрагментам ткани разной плотности, одежда мазунинского населения была двусоставной (рубаша, распахнутой кафтан). Кафтан был сшит из более толстой репсового типа ткани. На его рукава от шеи до локтя нашивали тонкий кожаный ремешок, с нанизанными на него бронзовыми пронизками,

иногда и умбоновидными бляшками. В верхней части кафтан застегивался фибулой, а на поясе — кожаным ремнем, к которому подвешивались нож и шило в ножнах. На голову женщины одевался платок или шапочка с металлическим наконечником. К кожаной головной повязке (основа шапочки, платка) около каждого виска прицепляли по 2 височных подвески. На ногах были кожаные сапожки, затянутые ремешком с накладками.

Но данный тип костюмного комплекса с большим числом украшений был характерен для зажиточной части мазунинского общества. Как показали наши исследования, по его социальной структуре, большинство населения не обладало значительным количеством украшений, орудий труда (не более 4 предметов в погребении). Что нашло отражение в реконструкции одежды. Двусоставной костюм женщины из погр. 215 Покровского могильника, судя по отсутствию пряжки, был подвязан шнурком (тесьмой), к которому слева был подвешен нож в кожаных ножнах. Число украшений было самое минимальное: у висков — по одной височной подвеске, на шее — низка из 4-х крупных бус (рис. 77,2). Еще меньше предметов выявлено на одежде мужчины из погр. 221 того же могильника. На поясе — нож в кожаных ножнах с накладками, подвешенный к кожаному ремню (рис. 77,1).

¹ Природа Удмуртии. Ижевск, 1972. С.87.

² Агроклиматические ресурсы Башкирской АССР. Л., 1976. С.25-26.

³ Ресурсы поверхностных вод СССР. Средний Урал и Приуралье. Т. II. Л., 1973. С.44, рис.13.

⁴ Природа Удмуртии. С.177-178.

⁵ Агроклиматические ресурсы... С.15.

⁶ Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. Рис.2.

⁷ Там же. С.129.

⁸ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып.10. Ижевск-Свердловск, 1970. С.95.

⁹ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С.86.

¹⁰ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.V. Уфа, 1973. С.212; Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство... С.130.

¹¹ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.212.

¹² Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып.7. Ижевск-Свердловск, 1967. С.44-46.

¹³ Обработка остеологического материала проведена старшим научным сотрудником ИЯЛИ АН Республики Татарстан, доктором биологических наук А.Г.Петренко и кандидатом биологических наук О.Г.Богаткиной. Выражаю им глубокую благодарность за консультацию в области палеозоологического материала.

¹⁴ Останина Т.И. Городище мазунинской культуры около станции Постол Уд-

муртской АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С.76; Останина Т.И. Кузбаевское городище. Каталог археологической коллекции. Рукопись. С.53.

¹⁵ Цалкин В.И. Древнее животноводство Восточной Европы и Средней Азии // МИА. №135. 1966. С.92-93.

¹⁶ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С.120.

¹⁷ Куликов К.И. Лудорвайское дело и коллективизация в Удмуртии // Материалы к серии "Народы Советского Союза". М., 1990. С.71.

¹⁸ Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. - первой половине I тыс. н.э. // Археология СССР. М., 1993. С.119.

¹⁹ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство... С.124.

²⁰ Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство... С.8, рис.1.

²¹ Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Костяные наконечники стрел поселения Новотроицкое I // Знания и навыки Уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С.103.

²² Генинг В.Ф. Мазунинская культура... С.45-46.

²³ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство... С.20.

²⁴ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С.97.

²⁵ Останина Т.И. Отчет о разведочно-раскопчных работах в Бураевском районе Башкирской АССР, 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №7490. С.8.

²⁶ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.213.

²⁷ Археологическая карта Башкирии. М., 1976. №588.

²⁸ Останина Т.И. Отчет об археологических раскопках Удмуртского республиканского музея в Шарканском и Воткинском районах УАССР, 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №6241. Табл. VI.

²⁹ Определение зерен выполнено профессором Удмуртского госуниверситета, д.б.н. В.В.Туганавым.

³⁰ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство... С.39,45.

³¹ Там же. С.80.

³² Останина Т.И. Отчет об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея, 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №7760. С.30-36, 44-45.

³³ Останина Т.И. Отчет о разведочно-раскопчных работах в Бураевском районе... Рис.2,6.

³⁴ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство... С.85.

³⁵ Славяне и их соседи... С.119-120.

³⁶ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С.98-107; Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.215.

³⁷ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С.99-101.

³⁸ Останина Т.И. Отчет об археологических раскопках Удмуртского республиканского музея в Шарканском... Рис.2.

³⁹ Останина Т.И. Покровский могильник, IV-V вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С.13; Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С.45; Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. Рис.6,54.

⁴⁰ Природа Удмуртии. С.34.

⁴¹ Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV - первая половина XIX в.). Ижевск, 1994. С.157.

⁴² Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С.215; Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и

развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 197.

⁴³ Природа Удмуртии. С. 284.

⁴⁴ Там же. С. 165.

⁴⁵ Останина Т. И. Отчет об археологических исследованиях Староигринского городища, проведенных летом 1981 г. в Граховском районе УАССР // Архив ИА РАН, Р-1, № 8629.34 с. Коллекция хранится в фондах Удмуртского республиканского музея и имеет следующие учетные номера УРМ14989/1-79 к/о 354. Определение плодов выполнено профессором Удмуртского госуниверситета, д. б. н. В. В. Туганаевым.

⁴⁶ Останина Т. И. Нивский могильник III-V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. Табл. V-7.

⁴⁷ Останина Т. И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984. Табл. 6, 11.

⁴⁸ Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX - начале XIII вв. н. э. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979. С. 49.

⁴⁹ Останина Т. И. Городище IV-V вв. у д. Чужьялово Удмуртской АССР // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 76; Голдина Р. Д. Поселение у д. Пек-Жикья в верховьях р. Увы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С. 110-112, табл. IV-1, 3-11.

⁵⁰ Генинг В. Ф., Мырсина Е. М. Мазунинский могильник // ВАУ. Вып. 7. Ижевск-Свердловск, 1967. С. 95; Останина Т. И. Нивский могильник... С. 108.

⁵¹ Останина Т. И. Нивский могильник... Табл. V-4; Она же. Исследования Удмуртского республиканского музея // АО-1976 г. М., 1977. С. 169.

⁵² Останина Т. И. Городище IV-V вв. у д. Чужьялово... С. 76, рис. 7, 11, 12.

⁵³ Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994. С. 128.

⁵⁴ Елкина А. К. Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 143-145.

⁵⁵ Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа. С. 135.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И МЕСТО В ИСТОРИИ. О КУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ ПАМЯТНИКОВ МАЗУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

История изучения проблемы происхождения культуры. Происхождение и историческая судьба носителей памятников мазунинской культуры в современной научной литературе во многом остаются проблематичными. В вопросе определения истоков культуры почти каждый исследователь имел свое особое мнение. Начиная с первых шагов по изучению проблемы происхождения культуры (1958-1961 гг.), сформировались две основные гипотезы, получившие в дальнейшем еще и разные варианты. Первая выражалась в том, что носители мазунинской культуры — это пришлое (из Западной Сибири, кочевники, гунны), инородное для Приуралья население, вторая — мазунинцы это прямые потомки населения карабызской и пьяноборской культур. Основателем первой точки зрения был В.Ф.Генинг, который в первых своих работах, посвященных выделению и изучению мазунинской культуры, утверждал, что мазунинские племена в чистом виде пришли из Западной Сибири и почти полностью вытеснили население пьяноборской культуры¹. По своей этнической принадлежности они были угорского и тюркского происхождения². Это население, по его мнению, не имеет ничего общего с жителями пьяноборской культуры. Позже, в итоговой работе по мазунинской культуре (1967 г.), он уже пишет: "Мазунинскую культуру в Среднем Прикамье следует рассматривать как синтез культуры местных пьяноборских и пришлых групп населения"³. В это же время, в 1950-60-ые гг., отстаивается точка зрения об автохтонном происхождении культуры (Н.А. Мажитов, К.В. Сальников, А.П. Смирнов, М.С. Акимова), которая в свою очередь постоянно эволюционировалась. В начальный период ее разработки основой формирования мазунинской (бахмутинской) культуры считались пьяноборские племена⁴, позднее это были уже и пьяноборские, и карабызские⁵, а также пьяноборско-карабызские племена финно-угорского происхождения с пришель-

цами из степей Южной Сибири⁶. С начала 1970-х годов уже всеми основными исследователями признается местное происхождение мазунинской (раннебахмутинской) культуры. В статье "Южное Приуралье в III-VII вв." (1972 г.) В.Ф.Генинг отказывается от прежней точки зрения о пришлом характере происхождения культуры⁷. Здесь он отмечает, "что основным содержанием III-V вв. является дальнейшее развитие местного населения, когда... произошли значительные перегруппировки и перемещения его на территории Приуралья. И только в V в.н.э. в Приуралье хлынул большой поток различных племен неуральского происхождения"⁸. Он считает, что основой мазунинской культуры в свете новых археологических данных являлось прикамское население. Базой для ее формирования стала экспансия карабызских племен и смешения их с близким по культуре чегандинским (пьяноборским — Т.О.) населением⁹. С начала 1990-х гг. точка зрения исследователей этого периода в Приуралье об автохтонности мазунинской культуры стала господствующей, хотя и здесь наметились незначительные расхождения в понимании роли местных племен в формировании культуры. Башкирские археологи, занимающиеся главным образом изучением предшествующих мазунинской культур, однозначно считают, что основными ее компонентами являлись племена пьяноборской и карабызской культур (Б.Б. Агеев, В.А. Иванов, Р.Г. Кузеев, А.Х. Пшеничнюк)¹⁰. При этом все они четко разграничивают мазунинскую и бахмутинскую культуры (не только по названию, но и по историческому содержанию), последняя, с их точки зрения, формируется на базе мазунинской в середине I тысячелетия с некоторыми инновациями не приуральского происхождения. Б.Б.Агеев и А.Х.Пшеничнюк доводят верхнюю дату карабызской культуры до III в.н.э. и предполагают значительную роль ее племен в формировании мазунинской культуры.

Их исследования дали возможность сделать следующие заслуживающие внимания выводы. Население карабызской культуры, вследствие демографического фактора (перенаселение), несколько раз продвигалось к северу, в низовье р.Белой, туда, где в более раннее время проживало пьяноборское население, а затем будет проживать мазунинское — их потомки. Другими словами, при вторичном передвижении карабазцы встретили родственное себе население, ранее пришедшее сюда и ассимилировавшееся с пьяноборским. А.Х.Пшеничнюк даже предположил, что в III в. карабызская культура и сформировавшаяся на ее основе мазунинская могли сосуществовать¹¹.

О внутреннем перемещении в эпоху конца раннего железа пишет и В.Ф.Генинг в своей последней монографии по данной теме (1988 г.)¹². И происходит это, по его мнению, на рубеже нашей эры, когда чегандинское (пьяноборское) население переселяется с левобережья р.Камы на правый ее берег. Здесь он выявляет резкий рост погребений в I-II вв. н.э. Далее В.Ф.Генинг отмечает, что "на рубеже II-III вв.н.э. местные племена начинают более широкое освоение новых земель в связи с развитием подсечно-огневой системы земледелия". При этом он допускает мысль, что толчком для передвижки населения могли быть пришельцы-кочевники¹³. В этой работе из процесса генезиса мазунинской культуры В.Ф.Генинг исключает памятники южной территории караабызской культуры (к югу от устья р.Уфы), оставленные потомками населения гафурийско-убаларовского типа, отнесенные им к бахмутинским племенам¹⁴.

Н.А.Мажитов, всегда отстаивающий точку зрения полной автохтонности происхождения мазунинской ("раннебахмутинской" по его терминологии) культуры, в монографии "История Башкортостана с древнейших времен до XVI века" (1994г.) стал допускать и пришлый элемент. По его мнению, эта культура сложилась как результат активного процесса смешения и ассимиляции местных племен и пришельцев с южных степей — кочевников тюркской языковой принадлежности (гуннов)¹⁵. И этот процесс происходил в течение III-IV вв., а "в VI-VIII вв. под давлением турбаслинцев бахмутинские племена стали заселять мелкие речки Северного Башкортостана и Удмуртии", оставив около 100 крупных городищ¹⁶. В другой своей работе число памятников этой культуры VI-VIII вв. автор доводит уже до более 300¹⁷. Отнесение такого количества памятников к бахмутинской культуре (VI-VIII вв.) утверждалось столь бездоказательно и субъективно, что редакция сборника, где печаталась статья, вынуждена была дать в примечании, что "одновременность существования всех этих памятников пока еще никем не доказана"¹⁸.

Своеобразную позицию по отношению происхождения и места памятников мазунинской культуры отстаивают в последние годы Р.Д.Голдина и ее ученики¹⁹. На основании материалов ряда могильников Удмуртского Прикамья, датированных в пределах II-V вв., "где явственно ощущается преемственность пьяноборских и мазунинских традиций (Тарасово, Афонино, Ныргында II)", Р.Д.Голдина рассматривает мазунинские комплексы как позднюю стадию чегандинской (пьяноборской) культуры²⁰. Подобная точка зрения, на наш взгляд, исходит из недостаточно обоснованных критериев выделения

археологических культур в Приуралье, существующих на данный момент в археологической науке, а также принятия Р.Д.Голдиной на веру части информации основного исследователя бахмутинской культуры (V-VIII вв.) Н.А.Мажитова (большое количество памятников, характеристика жилищ, керамики)²¹, завышающего значение, территорию культуры и ее роль в историческом процессе. Данные, приведенные ею в статье "Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа" (1987 г.), при глубоком изучении материалов I тыс.н.э. в Среднем Прикамье позволяют относить их частично к мазунинской культуре (количество памятников, характеристика керамики), частично к турбаслинской (характеристика жилищ - полужемлянки). В оценке роли мазунинской культуры, возможно, большую роль сыграла существующая путаница в терминологии и отсутствие обобщающих публикаций по данной теме. Так или иначе, везде, когда авторам необходимо использовать комплексы III-V вв., чтобы они были понятны читателю, и отразить их своеобразие, исследователи (Р.Д.Голдина, Т.К.Ютина) используют термин "мазунинская", "мазунинский тип"²². Подобная точка зрения на период III-V вв. на территории Прикамья не нова. В свое время в 1950-е годы ее отстаивал А.П.Смирнов, доводивший конечную дату пьяноборской культуры до V в.н.э.²³ Ей уже была дана соответствующая оценка еще в 1970 г. В.Ф.Генингом. Объединение в одну культуру разновременных и отличных друг от друга археологических памятников только на основании того, что они оставлены одним и тем же по происхождению населением, без учета социально-экономических и других изменений, как считал В.Ф.Генинг, есть результат отсутствия единого критерия при определении понятия археологической культуры²⁴. Он убедительно доказал, что основой выделения новой археологической культуры является появление новых типов орудий труда, новых технических приемов и в конечном счете в массовом *распространении новых форм вещей*, даже если эти факты наблюдаются у одного и того же населения²⁵. В последующих своих работах он определяет критерии выделения археологических культур²⁶. Поисками "этнических признаков" археологической культуры занимались видные археологи, такие как М.Е.Фосс, В.Н.Чернецов, А.А.Формозов, М.И.Артамонов, А.П.Смирнов. И находили их, прежде всего, в женских украшениях и принадлежностях костюма, что особенно четко было доказано А.П.Смирновым²⁷. Специфичность той или иной культуры, ее своеобразие были выражены В.Ф.Генингом введением понятия "археолого-этнического комплекса

(АЭК)", представляющего собой "совокупность археологических материалов, характеризующих этническую специфику, самостоятельность древнего этноса"²⁸.

Археолого-этнический комплекс мазунинской культуры. Весь рассмотренный в первых двух главах погребальный инвентарь могильников и поселенческий материал, независимо от его массовости или единичности, представляет собой специфически неповторимую систему, характеризующую мазунинскую культуру в целом. В эту систему вошли, кроме элементов, присущих только одной культуре, также элементы, характерные для культур всей лесной зоны I тыс.н.э. (орудия труда, оружие, частично поясная гарнитура), и привозные предметы (бусы, некоторые украшения). Кроме того, в погребальном инвентаре пережиточно сохранились вещи, отражающие этническую специфику предыдущих археологических культур (ананьинской, пьяноборской, караабызской).

При определении АЭК мазунинской культуры, как основного источникового понятия, необходимо было выделить только те категории, которые определяют этническую специфику древнего населения Среднего Прикамья, а также качественное отличие ее от других одновременных и разновременных культур. При таком подходе изучаются лишь те вещественные находки, которые в наименьшей степени связаны с производственной деятельностью, с природными условиями. Это предметы из сферы духовной культуры и быта. "В специфичности, прежде всего, орнаментации керамики и украшений, несомненно, проявляется элемент сознательного подчеркивания отличия одной группы населения от другой. Эти вычлняющие категории, по-видимому, с полным основанием можно относить к группе "опознавательных знаков" этнической культуры, достаточно устойчивых и традиционных для ее носителей", — пишет по этому поводу В.Ф.Генинг²⁹.

Типологический анализ вещей, проведенный выше по материалам могильников, помог выделить предметы с этнической нагрузкой — АЭК, признаком которых является повторяемость в пространстве и во времени. Этническую специфику населения III-V вв. Среднего Прикамья, оставившего памятники мазунинской культуры, определяют, по нашему мнению, следующие категории украшений:

1. Височные подвески мазунинского типа (рис. 78,1,2).
2. Нагрудные застёжки (фибулы типа 1, 2, рис. 78,3,4).
3. Каплеобразные подвески (рис. 78,5).
4. Поясные накладки типов 1-3, 6-8 (рис. 78,6-10, 22);

5. Гривны железные с бронзовой пластинчатой навивкой (рис. 78,11).
6. Украшения из раковин моллюсков (поясные бляхи, подвески, бусы, накладки, рис. 78,12-16).
7. Ножны для ножа, шила и ножа (рис. 78,17).

8. Головные украшения с железной основой кольчужного плетения (накосники, рис. 78,18).

9. Пронизки кольцообразные (рис. 78,19,23,24).

10. Пронизки спиралевитые (рис. 78,20).

11. Подвески-цепочки (рис. 78,21).

При этом следует помнить, что выделенный нами АЭК мазунинской культуры, отражает собой не культуру вообще, а конкретные этапы ее временного развития. Поэтому при определении культурной принадлежности памятника можно приводить лишь те элементы АЭК, которые по хронологии одновременны данному памятнику.

Перечисленные выше 11 элементов погребального инвентаря археологической культуры отражают этническое единство всего населения Среднего Прикамья. Однако выделяется ряд категорий предметов, несущих этническую специфику территориально более близких групп населения. На основании систематизации и картографирования были выделены две группы памятников (удмуртская, башкирская) — два локальных района культуры.

Памятники удмуртской группы расположены в основном на территории современной Удмуртии и прилегающих к юго-восточной ее части районах Пермской области, а к юго-западной — районах Татарстана. Только в удмуртской группе памятников встречены следующие категории предметов:

1. Поясные накладки типов 4, 5 (рис. 79,17-19).

2. Петельные застёжки (рис. 79,20).

3. Бляхи-раковины для украшения поясов (рис. 79,24).

4. Пронизки типов 5-6 (рис. 79,14,15,25).

5. Наконечники поясов типа 4 (рис. 79,27).

Кроме того, наибольшее распространение здесь имеют такие группы вещей, как:

1. Умбовидные бляшки (рис. 79,21).

2. Ожерелья из бус и пронизок (рис. 79,26).

3. Бабочковидные фибулы (рис. 79,16).

4. Наконечники поясов типа 2 (рис. 79,23).

5. Поясные накладки вариантов 1, 2 (рис. 79,22,28).

Памятники же башкирской группы находятся на территории современного Башкортостана (междуречье Камы, Белой и Уфы).

Специфическими вещами памятников этого района являются:

1. Прогнутые с ленточным корпусом и расширением на концах фибулы (рис. 79,1).

2. Подвески типов 4'-6 (рис. 79,6-10).

3. Накладки-тройчатки (рис. 79,11).

Здесь получили наиболее широкое распространение: височные кольца (рис. 79,2,3), пронизки-обоймы типа (рис. 79,4,5); наконечники ремней типа (рис. 79,12,13).

Перечисленные выше предметы, характерные для выделенных нами районов, при всем своем своеобразии составляют незначительный процент среди погребального инвентаря памятников мазунинской культуры. Они чаще всего были присущи двум-трем памятникам и отражали связь с определенными ремесленными центрами, вкусы отдельных территориальных групп населения, их традиции и т.д. Это было неизбежно при огромной территории расселения племен мазунинской культуры и естественной изолированности ряда ее памятников. Для определения степени сходства и близости изучаемых могильников культуры нами были взяты все перечисленные выше классы вещей АЭК из 11-ти могильников³⁰. Показатели сходства были подсчитаны по формуле, предложенной И.С. Каменецким,

Б.И. Маршаком, Я.А. Шером, а именно: $f = \frac{S^2}{kl}$, где S - количество признаков одинаковых для объектов А и В, т.е. количество пар единиц, оказавшихся в одних и тех же столбцах таблицы; k - общее количество признаков, отмеченных единицей на объекте А, l - общее количество признаков, отмеченных единицей на объекте В (табл. 38)³¹. На основании данных турнирной таблицы 39 по модели А был построен граф (рис. 81), где коэффициент сходства памятников оказался равен 0,5-0,83, что, как считают исследователи, было характерно для близких и очень близких связей³². Таким образом, можно сделать вывод, что все исследуемые нами могильники однокультурны. Показатели степени сходства также позволили выделить группы могильников, наиболее близких по хронологии: первая группа — Югомашево, Бирск, Ст.Кабаново, Покровское, Усть-Сарапулка (кон. IV-V вв.); вторая группа — Ижевск, Нива, Ангасяк (здесь преобладают погребения IV в.); третья группа — Чепаниха, Сайгатка (III в. - первая половина IV в.). Мазунинский могильник в графе занимает промежуточное положение между поздними и ранними памятниками. Погребальный обряд также относится к основной категории выделения АЭК археологической культуры, так как в значительной мере связан с

духовной жизнью древнего общества. Исследования, проведенные нами (см. главу “Могильники мазунинской культуры. Погребальный обряд”), свидетельствуют об единстве погребального обряда могильников, представляющего собой стройную систему сочетания основных категорий признаков.

На основе выделенных этнических признаков в погребальном обряде были подсчитаны парные коэффициенты сходства. Для изучаемых могильников они оказались высокими, в пределах 0,83-1,0 (табл. 40).

Нами определен АЭК в керамическом материале поселений культуры. Сосуды выполнены техникой ленточного налепа, круглодонны или слегка уплощены. Господствующей является форма круглодонных горшков с выпуклыми плечиками и отогнутыми наружу шейками (тип. I, 93%). В керамическом материале преобладают сосуды средних размеров (диаметр венчика 16-25 см, 73,8%). Орнаментальные узоры просты: ряды ямок (треугольные, круглые, овальные, прямоугольные, средний процент — 56), насечки по венчику (средний процент — 22,4). В орнаментации выявились узоры, характерные для сосудов лишь территориально близких групп памятников. Это зашпы по венчику на сосудах с поселений правобережья р. Камы (удмуртская группа), хаотично расположенные по всему сосуду ямки — между речье бассейна р. Белой, Уфы и Камы (башкирская группа). Подсчитаны парные коэффициенты сходства по морфологическим признакам сосудов исследуемых памятников по предложенной ранее формуле, которые оказались также значительными 0,63-0,9 (табл. 31).

При характеристике остатков сооружений на поселениях выявлены следующие общие признаки памятников мазунинской культуры: 1) наземные жилища, от которых остались пятна смешанного грунта толщиной 5-30 см; 2) очаги 1, 3 типов; 3) хозяйственные ямы 1, 2 типов. Здесь также выявляются незначительные территориальные особенности. Только для удмуртской группы памятников были характерны: 1) очаги 2, 4 типов; 2) для башкирской — хозяйственные ямы 3, 4 типов.

Итак, в погребальном инвентаре (в украшениях), обряде, а также в поселенческом материале выделяется АЭК, который наиболее полно отражает процесс этнической интеграции населения, оставившего в III-V вв. памятники мазунинской археологической культуры, и дает возможность выделить их из общего числа памятников других культур. В то же время определяются элементы двух основных локальных вариантов (районов) этой культуры, названные нами башкирский и удмуртский.

Происхождение мазунинской культуры. Исследование вещевого материала и погребального обряда памятников мазунинской культуры еще раз подтвердили господствующую среди археологов точку зрения, что “основу ее составляли местные племена пьяноборской и карабызской культур”³³. Из 39 категорий вещей погребального инвентаря изучаемой культуры для 18 категорий были найдены аналогии в материалах памятников пьяноборской культуры³⁴. Ими оказались некоторые типы бляшек, гривен, накладок, пряжек, бус, браслетов, пронизок (пронизки-бусы, пронизки-полуцилиндрики с подвесками-полусапожками), нагрудные бляхи, сюльгамы, шейные и трапециевидные подвески, крючки, ножи, шилья, костяные наконечники стрел, копья, мечи позднесарматского типа, пряслица, точильные бруски. В памятниках карабызской археологической культуры обнаружены аналогии для 16-ти категорий предметов мазунинской культуры: височные кольца, ряд типов бляшек, подвесок, бус, пряжек, пронизок (пронизки-бусы), бляхи, перстни, костяные наконечники стрел, крючки, удила, ножи, шилья, копья, точильные бруски, пряслица³⁵. Следует отметить, что находок предметов аналогичных вещам из могильников предшествующих культур незначительно. Чаще всего они единичны и характерны для одного-двух памятников, по какой-то причине воспроизводящих более древние формы предметов.

Для изучения степени сходства погребального обряда этих трех культур была составлена табл. 41, куда вошли 24 признака, отражающие погребальный обряд мазунинской культуры. Для сравнения использованы материалы из обобщающих работ по пьяноборской и карабызской культурам³⁶. По формуле, предложенной И.С.Каме-нецким и др., были подсчитаны степени сходства культур и нарисован граф (рис. 82). При сравнении погребальных обрядов выявлено наибольшее сходство памятников пьяноборской и карабызской культур (0,79). И это правомерно, т.к. они синхронны и развивались на одной этнокультурной основе (ананьинская археологическая культура). Высок показатель сходства между мазунинской и пьяноборской культурами (0,76), немного меньше — между мазунинской и карабызской (0,59). Все эти данные свидетельствуют о преемственности и роли каждой из предшествующих культур в происхождении мазунинского круга памятников.

Наибольшее влияние на формирование погребального обряда исследуемой нами культуры оказало пьяноборское население. Это подкрепляется и другими данными, полученными археологами в ходе изучения, проведенного в последние годы. К началу 1990-х

годов, по сведению Б.Б. Агеева, на небольшой территории пьяноборской культуры было известно 32 могильника и 140 поселений³⁷. Большинство поселений имели площадь в 4000-10000 кв.м. и культурный слой в 30-40 см и более. Наряду с ними существовали селища размерами 45000, 150000, 250000 кв.м. Как считает Б.Б. Агеев, это свидетельствует о значительной концентрации населения по среднему течению р.Камы. Карабызская же культура в 7,5 раз уступает вышеописанной по числу памятников, кроме того, последние находятся на значительном расстоянии друг от друга. По р.Белой на расстоянии 250 км расположено 23 памятника: 7 могильников и 16 поселений³⁸. Хотя и здесь исследователи отмечают у ряда поселений значительную площадь (от 50000 до 200000 кв.м.). Этот факт касается и могильников. Так, по данным А.Х.Пшеничнюка, на Охлебининском могильнике, существовавшем около 7 веков, было захоронено 10-15 тыс. человек, основная масса погребений приходится на II в. до н.э. - II в.н.э.³⁹

В каких же исторических условиях происходило формирование и развитие мазунинской культуры? Исследуя этническую историю населения Южного Урала и Приуралья, Р.Г. Кузеев и В.А. Иванов пришли к следующему выводу: "В эпоху Великого переселения народов для Южного Урала нестабильность и пестрота затрагивали в основном лесостепные районы и практически не касались более северных лесных территорий Приуралья с их устойчивой финно-угорской этнокультурной средой"⁴⁰. При изучении состава и характера оружия мазунинских племен В.А.Иванов приходит к мысли, что в арсенале вооружения финно-угорского населения никаких изменений не произошло. И это можно объяснить только отсутствием угрозы нападения со стороны кочевников⁴¹. Наблюдается явная консервация и возрождение забытых видов вооружения эпохи раннего железа. Войско было пешим, с преобладанием оружия ближнего боя⁴². Это могло быть только при отсутствии опасности нападения на жителей леса со стороны обитателей степи. Запустение Приуральских степей на рубеже и начале I тыс. н.э., в связи с уходом основной массы сарматов на запад, отмечает исследователь сарматских памятников Южного Урала А.Х. Пшеничнюк. Исследуя памятники археологии южнее г.Уфы, он зафиксировал на правом берегу р.Белой памятники карабызской культуры и 3 сарматских могильника, а на левом — абсолютное запустение⁴³. Примеры, подтверждающие относительное спокойствие в данном регионе в первой половине I тыс. н.э., выявленные другими исследователями, можно продолжать и

дальше. Главное состоит в том, что в этой благоприятной для социально-экономического развития обстановке, на рубеже II-III вв. происходит формирование качественно новой культуры. На особенности ее образования оказывали влияние и демографический аспект (резкий рост населения на незначительной ландшафтной емкости), и природно-климатический фактор (понижение влажности), и сокращение использования ранее известных источников руд для получения цветных металлов, и резкий рост добычи железа, и появление новых орудий труда. Все это вместе взятое привело к перемещению местного населения (появление новой территориальной карты расселения) и развитию новых форм производства, а отсюда — новых форм вещей, отличных от ранее существовавших.

Процесс формирования новой культуры происходит на рубеже II и III вв. и в течение первой половины III в.н.э. В это время продолжают существовать памятники предшествующих культур, но с элементами новой эпохи. На территории карабызской культуры этот переходный период представляют поздние погребения Шиповского могильного комплекса и Охлебининского могильника, а на территории пьяноборской культуры — поздние захоронения могильников Афонинского и Ныргында I, II, также ранние захоронения Тарасовского могильника. Во второй половине III в. начинается освоение новой, ранее свободной территории (Чепаниха, Мазунино, Нива, Ижевск, Сайгатка), для населения которой уже были характерны новые формы вещей, хотя их набор еще незначителен (височные подвески мазунинского типа, поясные накладки I, II типов).

Для IV-V вв. была свойственна уже массовость и традиционность форм вещей, составляющих АЭК древнего общества, что, прежде всего, выразилось в погребальном инвентаре. Как отмечает В.Ф. Генинг, этот факт является показателем стабилизации этнического состава населения и его этнического единства⁴⁴. На его стабильность не оказали влияние и небольшие инородные включения, произошедшие в конце IV - первой половине V вв. Они отразились в существовании известных пока трех могильных комплексов на реке Каме или вблизи от нее, представляющих собой курганный (пришрое в основе мужское население) и грунтовой (местное финно-угорское население) могильники. Это комплексы у с.Тураево Менделеевского района Татарстана⁴⁵, у с.Старая Мушта в Краснокамском районе Башкортостана⁴⁶ и у д.Кудаш Бардымского района Пермской области⁴⁷. Каждый из могильных комплексов имеет своеобразие, но общее для них — это наличие мужских погребений с большим числом

оружия и орудий труда. Они могут занимать особое место на площадке комплекса и резко отличаться по погребальному обряду (Тураево) или же находиться попеременно с погребениями местного населения и содержать часть его погребального инвентаря и элементы обряда (Старая Мушта, Кудаш).

При сравнении этих могильных комплексов создается впечатление, что движение пришлого населения происходило по р.Каме с запада на восток. Чем восточнее памятник, тем больше преобладают традиции местного мазунинского населения, а влияние культуры пришлого мужского населения как бы затухает.

Начиная с первого исследователя Тураевского могильника В.Ф. Генинга, мнения всех археологов сводятся к тому, что в конце IV в. в Прикамье пришла группа мужчин-воинов. Ее передвижение связывают с событиями Великого переселения народов. Конец IV в. ознаменовался в истории южнорусских степей распадом политических объединений готов, сарматов и аланов под ударами гуннских орд. По сообщению письменных источников гунны безжалостно истребляли всех и все на своем пути и в 378-445 гг. образовали гуннский племенной союз с центром в Северном Причерноморье. Больше всего пострадали ираноязычные сармато-аланские племена и население черняховской культуры, славянской в своей основе. Одна из групп, гонимая гуннами в конце IV в., оказалась на территории мазунинской культуры (тюрки? угры? ираноязычные? славяне?). Как отмечает В.А. Иванов, это были воины, взявшие в жены местных женщин⁴⁸, и быстро ассимилировавшиеся в местной финно-угорской среде. Возможно, это население познакомило мазунинцев с новыми орудиями труда (топор, коса-горбуша).

Исторические судьбы. Дальнейшая судьба мазунинского населения пока слабо изучена археологами. В этом вопросе, в зависимости от объема имеющегося материала, у исследователей имеются лишь предположения. Точки зрения ученых при этом на всем протяжении изучения культуры постоянно менялись. Они интерпретировались как предки мадьяр, башкир, удмуртов, или вопрос о дальнейшей судьбе племен мазунинской культуры оставался открытым из-за нехватки материала.

К началу 1990-х годов сложились следующие точки зрения в решении проблемы исторической судьбы мазунинских племен. В монографии “Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры” (1988 г.) В.Ф. Генинг считал, что в бассейне р.Белой мазунинское население, смешавшись с пришельцами из Сибири,

вошло в кушнаренковский массив, просуществовавший до VII-VIII вв. На территории юга Удмуртии он предполагал наличие позднемазунинских групп населения, хотя и сожалел об отсутствии здесь памятников позднее VI в. По его мнению, существующие археологические материалы не позволяют проследить этническое развитие в южных районах Удмуртии и формирование удмуртской народности.

У других исследователей, занимающихся изучением памятников I тыс.н.э. (Р.Д. Голдина, Т.К. Ютина), уже таких сомнений нет. По их мнению, население, оставившее памятники “мазунинского типа”, принимало участие в формировании верхнеутчанской культуры, а та, в свою очередь, чумойтлинской (основа для сложения южных удмуртов)⁵⁰. Характеризуя этническую историю населения Среднего Прикамья I тыс.н.э., в свете новых исследований, Н.А.Мажитов утверждает, что бахмутинская культура сформировалась в VI-V вв. на основе караабызской и пьяноборской культур. В ее развитии он выделяет два этапа: ранний (мазунинский) и поздний (бахмутинский). Последний этап он доводит до VIII в. Бахмутинская культура (поздний этап), по его мнению, — это результат вливания в раннебахмутинскую (мазунинскую - Т.О.) среду какой-то части пришлых племен. Именно это население принесло своеобразную керамику бахмутинской культуры (так называемый чандарский тип)⁵¹. Далее он предполагает, что бахмутинские племена, финно-угорские по своей этнической принадлежности, примут участие в формировании башкирской народности⁵².

Несколько иная, хотя, на первый взгляд, похожая на точку зрения Н.А. Мажитова, существует гипотеза о дальнейшей судьбе племен мазунинской культуры у Р.Г. Кузеева и В.А. Иванова, высказанная ими в это же время (1987 г.). Они считают, что в середине I тыс.н.э. в Приуралье образуется новая археологическая культура, генетически восходящая к мазунинской, но несущая в себе некоторые инновации не приуральского происхождения (бахмутинская). В результате происходит изменение этнокультурной карты. По необъяснимым причинам бахмутинское население переместилось на восток, изменив свои бывшие границы (р.Б.Танып, бывшая восточной границей мазунинской культуры в III-V вв., для бахмутинских племен V-VII вв. становится уже западной границей)⁵³. В цитируемой работе нет точных сведений об археологической карте бахмутинской культуры V-VII вв., но из текста ясно: 1) ее территория резко сокращается на юго-восток, в бассейн р.Уфы, 2) культура не отражает собой этническую общность, занимающую огромную площадь, как это было в III-V вв.

Для решения проблемы дальнейшей судьбы мазунинской культуры обратимся к археологическому материалу и к научной литературе, посвященной памятникам I тыс.н.э. Археологические исследования на территории проживания населения мазунинской культуры пока не выявили хорошо датированных памятников VI в.н.э., содержащих элементы АЭК этой культуры,

Все памятники, выделенные в последнее время Т.К. Ютиной в верхнеутчанскую культуру (VI-IX вв.), представлены поселениями, а не закрытыми комплексами (могильниками), на которых невозможно связать определенные группы керамики с вещевым материалом, тем самым определить их синхронность. Все базовые городища, представленные Т.К. Ютиной для аргументации новой археологической культуры, были оставлены разноэтническими группами населения в разное время (мазунинская, ломовская или ломоватовская, именьевская, кушнаренковская или караякуповская культуры). В материалах этих памятников, на наш взгляд, не нашли свое отражение послемазунинские комплексы, а среди обнаруженных здесь вещевых находок полностью отсутствуют предметы VI и VIII вв.⁵⁴ Говорить о продолжении мазунинских традиций на памятниках южной части современной Удмуртии по имеющимся сейчас источникам преждевременно. Идея такого решения проблемы дальнейшей судьбы мазунинской культуры имеет право на существование, но требует накопления нового материала и убедительной аргументации.

Итак, в конце V в. (нач. VI в.?) на территории современной Удмуртии и большей части северных районов Башкортостана до р.Бирь население мазунинской культуры прекращает свою деятельность. Как уже отмечалось нами ранее, каких-то причин внешнего порядка для переселения не существовало в V в., что заставляет нас остановиться на объяснении этого явления внутренними причинами (изменение климата? перенаселение?), заставившими жителей покинуть родные места. Если население ушло, то правомерно поставить вопрос "куда?" В 1980-х гг. нами проверялся вариант их движения на запад. Для этого были проведены разведочные работы на территории Предкамья Республики Татарстан. Отрядами археологов Удмуртского республиканского краеведческого музея и Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН были обследованы все правые притоки р.Камы в данном регионе, но интересующие нас памятники не найдены. В 1986-87 гг. одним из отрядов КВАЭ под руководством О.А. Казанцевой в бассейне р.Тулвы, правого притока р. Камы, в Бардымском районе Пермской области, был раскопан Красноярский могильник, содержащий по-

гребения мазунинской культуры. Его материалы открыли перспективы разработки гипотезы передвижения древнего населения в северо-восточном направлении⁵⁵. Анализ вещевого материала мазунинских погребений, расположенных в западной части могильника, свидетельствует, что оставлен он населением башкирской группы памятников. Их отличает наличие большого числа оружия, орудий труда, керамики, а также золотых вещей. Складывается впечатление о перемещении сюда наиболее богатой части населения, в основном мужчин. Это событие происходит, скорее всего, в конце V - начале VI вв. В этом отрезке бассейна р. Камы в последние годы пермские археологи обнаружили ряд близких по хронологии могильников, определение культурной принадлежности которых вызывает затруднение (Мокинский могильник)⁵⁶.

В этой связи, на наш взгляд, имеет право на возрождение гипотеза, высказанная в свое время В.А. Семеновым, об участии мазунинских племен в формировании полумской культуры, предков северных удмуртов⁵⁷. При сравнительном анализе АЭК мазунинской культуры с ранними погребениями полумской культуры обнаруживается много общих черт как в вещевом материале, так и в погребальном обряде (Варнинский, Полумский I могильники)⁵⁸. Но это предположение требует дальнейшего накопления источниковедческой базы, в первую очередь, поиски и раскопки памятников VI-VII вв. — времени генезиса полумской культуры.

Иная судьба постигла южную часть мазунинского населения. Здесь, в междуречье Бири, Уфы, найдены и изучены 2 памятника VI-VII вв., содержащие элементы АЭК мазунинской культуры (Бахмутинский и Бирский могильники). Их история тесно связана со временем и событиями I Тюркского каганата. В 550-560 гг. тюркюты захватили всю азиатскую степь от Желтого до Аральского морей и Волги. Как пишет Л.Н. Гумилев, они шли к Волге, гоня перед собой тех, кто отказался покориться. Это были вары (угры), хуны (сармато-аланы) и огоры⁵⁹. Создана держава “длинным копьём и острой саблей”. С военными действиями и внутривосточными событиями I Тюркского каганата связывают исследователи перекройку этнической карты Евразии, в т.ч. Приуралья.

В середине VI в. (по Н.А. Мажитову в V в.) на левобережье р. Белой появляются памятники турбаслинской культуры, в конце VI - начале VII вв. в северной части Башкортостана — кушнаренковской, а затем и караякуповской культур. На территории среднего и нижнего течения р. Белой обнаружены поселения с керамикой, известной в

литературе под названием романовского и чандарского типов⁶⁰. Это пришлое население, смешанное по своему этническому составу (угры, тюрки и ираноязычные), захлестнуло местное население, что нашло отражение в материалах Бирского могильника. Исследователи (А.К. Амброз, Н.А. Мажитов) четко делят его площадку на 2 зоны (зона 1 — местное население, зона 2 — пришлое население). Погребения VI-VII вв., расположенные в зоне 1, несут в себе ряд инноваций не приуральского происхождения (увеличение глубины могильных ям, появление сосудов и костей жертвенных животных, резкое увеличение числа вещей в захоронениях, прежде всего, орудий труда, оружия, украшений, предметов привозного характера, в т.ч. из драгоценных металлов, стекла). В зоне 2 А.К. Амброзом были выявлены кладбища семейных групп турбаслинской и кушнаренковской культур VI-VII вв.⁶¹

Бахмутинский могильник, судя по вещам, хранящимся в коллекции ГИМа (раскопки В.В. Гольмстен), содержит аналогичный Бирскому могильнику материал, который можно уверенно датировать VII в. (привески в виде коня, круглой “бутылочки”, схематизированной фигурки медведя, застёжки с шишечками, поясная гарнитура геральдического типа, зеркала)⁶². Он также отражает процесс смешения двух культур пришлого (кушнаренковского) и местного пермского населения.

Таким образом, на территории между реками Уфа-Белая-Бирь, в зоне взаимопроникновения двух наиболее крупных пришлых групп (турбаслинской и кушнаренковской), и окраинной южной части проживания потомков местного (мазунинского) населения в течение VI-VII вв. происходит процесс активной ассимиляции древних жителей. Группу памятников, отражающих этот процесс смешения разных культур, совместное их сосуществование, следует отнести к бахмутинскому типу. Он заканчивается в VIII в., когда на огромной территории современного Башкортостана и части Татарстана, Удмуртии побеждают носители кушнаренковской культуры (правенгры по А.Х. Халикову, Р.Г. Кузееву, В.А. Иванову, тюрки по Н.А. Мажитову).

¹ Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. С. 74-75; он же Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Т. 2. Казань, 1959. С. 201-202; он же Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Вып. 1. Свердловск, 1961. С. 39-46.

² Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // ВАУ. Вып. 1. Свердловск, 1961. С. 82.

³ Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7. Сверд-

ловск-Ижевск, 1967. С. 53.

⁴ Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры //АЭБ. Т. II. Уфа, 1964. С. 103; Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии //АЭБ. Т. II. Уфа, 1964. С. 12; Акимова М.С. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья //ВАУ. Вып. 1. Свердловск, 1961. С. 122-123.

⁵ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Уфа, 1968. С. 82; Археологическая карта Башкирии. Уфа, 1976. С. 29; Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре. //СА. 1971. №3. С. 103.

⁶ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977. С. 178.

⁷ Генинг В.Ф. Южное Приуралье III-VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождение) //Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972. С. 222.

⁸ Там же. С. 222.

⁹ Там же. С. 241.

¹⁰ Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья //Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 7; Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку //Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987. С. 73; Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С. 108.

¹¹ Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку. С. 73.

¹² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988. С. 39.

¹³ Там же. С. 220-221.

¹⁴ Там же. С. 71, 220.

¹⁵ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С. 97.

¹⁶ Там же. С. 112.

¹⁷ Мажитов Н.А. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала //Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987. С. 125.

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) //Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 13; Ютина Т.К. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии //Авторыф. ... канд. дисс. ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 1994. С. 14, 16; Казанцева О.А. Исследования Яромасского городища в бассейне р. Камы //Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987. С. 143.

²⁰ Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории... С. 6-33, рис. 4.

²¹ Там же. С. 21.

²² Там же. С. 13, 21; Ютина Т.К. Археологические памятники VI-XIV вв. С. 14, 16.

²³ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Урала //МИА. №28. М., 1952. С. 81-82; Он же Железный век Башкирии //МИА. №58. М., 1957. С. 31-38.

²⁴ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху //ВАУ. Вып. 10. Свердловск-Ижевск, 1970. С. 175-188.

²⁵ Там же. С. 180.

²⁶ Генинг В.Ф. Проблемы соотношения археологической культуры и этноса //Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3-37; Он же Этническая история Западного Приуралья... С. 10-30.

²⁷ Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре //СА. 1964. №4. С. 5-6.

²⁸ Генинг В. Проблемы соотношения археологической культуры... С. 20.

²⁹ Там же. С. 24.

³⁰ При определении степени сходства были исключены Бахмутинский (14 погр.), Каратамакский (18 погр.), Малокачаковский (14 погр.) могильники, как не имеющие массового вещевого материала.

³¹ Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.И. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975. С.50-51.

³² Там же. С.57-59.

³³ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С.241.

³⁴ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Табл. 1-19; Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... Табл. I-XI, XVII-XX.

³⁵ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура. - С.178-189, рис.6.

³⁶ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С.22-29; Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура. С.175-178.

³⁷ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. С.82, рис.15.

³⁸ Там же. С.193; Генинг В.Ф. Этническая история... С.47-52.

³⁹ Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку. С.68-69.

⁴⁰ Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения. С.8.

⁴¹ Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984. С.39-40.

⁴² Там же. С.75.

⁴³ Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку. С.74.

⁴⁴ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С.24.

⁴⁵ Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в.н.э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С.55-108.

⁴⁶ Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М., Федоров В.К. Изучение памятников эпохи железа и средневековья в северных районах Башкирии // Археологические открытия Урала и Поволжья. 1987-1988 гг. Сыктывкар, 1989. С.122-123; Гарустович Г.Н. Раскопки курганов в лесных районах Башкирии // Археологические открытия Урала и Поволжья. 1989-1990 гг. Ижевск, 1991. С.169.

⁴⁷ Казанцева О.А. Исследования в Бардымском районе Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. 1989-1990. Ижевск, 1991. С.54; Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1993 году // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2.Д.315.9с.

⁴⁸ Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? СПб, 1994. С.77.

⁴⁹ Генинг В.Ф. Этническая история... С.221-222.

⁵⁰ Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории... С.22-23; Ютина Т.К. Археологические памятники VI-XIV вв. С.15-16.

⁵¹ Мажитов Н.А. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала. С.125.

⁵² Там же. С.129.

⁵³ Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения. С.7.

⁵⁴ Ютина Т.К. Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С.53-66, рис.5; Она же Археологические памятники VI-XIV вв... С.7.

⁵⁵ Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С.43-64.

⁵⁶ Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соболев Н.В. Исследование Мокинского могильника близ Перми // Археологические открытия Урала и Поволжья. 1987-1988 гг. Сыктывкар, 1989. С.78-81; Соболева Н.В. Раскопки Мокинского могильника //

Археологические открытия Урала и Поволжья. 1989-1990 гг. Ижевск, 1991. С. 75-77; Мельничук А.Ф. Раскопки Мокинского могильника близ Перми //АО—1994г. М., 1995. С. 222-223.

⁵⁷ Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р.Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 51.

⁵⁸ Семенов В.А. Новый памятник полемской культуры. Ижевск, 1980. Табл. I—2-7, 24; VII—41, 72, 73; он же. Погребальный обряд чепецкого поселения в эпоху раннего средневековья (VI—X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С. 56-75.

⁵⁹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 35-57.

⁶⁰ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 251-295.

⁶¹ Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. Рис. 16.

⁶² Смирнов А.П. Железный век в Башкирии. С. 58-59.

Summary

The monograph devoted to systematizing of burial sites and settlements which are located on the lands of the Middle Kama basin in the 3d-5th centuries A.D. This antiquities are known as Mazunin (or Bahmutin) archaeological culture. The data available on more than 10 cemeteries enables the author to reconstruct the funeral rites typical of the native population. Mentioned materials help to describe the grave stocks, the woman costumes and different ornaments. The settlements' remnants testify to presence of the common features in building and ceramics making.

The author establishes the chronology and system of dates for the Mazunin antiquities. The results obtained from the analysis lead to conclusion that the further fate of these tribes was connected with the formation of the medieval Udmurts. There were marked two local groups of Mazunin inhabitants by some specific features of the burial tradition, the grave goods and settlement's remnants between both the Udmurt and Bashkir parts of the Mazunin territory.

Investigations into this materials indicate the process of settling structure of ancient tribes and determine the lands occupied by the Mazunin population in the 3-5th centuries. The book contains also characteristic of the economical development and social organization of the Mazunin society in the considered time.

Thus this materials are a base for studying of many problems connected with ethnic and socio-economical history of the Finno-Permian people in the Kama region.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рукописи

1. Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР, 1966г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3242.39с.
2. Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР, 1967г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3513.21с.
3. Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Калтасинском районе БАССР, 1968г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3753.17с.
4. Васюткин С.М. Отчет о раскопках в низовьях р.Белой, 1970г. // Архив ИА РАН. Р-1, №4163.18с.
5. Васюткин С.М. Отчет о раскопках на Мало-Качаковском, Старо-Кабановском могильниках и на Такталачукском городище, 1970г. // Архив ИА РАН. Р-1, №4164.44с.
6. Васюткин С.М., Горбунов С.Н. Отчет об археологических исследованиях в БАССР, 1971г. // Архив ИА РАН. Р-1, №4457.56с.
7. Васюткин С.М., Калинин В.К., Гундарева Н.В., Герасимова Л.А., Исмагилов С.Р. Отчет о работе Первого отряда археологической экспедиции Башкирского госуд. университета, 1975г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5657.89с.
8. Вотякова О.П. Отчет об археологических исследованиях в Вавожском и Увинском районах УАССР, 1976г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5927.83с.
9. Вотякова О.П. Отчет о разведочных работах, проведенных в Вавожском и Можгинском районах УАССР, 1977г. // Архив ИА РАН. Р-1, №6628.52с.
10. Гарустович Г.Н. Отчет об археологических разведках в зоне строительства БАЭ, 1981г. // Архив ИА РАН. Р-1, №8651
11. Гарустович Г.Н. Отчет об археологических работах 1988 года в пределах Краснокамского и Дуванаковского районов Башкирской АССР (в 2-х частях) // Архив ИА РАН. Р-1, №13130-13132.55с.
12. Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах экспедиционного отряда на Старо-Муштинском курганном могильнике в Краснокамском районе БАССР, проведенных летом 1989г. // Архив ИА РАН. Р-1, №13526.36с.
13. Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Покровского могильника в Мало-Пургинском районе УАССР, 1975г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5842.11с.
14. Голдина Р.Д. Отчет о разведке, проведенной летом 1995 г. в Каракулинском районе УР // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2.Д.326. 47с.

15. Гусенцова Т.М. Отчет об археологических раскопках Чепанхинского могильника в Завьяловской районе УАССР, 1975г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5784.75с.

16. Иванов В.А. Отчет о работе в составе Башкирского отряда Нижне-Камской археологической экспедиции, 1971г. // Архив ИА РАН. Р-1, №4612.37с.

17. Иванов В.А. Отчет о раскопках Башкирского отряда Нижне-Камской археологической экспедиции, 1972г. // Архив ИА РАН. Р-1, №4887.62с.

18. Иванов В.А. Отчет о раскопках памятников, расположенных в бассейне р. Белой, 1973г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5236.44с.

19. Иванов В.А. Отчет о раскопках памятников, расположенных в бассейне рек Белой и Уфы, 1974г. // Архив ИА РАН СССР. Р-1, №5692. 38с.

20. Кабиров Р.Г. Отчет об археологических разведках в Алнашском районе УАССР, 1976г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5931.14с.

21. Казанцева О.А. Отчет о работе в Бардымском районе Пермской области в 1993 году // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2.Д.315.9с.

22. Ключева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Каракулинском районе УАССР летом 1976г. // Архив ИА РАН. Р-1, №7097.76с.

23. Ключева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1977г. в Каракулинском и Сарапульском районах УАССР // Архив ИА РАН. Р-1, №6572.83с.

24. Корепанов К.И. Отчет о работе южного отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1974г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5361.59с.

25. Леконцева Н.И. Отчет об археологических исследованиях в Елабужском и Агрызском районах ТАССР и Алнашском районе УАССР, 1976г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5936.47с.

26. Мажитов Н.А. Отчет об археологической разведке в районе р. Белой в 1954г. // Архив ИА РАН. Р-1, №1031.5с.

27. Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях в Бураевском, Балтачевском и Аскинском районах Башкирии, 1956г. // Архив ИА РАН. Р-1, №1640.28с.

28. Мажитов Н.А. Отчет об археологических работах в Бирском, Бураевском, Балтачевском и Калтасинском районах БАССР, 1959г. // Архив ИА РАН. Р-1, №2005.119с.

29. Мажитов Н.А. Отчет об археологическом исследовании в Бирском, Покровском, Нуримановском районах БАССР, 1960г. // Архив ИА РАН. Р-1, №2105.71с.

30. Мажитов Н.А. Отчет об археологических раскопках Бирского и Кушелевского могильников и разведки в Благовещенском, Кушна-

ренковском, Илишевском районах БАССР, 1962г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, №2531.26с.

31. Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях в северо-восточных районах БАССР, 1963г. // Архив ИА РАН. Р-1, №2648.25с.

32. Мажитов Н.А. Отчет о результатах археологической экспедиции, 1967г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3496.41с.

33. Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории БАССР, 1968г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3704.20с.

34. Матвеева Г.И. Отчет Башкирского госуниверситета, 1968г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3698.89с.

35. Матвеева Г.И. Отчет о раскопках Юмакаевского городища, 1969г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3951.84с.

36. Морозов Ю.А. Отчет о работе разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции, 1964г. // Архив ИА РАН. Р-1, №2887.

37. Морозов Ю.А. Отчет о работе разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции, 1965г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3053.

38. Морозов Ю.А. Отчет о работе разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции, 1966г. // Архив ИА РАН. Р-1, №3244.

39. Нигматуллин Р.А. Отчет о разведках в западных районах БАССР, 1975г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5307.25с.

40. Останина Т.И. Кузбаевское городище. Каталог археологической коллекции. Рукопись. 53с.

41. Останина Т.И. Отчет разведочного отряда Нижне-Камской археологической экспедиции, 1972г. // Архив ИА РАН. Р-1, №4680.18с.

42. Останина Т.И. Отчет об археологической разведке по левобережью р. Сива (Воткинский р-н УАССР, Большесосновский район Пермской области), 1973г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5285.30с.

43. Останина Т.И. Отчет о раскопках Нивского могильника в Воткинском районе УАССР, 1974г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5351.57с.

44. Останина Т.И. Отчет о раскопках Постольского городища около ст. Постол в Завьяловском районе УАССР и отчет об археологической разведке по притокам р. Сивы и Чепцы, 1974г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5299.44с.

45. Останина Т.И. Отчет о раскопках Сосновского городища в Шарканском районе УАССР в 1975г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5862.34с.

46. Останина Т.И. Отчет о раскопках Ижевского могильника в 1975г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5849.57с.

47. Останина Т.И. Отчет об археологических раскопках Удмуртского республиканского музея в Шарканском и Воткинском районах УАССР, 1976г. // Архив ИА РАН. Р-1, №6241.40с.

48. Останина Т.И. Отчет об археологических исследованиях в

Алнашском районе УАССР,1977г.//Архив ИА РАН.Р-1,№6573.26с.

49. Останина Т.И. Отчет о раскопках Покровского могильника около д.Сизяшур Мало-Пургинского района УАССР,1977г.//Архив ИА РАН. Р-1,№6571.55с.

50. Останина Т.И. Отчет об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея,1978г.//Архив ИА РАН.Р-1, №6997.73с.

51. Останина Т.И. Отчет о разведочно-раскопочных работах в Бураевском районе БАССР,1979г.//Архив ИА РАН.Р-1,№7490.54с.

52. Останина Т.И. Отчет об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея,1980г.//Архив ИА РАН.Р-1, №776.73с.

53. Останина Т.И. Отчет об археологических исследованиях Старо-Игринского городища, проведенных летом 1981г. в Граховском районе УАССР //Архив ИА РАН.Р-1,№8629.34с.

54. Останина Т.И. Отчет об археологических работах Удмуртского республиканского краеведческого музея, проведенных летом 1988, 1989гг. //Архив ИА РАН.Р-1,№12691.С.1-18;Р-1,№14560.С.1-10.

55. Отчет этнографической экспедиции за 1971г.//Архив Удм. ИИЯЛ УрО РАН. Дело №176.

56. Пастушенко И.Ю. Отчет о разведочных работах, проведенных летом 1992г. в Каракулинском районе УР //Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.325.25с.

57. Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях в центральных районах БАССР за 1965г.//Архив ИА РАН.Р-1, №3137.

58. Семенов В.А. Отчет Удмуртской археологической экспедиции 1965г. //Архив ИА РАН.Р-1,№3022.91с.

59. Семенов В.А. Отчет Удмуртской археологической экспедиции, 1967г. //Архив ИА РАН.Р-1,№3523.45с.

60. Семенов В.А. Отчет Удмуртской археологической экспедиции, 1969г. //Архив ИА РАН.Р-1,№3872.97с.

61. Семенов В.А. Отчет Удмуртской археологической экспедиции, 1970г. //Архив ИА РАН.Р-1,№4077.222с.

62. Стоколос В.С. Отчет о разведках и археологических исследованиях в 1967г.//Архив ИА РАН.Р-1,№3459.

63. Шокуров А.П. Отчет об археологической разведке в Кушнаренковском районе,1955г.//Архив ИА РАН.Р-1,№1096.

64. Шокуров А.П. Отчет об археологических работах 3-го отряда Башкирской экспедиции,1956г.//Архив ИА РАН.Р-1,№1245.

65. Шокуров А.П. Отчет об археологических работах 3-го отряда Башкирской экспедиции,1957г.//Архив ИА РАН.Р-1,№1508.

66. Шокуров А.П. Отчет об археологических работах 3-го отряда Башкирской экспедиции,1958г.//Архив ИА РАН.Р-1,№1724.

67. Агеев Б.Б. К вопросу о большесемейных группах в пьяноборской культуре//Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. С. 138-145.
68. Агеев Б.Б. К хронологии могильника Чеганда II//СА. 1976. №3. С. 58-67.
69. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. 139с.
70. Агеев Б.Б. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 62-70.
71. Агроклиматические ресурсы Башкирской АССР. Л., 1976.
72. Акимов М.С. Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья (III-VI вв.)//ОКВАЭИА. Вып. 2. М., 1961. С. 305-314.
73. Акимов М.С. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья //БАУ. Вып. 1. Свердловск, 1961. С. 121-129.
74. Акимов М.С. Антропологические материалы бахмутинской культуры//АЭБ. Т. 1. Уфа, 1962. С. 361-365.
75. Алексеев В.П. Палеодемография СССР//СА. 1972. №1. С. 3-21.
76. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 94с.
77. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 104с.
78. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 111с.
79. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы //СА. 1971. №2. С. 96-123.
80. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы //СА. 1971. №3. С. 106-134.
81. Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. //Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 1-56.
82. Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник //Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 26-46.
83. Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов //Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 131-161.
84. Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 234с.
85. Архипов Г.А. Починковский могильник //Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 110-118.
86. Атлас Башкирской АССР. Уфа, 1976.
87. Бажан И.А., Гей О.А. К вопросу о датировке "прикамских" ажурных шлемов //Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 115-122.

88. Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск, 1991. 384с.
89. Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре //СА. 1971. №3. С.91-105.
90. Васюткин С.М. Ангасякский могильник — ранний памятник бахмутинской культуры //Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С.72-91.
91. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник //Археологические работы в низовьях р.Белой. Уфа, 1986. С.95-122.
92. Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник //Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск, 1986. С.95-126.
93. Владыкин В.Е. К вопросу о дохристианских верованиях удмуртов //Записки Удмуртского НИИ. Вып.22. Ижевск, 1970. С.141-162.
94. Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища //Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С.3-34.
95. Гарустович Г.Н. Раскопки курганов в лесных районах Башкирии //Археологические открытия Урала и Поволжья. 1989-1990гг. Ижевск, 1991. С.169.
96. Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М., Федорова В.К. Изучение памятников эпохи железа и средневековья в северных районах Башкирии //Археологические открытия Урала и Поволжья. 1987-1988 гг. Сыктывкар, 1989. С.122-123.
97. Генинг В.Ф. Памятники харинского времени // КСИИМК, №57. 1955. С.15-123.
98. Генинг В.Ф. Археологическая памятники Удмуртии // Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958. 191с.
99. Генинг В.Ф. Осинское городище //ОКВАЭИА. Вып.1. М., 1959. С.164-195.
100. Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа //Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Т.2. 1959г. Казань, 1959. С.15-220.
101. Генинг В.Ф. Удмуртская археологическая экспедиция // КСИИМК, №74. 1959. С.92-100.
102. Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного века Урала //ВАУ. Вып.1. Свердловск, 1961. С.39-46.
103. Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) //ВАУ. Вып.1. Свердловск, 1961. С.76-90.
104. Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай //ВАУ. Вып.3. Свердловск, 1963. 139с.
105. Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. //ВАУ. Вып.5. Ижевск-Свердловск, 1963. 155с.
106. Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // ВАУ. Вып.7. Ижевск-Свердловск, 1967. С.141-163.
107. Генинг В.Ф. Ижевский могильник //ВАУ. Вып.7. Ижевск-Свердловск, 1967. С.123-140.

108. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье //ВАУ. Вып.7.Ижевск-Свердловск,1967.С.7-84.
109. Генинг В.Ф., Мырзина Е.М. Мазунинский могильник //ВАУ. Вып.7.Ижевск-Свердловск,1967.С.85-115.
110. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху //ВАУ. Вып.10. Ижевск-Свердловск,1970.224с.
111. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху //ВАУ.Вып.11.Ижевск-Свердловск,1971.158с.
112. Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв.н.э. (проблема этноса и его происхождение) //Проблемы археологии и древней истории угров. М.:Наука,1972.С.221-295.
113. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок //СА.1973.№1.С.114-135.
114. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье //ВАУ.Вып.12.Свердловск,1973.С.58-121.
115. Генинг В.Ф. Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н.э. //Автореф.дис. ...докт.ист.наук.М.: Наука,1974.15с.
116. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда //ВАУ. Вып.13. Свердловск,1975.С.42-72.
117. Генинг В.Ф. Проблемы соотношения археологической культуры и этноса //Вопросы этнографии Удмуртии.Ижевск,1976.С.3-38.
118. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в.н.э. (захоронение военоначальников) //Из археологии Волго-Камья.Казань,1976.С.55-108.
119. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс.н.э. (по материалам могильников Прикамья) //КСИА.Вып.158.1979.С.96-106.
120. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.,1988.240с.
121. Голдина Р.Д. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып.9.Свердловск,1970.С.57-113.
122. Голдина Р.Д., Останина Т.И. Изучение мазунинских могильников в Прикамской Удмуртии //АО-1975 г.М.:Наука,1976.С.171-172.
123. Голдина Р.Д. Поселение у д.Пек-Жикья в верховьях р.Увы //Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск,1979.С.103-118.
124. Голдина Р.Д., Черных В.М. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976-1980 гг. //Новые источники о древней истории Приуралья.Устинов,1985.С.54-110.
125. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск,1985.280с.
126. Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) //Проблемы этногенеза удмуртов.Устинов,1987.С.6-36.
127. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров //САИ. Вып.Е1-59.М.:Наука,1979.112с.

128. Гришкина М.В. Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в последней четверти XVII - первой четверти XVIII в. (поколенная и половозрастная структура, численный состав) //Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII - первой половине XIX в.Ижевск,1981.С.61-96.

129. Гришкина М.Г. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV - первая половина XIX в.).Ижевск,1994.206с.

130. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка //МИА.№48.М.,1956.163с.

131. Гумелев Л.Н. Древние тюрки.М.,1993.526с.

132. Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа //СА. 1959. №3.С.48-65.

133. Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы //Автореф.дис. ... канд.ист.наук: 07.00.06.Киев,1984.24с.

134. Елкина А.К. Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии //Новые исследования по древней истории Удмуртии.Ижевск,1988.С.143-152.

135. Емельянов А.Н. Курс по этнографии вотяков. Вып.III. Казань,1921.

136. Ефименко П.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы //МАЭМ.Саранск,1975.С.7-36.

137. Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) //Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 1995. 22с.

138. Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточно-европейских степей //КСИА.Вып.158.1979.С.5-17.

139. Иванов В.А. Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии //СА.1978.№1.С.166-177.

140. Иванов В.А. Исследование памятников эпохи железа в нижнем течении р.Белой //АО-1980 г.М.,1981.С.132.

141. Иванов В.А. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) //СА.1982.№3. С.199-209.

142. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа.М.,1984.86 с.

143. Иванов В.А. Откуда ты мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала).СПб.,1994.125с.

144. Иванова М.Г. Исследования в бассейне р.Чепцы //АО-1976г. М.: Наука,1977.С.152.

145. Иванова М.Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX - начале XIII вв. н.э. //Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979.С.6-68.

146. Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994. 191с.

147. Казанцева О.А. Исследования Яромасского городища в бассейне р.Камы //Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск,1987.С.135-144.

148. Казанцева О.А. Красноярский могильник //Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья.Ижевск, 1988.С.43-64.

149. Казанцева О.А. Исследования в Бардымском районе Пермской области //Археологические открытия Урала и Поволжья. 1989-1990 гг. Ижевск,1991.С.54.

150. Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация //СА.1970.№2.С.18-36.

151. Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.,1975.174с.

152. Ключева Г.Н., Ютина Т.К. Исследование памятников железного века в Удмуртской и Татарской АССР //АО-1978 г.М.:Наука, 1979.С.181.

153. Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV-IXвв. (по материалам поясных наборов) //Проблемы археологии и древней истории угров.М.:Наука,1972.С.95-117.

154. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IXвв. Пряжки //САИ. Вып.Е1-2.М.:Наука,1979.57с.

155. Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V - первой половине VI вв.н.э. в Среднем Поднепровье //САИ.Вып.Е1-43.Л.: Наука, 1979.92с.

156. Косяненко В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища //СА.1987.№2.С.45-62.

157. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.М.,1971.165с.

158. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник.М.:Наука,1980. 223с.

159. Крупник И.И. Арктическая этноэкология.М.,1989.

160. Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья //Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья.Уфа,1987.С.5-18.

161. Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности //Становление и развитие производящего хозяйства на Урале.1989.С.178-197.

162. Куликов К.И. Лудорвайское дело и коллективизация в Удмуртии //Материалы к серии “Народы Советского Союза”.М.,1990. С.70-115.

163. Кухаренко Ю.В. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном //СА.XXII.1955.С.125-152.

164. Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции //КСИА.Вып.148.1976.С.24-35.

165. Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа //КСИА.Вып.148.1976.С.16-23.

166. Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка.М.,1970.385с.

167. Львова З.А. Химический состав стеклянных бус I Поломского могильника //Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск,1978.С.140-156.

168. Мажитов Н.А. Поселения бахмутинской культуры //БАС. Уфа, 1959.С.143-151.
169. Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры //БАУ. Вып.2.Свердловск,1962.С.65-71.
170. Мажитов Н.А. Поселение Ново-Турбаслинское II //АЭБ.Т.1. Уфа, 1962.С.151-162.
171. Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры //АЭБ.Т.1.Уфа,1964.С.101-110.
172. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура.М.:Наука,1968.161с.
173. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник //АЭБ.Т.III.1968.С.38-58.
174. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.:Наука,1977. 239с.
175. Мажитов Н.А. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала //Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала.Уфа,1987.С.117-130.
176. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века.Уфа,1994.360с.
177. Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соболева Н.В. Исследование Мокинского могильника близ Перми //Археологические открытия Урала и Поволжья. 1987-1988гг.Сыктывкар,1989.С.78-81.
178. Мельничук А.Ф. Раскопки Мокинского могильника близ Перми //АО-1994 г. М.,1995.С.222-223.
179. Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья //АСБГЭ.Л.,1978.С.74-85.
180. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья.Казань,1990. 158с.
181. Никитина Г.Ф. Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э. //Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.М.: Наука, 1974.С.5-132.
182. Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI - начало XVIII вв.). Йошкар-Ола,1992.160с.
183. Обыденнов М.Ф. Работы экспедиции Башкирского университета //АО-1981 г. М.,1983.С.168-169.
184. Останина Т.И. Работы Удмуртского республиканского музея//АО-1974 г.М.:Наука,1975.С.168.
185. Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея //АО-1975 г. М.:Наука,1976.С.192.
186. Останина Т.И. Нивский могильник III-V вв. //Материалы к ранней истории населения Удмуртии.Ижевск,1978.С.92-117.
187. Останина Т.И. Работы Удмуртского республиканского музея//АО-1979 г.М.:Наука,1980.С.163-164.
188. Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии //Поиски, исследования, открытия.Ижевск, 1984.С.26-92.
189. Останина Т.И. Городище-убежище раннего средневековья у д.Старая Игра //Материалы средневековых памятников Удмуртии.

Устинов, 1985. С. 78-91.

190. Останина Т.И. Городище IV-V вв. у д. Чужьялово Удм. АССР // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 70-88.

191. Останина Т.И. Городище мазунинской культуры около ст. Постол Удм. АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С. 65-78.

192. Останина Т.И. Ижевский могильник. Погребальный обряд, социальная структура общества // Удмуртия: новые исследования. Ижевск, 1991. С. 31-47.

193. Останина Т.И. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III-V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С. 76-91.

194. Останина Т.И. Покровский могильник IV-V вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. 94с.

195. Ошибкина С.В. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. Вып. 158. 1979. С. 71-79.

196. Памятники мазунинской культуры // ВАУ. Вып. 7. Ижевск-Свердловск, 1967. 188с.

197. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1989. 173с.

198. Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Костяные наконечники стрел поселения Новотроицкое I // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 91-111.

199. Природа Удмуртии. Ижевск, 1972. 397с.

200. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 162-243.

201. Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. - III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35-131.

202. Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.М. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 132-149.

203. Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 59-104.

204. Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987. С. 67-76.

205. Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 32-61.

206. Ресурсы поверхностных вод СССР. Средний Урал и Приуралье. Т. 2. Л., 1973.

207. Савельева Э.А. Раскопки I и II Веслянских могильников // АО-1973 г. М., 1974. С. 27.

208. Садакова М.Х. Сарматский могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962. С. 88-122.

209. Сальников К.В. Итоги и задачи археологии Башкирии // АЭБ.

Т.П.Уфа,1964.С.7-14.

210. Семенов В.А. Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии //ВАУ.Вып.7.Ижевск-Свердловск.1967.С.119-122.

211. Семенов В.А. Петропавловский могильник //Вопросы археологии Удмуртии.Ижевск,1976.С.3-50.

212.Семенов В.А. К истории археологических исследований в Удмуртии //Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск,1978.С.3-48.

213. Семенов В.А. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI - первой пол. IX вв. //Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979.С.119-157.

214. Семенов В.А. Варнинский могильник //Новый памятник поломской культуры.Ижевск,1980.С.5-135.

215. Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р.Чепцы по данным археологии //Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск,1982.С.43-62.

216. Семенов В.А. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI-X вв.) //Материалы по погребальному обряду удмуртов.Ижевск,1991.С.56-75.

217. Синицин И.В. Археологические исследования Заволжского отряда //МИА.№60.1959.С.39-205.

218. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) //СА.1977.№2.С.100-120.

219. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э. //Археология СССР.М.,1993.327с.

220. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Урала //МИА.№28.М.,1952.276с.

221. Смирнов А.П. Железный век в Башкирии //МИА.№58. М.,1957. С.6-113.

222. Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре //СА.1964. №4.С.3-11.

223. Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское //МИА. №60.1959.С.205-322.

224. Соболева Н.В. Раскопки Мокинского могильника. Археологические открытия Урала и Поволжья. 1989-1990гг.Ижевск,1991. С.75-77.

225. Старостин П.Н. Памятники именковской культуры //САИ. Вып. Д1-32.М.,1967.48с.

226. Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме //ВАУ.Вып.4. Свердловск,1964.С.117-134.

227. Сымонович Э.А. Памятники черняховской культуры степного Преднепровья //СА.1955.XXIV.С.282-316.

228. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р.Камы //МИА.№27.1952.223с.

229. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.:Наука, 1971.169с.

230. Цалкин В.И. Древнее животноводство Восточной Европы и Средней Азии //МИА.№135.1966.

231. Циркин А.В. Культурные связи мордвы с прикамскими племенами во II-X вв. //МАЭМ.Саранск,1975.С.46-57.

232. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР //Хозяйство Башкирии,№8-9.Издание Госплана Баш.АССР, Уфа,1929.С.16-25.

233. Шокуров А.П. Материалы к археологической карте нижнего течения р.Белой и среднего течения р.Ик //Древности Башкирии. М., 1970.С.131-160.

234. Шутова Н.И. Удмурты XVI первой половины XIX в. (По данным могильников).Ижевск,1992.262с.

235. Ютина Т.К. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии //Автореф. дис. ...канд.ист.наук: 07.00.06. Ижевск,1994.19с.

236. Ютина Т.К. Исследования 1980г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии //Памятники железного века Камско-Вятского междуречья.Ижевск,1984.С.53-66.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. М.

АСб.ГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

БАС — Башкирский археологический сборник. Уфа.

АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа

ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск-Екатеринбург

ИА РАН — Институт археологии Российской Академии Наук

КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.

КВАЭ — Камско-Вятская археологическая экспедиция

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников. М.-Л.

ОКВАЭИА — Отчет Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР

МАЭМ — Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск

УРМ — Удмуртский республиканский краеведческий музей

СПИСОК

сокращений названий памятников

А	Ангасякский могильник
Бах	Бахмутинский могильник
Б	Городище Барьязское
Бск	Бирский могильник
И	Ижевский могильник
Кт	Каратамакский могильник
К	Казакларовское I городище
М	Мазунинский могильник
Мк	Малокачаковский могильник
Н	Нивский могильник
НI	Могильник Ныргында I
П	Покровский могильник
Пос	Постольское городище
С	Сайгатский могильник
Сос	Сосновское городище
Ск	Старокабановский могильник
Ус	Усть-Сарапульский могильник
Ч	Чужьяловское городище
Чеп	Чепанихинский могильник
Ю	Югомашевский могильник (раскоп II)
ЮрI	Югомашевский могильник (раскоп I)
ЮрIII	Югомашевский могильник (раскоп III)
п.м.	подъемный материал
погр.	Погребение
погр.?	Номер погребения неизвестен

**Список памятников
мазунинской археологической культуры
(приложение к карте)**

1. Сосновское городище	32. Постольское (Кленовый мыс) городище
2. Загибовское I городище	33. Покровский могильник
3. Загибовское II городище	34. Покровское селище
4. Малокиварское городище	35. Бобья-Учинское городище
5. Дубровинское селище	36. Бобья-Учинский могильник
6. Большекиварское (Лазарево поле) II городище	37. Чужьяловское городище
7. Большекиварское I селище	38. Чужьяловский могильник
8. Шалавенское городище	39. Нечкинское городище
9. Шалавенское I селище	40. Дулесовское городище
10. Шалавенское II селище	41. Дулесовское селище
11. Воткинское городище	42. Яромасское городище
12. Среднекиварское (Таракановское) городище	43. Сарапульское (Кладовая Веретия) городище
13. Кремлевское селище	44. Непряхинское городище
14. Перевознинское городище	45. Сарапульский I могильник
15. Нивский могильник	46. Чупихинское городище
16. Сайгатский могильник	47. Межновское I (Лупихинское) городище
17. Ольховское I городище	48. Мазунинский (Каменки) могильник
18. Ольховское II городище	49. Афонинский могильник
19. Ольховское III городище	50. Тарасовский могильник
20. Сайгатское городище	51. Городище Чеганда I
21. Верхнерождественское городище	52. Городище Чеганда II
22. Поздышкинское городище	53. Быргындинский I могильник
23. Черепановское II селище	54. Могильник Ныргында I
24. Карлудское I городище	55. Быргындинское II селище
25. Карлудское II городище	56. Быргындинское I городище (Архиерейская Релка, под Клименом)
26. Ижевский могильник	57. Ныргындинское III городище
27. Макаровское I городище	58. Зуево-Ключевское II поселение
28. Макаровское II городище	
29. Чепанихинский могильник	
30. Колюшевское городище	
31. Дуванацкое городище	

59. Быргындинское VIII селище (IV селище по данным В.Ф.Генинга)
60. Цигвинцевское (Алексеевское) городище
61. Малиновское малое городище
62. Салаушское I селище
63. Кузебаевское I селище
64. Кузебаевское II селище
65. Кузебаевское III селище
66. Кузебаевское IV селище
67. Кузебаевское V селище
68. Кузебаевское VI селище
69. Чумалийское городище
70. Кузебаевское II городище
71. Чумалийское II селище
72. Чумалийское III селище
- 73-75. Муважийские I-III селища
76. Кузебаевское VII селище
- 77-79. Варзи-Ятчинские I-III селища
80. Голюшурминское селище
81. Юмьяшурское селище
82. Успенское селище
83. Петропавловское I селище
84. Варзи-Омгинское селище
- 85-88. Варзинские I-IV селища
89. Балтачевское I селище
90. Балтачевское II селище
91. Балтачевское городище
92. Варзи-Пельгинское городище
93. Староюмьинское селище
94. Верхнеутчанское городище
95. Верхнеутчанское селище
96. Варалинское городище
97. Староигринское городище (Кар-Гурезь)
98. Гаранькинское городище
99. Минчегуртское городище
100. Погребение на поселении Чумойтло I
101. Городище Пек-Жикья
102. Гаинское I поселение
103. Гаинское II поселение
104. Курекгуртское селище
- 105-106. Володарское I-II поселения
107. Богородское (Сергеевское) городище
108. Старокабановский могильник
109. Бачки-Тауское селище
110. Какры-Кульское селище
111. Бурнюшевское I селище
112. Старокаинлыкская II стоянка и селище
113. Старокаинлыкское I селище
114. Бурнюшское городище
115. Киргизовское селище
116. Староянгизитовское селище
117. Какры-Кульское городище
118. Селище Ирмяш I
119. Городище Тав-Такталачук
120. Новобуртукское I селище
121. Старобуртукское селище
122. Манякское I селище
123. Амзинское городище
124. Чишминское городище
125. Бадряш-Актауское городище
126. Исаковское городище
127. Таш-Ельгинское селище
128. Чертово городище
129. Югомашевский могильник
- 130-133. Югомашевские I-IV городища
- 134-136. Югомашевские I-III селища
137. Шульгановское городище
138. Шульгановское селище
139. Таулинское городище

140. Месягутовское городище
141. Манякское II селище
142. Барьязское городище
143. Барьязинское селище
144. Бачулинское селище
145. Малокачаковский могильник
- 146-148. Куяновские I-III селища
- 149-150. Тойкинские I-II селища
151. Краснохолмское городище
152. Курзясайтовское селище
153. Ташкубаровское селище
- 154-155. Челкановские I-II селища
156. Хозиевское (Хожийское) селище
- 157-158. Тугаряковские I-II селища
- 159-160. Селища I-II Аштияз
- 161-166. Каинлыкские I-IV селища
- 167-168. Карабаевские I-II селища
169. Каратамакский могильник
170. Кудашевское городище
- 171-173. Кудашевские I-III селища
- 174-175. Кудашевские IV-V селища
- 176-177. Кушманацкие I-II селища
178. Сибирганское селище
179. Чишма-Бураевское селище
180. Шабаевское селище
181. Шунякское селище
- 182-183. Муллинские I-II селища
184. Кузбаевское селище
- 185-187. Алтаевские I-III селища
- 188-189. Варзинские I-II селища
190. Большешукшановское селище
191. Кутляировское селище
192. Чиатавское селище
- 193-195. Николаевские I-III селища
196. Ардашевское селище
197. Ардашевское городище
198. Александровское селище
199. Чоркильдинское городище
200. Юмакаевское городище
201. Юмакаевское II селище
202. Каргалинское селище
203. Новокизгановское I селище
204. Новокизгановская II стоянка и селище
- 205-207. Старотазларовские I-III селища
208. Тазларовское городище
209. Баразинское городище
210. Атгуновское городище
211. Тучубаевское городище
212. Кансияровское городище
213. Кансияровские погребения
- 214-215. Магашлы-Алмандаевские II-III селища
216. Тибельское городище
217. Югское селище
218. Тибельское селище
219. Селище Кирпичное
220. Урновское городище
- 221-222. Менегезские I-II селища
223. Нижнесикиязовское селище
224. Усакле-Елгинское селище
225. Савкиязское селище
226. Бальзуганское селище
- 227-228. Юг-Хуторские I-II селища
229. Юг-Хуторское городище
230. Лагерное селище
231. Нижнеиванаевское селище
- 232-234. Верхне-Иванаевские I-III селища

235. Мещеровское селище
236. Новобалтачевское селище
237. Чип-Чипское селище
238. Асафское селище
239. Афанасьевское городище
240. Сундугачское городище
241. Кигагинское городище
242. Новокарское селище
243. Русско-Карское селище
244. Ивановское селище
245. Береговское селище
- 246-247. Старо-Кызыл-Ярские I-II селища
248. Мелькенское селище
249. Новомедведевское I городище
250. Андреевское городище
251. Юлдашевское городище (Петер-Тай)
252. Юлдашевские селища
253. Юсуповское II селище
254. Манякское городище
255. Ангасякский могильник
256. Новобиктовское I селище
257. Новобиктовское III селище
258. Старомаядыкское I городище
259. Казакларовское селище
- 260-262. Казакларовские I-III городища
263. Ишбулатовское селище
- 264-265. Кулгановские I-II селища
- 266-267. Новокангышевские I-II селища
268. Башкураевское (Калай-Туба) городище
269. Новоляпustinское селище
270. Новоуртаевское селище
271. Казанцевское селище
272. Казанцевское городище
273. Новоельдьяковское селище
- 274-275. Камилевские I-II селища
276. Янтузовское городище
277. Баишевское селище
278. Бирский II могильник
279. Бирское (Чертово) городище
280. Поповское селище
281. Поповское городище
282. Вознесенское городище
283. Кусекеевское селище
284. Десяткинское селище
285. Самутинское селище
286. Михайло-Никольское городище
- 287-288. Камышенские I-II городища
289. Костаревское городище
290. Бикмурзинское селище
- 291-292. Симкинские I-II селища
293. Чимшинское селище
294. Новопетровское городище
295. Петровское селище
296. Питяковское селище
297. Сорвихинское городище
298. Силантьевское городище
299. Камышенское III городище
300. Бирское V селище
301. Дюртюлинское городище
302. Кочкильдинское селище
303. Новоакбулатовское селище
304. Унурское (Унуровское) селище
305. Сабаевское селище
306. Байбаковское селище
307. Камеевское городище
308. Камеевское селище и стоянка
309. Бабаевское селище
310. Урьядинское селище
311. Япарковское селище

312. Канлинское селище (Саклы-Булак)
313. Кувыковское городище
- 314-315. Кувыковские I-II селища
316. Ахлыстинское селище
- 317-318. Дуванейские I-II селища
319. Яблочкинское селище
320. Дмитриевский могильник
321. Благовещенское городище
- 322-323. Благовещенские I-II селища
- 324-326. Новотурбаслинские I-III селища
327. Труженниковское селище
- 328-329. Орловские I, II селища
330. Ахматовское селище
331. Дмитриевское селище
332. Казанковское селище
333. Варьязское городище
334. Варьязское селище
335. Укманское городище
336. Ахлыстинское селище
337. Ахлыстинские находки
338. Анненское селище
339. Бажинское городище (Каменная гора)
- 340-341. Эманинские I-II селища
342. Бахмутинский могильник
343. Чандарское городище (Соколиный камень)
344. Чандарское селище
345. Савакаские находки
346. Новобирючевское селище
- 347-348. Старобирючевские I-II селища
349. Городище Ксяко-Тау
350. Байкинское селище
- 351-352. Якуповские I-II селища
353. Ивангайская стоянка и селище
354. Метелинское селище
355. Горновское городище (Гремячий ключ)
356. Михайловское селище
357. Юнарское селище
358. Уфимское (Чертово) городище
359. Погребение на ул.Аксакова
360. Родничное городище
361. Дудкинское II селище
- 362-363. Уфимские II-III городища
364. Акбердинское городище (Кыз-Кала-Тау)
365. Блохинское селище
366. Кляшевское селище
367. Поселковское селище
368. Кара-Абызское городище
369. Турачинское I селище
370. Ошья-Тауское селище
371. Сандиякское городище
372. Урталгинское (Назарова гора) городище
373. Куединское городище
374. Тарасовское IV селище
375. Тарасовское VI селище
- 376-377. Тарасовские VIII-IX селища
- 378-379. Соколовские II-III селища
380. Ежовское селище
381. Заборьинское селище
382. Заборьинский могильник
383. Усть-Сарапульский могильник
384. Момылевское (Мумылевское) городище
- 385-386. Шевыряловские I-II селища
387. Ильнешское I селище

388. Зуево-Ключевское VI селище
389. Нырғындынское II селище
390. Нырғындынское II городище
391. Верхнемалиновское
городище
392. Каракулинское III
(Партизанское, Половинный лог)
городище
- 393-395. Степановские XVI-XVIII
селища
396. Дубровское поселение
397. Варзи-Ятчинское IV селище
398. Тураевский II могильник
399. Муновское I городище
400. Нижнекотельничское
городище
401. Красноярский могильник
402. Кудашевский могильник
403. Урталгинское селище
404. Ведровское селище
405. Селище Никольское
Раздолье
406. Новонадеждинское селище
407. Трошкинское селище
- 408-410. Садовские I-III селища
411. Турушлинское селище
412. Арамеевское селище
- 413-414. Старогилевские I, II
селища
415. Красногорское селище (?)
416. Старомуштинский курганно-
грунтовой могильник
- 417-418. Старомуштинские VIII-
IX стоянки и селища
419. Стоянка и селище Какры-
Куль XV
420. Старокиргизовская II
стоянка и селище
421. Стоянка и селище Кыз-Кала-
Тау
422. Красноярское городище
- 423-424. Красноярские I, II
селища
425. Кудашевское селище

Общая характеристика изученных памятников мазунинской культуры

№№ п/п	Мотыльки	Административное положение	Годы раскопок	Авторы раскопок
1	Ангарский	Дюртюлинский р-н, Республика Башкортостан	1966, 1969, 1971	С.М.Васюткин
2	Бахмутинский	Нуримановский р-н, Республика Башкортостан	1960	Н.А.Мажитов
3	Бирский	г.Бирск, Республика Башкортостан	1958, 1960, 1962	Н.А.Мажитов
4	Быргындинский	Каракулинский р-н, Удмуртская Республика	1956, 1969	В.Е.Стоянов, Р.Д.Голдина
5	Ижевский	г.Ижевск, Удмуртская Республика	1957, 1975	В.Ф.Генинг, Т.И.Останина
6	Каратамакский	Бураевский р-н, Республика Башкортостан	1959	Н.А.Мажитов
7	Красноярский	Бардымский р-н, Пермская область	1987, 1988	О.А.Казанцева
8	Мазунинский	Сарапульский р-н, Удмуртская Республика	1954-1956	В.Ф.Генинг
9	Малокачаковский	Калтасинский р-н, Республика Башкортостан	1970	С.М.Васюткин
10	Нивский	Воткинский р-н, Удмуртская Республика	1972, 1974	В.Ф.Генинг, Т.И.Останина
11	Покровский	Малопургинский р-н, Удмуртская Республика	1973, 1975, 1977, 1980, 1982-1984	К.И.Корепанов, Р.Д.Голдина, Т.И.Останина
12	Сайгатский	Чайковский р-н, Пермская область	1956	В.Е.Стоянов
13	Старокабановский	Калтасинский р-н, Республика Башкортостан	1967-1969, 1971	С.М.Васюткин
14	Старомуштинский	Краснокамский р-н, Республика Башкортостан	1988-1989	Г.Н.Гарустович
15	Тарасовский	Сарапульский р-н, Удмуртская Республика	1980-1994, 1996	Р.Д.Голдина
16	Тураевский II, грунтовой	Менделеевский р-н, Республика Татарстан	1986-1989	Н.В.Водолаго
17	Усть-Сарапульский	Сарапульский р-н, Удмуртская Республика	1983, 1984, 1985	Н.В.Водолаго, О.В.Арматинская
18	Чепанихинский	Завьяловский р-н, Удмуртская Республика	1975	Т.М.Гусенцова, Т.И.Останина
19	Югомашевский	Янаульский р-н, Республика Башкортостан	1975	С.М.Васюткин

Общая характеристика погребений на могильниках культуры

№№ п/п	Могильники	Могильник вскрыт		Кол-во костяков	Кол-во, процент детей и подрост- ков на могиль- нике	Кол-во парных погр.	Кол-во трой- ных погр.	4-5 костя- ков в погр.	Форма могилы				
		полно- стью	час- тично						оваль- ная	подпря- моуголь- ная	подтра- пеще- видная	неправ.	не опред.
1	Ангасякский		+	72	15/21,0%	1	-	-	2	54	-	-	15
2	Бирский		+	73	17/23,3%	-	-	-	-	72	-	-	1
3	Быргын- динский	+		11	3/27,3%	-	-	-	-	3	-	-	8
4	Ижевский	+		223	35/15,7%	10	1	-	-	145	18	3	45
5	Каратамакский	+		30	7/23,3%	4	1	1	-	17	-	-	2
6	Мазунинский	+		72	7/9,7%	3	-	-	5	50	1	1	12
7	Мало- качаковский	+		17	2/11,8%	-	-	1	-	2	-	-	12
8	Нивский	+		172	30/17,4%	8	4	-	-	144	4	2	6
9	Покровский	+		410	58/14,1%	21	9	3	-	311	50	-	1
10	Сайгатский	+		44	14/31,8%	1	-	-	-	24	-	-	19
11	Старо- кабановский	+		167	16/9,6%	9	2	-	-	149	определено ориентировочно		6
12	Усть- Сарапульский	+		109	27/24,8%	2	-	2	-	100	-	-	-
13	Чепанихинский	+		41	14/34,1%	1	-	-	-	37	2	-	1
14	Югомашевский		+	88	9/10,2%	1	3	-	-	74	4	-	3
Итого	количество %			1529	254	61	20	6	7 0,5	1182 92,8	79 6,2	6 0,5	131

% детей на могильниках высчитывался от числа костыков

Положение рук на могильниках культуры

№№	Могильники	Положение рук									
1	Ангасякский										
2	Бирский	20	-	-	костики не сохранились	-	-	-	-	-	-
3	Быргындинский	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	Ижевский	82	7	4	2	-	-	-	-	-	-
5	Каратамакский	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Мазунинский	14	-	2	-	-	-	-	-	-	-
7	Мало-качаковский	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8	Нивский										
9	Покровский	186	25	3	4	12	1	3	-	-	-
10	Сайгатский	6	-	3	-	2	-	-	-	-	-
11	Старо-кабановский	87	-	-	1	1	-	3	1	-	-
12	Усть-Сарапульский	4	-	-	1	-	-	-	-	-	-
13	Чепанихинский	11	2	3	1	-	-	-	-	-	-
14	Югомашевский	32	-	3	-	1	-	1	-	1	1
ИТОГО	количество	472	30	19	13	18	1	7	1	1	1
	% от 565 определенных положений	83,5	5,2	3,4	2,3	3,2	0,2	1,2	0,2	0,2	0,2

Ориентация умерших на могильниках культуры

№№	Названия могильников	Стороны света																Не опр.	Ориентация к реке	%				
		северная						южная				западная		восточная										
		север		ССВ		ССЗ		СЗ	СВ	ЮЮЗ	ЮЮВ	ЮВ	ЮЗ	юг	запад	ЗЮЗ	ЗСЗ				восток	ВСВ	ВЮВ	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16				17	18	19	20
1	Ангасякский	1	-	-	-	7	1	-	-	-	-	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	44	головой или ногами к р. Ангасяк	100
2	Бирский	4	-	12	43	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	головой к р.Белой и ногами к роднику	100
3	Быргындинский	-	1	-	-	-	2	-	-	-	-	-	1	1	3	-	2	-	-	1	-	-	параллельно р. Ижболдинке	-
4	Ижевский	1	1	59	139	2	2	-	-	-	-	1	-	-	1	-	9	-	-	-	-	10	ногами к роднику	94,6
5	Каратамакский	13	3	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	4	головой к реке ногами к реке	72 28
6	Мазунинский	-	26	-	-	-	34	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	3	-	-	-	8	головой к р. Батоске	98,4
7	Мало- качаковский	5	1	6	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	ногами к реке	81
8	Нивский	5	3	27	36	5	2	5	-	3	-	-	-	-	20	33	20	-	1	-	-	12	головой к р. Сиве ногами к р.Сиве	49,7 38,4
9	Покровский	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	41	-	20	282	10	-	4	-	-	45	параллельно р. Сизяшурке	-
10	Сайгатский	-	-	-	-	-	36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	головой к р.Каме	100
11	Старо- кабановский	1	-	3	59	-	-	-	-	5	-	1	14	-	60	2	-	2	-	-	-	20	головой к реке	93,5
12	Усть- Сарапульский	-	33	-	-	-	41	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28	ногами к ручью, головой к ручью	92,5 7,5
13	Чепанихинский	-	-	-	-	-	24	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	15	-	-	-	ногами к реке	95,1
14	Югомашевский	2	23	-	-	-	55	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	ногами к реке	98,8	
	ИТОГО	32	91	108	285	202	6	5	31	46	10	58	315	101	5	20	3	204						

Таблица 6

№№	Могильники	Состав жертвенных комплексов																			
		височные подвески	бусы	фибулы	браслеты	гвозди	опушки трупов	подвески	пронизки	ожерелья из бус и пронизок	головное украшение	височное кольцо	остатки пояса	сосуды	накладчики	схемы	бляшки	кости животных	пинцет	бронзовые слитки	тема
1	Ангазский	9	6	-	5	6	3	1	2	-	2	5	1	1	1	-	2	1	-	-	-
2	Бирский	11	18	3	7	1	1	9	-	-	1	11	4	2	-	1	4	-	-	-	-
3	Быргиндский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	Ижевский	27	20	6	7	1	8	1	7	12	2	-	1	-	1	-	4	-	-	-	-
5	Каратамакский	2	4	-	-	-	-	4	2	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Мазунинский	11	15	5	6	-	6	3	1	1	-	-	2	-	1	2	-	1	-	-	-
7	Мало-качаковский	2	5	-	-	-	2	-	2	-	1	2	1	-	-	1	-	-	1	-	-
8	Нивский	13	14	6	6	1	10	4	1	4	2	-	2	1	-	-	1	-	-	-	-
9	Покровский	95	58	41	26	46	11	13	18	35	31	-	12	3	1	35	4	-	2	2	12
10	Сайгатский	4	3	3	1	1	2	1	-	1	-	-	3	-	-	1	-	-	-	-	-
11	Старо-кабановский	6	15	5	9	6	3	9	5	-	5	8	3	-	1	-	2	-	-	-	-
12	Усть-Сарапульский	12	16	6	4	5	2	8	2	-	-	-	7	3	-	4	2	-	-	2	-
13	Чепанихинский	2	2	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-
14	Югомашевский	8	26	2	15	6	3	15	7	1	2	5	2	2	4	-	7	-	-	-	-
ИТОГО	количество	202	202	77	86	73	63	68	47	54	46	33	39	12	10	44	26	2	3	4	12
	% от 296 жертвенных комплексов	68,2	68,2	26	29	24,6	21,3	23,1	15,9	18,2	15,5	11,1	13,2	4,1	3,4	14,9	8,8	0,7	1	1,4	4,1

Местонахождение жертвенных комплексов

№№	Могильники	Всего жертвенных комплексов							Не определено
			1	2	3	4	5	6	
1	Ангасякский	11	5	-	3	4	-	6	6
2	Бирский	19	14	-	-	3	-	2	-
3	Быргындинский	0	-	-	-	-	-	-	-
4	Ижевский	33	32	1	-	-	-	-	-
5	Каратамакский	4	3	-	-	-	1	-	-
6	Мазунинский	15	6	6	2	-	-	-	1
7	Мало-качаковский	5	2	-	-	1	1	1	-
8	Нивский	20	12	1	1	-	-	-	6
9	Покровский	114	103	9	-	-	-	1	1
10	Сайгатский	5	3	-	2	-	-	-	-
11	Старо-кабановский	20	16	1	1	-	-	-	2
12	Усть-Сарапульский	19	8	9	-	1	-	-	1
13	Чепанихинский	2	2	-	-	-	-	-	-
14	Югомашевский	29	7	13	-	4	5	-	-
ИТОГО		296	213	40	6	9	7	4	17
			76,3	14,3	2,2	3,2	2,6	1,4	-

Положение поясов

№№	Могильники	Количество костяков с поясами	% от общего числа захоронений	Не определено	Вдоль тела		На теле	На животе	Жертв. компл.	Поперек ног	Между ногами
					справа	слева					
1	Ангазский	18	25	6	1	3	2	5	1	-	-
2	Бирский	45	61,6	7	12	12	2	13	1	-	-
3	Быргындинский	5	45,4	-	1	1	1	2	-	-	-
4	Ижевский	85	38,1	3	19	23	28	14	1	-	-
5	Каратамакский	12	46,2	-	6	3	-	1	1	1	-
6	Мазунинский	28	39	1	5	6	13	1	2	-	-
7	Мало-качаковский	6	42,8	-	2	1	1	1	1	-	-
8	Нивский	56	32,6	9	21	8	5	10	2	1	-
9	Покровский	212	58,6	3	92	52	17	51	8	2	5
10	Сайгатский	19	43,2	-	6	5	2	3	3	-	-
11	Старо-кабановский	90	53,6	4	37	32	-	19	3	-	-
12	Усть-кабановский	40	36,6	5	12	11	2	6	4	-	-
13	Сарапульский	16	39	-	4	-	5	7	1	-	-
14	Чепанихинский	44	50	-	20	9	3	6	2	-	4
ИТОГО	Югомашевский	676		38	238	166	81	139	30	4	9
	количество %	44,2			35,7	24,9	12,1	20,8	4,5	0,7	1,3
	Шиповский Чеганда II	50	46,7	1	-	3	-	45	-	-	1
		57	26	2	4	7	-	38	-	1	5

% высчитывался от 676 захоронений

Положение височных подвесок

№№	Мотыльки	Количество костяков с подвесками	% от числа костяков на мотыльнике	Жертвенный комплекс									Не определено
1	Ангазский	27	37,5	9	-	-	-	-	-	-	-	-	10
2	Бирский	27	36,9	11	2	-	-	-	-	-	-	-	4
3	Быргындинский	1	9,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	Ижевский	44	19,7	27	-	-	-	-	-	-	-	-	1
5	Каратамакский	3	10	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Мазунинский	15	20,8	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	Малокачаковский	3	21,4	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8	Нивский	20	11,6	13	2	-	-	-	-	-	-	-	1
9	Покровский	104	28,6	97	3	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Сайгатский	4	9,1	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Старокабановский	8	4,8	6	1	-	-	-	-	-	-	-	1
12	Усть-Сарапульский	19	17,4	15	1	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Чепанихинский	3	7,3	2	-	-	-	-	-	-	-	-	1
14	Югомашевский	13	14,8	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИТОГО	количество %	291		207	9	54	3	7	2				18
		19		73,4	3,2	19,1	1	2,5	0,8				

% высчитывался от 282 определенных положений

Положение бус при умершем

№№	Могильники	Количество умерших с бусами	% захоронений с бусами	Жертв. компл.						Не опред.
				1	2	3	4	5		
2	Ангазякский	13	18	6	2	-	-	1	4	4
3	Бирский	38	52	18	12	2	2	4	5	5
4	Быргындинский	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	Ижевский	60	26,9	20	17	9	2	10	5	5
6	Каратамакский	9	34,6	4	3	-	2	-	-	-
7	Мазунинский	31	43	15	5	5	3	1	3	3
8	Малокачаковский	10	58,8	5	10	-	-	1	-	-
9	Нивский	51	29,6	14	21	4	-	-	16	16
10	Покровский	119	29	58	14	14	6	31	1	1
11	Сайгатский	12	27,3	3	6	2	-	2	-	-
12	Старокабановский	37	22,1	15	1	-	1	-	20	20
13	Усть-Сарапульский	35	29,4	15	9	5	-	4	3	3
1	Чепанихинский	7	17	2	3	1	-	1	-	-
14	Югомашевский	57	64,8	26	15	9	3	19	-	-
ИТОГО	количество %	479 31,2		201 43,4	118 25,5	51 11	19 4,2	74 15,9		57

% высчитывался от 463 определенных в погребении положений бус.

Таблица 11

Височные подвески

№№	Могильники	Количество погребений с подвесками	Количество подвесок	%	Варианты, определено		
					1	2	3
1	Ангазякский	26	54	37	2	44	-
2	Бахмутинский	2	6	14,3	-	-	5
3	Бирский	28	53	35,9	1	4	26
4	Ижевский	39	79	37	14	24	5
5	Каратамакский	4	6	22	-	1	4
6	Мазунинский	14	22	20,3	11	6	-
7	Нивский	18	38	11,5	1	5	1
8	Покровский	104	203	28,6	-	23	164
9	Сайгатский	4	6	9,3	-	-	-
10	Старо-кабановский	12	16	7,8	-	1	11
11	Усть-Сарапульский	20	34	20	-	1	22
12	Чепанихинский	3	6	7,5	4	-	-
13	Югомашевский	12	23	15	-	1	16
ИТОГО		286	546				

Таблица 12

Височные кольца

№№	Могильники	Количество погребений	Количество колец	%
1	Ангазякский	4	4	5,6
2	Бахмутинский	2	3	14,2
3	Бирский	21	29	26,9
4	Ижевский	2	3	0,9
5	Каратамакский	5	7	27,8
6	Мазунинский	-	-	-
7	Нивский	2	2	1,3
8	Покровский	3	5	0,9
9	Сайгатский	1	4	2,3
10	Старо-кабановский	10	24	6,4
11	Усть-Сарапульский	-	-	-
12	Чепанихинский	-	-	-
13	Югомашевский	21	27	25,9
ИТОГО		71	108	

Таблица 13

Гривны

№№	Могильники	Количество погребений	Количество гривен	%
1	Антасякский	8	9	11,3
2	Бахмутинский	1	1	7,1
3	Бирский	3	3	3,8
4	Ижевский	2	2	0,9
5	Каратамакский	1	1	5,5
6	Мазунинский	1	1	1,4
7	Нивский	3	3	1,9
8	Покровский	61	83	16,8
9	Сайгатский	5	5	11,6
10	Старо-кабановский	11	11	7,1
11	Усть-Сарапульский	8	9	7,3
12	Чепанихинский	-	-	-
13	Югомашевский	9	9	11,1
ИТОГО		113	137	

Таблица 14

Браслеты

№№	Могильники	Количество погребений	Количество браслетов	Металл	
				Железные	Бронзовые
1	Антасякский	7	8	8	-
2	Бахмутинский	2	4	-	4
3	Бирский	12	15	-	15
4	Ижевский	11	15	8	7
5	Каратамакский	-	-	-	-
6	Мазунинский	6	8	8	-
7	Нивский	10	13	11	2
8	Покровский	28	32	18	14
9	Сайгатский	1	2	-	2
10	Старо-кабановский	9	11	4	7
11	Усть-Сарапульский	8	10	8	2
12	Чепанихинский	-	-	-	-
13	Югомашевский	8	10	2	8
ИТОГО		102	128	67	61

Бляшки

№№	Могильники	Количество погребений	Количество бляшек	%	Бронза	Железо, выпукл.	Типы				
							1	2	3	4	5
1	Ангасякский	10	138	14	138	-	-	130	-	-	8
2	Бахмутинский	1	1	7,1	1	-	-	-	1	-	-
3	Бирский	7	24	9,6	24	-	3	18	2	-	1
4	Ижевский	23	93	10,9	92	1	16	75	-	1	-
5	Каратамакский	1	1	7,1	1	-	-	-	1	-	-
6	Мазунинский	6	7	8,7	7	-	7	-	-	-	-
7	Нивский	9	10	5,8	8	2	6	1	1	-	-
8	Покровский	39	258	10,8	257	1	9	233	15	-	-
9	Сайгатский	2	2	4,9	2	-	2	-	-	-	-
10	Старокабановский	11	15	7,1	14	1	1	8	5	-	-
11	Усть-Сарапульский	7	55	6,3	55	-	1	53	1	-	-
12	Чепанихинский	2	7	5	7	-	-	-	1	6	-
13	Югомашевский	15	63	18,5	63	-	2	56	5	-	-
ИТОГО		133	674		669	5	47	574	32	7	9

Фибулы

№№	Могильники	Количество погребений	Количество фибул	%	Типы			Прочие	Какие типы бытовали
					1	2	3		
1	Ангажский	-	-	-	-	-	-	-	-
2	Бахмутинский	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Бирский	5	5	6,8	1	1	1	2	1,2,3
4	Ижевский	42	46	19,9	46	-	-	-	1
5	Каратамакский	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Мазунинский	9	9	13	7	-	-	2	1
7	Нивский	17	17	11	17	-	-	-	1
8	Покровский	54	61	14,8	51	7	-	3	1,2
9	Сайгатский	7	7	16,3	-	6	-	1	2
10	Старокабановский	21	25	13,5	3	8	13	1	1,2,3
11	Усть-Сарапульский	8	8	8	6	2	-	-	1,2
12	Чепанихинский	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Югомашевский	2	2	2,5	2	-	-	-	1
ИТОГО		165	180		133/73,9%	24/13,3%	14/7,8%	9/5%	

% погребений с фибулами высчитывался от числа погребений каждого могильника

Пронизки

№№	Могильники	Количество погребений	% погребений с пронизками	Число пронизок	Типы						Прочие
					1	2	3	4	5	6	
1	Ангасякский	7	9,8	39	16	11	-	12	-	-	-
2	Бахмутинский	1	7,1	1	1	-	-	-	-	-	-
3	Бирский	13	17,8	22	13	4	4	1	-	-	-
4	Ижевский	22	10,4	111	67	26	7	9	1	-	1
5	Каратамакский	1	5,6	3	-	3	-	-	-	-	-
6	Мазунинский	5	7,2	16	3	1	8	-	2	2	-
7	Нивский	9	5,8	42	34	6	-	-	1	1	-
8	Покровский	65	18	3383	3210	45	3	113	-	-	12
9	Сайгатский	3	7	3	-	1	-	-	1	1	-
10	Старокабановский	14(19?)	9(12?)	1152	1053	7	1	91	-	-	-
11	Усть-Сарапульский	8	8	182	147	15	20	8	-	-	-
12	Чепанихинский	3	7,5	4	-	1	-	-	3	-	-
13	Югомашевский	11	13,6	142	103	5	1	32	-	-	не опред.
ИТОГО		162		5208	4647	125	44	266	8	4	14

Подвески

№№	Могильники	Количество погребений	Количество подвесок	Типы										Прочие типы	
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
1	Ангажский	10	19	15	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	2
2	Бахмутинский	1	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-
3	Бирский	17	63	2	1	-	7	29	3	2	-	12	6	1	-
4	Ижевский	14	25	18	3	-	-	-	-	-	-	-	3	4	-
5	Каратамакский	5	16	-	1	-	4	8	-	-	-	-	-	3	-
6	Мазунинский	3	5	1	2	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-
7	Нивский	10	36	26	5	-	2	-	-	-	-	-	-	3	-
8	Покровский	28	55	12	9	7	2	-	-	-	-	-	16	9	-
9	Сайгатский	2	6	2	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Старокабановский	13	42	2	17	1	1	5	4	1	3	-	4	4	-
11	Усть-Сарапульский	9	26	5	7	-	1	-	-	-	-	-	3	10	-
12	Чепанихинский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Югомашевский	29	129	1	-	-	35	62	9	6	6	-	9	1	-
ИТОГО	количество %	141	424	84 21,6	47 12,1	11 2,8	52 13,4	105 27	17 4,4	9 2,3	9 2,3	12 3,1	43 11	39	

Бусы

№№	Могильники	Общее число бус	Не опред.	Использовано	Камень (хрусталь)	Стекло			Раковина
						одноцветное	полихромное	всего	
1	Ангазякский	1271	1	1270	1	1265	4	1269	-
2	Бахмутинский	534	1	533	1	531	1	532	-
3	Бирский	3214	27	3187	2	2914	4	2918	267
4	Ижевский	1752	92	1660	4	1642	14	1656	-
5	Каратамакский				нет данных				
6	Мазунинский	498	29	469	12	446	11	457	-
7	Нивский	3179	34	3145	11	3128	6	3134	-
8	Покровский	2060	62	1998	3	1991	4	1995	-
9	Сайгатский	22	9	13	4	8	1	9	-
10	Старокабановский	4734	1	4733	-	4719	7	4726	7
11	Усть-Сарапульский	3904	17	3887	2	3884	1	3885	-
12	Чепанхинский	168	-	168	-	156	1	156	12
13	Югомашевский				нет данных				
ИТОГО		21336	273	21063	40	20683	54	20737	

Поясные накладки

№№	Могильники	Количество погребений	Количество накладок	Типы							Какие типы бытуют	
				1	2	3	4	5	6	7		8
1	Ангазякский	3	46	2	1	43	-	-	-	-	-	1,2,3а
2	Бахмутинский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Бирский	3	9	-	3	-	-	-	4	2	-	2,6,7
4	Ижевский	41	893	220	495	19	142	17	-	-	-	1,2,3а,4а,5
5	Каратамакский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Мазунинский	16	207	156	43	-	-	8	-	-	-	1,2,3
7	Нивский	19	275	66	167	19	23	-	-	-	-	1,2,3а,4а
8	Покровский	47	2246	-	117	455	741	-	598	11	324	2,3,4а,б,6,7,8а,б
9	Сайгатский	2	8	2	6	-	-	-	-	-	-	1,2
10	Старо-Кабановский	11	395	-	-	-	-	-	334	37	24	6,7,8а
11	Усть-Сарапульский	10	>114	9	-	-	91	5	2	-	7	1,4,5,6,8
12	Чепанихинский	4	27	22	5	-	-	-	-	-	-	1,2
13	Югомашевский	7	35	1	-	-	-	-	30	4	-	1,6,7
ИТОГО		163	4255	478	837	536	997	30	968	54	355	

Наконечники ремней (поясные)

№№	Могильники	Кол-во погребений	Кол-во накопечников	%	Типы					Не определен	Какие типы бытуют
					1	2	3а	3б	Зв	4	
1	Ангазакский	7	7	9,8	6	-	1	-	1	-	1,3а
2	Бахмутинский	1	1	7,1	-	-	-	1	-	-	3б
3	Бирский	7	7	9,6	-	-	-	5	1	-	3аб
4	Ижевский	9	20	4,3	3	5	-	-	-	12	1,2,4а
5	Каратамакский	1	1	5,6	-	-	-	-	1	-	3в
6	Мазунинский	2	7	2,9	-	-	-	-	-	7	4а
7	Нивский	9	11	5,8	-	4	2	1	-	4	2,3аб,4а
8	Покровский	45	48	12,4	-	16	8	4	11	9	2,3,4
9	Сайгатский	2	2	4,6	-	-	1	1	-	-	Заб
10	Старо-кабановский	39	43	25	-	1	2	3	35	1	2,3,4б
11	Усть-Сарапульский	8	8	7,3	-	7	-	-	1	-	2,3в
12	Чепанихинский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Югомашевский	14	14	17,3	-	-	1	2	9	-	3
ИТОГО		144	169		9	33	15	17	58	33	4

% высчитывался от числа погребений

Пряжки

№№	Могильники	Кол-во пряжек	Кол-во погребений	%
1	Ангазакский	25	21	29,5
2	Бахмутинский	14	9	64,2
3	Бирский	63	44	60,3
4	Ижевский	73	43	20,4
5	Каратамакский	19	10	55,6
6	Мазунинский	12	12	17,4
7	Нивский	72	46	29,5
8	Покровский	257	186	51,1
9	Сайгатский	17	16	37,2
10	Старо-кабановский	119	90	57,7
11	Усть-Сарапульский	58	45	41,3
12	Чепанихинский	9	9	22,5
13	Югомашевский	60	42	51,8
ИТОГО		798	573	

Наконечники стрел

№№	Могильники	Количество наконечников	Количество погребений	%	Железные						Костяные						
					количество	типы						типы					
						1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	
1	Антасякский	1	-	1,4	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
2	Бахмутинский	1	1	7,1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
3	Бирский	47	14	19,2	16	7	1	1	2	-	-	-	-	-	1	26	
4	Ижевский	36	12	5,7	2	-	-	-	-	-	2	1	3	13	8	-	
5	Каратамакский	29	3	16,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28	-	
6	Мазунинский	2	2	2,9	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	
7	Нивский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
8	Покровский	23	14	3,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	23	-	-	
9	Сайгатский	6	4	9,3	1	-	-	-	-	-	-	2	1	1	1	-	
10	Старокабановский	20	12	7,7	9	2	1	1	-	2	3	-	-	2	5	-	
11	Усть-Сарапульский	2	2	2	2	1?	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
12	Чепанихинский	5	4	10	1	-	-	1	-	-	-	-	4	-	-	-	
13	Югомашевский	89	8	9,9	8	3	-	3	2?	-	-	-	-	2	60	4	
ИТОГО		261	78		42	14	3	7	4	2	5	3	8	42	103	30	

Таблица 24

Характеристика изученных городищ

№№	Название городища	Администр. местонахождение	Автор раскопок	Годы раскопок	Вскрытая площадь (кв.м)	% к общей площади
1	Сосновское	с.Сосновка, Шарканский р-н, УР	Т.И.Останина	1975-1976	2659,5	47
2	Постольское (Кленовый мыс)	ст.Постол, Завьяловский р-н, УР	Т.И.Останина	1974	724	9,7
3	Чужьяловское (Кереметь)	д.Чужьялово, Завьяловский р-н, УР	Т.И.Останина	1978-1979	460,5	7,3
4	Казакларовское I	д.Казакларово, Дюртюлинский р-н, РБ	В.А.Иванов, Т.И.Останина	1980	736	18
5	Барьязское	д.Барьяза, Калтасинский р-н, РБ	В.А.Иванов	1974	120	6
6	Юмакаевское	д.Юмакаево, Бураевский р-н, РБ	Н.А.Мажитов, Г.И.Матвеева	1957, 1969	119, 472	9,5

Таблица 25

Общая характеристика объектов

№№	Название городища	Очаги	Жилища	Хоз. постройки	Столбчатые ямы	Прочее
1	Сосновское	26	41	1	-	59
2	Постольское (Кленовый мыс)	12	9	1	-	20
3	Чужьяловское (Кереметь)	12	6	2	-	173
4	Казакларовское I	5	26	1	1	7
5	Барьязское	4	6	-	-	-
6	Юмакаевское	-	59	-	-	-
	ИТОГО	59	148	5	1	259

Классификация очагов

№№	Название городища	Типы				Всего
		1	2	3	4	
1	Сосновское	10	11	2	3	26
2	Постольское (Кленовый мыс)	1	6	3	2	12
3	Чужья- ловское (Кереметь)	2	9	1	-	12
4	Казакла- ровское I	5	-	-	-	5
5	Барьязское	3	-	1	-	4
6	Юмакаевское	-	-	-	-	-
ИТОГО		21 35,6	26 44,1	7 11,8	5 8,5	59 100

Классификация ям

№№	Название городища	I тип		II тип		III тип		IV тип		Всего
		КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	
1	Сосновское	36	87,8	5	12,2	-	-	-	-	41
2	Постольское (Кленовый мыс)	8	88,9	1	11,1	-	-	-	-	9
3	Чужья- ловское (Кереметь)	6	100	-	-	-	-	-	-	6
4	Казакла- ровское I	13	52	3	12	9	36	-	-	25
5	Барьязское	3	75	-	-	-	-	1	25	4
6	Юмакаевское	13	42	4	12,5	2	6,4	4	12,9	23
ИТОГО		79	73,1	13	12	11	10,2	5	4,7	108

Характеристика жилищ

№№	Городище, № жилища	Ширина, м	Длина, м	Площадь пятна, кв.м	Мощность пятна, см	Ориентация	Обнаруженные объекты				
							очаги	ямы	столб. ямы	глина	прочие
1	Сосновское, №1	9	13,5	121,5	5-10	ЮЗ-СВ	1	2	1	+	камни
2	Постольское, №1	9,4	12,6	118,4	5-15	СЮ	2	4	6	-	-
3	Чужьяловское, фр. жилища №1	5,5	больше 7,8	-	10	ЮЗ-СВ	1	2	74	+	глина найдена по
4	Чужьяловское, фр. жилища №2	7,3	?	-	10	ЮЗ-СВ	-	-	24	+	периметру глина найдена по
5	Казакларовское, жилище №1	4,2	8,7	36,5	20-30	ЗСЗ-ВЮВ	1	2	1	-	-
6	Казакларовское, хоз. постройка	4	5,2	20,8	10-20	ЗЮЗ-ВСВ	-	2	1	-	-

Характеристика керамики

№№	Указатели формы сосудов, их варианты в %	ФБ				ФВ				ФГ				ФЖ				
		1	2	3	4	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4
	№№ признаков	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
1	Сосновское	8,7	90,4	0,9	-	94,1	5,9	-	36,6	46,9	15,6	0,9	16,2	54,8	29	-		
2	Постольское (Кленовый мыс)	-	94,2	5,8	-	100	-	-	48,1	48,1	3,1	-	27,8	61,1	1,1	-		
3	Чужьяловское (Кереметь)	2,2	88,4	9,4	-	99,7	0,3	2,1	48,6	44,4	4,6	0,3	24,2	52,5	21,2	2		
4	Казаclarовское I	-	84,8	15,2	-	100	-	-	60,9	37	2,1	-	-	93,8	6,2	-		
5	Юмакаевское	14,3	83,2	2,5	-	100	-	2,5	55,5	38,6	2,5	0,9	21,8	50,4	26	1,8		
6	Барьязское	10,3	88	1,6	1,6	98,4	-	1,6	50,7	38,7	9	-	8,9	43,3	40,3	7,5		

Обозначения: ФБ — выотно-горловинный указатель

ФВ — широтно-горловинный указатель

ФГ — указатель профилировки шейки

ФЖ — указатель выпуклости плечика

№№	Показатели и их варианты в %	Диаметр по венчику в см				Зона орнаментации				Узоры орнамента				"елочка"
		очень малый, 11-15 до 10	малый, 16-25	средний, 26-35	большой, 36-40	венчик	шейка	плечико	туловище	ряды ямок	насеки по венчику	защипы по венчику	хаотич. ямки	
	№№ признаков	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
1	Сосновское	3,4	19	72,4	5,2	84,8	84,8	36,3	3	40	38	18	-	2
2	Постольское (Кленовый мыс)	3,8	1,8	77,4	17	47,8	47,8	4,3	-	8,3	25	58,4	-	-
3	Чужьяловское (Кереметь)	3,7	5,2	74	17,1	35	47,5	17,5	-	35,6	48,6	14	-	-
4	Казаclarовское I	13	10,9	71,8	4,3	-	37,5	35,4	8,3	98,1	-	-	-	1,9
5	Юмакаевское	3,9	10,3	75,5	10,3	6,6	96,7	81,8	79,3	31,1	3,7	-	62,2	3
6	Барьязское	4,5	10,4	71,7	13,4	23,9	91	86,5	43,3	51,2	19,3	-	28,4	-

Таблица 29 (продолжение)

№№	Показатели и их варианты в %	Примеси в тесте						Всего обработано сосудов
		раковина	песок	растительность	песок, галка	растительность, песок	раковина, растительность	
	№, № признаков	29	30	31	32	33	34	
1	Сосновское	8,7	6,9	77,4	0,9	-	4,3	116 экз.
2	Постольское (Кленовый мыс)	32,1	-	9,4	-	58,5	-	53 экз.
3	Чужьяловское (Кереметь)	99,4	0,3	0,3	-	-	-	327 экз.
4	Казакларовское I	-	18,8	-	81,2	-	-	46 экз.
5	Юмакаевское	3,2	19,8	-	77	-	-	126 экз.
6	Барязское	13,4	50,8	-	32,8	-	-	67 экз.

Типы сосудов

№№	Городища	Типы форм			
		I	II	III	IV
1	Сосновское	114/98,3%	-	-	2/1,7%
2	Постольское (Кленовый мыс)	51/96,2%	1/1,9%	-	1/1,9%
3	Чужьяловское (Кереметь)	319/92,4%	1/1%	-	7/6,6%
4	Казаclarовское I	46/100%	-	-	-
5	Юмакаевское	116/77%	19/15%	3/2,4%	7/5,6%
6	Барьязское	61/91,1%	5/7,4%	-	1/1,5%
	%	93,7	3,5	0,4	2,4

Примечание: в числителе — количество,
в знаменателе — процент

Коэффициенты морфологического сходства керамики

№№	Городища	Сосновское	Постольское (Кленовый мыс)	Чужьяловское (Кереметь)	Казаclarовское I	Юмакаевское	Барьязское
1	Сосновское	-	-	-	-	-	-
2	Постольское (Кленовый мыс)	0,69	-	-	-	0,68	0,9
3	Чужьяловское (Кереметь)	0,8	0,74	-	-	0,63	-
4	Казаclarовское I	0,66	0,54	0,5	-	0,73	-
5	Юмакаевское	0,8	0,59	0,8	-	-	-
6	Барьязское	0,68	0,61	0,73	-	-	-

[illegible]

Условные обозначения:

● — характерные для периода бусы

— бусы III-V вв.

О, — количество бус

1,2,3,43 – типы бус

Численное и процентное соотношение домашних и диких животных

№№	Городища	Общее количество находок костей	Домашние животные		Дикie животные		Дикie животные, мясо которых могли употреблять в пищу	
			кости	особи	кости	особи	кости	особи
1	Чужьяловское	1773	166/56,8%	21/39,6%	127/43,2%	33/60,4%	123/98,6%	30/93,6%
2	Постольское	153	32/100%	8/100%	-	-	-	-
3	Сосновское	105	27/79,4%	5/1,4%	7/20,6%	2/28,6%	7/100%	2/100%
4	Сорвихинское	1349	299/96,8%	40/90,9%	10/3,2%	4/9,1%	9/90%	4/25%
Всего		3380	524/78,6%	74/66%	143/21,4%	39/32,7%	139/97,2%	36/94,7%

Таблица 36

Сводная таблица состава костных остатков важнейших домашних и диких животных

№№	Городища	Количество особей домашних животных	Из них особи составляют (%)				Количество особей диких мясных животных	
			крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	лошади	свины	% от диких животных	% от всех животных
1	Чужьяловское	21	23,8	14,3	28,6	33,3	90,9	56,6
2	Постольское	8	50	-	37	13	-	-
3	Сосновское	5	20	20	40	20	100	28,6
4	Сорвихинское	40	37,5	2,5	17,5	32,5	75	6,8
Средний %			32,8	9,2	30,8	24,7	66,5	23

		№№ потребности																				Рис.													
№№ п/п	Категории, типы, варианты	7	55	24	19	Б39	659	1	10	Б27	6	PII 1	PIII 10	52	15	PIII 4	41	Б53	PIII 5	16	58	8	64	PIII 1	51	59	45	PIII 8	18	4	60	Б8			
1	вис.подвески, В.2	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○		○	○	○									○	36,11		
2	накладки, Т.1	○	○	○	○	○	○	○	○	○				○	○					○	○	○	○	○	○							○	36,6		
3	подвески, Т.4		○	○			○		○							○				○	○						○	○	○	○			○	36,4,5	
4	подвески, Т.5	○	○		○	○		○			○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○							36,22-27	
5	подвески,Т.6		○	○			○									○												○						36,1-3	
6	подвески, Т.7					○			○							○																		8,23	
7	подвески, Т.8				○			○					○								○					○								9,1	
8	вис.кольца, В.3	○	○		○	○					○									○	○		○	○	○	○					○			36,38,39	
9	вис.кольца, В.1	○			○					○											○													29,6	
10	пронизки, Т.4		○														○								○									36,35	
11	пояс.накладки, Т.6	○														○				○							○							36,29	
12	пояс.накладки, Т.7																			○			○											29,1,2	
13	фибулы, В.5							○	○	○																								6,7	
14	бляшки, Т.2а	○																		○	○		○	○	○				○				29,3		
15	бляшки, Т.2б																○			○			○	○	○	○								36, 30	
16	бляшки, Т.1б	○								○													○	○	○	○								4,19	
17	нак.ремня,Т.3в	○	○					○						○	○					○			○	○	○	○								36,19	
18	нак.ремня, Т.3а	○							○								○						○											36,28	
19	обув.нак.ремня, Т.2															○																			12,25
20	пряжки, Т.2						○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	7,6	

Сводные данные состава костных остатков диких животных

№№ Вид животных	Памятники					
	Чужьяловское городище		Сосновское городище		Сорвихинское городище	
	количество костей, %	количество особей, %	количество костей, %	количество особей, %	количество костей, %	количество особей, %
1 Бобр	109/85,8	21/63,7	7/100	2/100	-	-
2 Мелведь	3/2,4	1/3,0	-	-	-	-
3 Лось	4/3,1	3/9,1	-	-	-	-
4 Кaban	1/0,8	1/13,0	-	-	-	-
5 Заяц	6/4,7	4/12,1	-	-	9/75,0	3/50,0
6 Куница	3/2,4	2/6,1	-	-	-	-
7 Лисица	-	-	-	-	1/8,3	1/16,7
8 Птица (дикая?)	1/0,8	1/3,0	-	-	2/16,7	2/33,3
Всего	127	33			12	6

Археолого-этнический комплекс в погребальном инвентаре могильников мазунинской культуры

№№	Могильники	Классы																	Количество признаков
		Височ. подвески	Фибулы	Пронизки	Подвески	Поясные накладки	Гривны	Головные украшения из колец	Изделия из раковины	Ножны									
											типы								
признаки																			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17			
1	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	11		
2	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+	10		
3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	12		
4	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	9		
5	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	10		
6	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	16		
7	+	-	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	6		
8	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	13		
9	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	13		
10	+	-	-	+	+	-	+	+	-	+	+	+	-	-	+	+	5		
11	+	+	-	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	+	+	+	10		

Показатели сходства погребального инвентаря могильников мазунинской культуры

Могильники	Мазунинский	Нивский	Ижевский	Чепанихинский	Покровский	Сайгатский	Ангасякский	Старокабановский	Югомашевский	Бирский	Усть-Сарапульский
Мазунинский	-										
Нивский	0,54	-									
Ижевский	0,75	0,68	-								
Чепанихинский	0,56	0,32	0,42	-							
Покровский	0,44	0,51	0,63	0,2	-						
Сайгатский	0,46	0,5	0,35	0,53	0,38	-					
Ангасякский	0,5	0,74	0,76	0,45	0,57	0,38	-				
Старокабановский	0,42	0,38	0,41	0,14	0,81	0,21	0,34	-			
Югомашевский	0,54	0,36	0,41	0,18	0,62	0,15	0,33	0,77	-		
Бирский	0,54	0,25	0,41	0,18	0,62	0,27	0,23	0,77	0,81	-	
Усть-Сарапульский	0,54	0,49	0,64	0,25	0,69	0,32	0,57	0,48	0,49	0,49	-

Показатели сходства погребального обряда могильников мазунинской культуры

Могильники	Мазунинский	Ижевский	Нивский	Покровский	Усть-Сарапульский	Сайгатский	Чепанихинский	Ангасякский	Старокабановский	Бирский	Югомашевский
Мазунинский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ижевский	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нивский	0,94	0,94	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Покровский	0,94	0,94	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Сарапульский	1	1	0,94	0,94	—	—	—	—	—	—	—
Сайгатский	0,89	0,89	0,94	0,94	0,89	—	—	—	—	—	—
Чепанихинский	0,83	0,83	0,88	0,88	0,83	0,94	—	—	—	—	—
Ангасякский	0,83	0,83	0,88	0,88	0,83	0,94	1	—	—	—	—
Старокабановский	0,83	0,83	0,88	0,88	0,83	0,94	1	1	—	—	—
Бирский	0,83	0,83	0,88	0,88	0,83	0,94	1	1	1	—	—
Югомашевский	0,94	0,94	1	1	0,94	0,94	0,88	0,88	0,88	0,88	—

Сравнительная таблица погребального обряда культур Среднего Прикамья

Признаки погребального обряда										
		Характеристика могилы, размеры						Ножи на поясе		Жертвенные комплексы
		Речная ориентация	подпрямоугольная форма	длинные	узкие	не-глубокие	глубокие	Умершие лежали вытянуто на спине	Руки вдоль тела	
Археологические культуры	Могили-грунтовые	+	+	200 см сред.разм.	60 см сред.разм.	-	100-125 см сред.	+	+	+
Карабызская культура	+	+	+	151-200 см	60-70 см	30-80 см, 87,2%	-	+	46-57%	+
	+	+	+	до 270 см 87,9%	до 90 см 90%	до 80 см, 74,2%	-	98,3%	83,5%	50%
	+	+	92.8%							
Пяноборская культура	+	+								
Мазунинская культура	+	+								

Таблица 41 (продолжение)

Археологи- ческие культуры	Признаки погребального обряда												Всего признаков
	Височные подвески		Пояс		Бусы			Много фибул	Оружие			Вещей нет	
									много наконеч- ников стрел	мало стрел	малое число копий, мечей		
Карабызская культура	-	+	+	+	-	+	+	-	95%	-	+	+	18
Пьяноборская культура	-	+	43 сл.	+	-	+	+	-	-	13%	+	13-36,8%	18
Мазунинская культура	73,4%	19,1%	72,7%	20,8%	43,4%	25%	11%	10,2-19%	-	5,2%	3,3%,1,8%	12,2-36,6%	21

Указатель к иллюстрациям (№ 4-22, 38)

Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения	Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения
4	1	И-75*	5	1	Чеп-7
	2	Н-76		2	А-37
	3	Н1-303		3	И-154
	4	И-120А		4	Ск-п.м.
	5	И-155		5	Ск-71
	6	А-п.м.		6	П-56
	7	П-56		7	Ск-84
	8	А-68		8	Ск-107
	9	А-23		9	М-37
	10	А-12		10	С-18
	11	Ск-20		11	И-166
	12	Ск-154		12	Н-65
	13	Бск-28		13	И-93
	14	А-42		14,15	И-104
	15,16	Н-150А		16	А-2
	17	А-10		17,18	Бск-27
	18	И-142		19	Ск-25
	19	И-48		20	И-100
	20	А-5		21	И-108
	21	Ск-141		22	И-139
	22	И-103		23	Бск-27
	23	И-139		24	Ск-20
	24	И-181		25	Ю-55
	25	П-56		26	Чеп-26
	26	Ск-74		27	Н-88
	27	И-55		28	Н-111
	28	Ск-135		29	И-134
	29	Н-66		30	Н-124
				31	Н-10
				32	П-123

*Буква обозначает название памятника (см. Список сокращений названий памятников), цифра - номер погребения, п.м. - подъемный материал, р I - раскоп I Югомашевского могильника, ? - номер погребения неизвестен.

Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения	Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения
6	1	М-50		3	Ю-55
	2	И-64		4	А-5
	3	М-40		5	Ю-59
	4	И-171		6,7	Ю-24
	5	И-п.м.		8	Бск-35
	6	И-100		9	Бск-57
	7	Н-135		10	Ск-113
	8	И-46		11	Ск-п.м.
	9	С-14		12,13	А-49
7	1	А-32		14	Ск-20
	2	А-13		15	Ск-п.м.
	3	Ск-91		16	Ск-152
	4	Н-150А		17	Н-150А
	5	Ю-16		18	П-3
	6	Ск-35		19	Ск-115
8	1,2	Н-45	10	20	Ю-64
	3	Ю-10		21	И-165
	4	Ю-55		22	И-124А
	5	А-5		23	Ю-8
	6	Н-83А		24	Ю-10
	7	Ю-15		25	И-165
	8	Н-64		26	Бск-70
	9	А-10		27	И-170
	10	И-93		28,29	Н-14А
	11	Н-104		30	Бск-61
	12	И-48		31	Ск-7
	13	Н-120		32	М-37
	14	Ск-139		1	Н-147
	15	Ск-69		2	Н-132
	16	Ск-155		3	Ск-107
	17,18	Ю-55		4	Ск-98
	19,20	Ю-10		5	Бск-39
	21	Н-82		6	Бск-54
	22	Н-77		7	Бск-72
	23	Ю-51		8	Н-п.м.
9	1,2	Ск-152		9	Н-83А

Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения	Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения
11	10	Н-73	12	38	П-20
	11,12	И-201		39	П-111
	13	Бск-64		40	П-91
	14	Ю-66		41	П-82
	15	И-139		42	П-80
	16	КТ-п.м.		43	Ю-51
	1	Ск-84		44	Ск-20
	2	М-41		1	А-42
	3	М-37		2	А-2
	4	М-18		3	А-4
	5	Н-75		5	Н-54
	6	Бск-15		6	Н-79Б
	7	А-10		7	Н-51Б
	8	Ю-4		8	Н-109
	9	Чеп-1		9	П-20
	10	Чеп-23		10	Ск-88
	11	Н-п.м.		11	Ск-59
	12	А-39		12	Ск-39
	13	Н-10		13	Ю-1
	14	Н-66		14	Бск-61
	15	Н-73		15	И-48
	18	И-80		16	П-125
	19	Н-110		17	Н-5
	20	Чеп-17		18	И-16
	21-23	Чеп-7		19	Н-10
	24,25	Н-57		20	Ск-80
	26,27	И-48		21	Бск-40
	28	А-37		22	Бск-57
	29	И-61		23	Бск-38
	30	Н-80		24	Ю-8
	31	И-118		25	Ю-15
	32	П-71		26	Бск-19
	33	П-20		27	Ск-112
	34	И-88		28	Ск-4
	35,36	Ск-115		29	Ск-22
	37	Ск-61		30	И-202

Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения	Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения
13	1	И-63	15	13	Бск-52
	2	И-83А		14	Бск-33
	3	И-5		15	Ск-88
	4	И-77		16	Ск-90
	5	И-107		17	Бск-52
	6	А-31		18	П-95
	7	Ск-25		19	Бск-42
	8	Бск-68		20	Бах-12
	9	Бск-52		21	Ю-64
	10	Бск-6		22	Ск-117
	11	Бск-72		23	Бск-55
	12	Бск-63		24	Н-98
	13	Бск-42		25	М-63
	14	Чеп-28		26	А-4
	15	И-125		27	А-5
	16	Ск-75		28	И-58
	17	Н-64		29	П-92
	18	Н-55		1	Ск-39
	19	И-57		2	А-31
	20	Н-107		3	И-125
	21	И-56		4	И-182
	22	Н-60		5	И-132
	23	Н-109		6	И-15
	24	Бск-44		7	Чеп-29
14	1	Ск-17		8	И-63
	2	И-57		9	И-95Б
	3	Чеп-11		10	И-176Б
	4	Ск-97		11	Н-70
	5	И-16		12	И-101
	6	Н-57		13	Н-64
	7	Н-10		14	И-61
	8	Ск-107		15	Ск-143
	9	Бск-39		16	И-142
	10	Бск-23		17	И-8
	11	Ск-46		18	А-31
	12	Ск-124		19	Ю-60

Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения	Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения
16	20	Ск-102	19	16	И-80А
	21	Ск-20		17	И-120Б
	22	Н-83А		18	И-95Б
	23	И-110		19,20	И-105
	1	А-25		21	И-123
	2	Н-147В		22	И-80А
	3	Бск-57		1	А-46
	4	Н-87		2	Ск-110
	5-7	Ю-57		3	Юр1-2
	8	Юр1-3		4	Ск-151
	9,10	Ю-67		5	Н-17
	11-13	Бск-63		6	И-16
	14,15	Ю-22		7	И-24
17	1	Ск-124	20	8	П-43
	2	Ск-129		9	М-33
	3	И-180		1	П-4
	4	Кт-8		2	П-109Б
	5	Чеп-6		3	П-103
	6	М-56		4	Н-10
	7	Ск-63		5	П-71
	8	Н-51Б		6	П-62
	9	Ю-67		7	П-109Б
18	1	Ск-10	21	1	Н-72
	2	Ск-55		2	Н-37
	3	И-110		3	Н-68Б
	4,5	Юр1-1		4	Н-31
	6	Ю-53		5	Н-68Б
	7	Бск-57		6	Н-105
	8	Ю-53		7	Н-81
	9	Бск-58		8	Н-78
	10	Чеп-38		9	Н-25
	11	Ск-14		10	Н-73
	12	Ск-137		11	Н-89А
	13	И-120А		12	Н-64
	14	Чеп-37		13	Н-81
	15	Чеп-28		14	Н-57

Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения	Номер листа (илл.)	Порядко- вый номер рисунка	Памятник, номер погребения
	15	Бах-п.?		56	И-1
	16	Бск-27		57-58	И-5
	17	Бск-31		59	А-49
	18-21	Бск-28		60	И-40
	22	Бск-52		61	И-208
	23	Бск-40		62	Чеп-27
	24	Бск-70		63	И-40
	25	Ск-54		64	А-18
	26	Бск-98		65	Ск-154
	27	Бск-16	22	1	А-3
	28	Бск-48		2	И-69
	29	Бск-21		3	Н-63
	30	Бск-57		4	Бах-1
	31	Бск-43		5	И-106
	32	Ск-98		6	Бск-4
	33	Ск-10		7	Бск-53
	34	Бск-43		8	А-32
	35	Ск-152		9	Ск-64
	36	Ск-37		10	Ск-п.м.
	37	А-49		11	Ю-62
	38	Бск-16		12	Ю-13
	39	Ск-124	38	1	Ус-1
	40	Ск-80		2	Ус-11Г
	41-42	Ск-92		3	Ус-69
	43	А-49		4	П-20
	44	Ск-105		5	П-109Б
	45	Ск-80		6	П-п.м.
	46	Ск-102		7	П-331
	47	А-18		8	Ус-11Г
	48	Н-96Б		9	П-88
	49	Ск-59		10	П-125
	50	А-13		11,12	П-20
	51	Бах-14		13	П-127
	52-53	Ск-55		14	Ск-61
	54	И-170		15	А-76
	55	А-18			

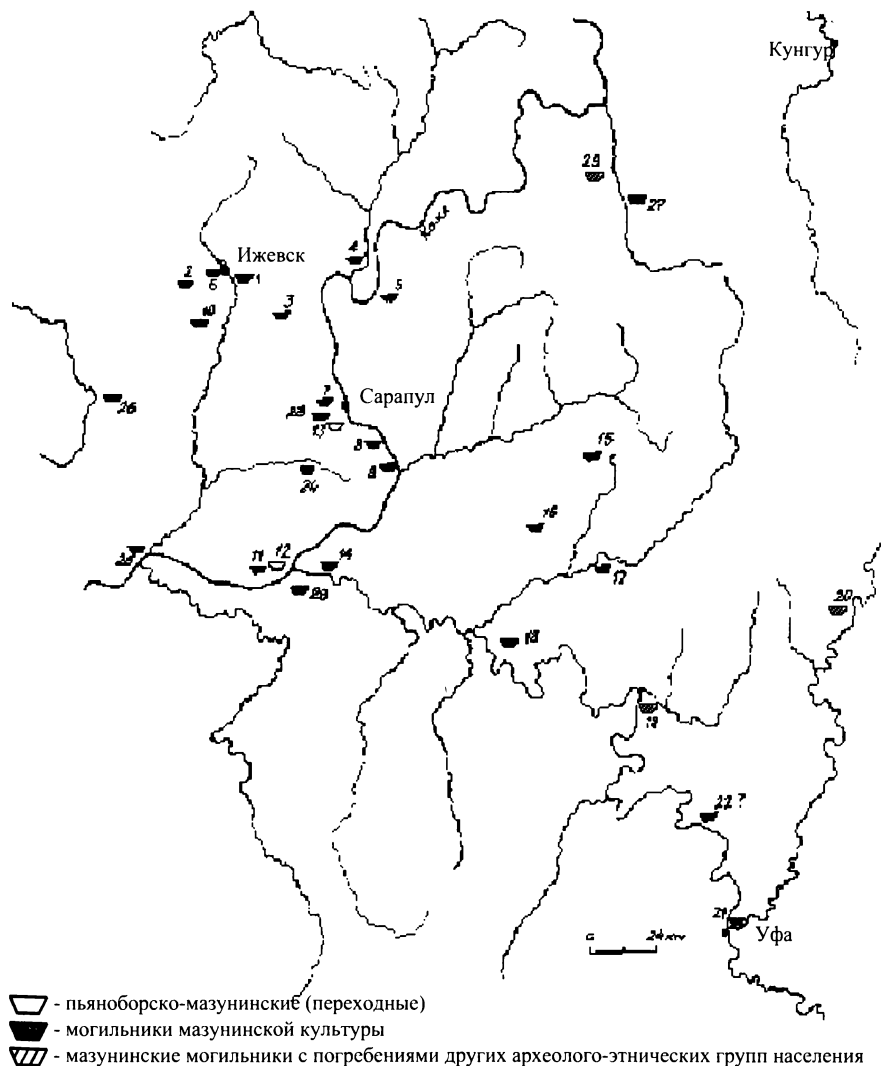
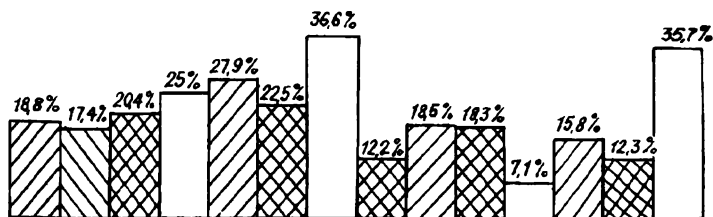
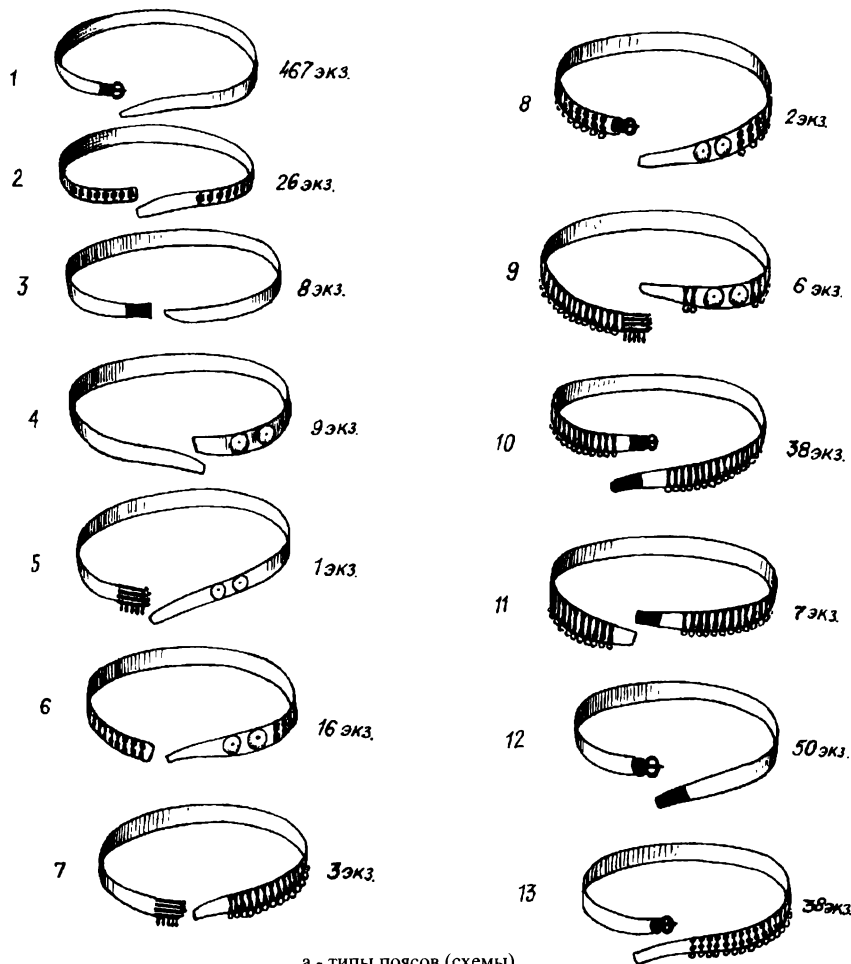

Рис. 1. Карта могильников мазунинской культуры:

1 - Ижевский, 2 - Покровский, 3 - Чепанихинский, 4 - Нивский, 5 - Сайгатский, 6 - Чужьяловский, 7 - Сарапульский, 8 - Мазунинский, 9 - Тарасовский, 10 - Бобьяучинский, 11 - Быргындинский, 12 - Нырғындинский I, 13 - Афонинский, 14 - Старокабановский, 15 - Югомашевский, 16 - Малоакачаковский, 17 - Каратамакский, 18 - Ангасякский, 19 - Бирский, 20 - Бахмутинский, 21 - погребение по ул.Аксакова (г.Уфа), 22 - Дмитриевский (?), 23 - Усть-Сарапульский, 24 - Заборьинский, 25 - Тураевский II, 26 - погребение на поселении Чумойтло, 27 - Красноярский, 28 - Старомуштинский, 29 - Кудашевский могильник.

б - диаграмма. Процент погребений без вещей

Рис. 2. Типы поясов (а), процент погребений без вещей (б).

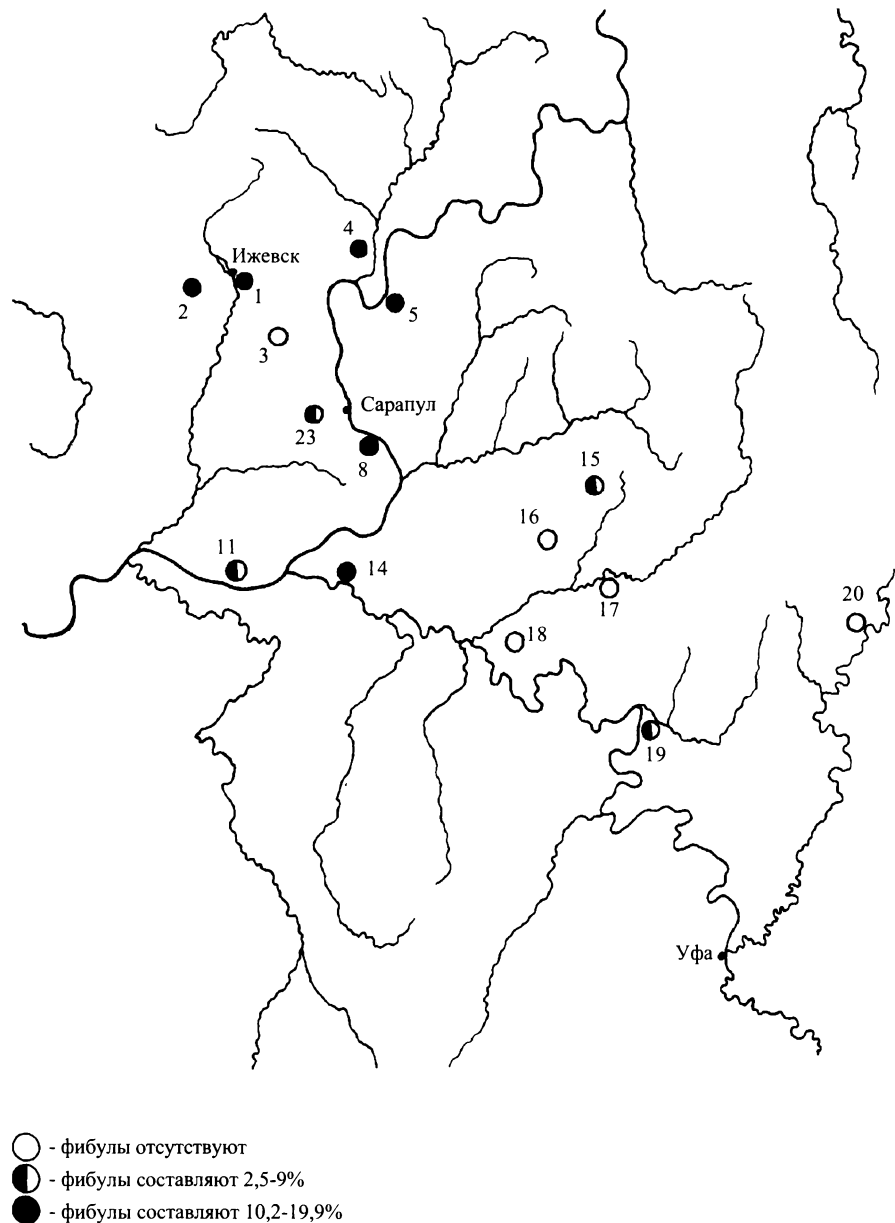

Рис. 3. Наличие фибул на могильниках мазунинской культуры

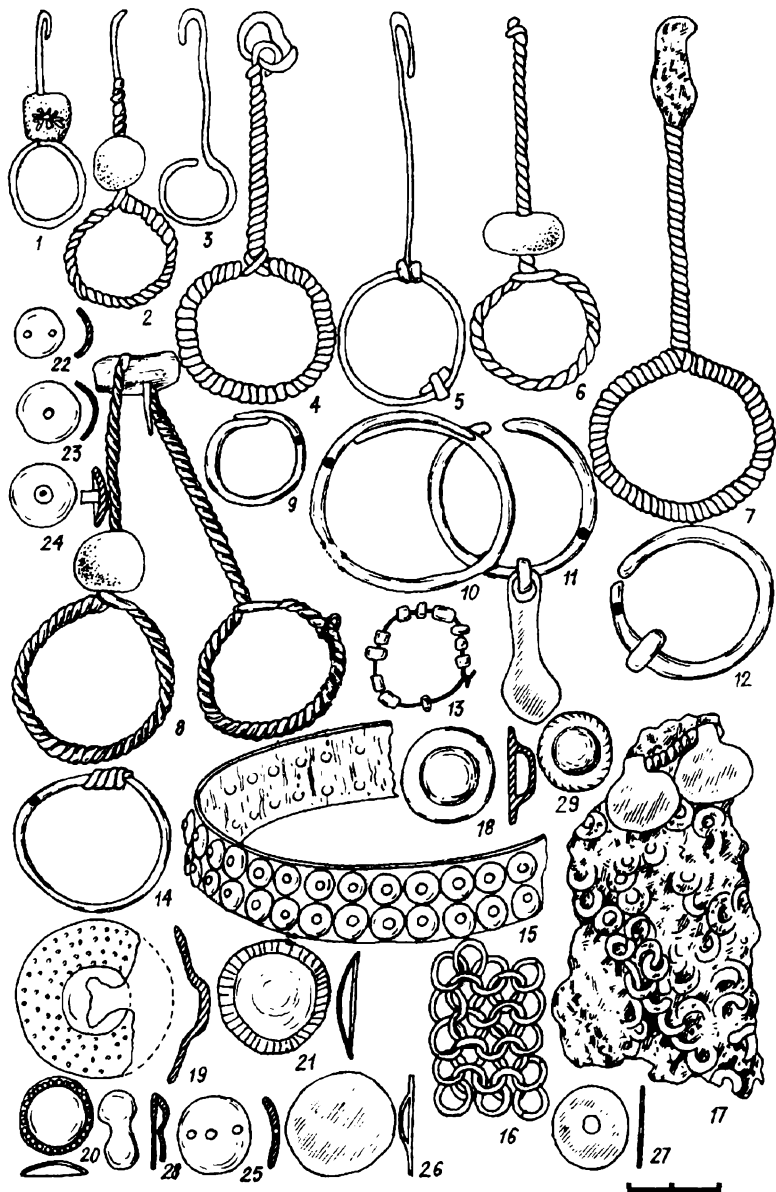

Рис. 4. Типы височных и головных украшений:

1-8 - височные подвески, 9-14 - височные кольца, 15 - фр. головной повязки, 16, 17 - наконечники из железных колец, 18-29 - бляшки (1, 2, 6, 12, 13 - бронза, стекло, 8 - бронза, стекло, кожа, 15 - бронза, кожа, 16 - железо, 17 - железо, бронза, остальные предметы - бронза)

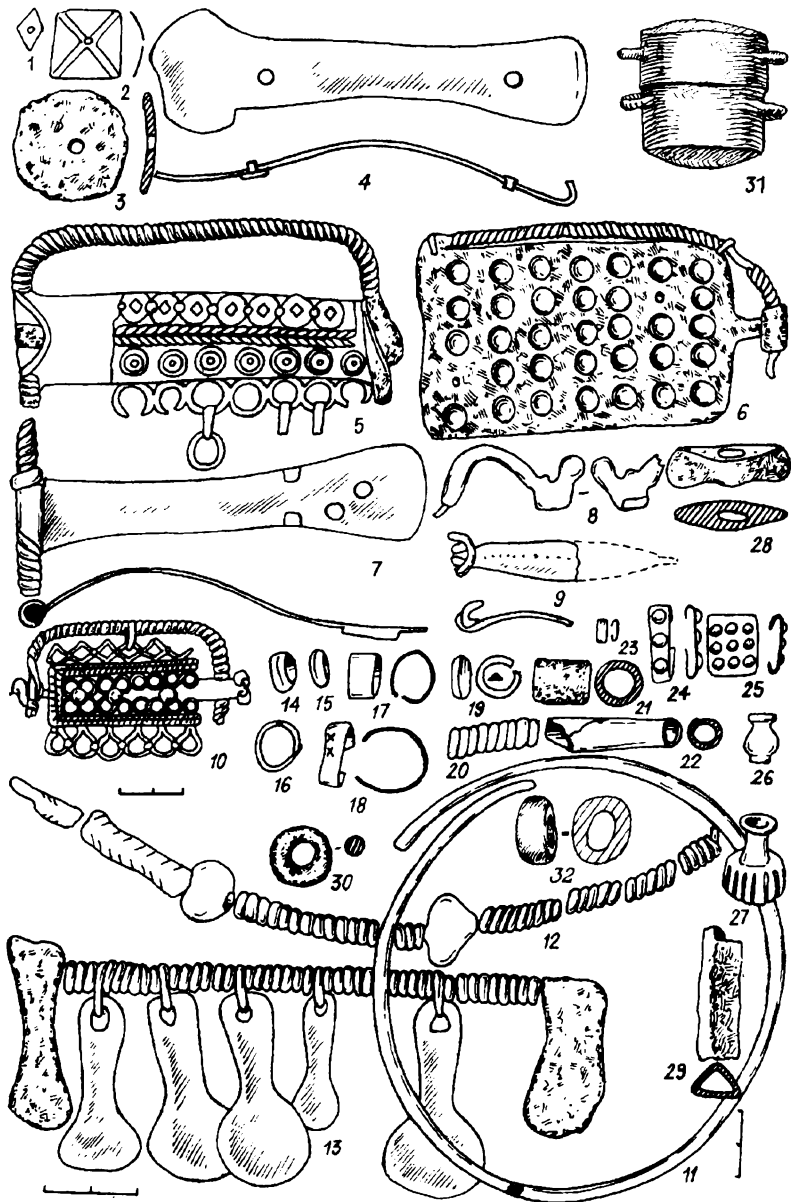

Рис. 5. Типы фибул, пронизок, бляшек, гривен, ожерелий:

1-3 - бляшки-накладки, 4-10 - фибулы, 11 - гривна, 12, 13 - ожерелья из пронизок, бус и подвесок, 14-30 - пронизки, 31 - гуалетная коробочка (3, 21, 29, 30 - железо, 5, 6, 13 - бронза, железо, 8 - серебро, остальные предметы - бронза)

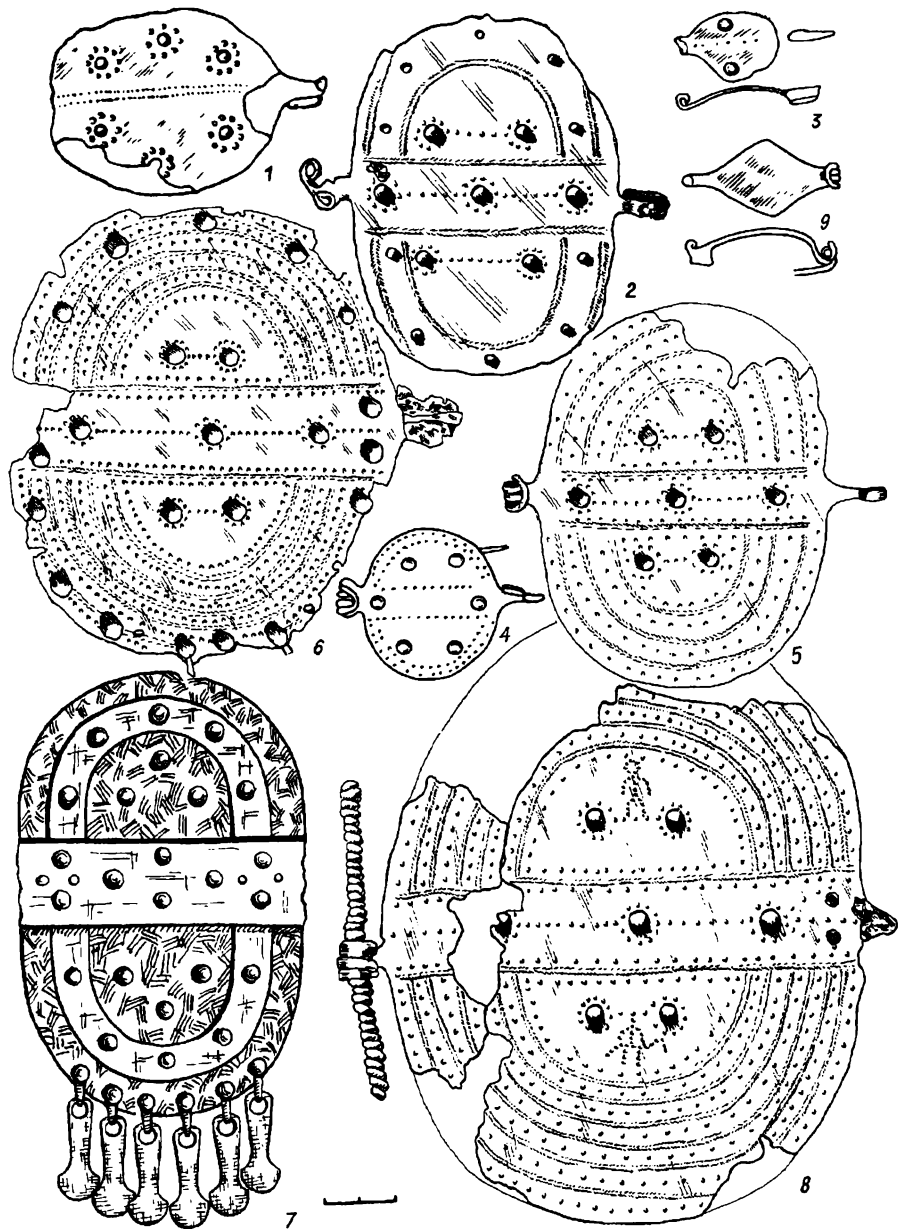

Рис. 6. 1-8 - типы фибул (7 - железо, бронза, 1-6, 8 - бронза)

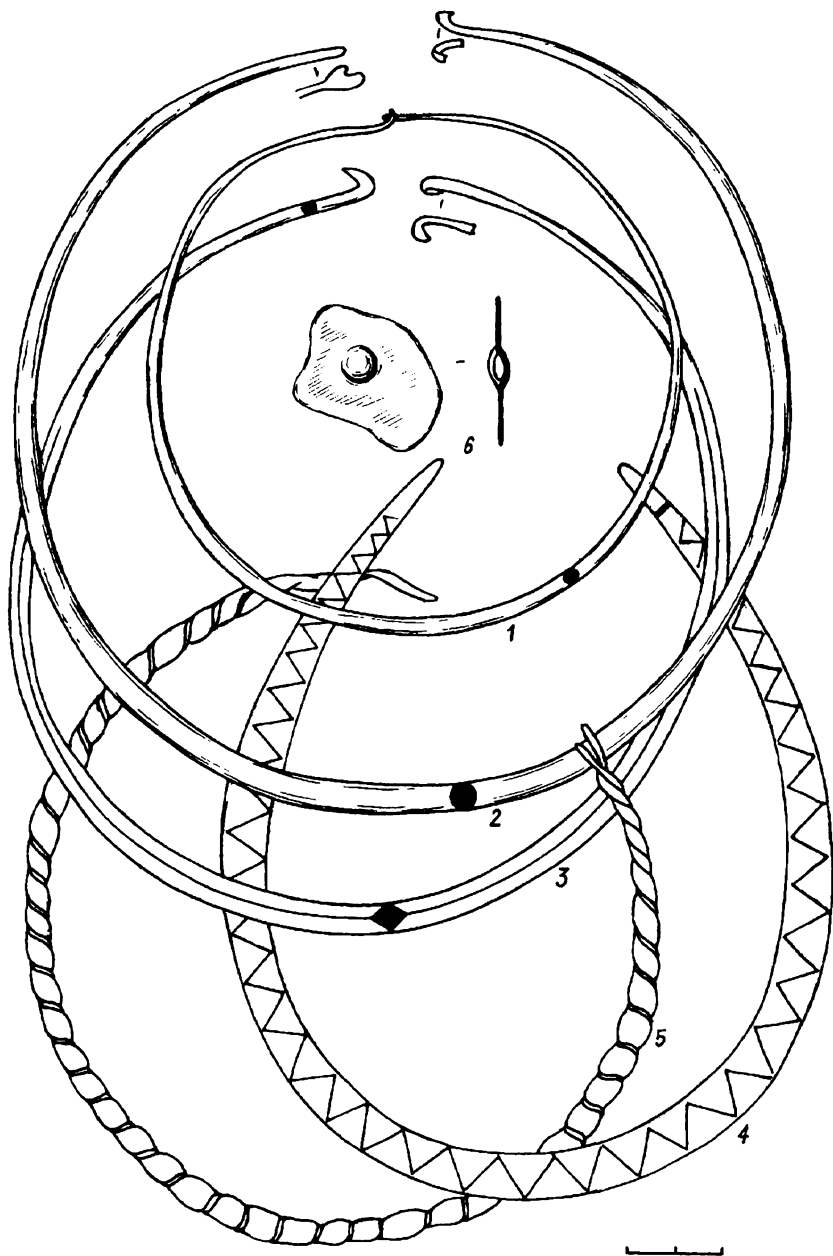

Рис. 7. Типы гривен, бляшек:
1-5 - гривны, 6 - фр. бляшки (1-6 - бронза)

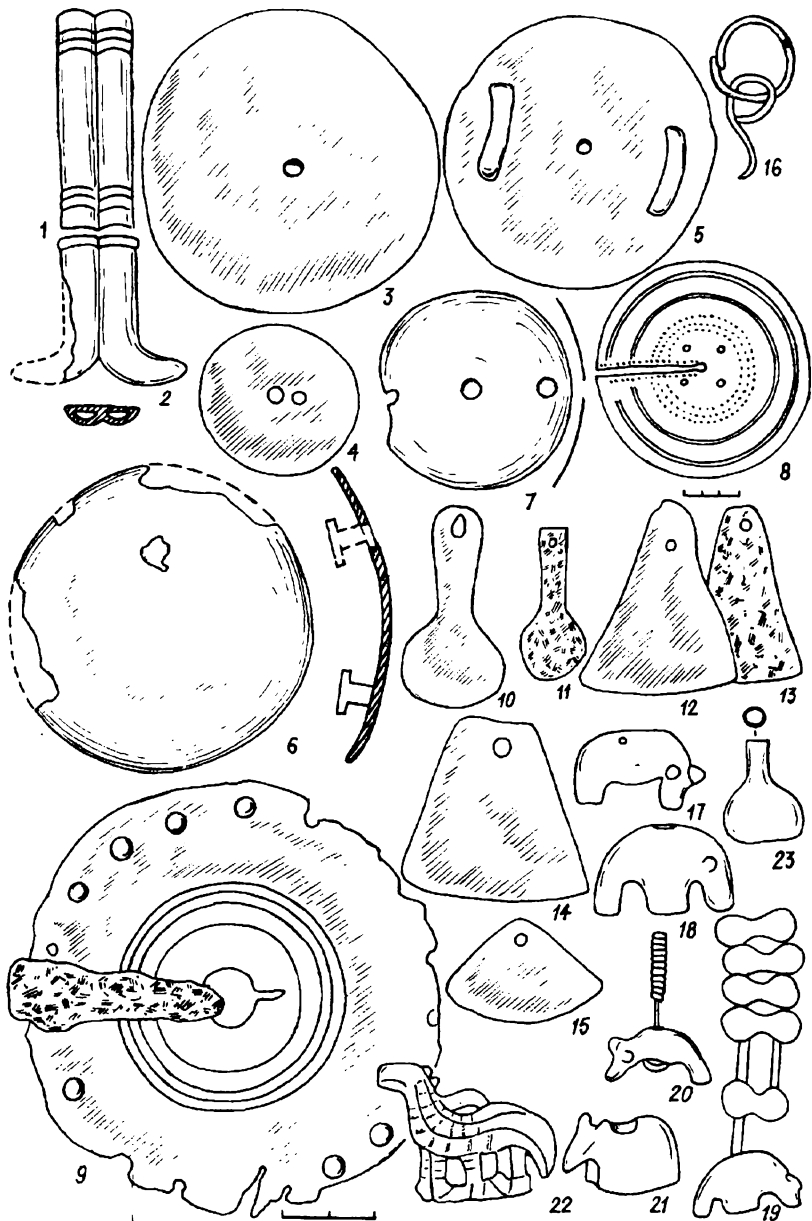

Рис. 8. Типы блях и подвесок, пронизок:

1 - полупронизка, 2 - полупронизка "сапожки", 3-9 - бляхи, 9-22 - подвески, 23 - пронизка (11, 13 - железо, 9 - железо, бронза, остальные предметы - бронза)

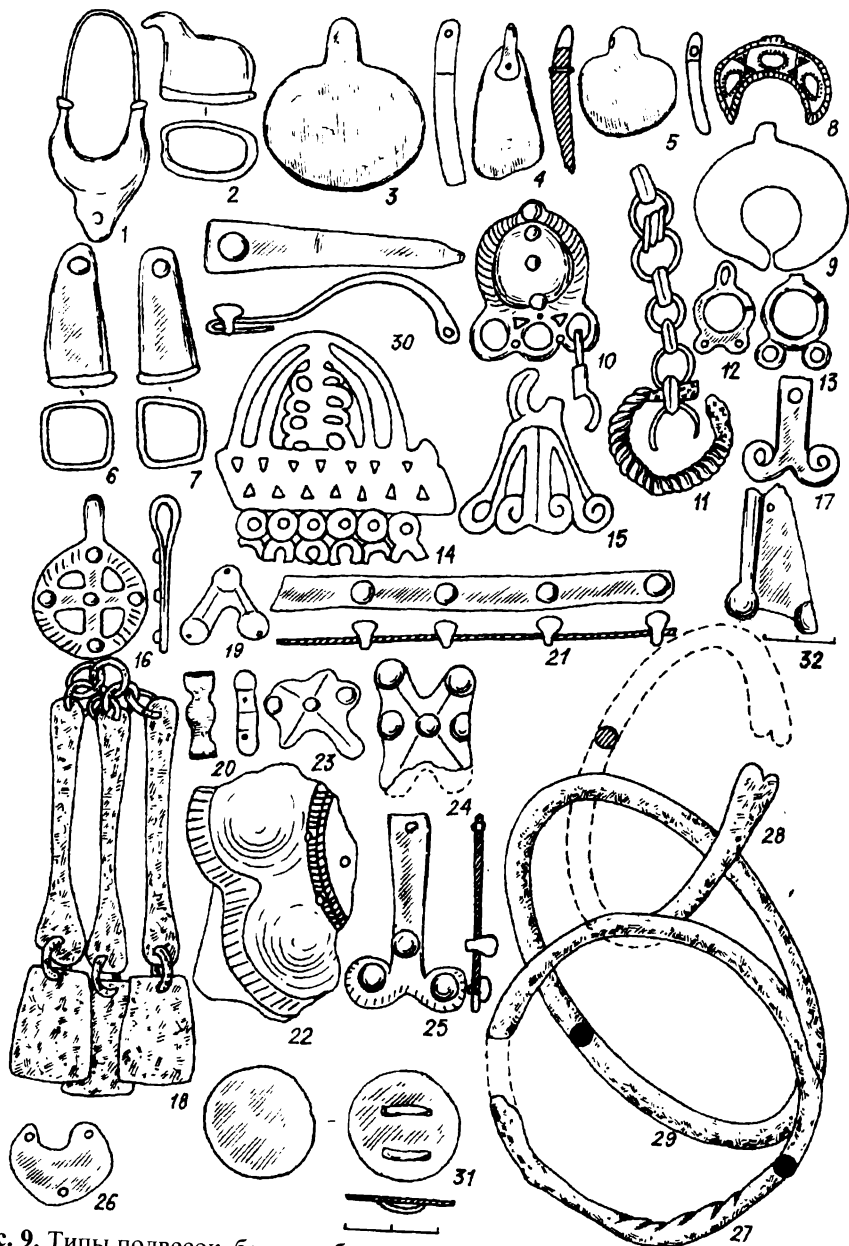

Рис. 9. Типы подвесок, бляшек, браслетов, накладок:
 1-18 - подвески, 19-26 - накладки, 27-29 - браслеты, 30 - фибула, 31 - бляшка, 32 - фр. лапчатой подвески (3-5, 20 - раковина, 18, 27-29 - железо, остальные предметы - бронза)

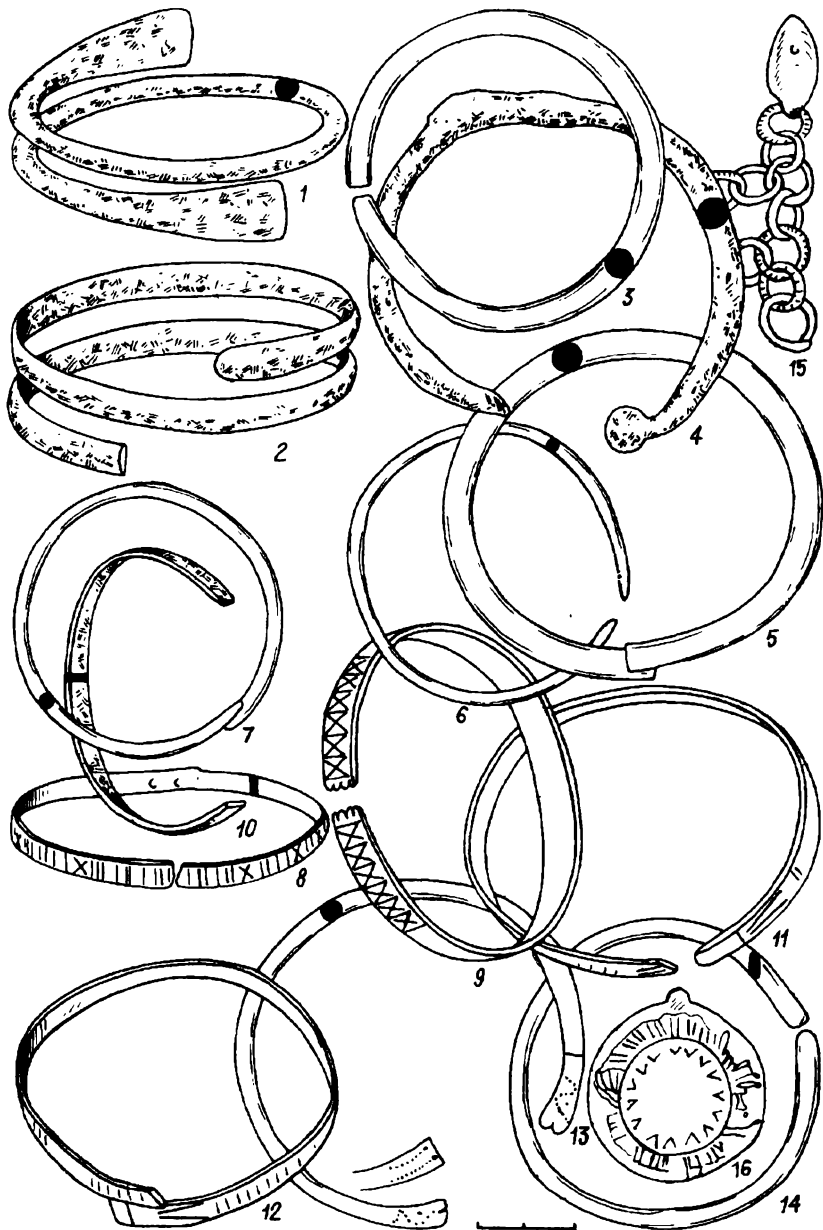

Рис. 10. Типы браслетов и подвесок:

1-14 - браслеты, 15, 16 - подвески (1, 2, 4, 10 - железо, остальные предметы - бронза)

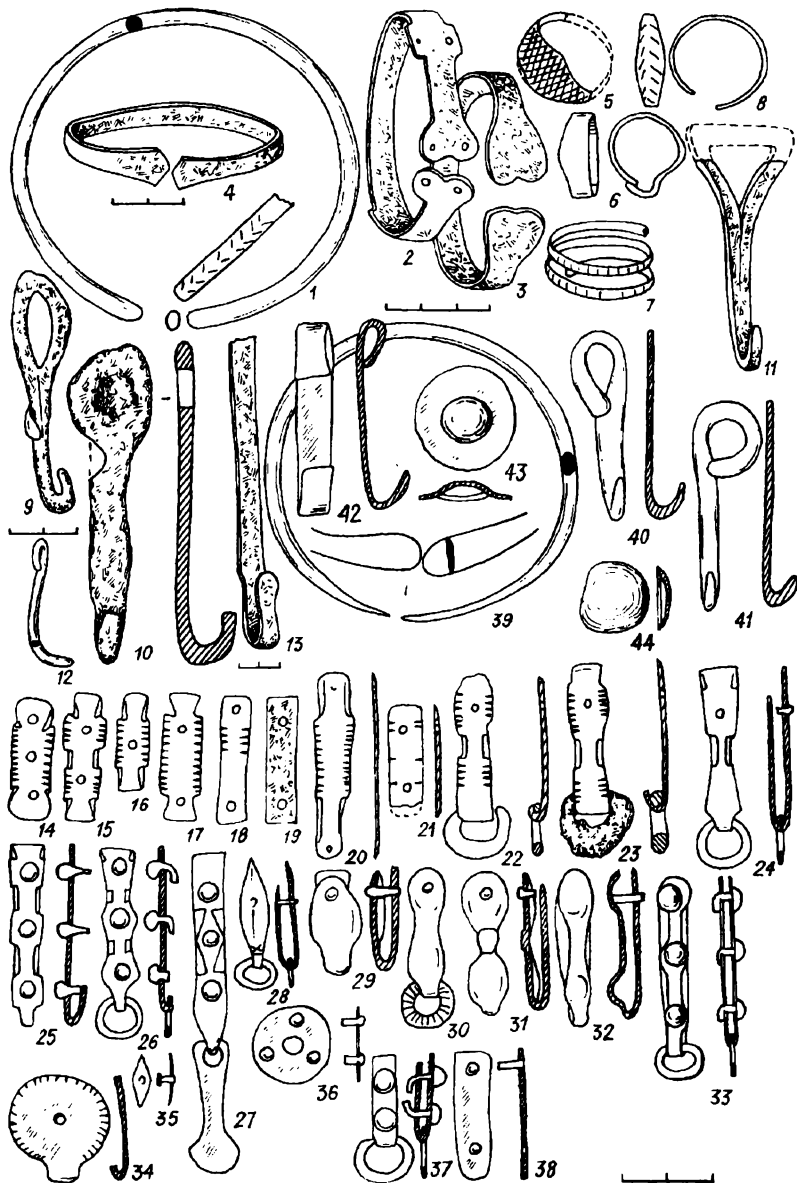

Рис. 11. Типы браслетов, перстней, крючков, поясных накладок, бляшек:
 1-4, 39 - браслеты, 5-8 - перстни, 9-13, 40-42 - крючки, 14-38 - поясные накладки, 43, 44 - бляшки
 (2-4, 9-11, 13, 19 - железо, остальные предметы - бронза)

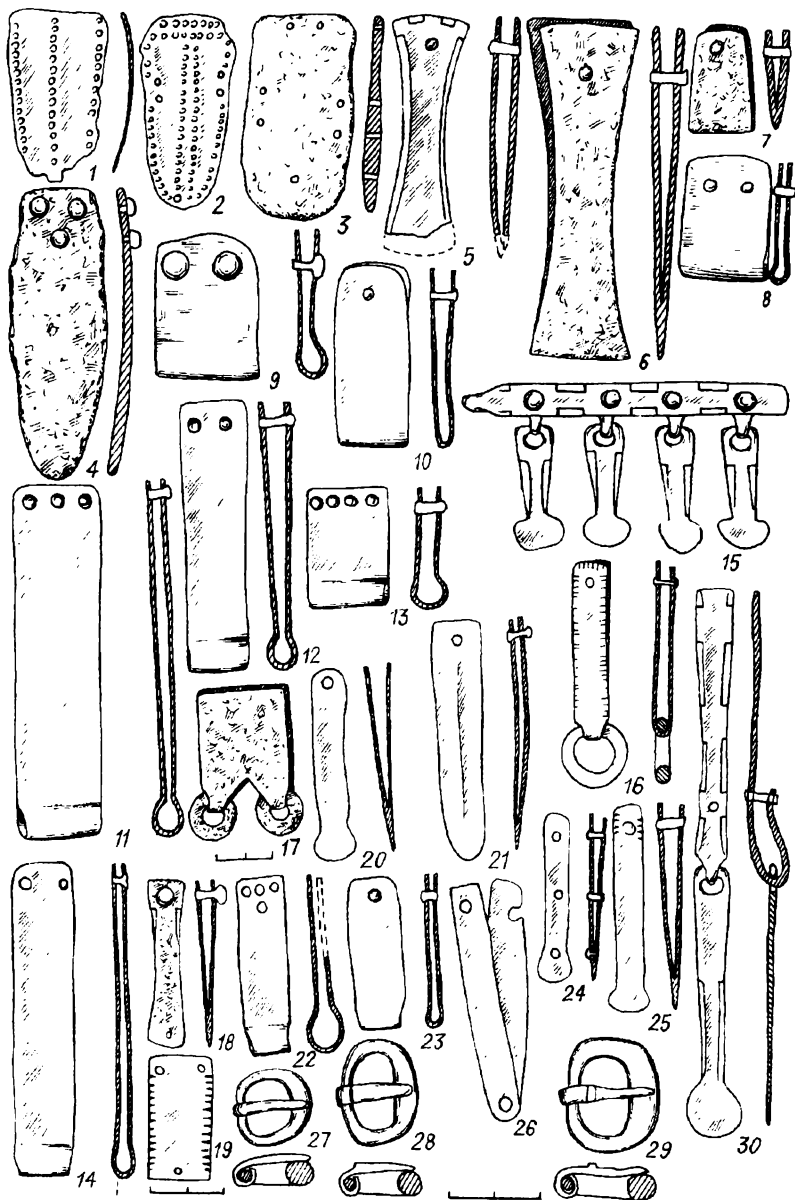

Рис. 12. Типы наконечников ремней и пряжек:

1-14, 16-26, 30 - наконечники ремней, 15 - петельная застежка, 27-29 - пряжки (3, 4, 6, 7, 17, 18 - железо, остальные предметы - бронза)

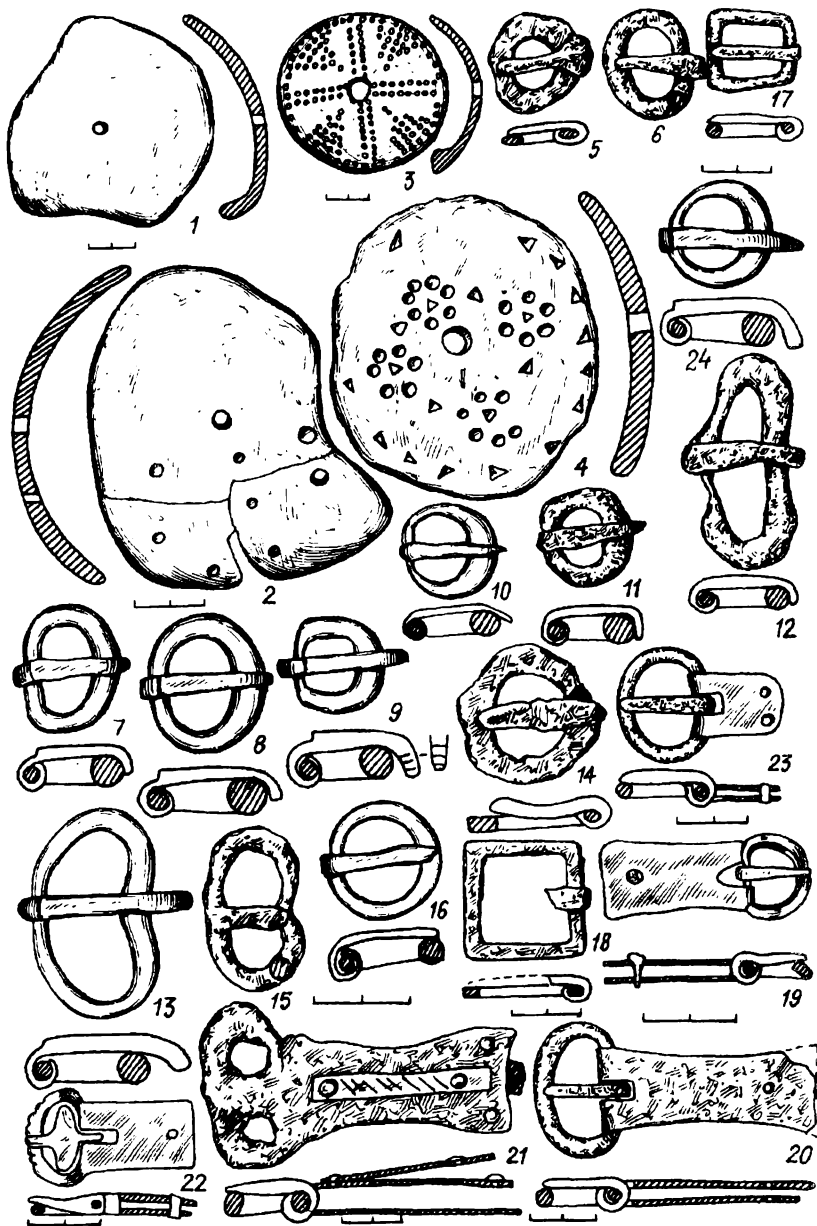

Рис. 13. Типы пряжек (5-24), бляхи-раковины (1-4). 1-4 - раковина, 5, 6, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20 - железо, 21, 23 - железо, бронза, остальные предметы - бронза

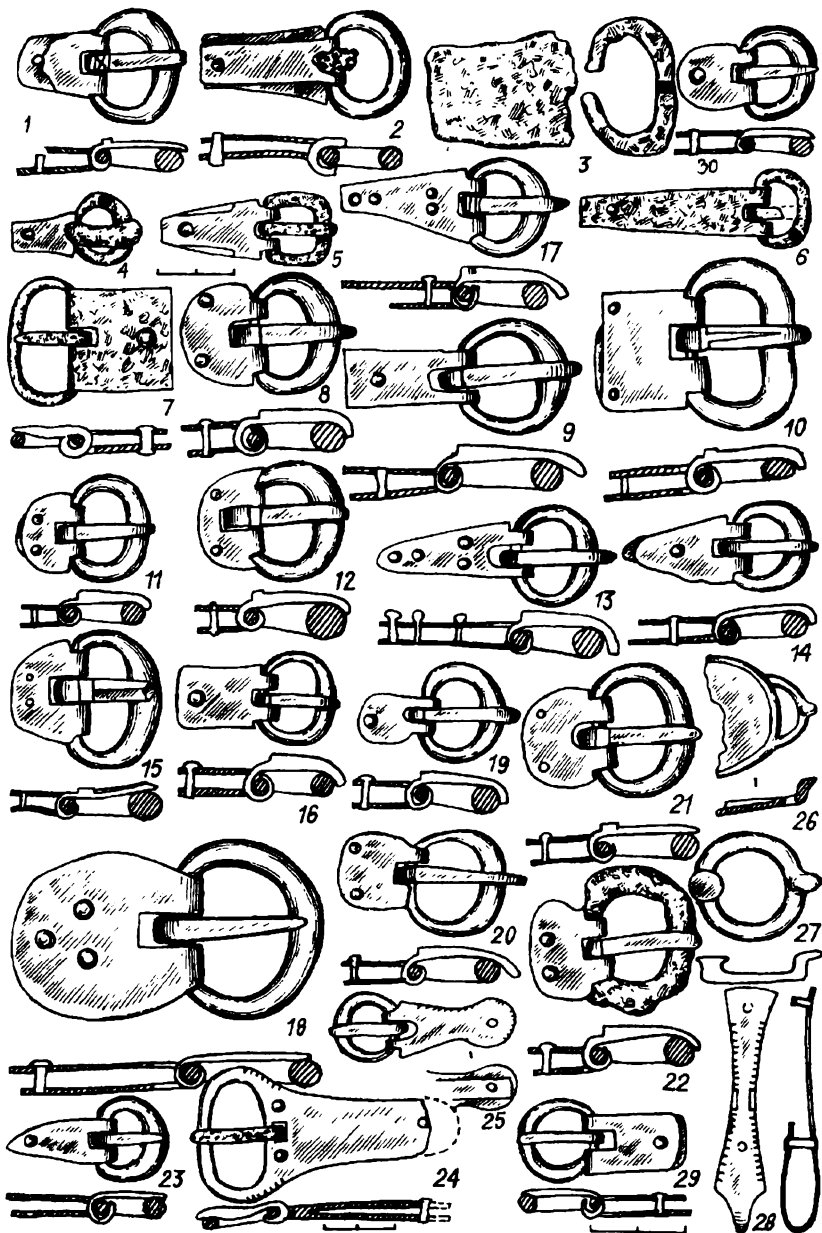

Рис. 14. Типы пряжек (1-27, 29) и петельная застежка (28). 3, 6, 7 - железо, 2, 4, 5, 22, 24 - железо, бронза, остальные предметы - бронза

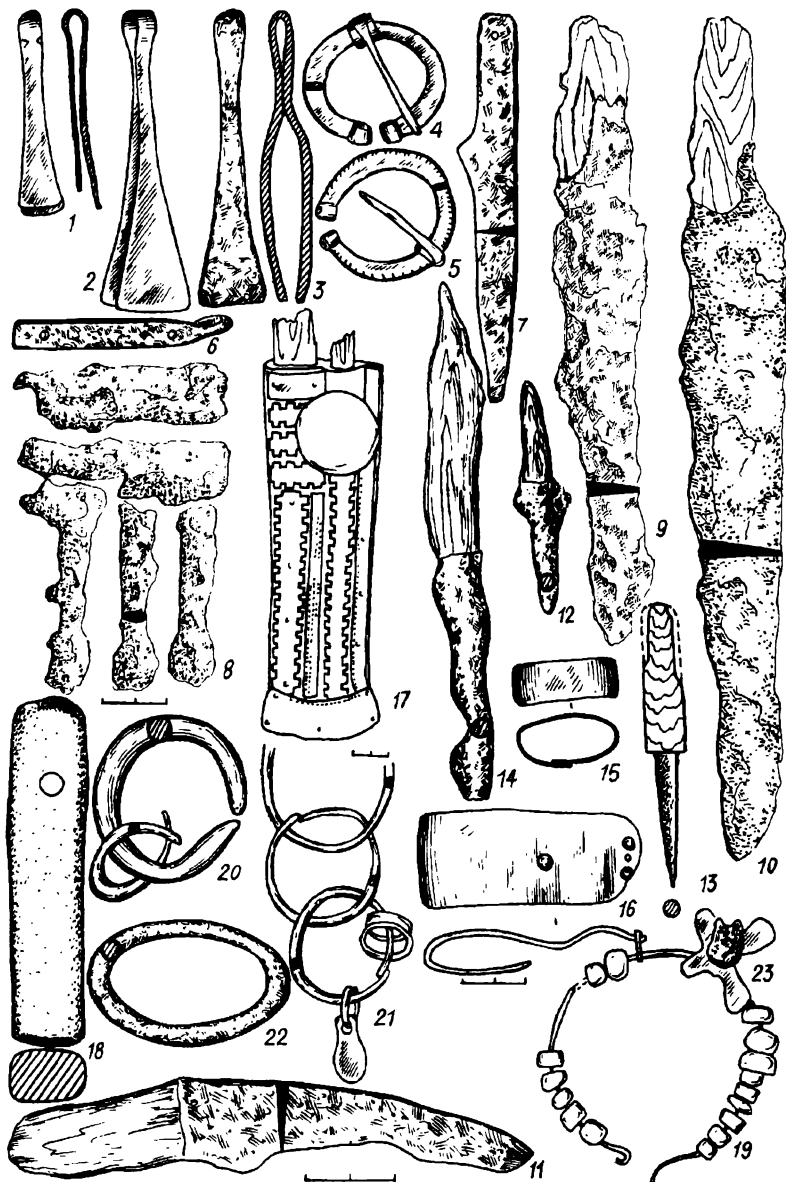

Рис. 15. Петельные застёжки (6, 8), пинцеты-щипчики (1-3), сюльгамы (4, 5), ножи (7, 9-11), шилья (12-14), накладки от ножен (15-17), точильный брусок (18), височные кольца (19-22), накладка (23). 6-14, 22 - железо, 18 - камень, остальные предметы - бронза

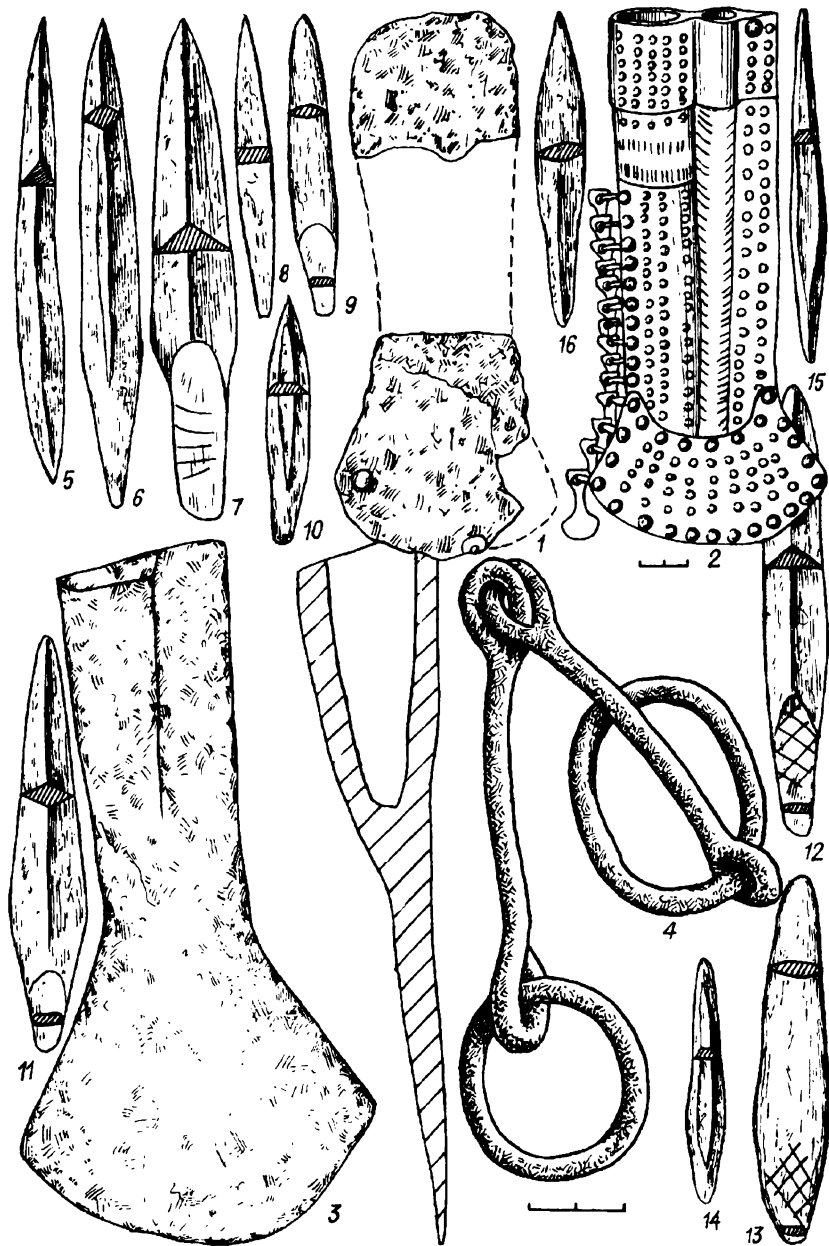

Рис. 16. Ножны (1, 2), топор (3), удила (4), наконечники стрел (5-16). 1, 3, 4 - железо, 2 - бронза, 5-16 - кость

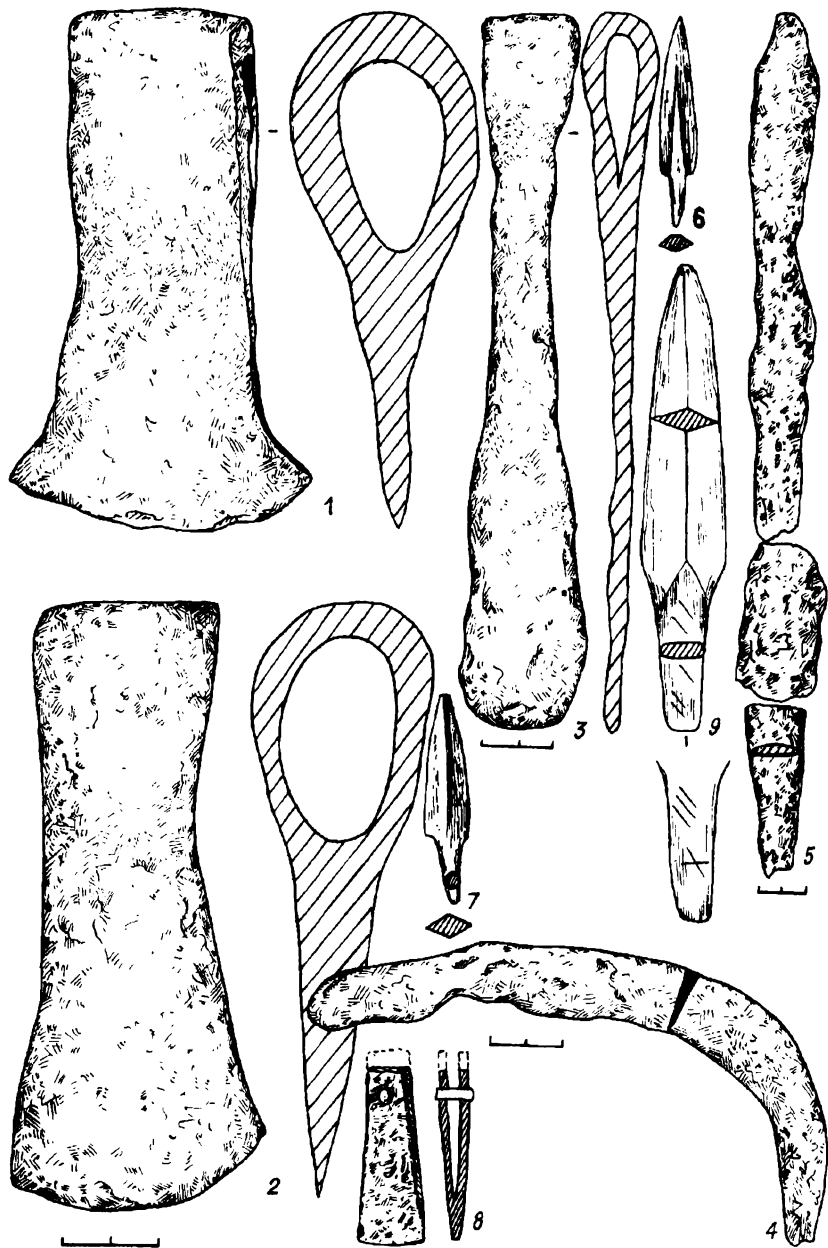

Рис. 17. Топоры (1-3), серп (4), кинжал (5), наконечники стрел (6, 7, 9), наконечник ремня (8). 1-5, 8 - железо, 6, 7, 9 - кость

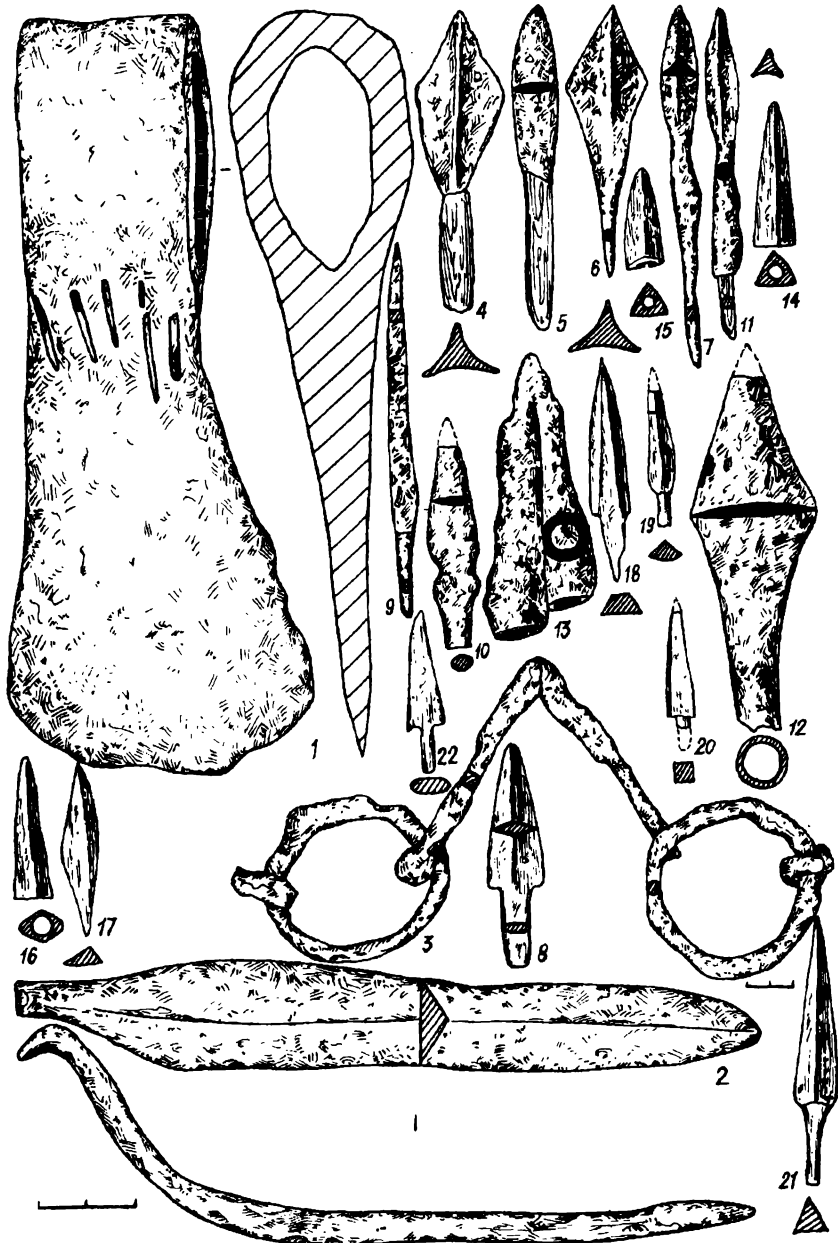

Рис. 18. Топор (1), коса (2), удила (3), наконечники стрел (4-22). 1-7, 9-13 - железо, 8, 14-22 - кость

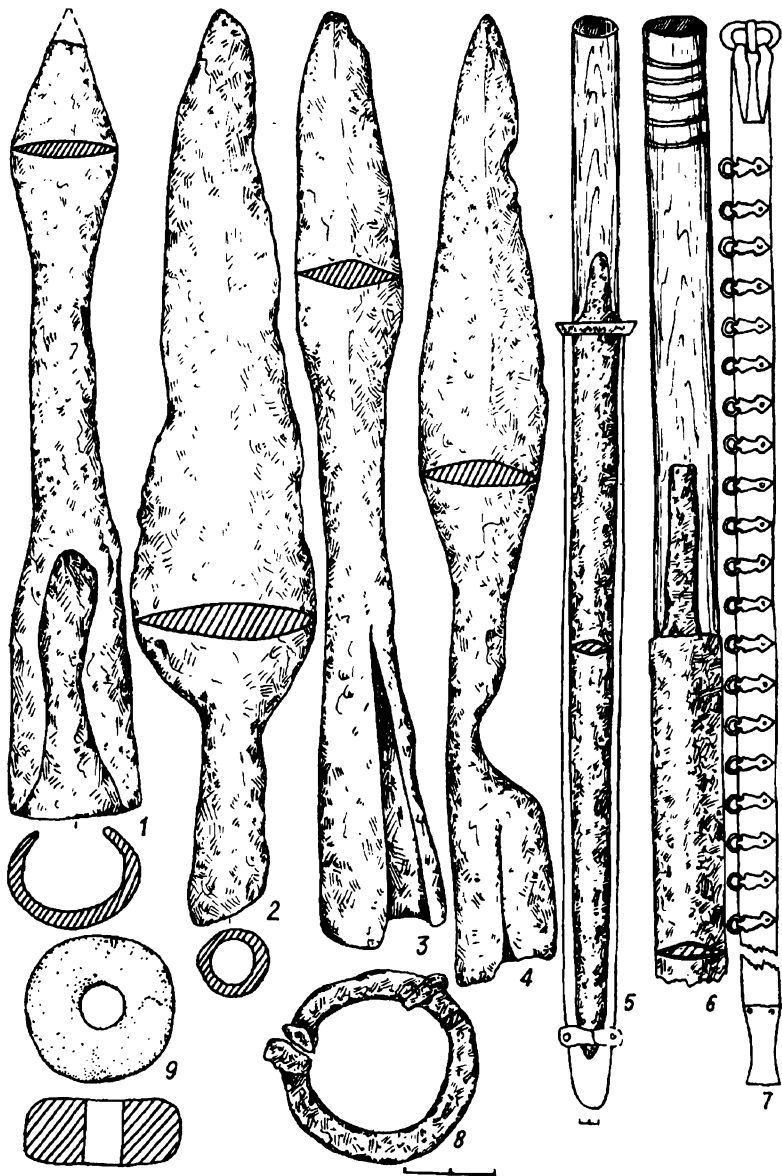

Рис. 19. Наконечники копий (1-4), мечи с остатками ножен и рукоятей (5, 6), реконструкция пояса (погр. 24, Ижевск) - 7, сюльгама (8), пряслице (9). 1-4, 8 - железо, 5, 6 - железо, дерево, бронза, 7 - кожа, бронза, 9 - глина (6, 7 - без масштаба)

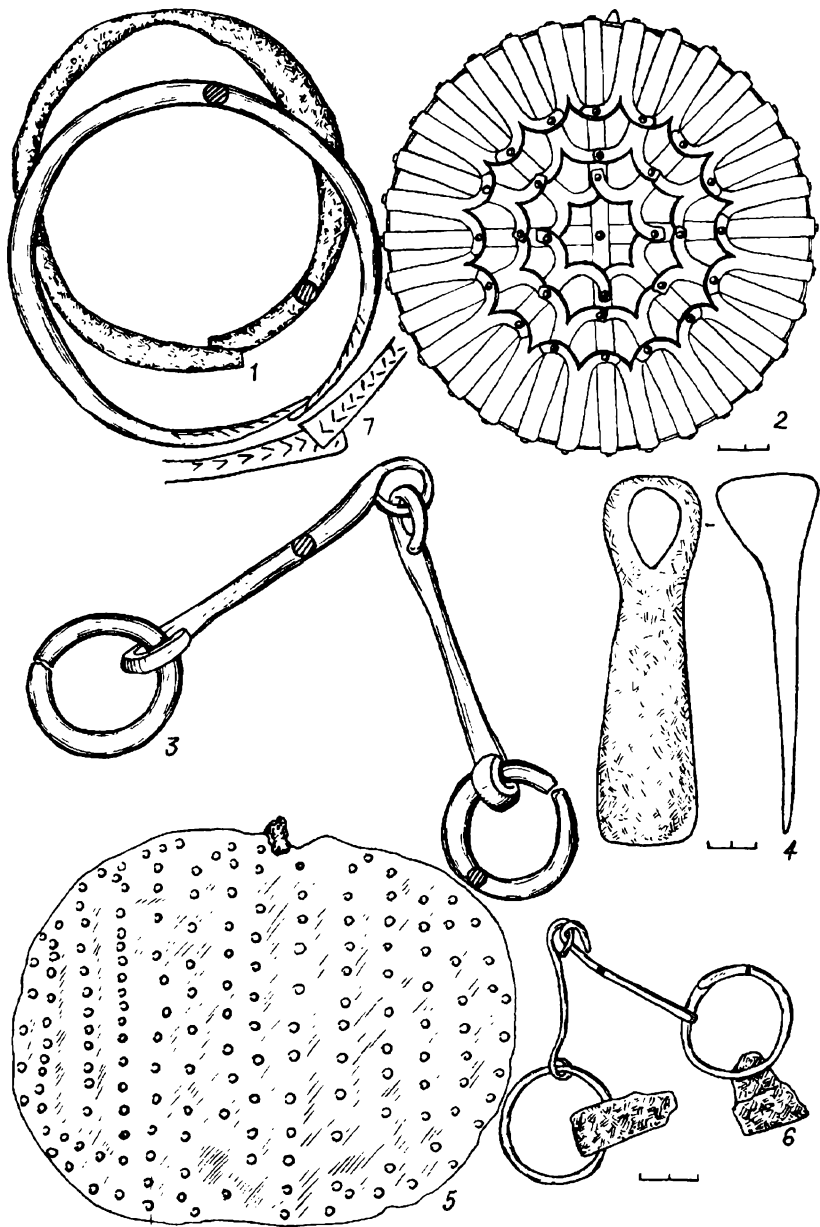

Рис. 20. Браслеты (1, 7), шлем (вид сверху) - 2, удила (3, 6), тесло (4), фибула (5). 1, 2, 4 - железо, 3, 5, 7 - бронза, 6 - бронза, железо

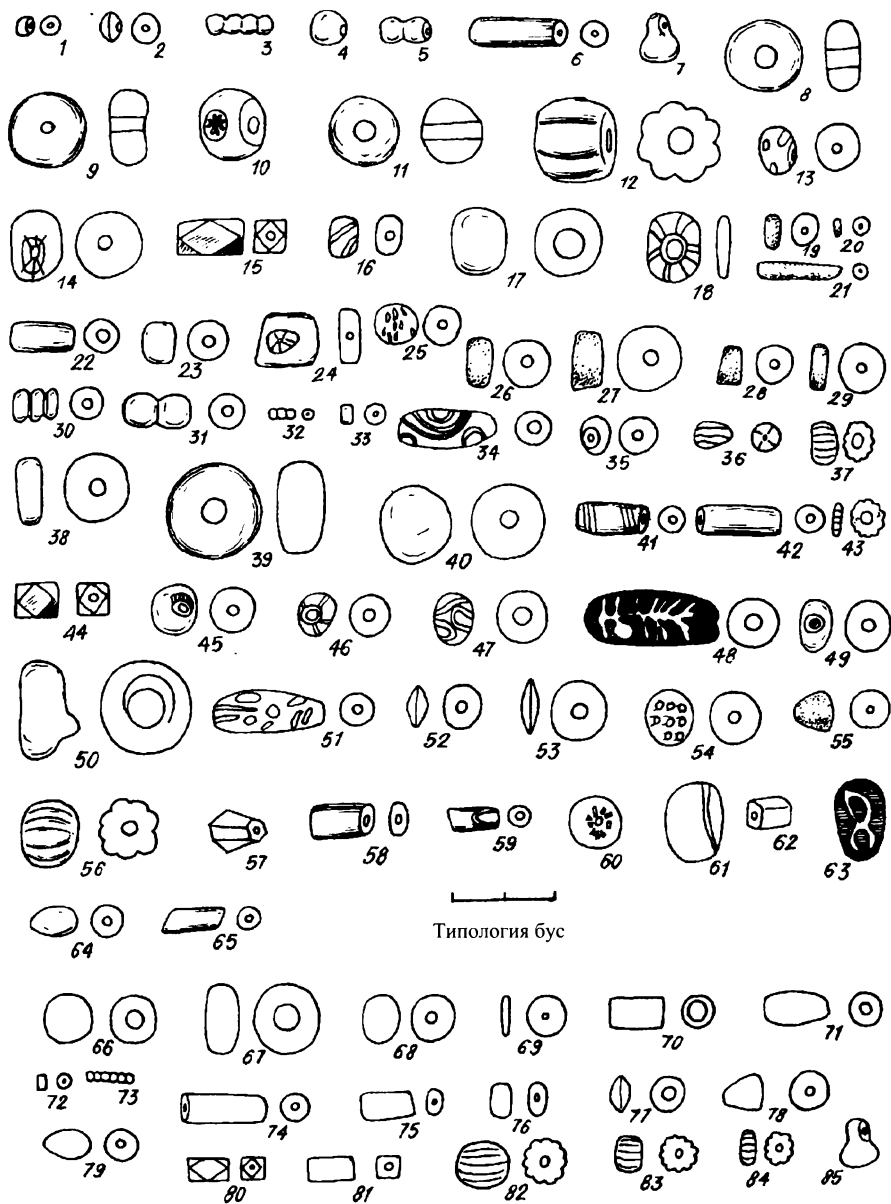

Рис. 21. Основные типы и схемы вариантов форм бус

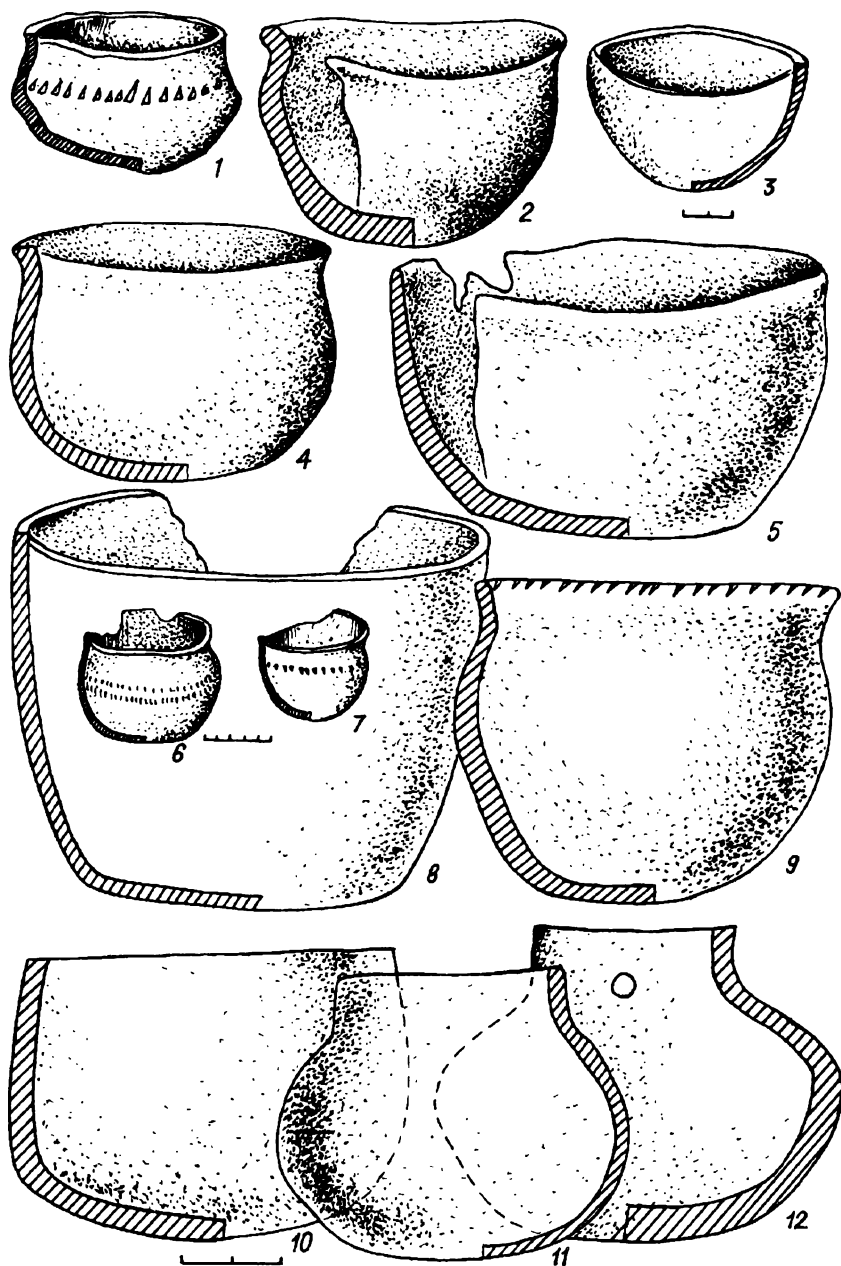

Рис. 22. Типы ритуальных глиняных сосудов (1-12)

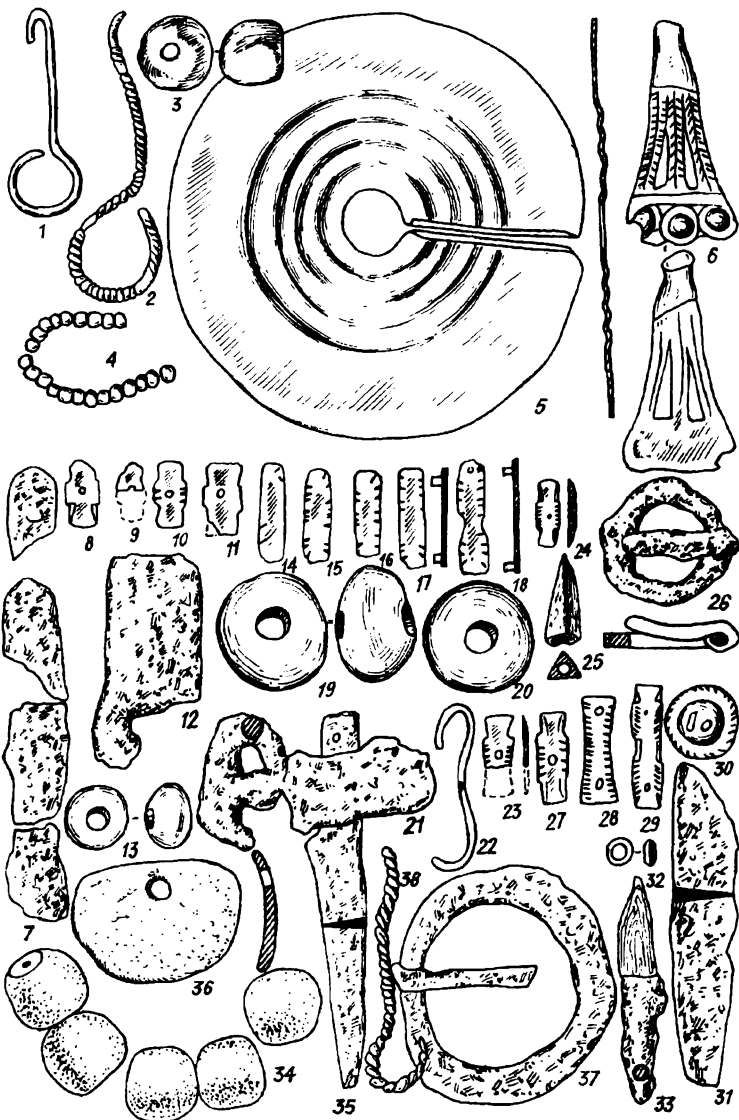

Рис. 23. Комплексы вещей из погребений III в.:

1-6 - погр. 299, Нырғында I; 7-13 - погр. 4, Нырғында I; 14-20 - погр. 27, Чепаниха; 21-23 - погр. 27, Чепаниха; 24-26 - погр. 28, Чепаниха; 27-33 - погр. 66, Нива; 34-36 - погр. 29, Чепаниха; 37-38 - погр. 303, Нырғында I

1, 2, 22, 38 - височные подвески, 3, 4, 13, 19, 20, 34 - бусы, 5 - бляха, 6 - подвеска, 7, 31, 35 - ножи, 8-11, 14-18, 23, 24, 27-29 - поясные накладки, 12, 21, 26, 37 - пряжки, 25 - наконечник стрелы, 30 - бляшка, 32 - пронизка-бусина, 33 - шило, 36 - бляха-раковина

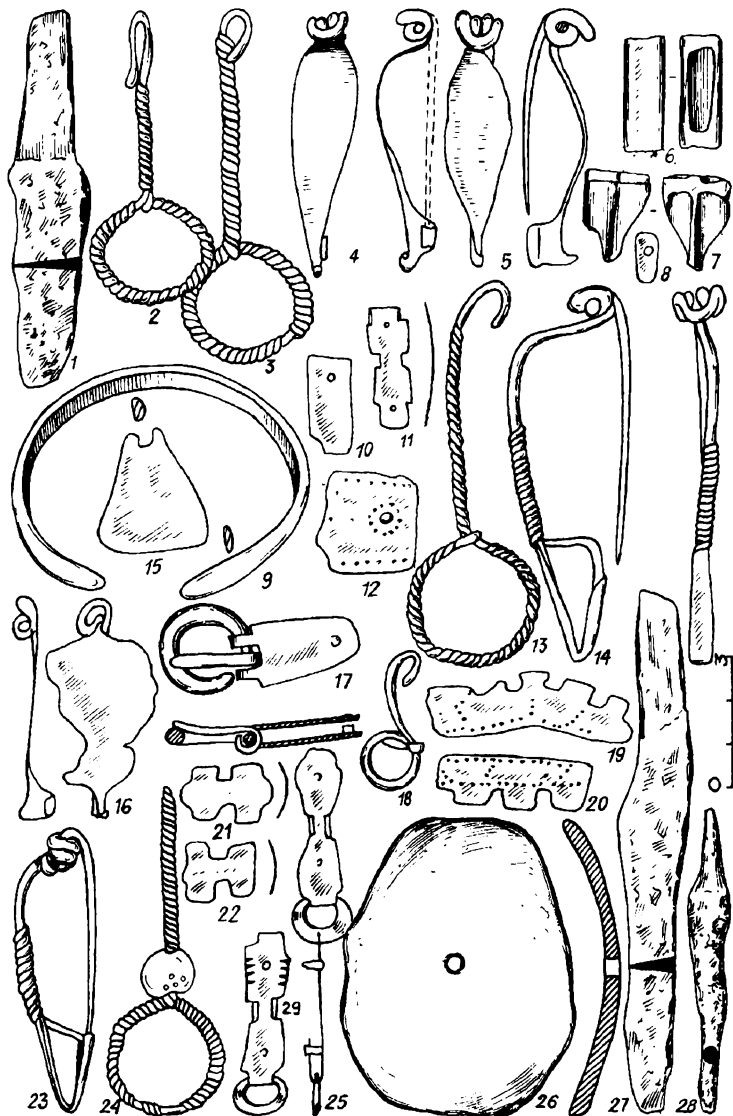

Рис. 24. Комплексы вещей из погребений III в. (5-8 - погр. 25, Тарасово), конца III в. (15-18 - погр. 14, Тарасово), IV в. (1-4 - погр. 19, Тарасово; 8-14 - погр. 2, Тарасово; 19-29 - погр. 61, Тарасово):

1, 7 - ножи, 2, 3, 13, 18, 24 - височные подвески, 4, 5, 14, 16, 23 - фибулы, 6, 7 - полупронизки, 8, 10, 11, 25, 29 - поясные накладки, 12 - фр. фибулы?, 19-22 - накладки (от ножен?), 15 - подвеска, 17 - пряжка, 26 - бляха-раковина, 28 - шило

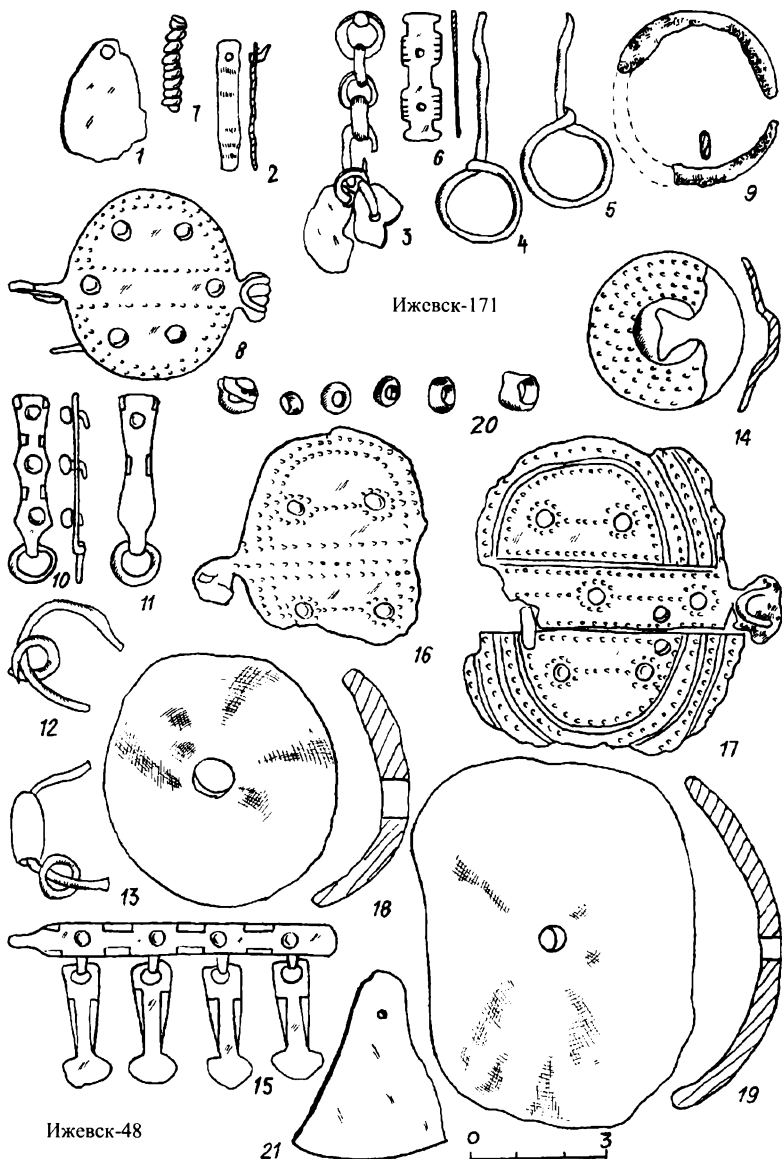

Рис. 25. Комплексы вещей из погребений кон. III–нач. IV вв. (1-9 - погр. 171, Ижевск), IV в. (10-21 - погр. 48, Ижевск):

1, 3, 21 - подвески, 4, 5 - височные подвески, 7, 20 - пронизки, 2, 6, 10, 11 - поясные накладки, 9 - браслет, 8, 16, 17 - фибулы, 12, 13 - височные кольца, 14 - бляшка, 18, 19 - бляхи-раковины (9 - железо, 18, 19 - раковины, остальные предметы - бронза)

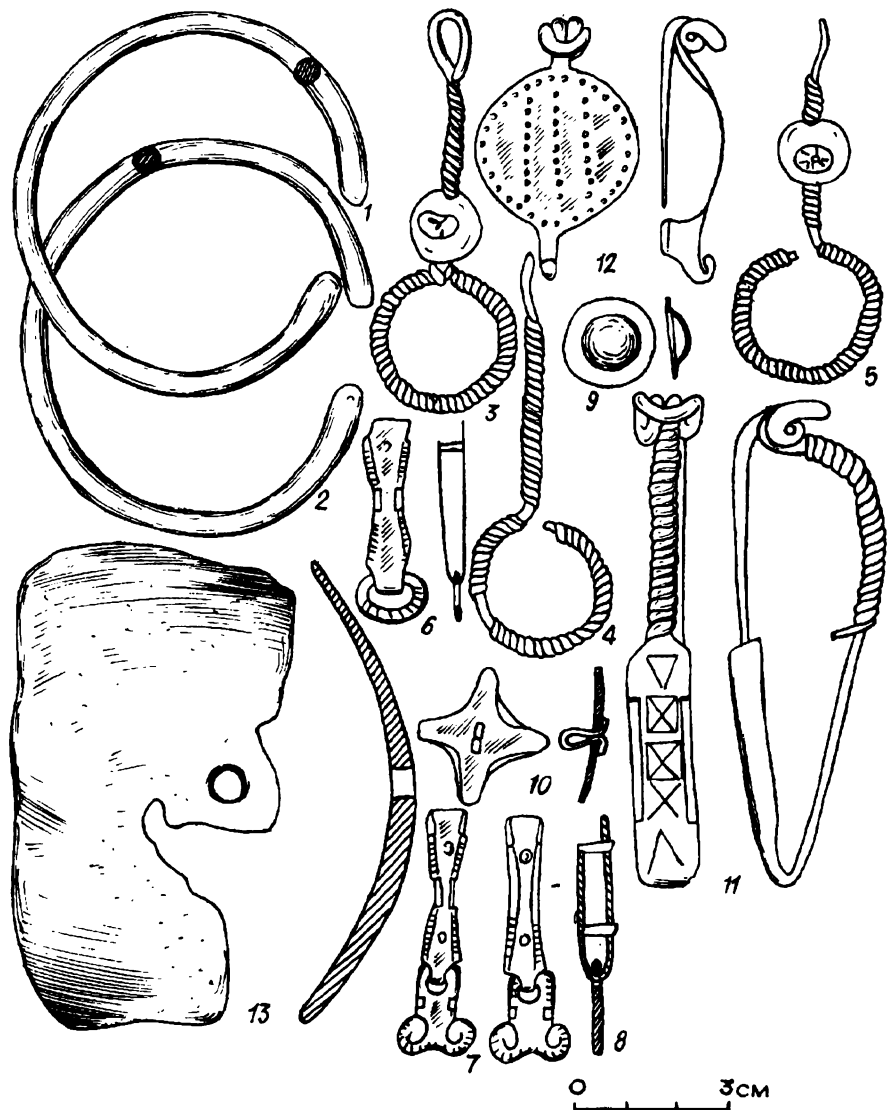

Рис. 26. Комплекс вещей IV в. из погр. 52, (Тарасово):

1, 2 - браслеты, 3-5 - височные подвески, 6-8 - поясные накладки, 9 - умбоновидная бляшка, 10 - накладка, 11, 12 - фибулы, 13 - бляха-раковина (1-12 - бронза, 13 - раковина)

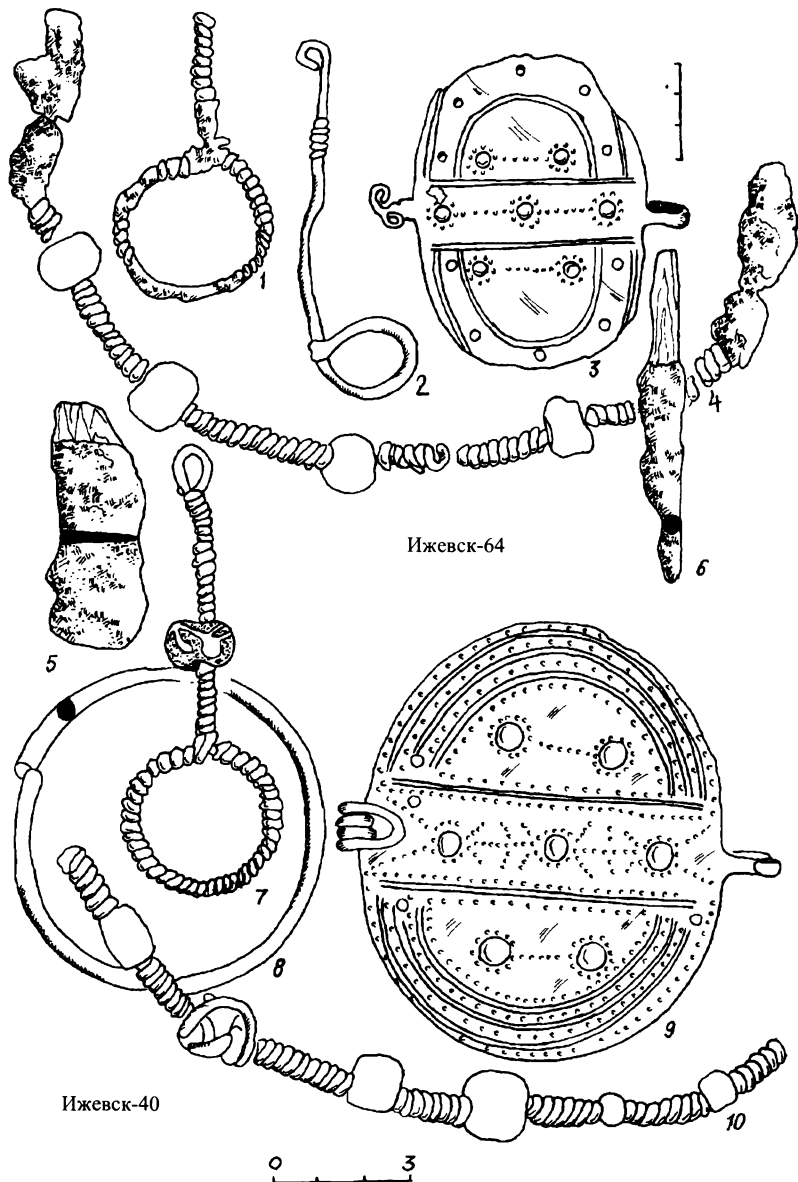

Рис. 27. Комплексы вещей из погребений IV в. (1-6 - погр. 64, Ижевск; 7-10 - погр. 40, Ижевск):

1, 2, 7 - височные подвески, 3, 9 - фибулы, 4, 10 - ожерелья из бус и пронизок, 5 - нож, 6 - шило, 8 - браслет (5, 6 - железо, 4, 10 - бронза, стекло, железо, 1-3, 7-9 - бронза)

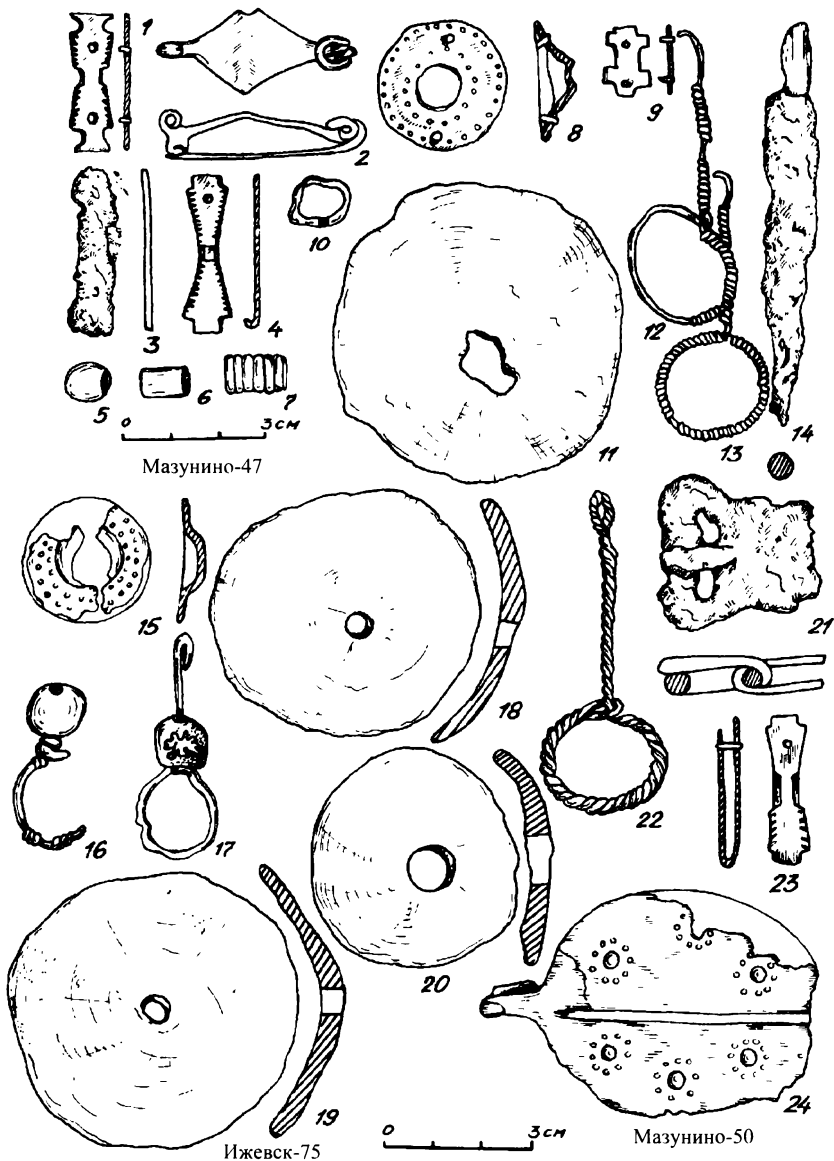

Рис. 28. Комплексы вещей из погребений кон. III–нач. IV вв. (1-14 - погр. 47, Мазунино; 15-20 - погр. 75, Ижевск; 21-24 - погр. 50, Мазунино):

1, 3, 4, 9, 23 - поясные накладки, 2, 24 - фибулы, 8, 15 - бляшки, 5, 7, 10 - пронизки, 11, 18-20 - бляхи-раковины, 14 - нож, 12, 13, 16, 17, 22 - височные подвески, 21 - пряжка (3, 14, 21 - железо, 18-20 - раковина, остальные предметы - бронза)

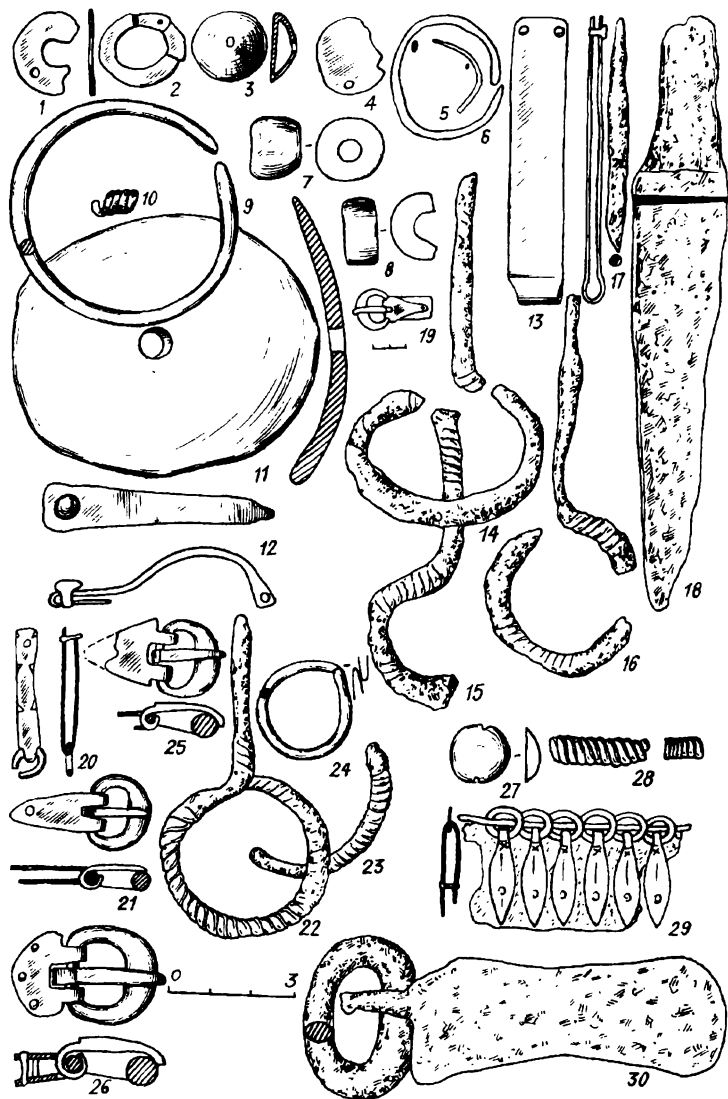

Рис. 29. Комплексы вещей из погребений IV в. (20-21 - погр. 55, Бирск; 22-26 - погр. 12, Бирск; 27-30 - погр. 37, Ангасяк), V в. (1-19 - погр. 61, Бирск):

1, 2, 20, 29 - поясные накладки, 3, 4, 27 - бляшки, 5, 6, 24 - височные кольца, 13 - наконечник ремня, 17 - шило, 18 - нож, 14-16, 22, 23 - височные подвески, 7, 8 - бусы, 11 - бляха-раковина, 12 - фибула, 10, 28 - пронизки, 19, 21, 25, 26, 30 - пряжки (11 - раковина, 17, 18, 30 - железо, 7, 8 - стекло, 14-16, 22, 23 - железо, бронза, остальные предметы - бронза)

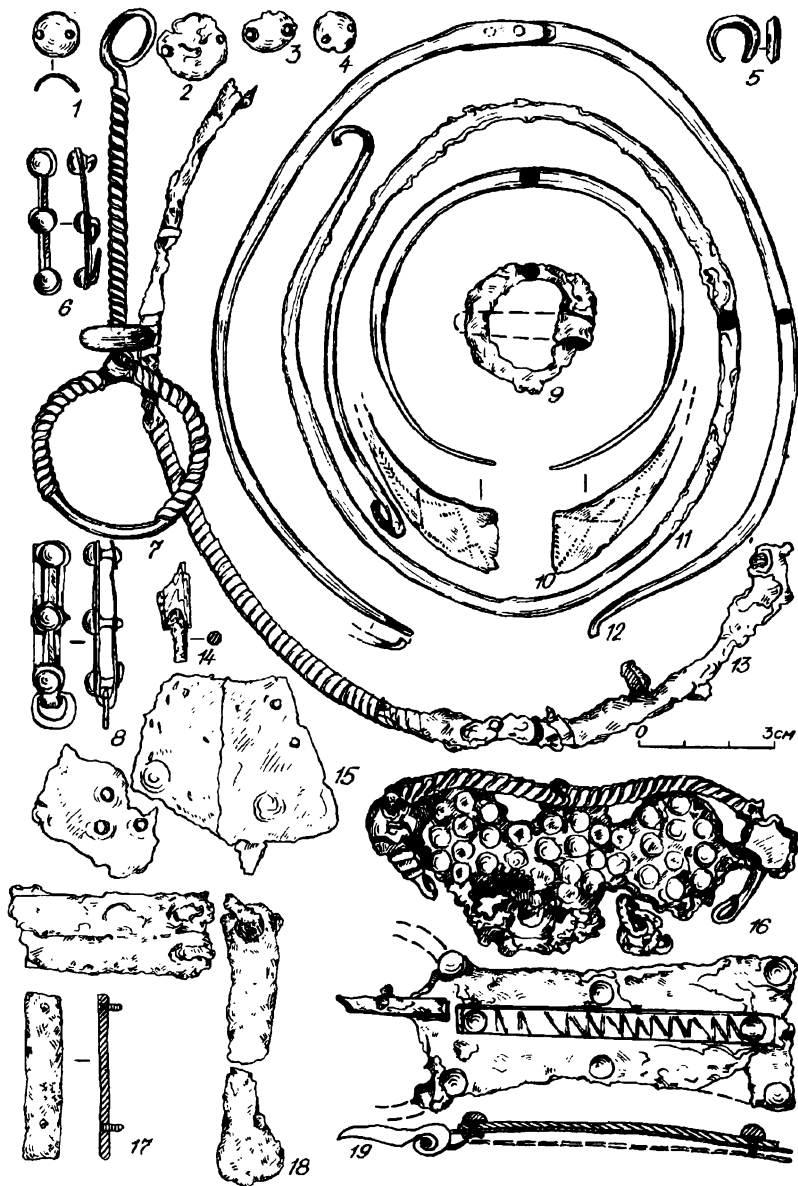

Рис. 30. Комплекс вещей V в. из погр. 28 Покровского могильника:

1-4 - бляшки, 5 - пронизка, 6, 8, 17 - поясные накладки, 9, 19 - пряжки, 10 - браслет, 11-13 - гривны, 14 - шило, 15 - фр. фибулы, 16 - фибула, 18 - наконечник ремня (9, 14, 17, 18 - железо, 13, 16, 19 - железо, бронза, остальные предметы - бронза)

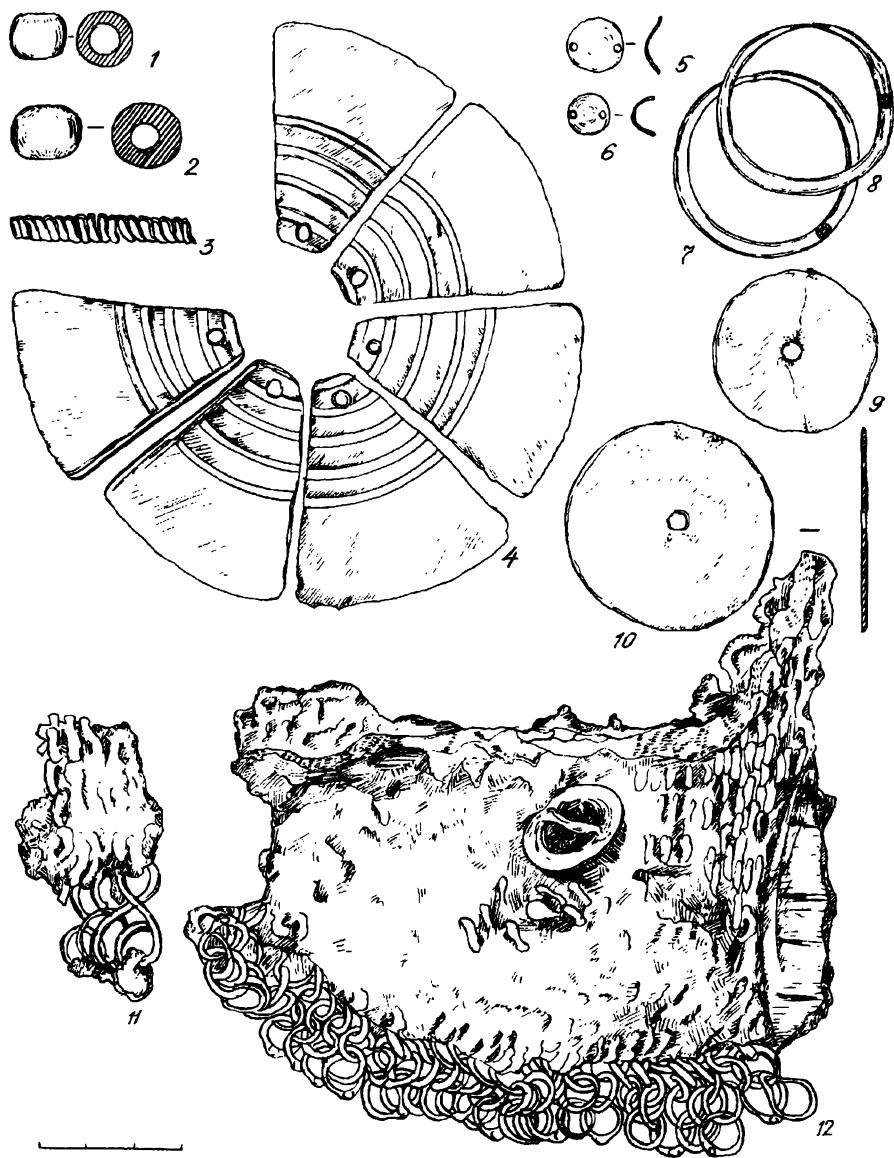

Рис. 31. Комплекс вещей V в. из погр. 147 Покровского могильника:

1, 2 - бусы, 3 - пронизка, 4 - подвески из нагрудной бляхи-застежки, 5, 6 - бляшки, 7, 8 - височные кольца, 9, 10 - бляхи, 11, 12 - обломки украшений из колец (12 - накосник) (1, 2 - стекло, 11, 12 - железо, бронза, 3-10 - бронза)

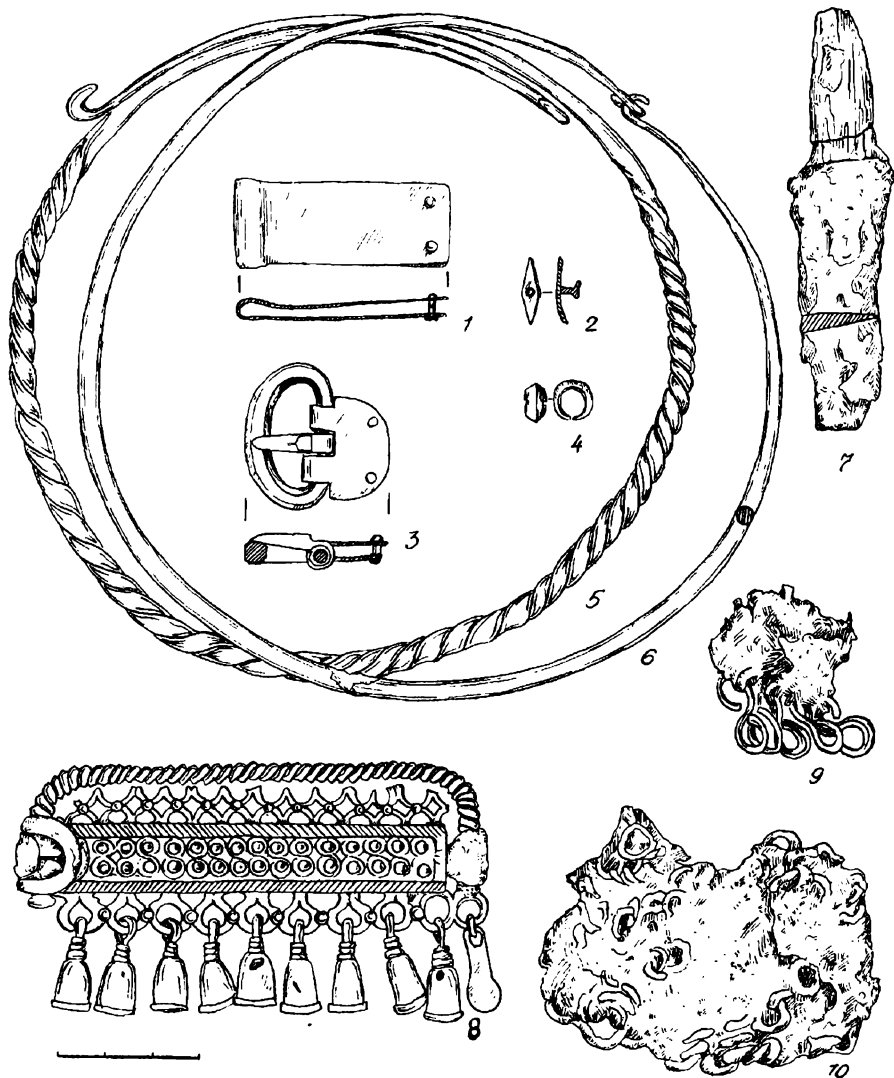

Рис. 32. Комплекс вещей V в. из погр. 147 Покровского могильника (продолжение):

1 - наконечник ремня, 2 - поясная накладка, 3 - пряжка, 4 - пронизка, 5, 6 - гривны, 7 - нож, 8 - фибула, 9, 10 - обл. украшений из колец и подвесок (1-6, 8 - бронза, 7, 10 - железо, 9 - бронза, железо)

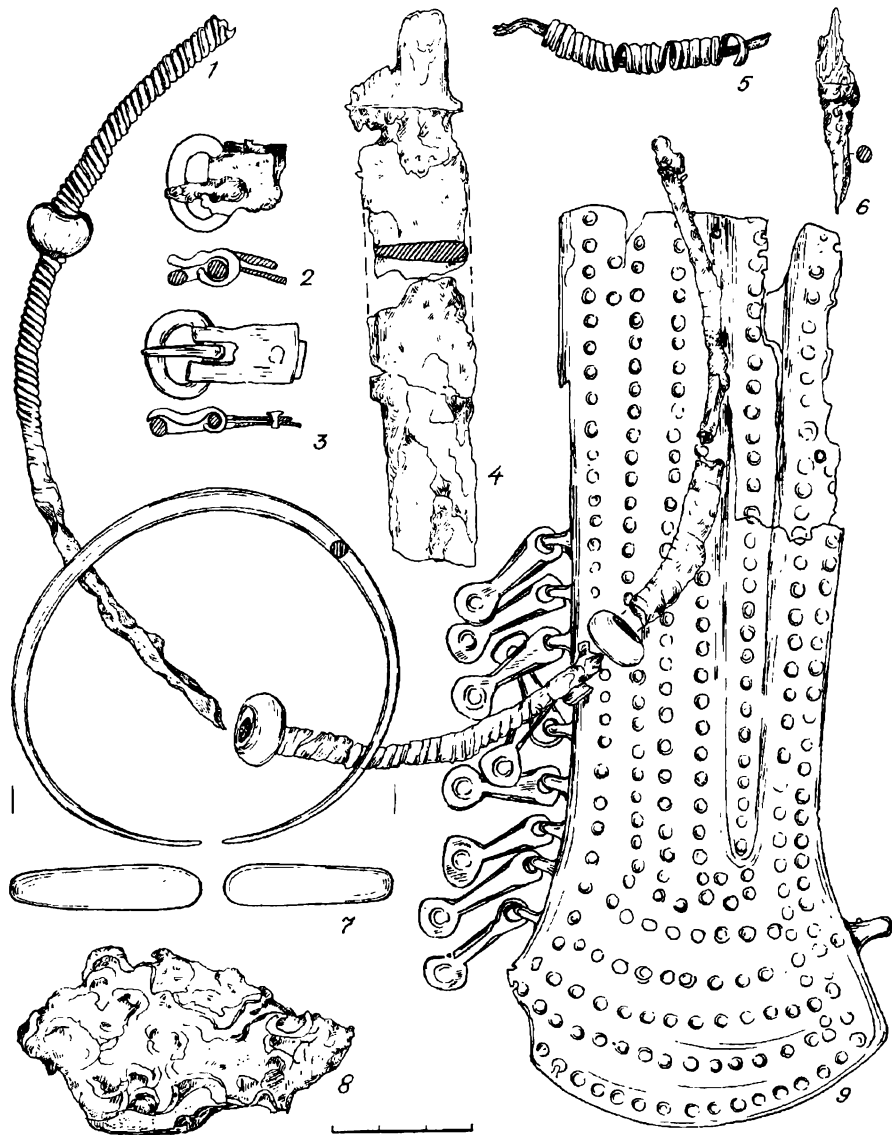

Рис. 33. Комплекс вещей V в. из погр. 95 Покровского могильника:

1 - гривна, 2, 3 - пряжки, 4 - обл. ножа, 5 - пронизка, 6 - шило, 7 - браслет, 8 - украшение из железных колец (накосник), 9 - ножны для ножа и шила (2 - бронза, железо, 3, 5, 7, 9 - бронза, 1 - бронза, железо, стекло, 4, 6, 8 - железо)

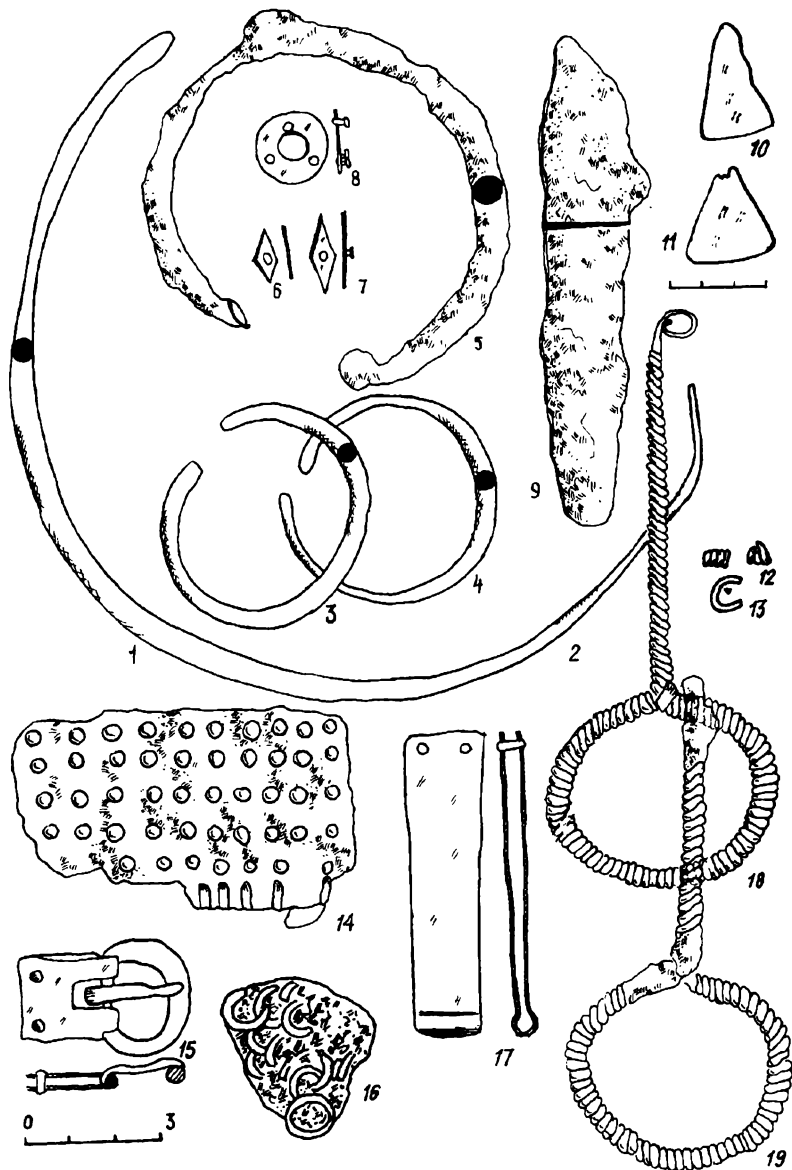

Рис. 34. Комплекс вещей V в. из погр. 98 Старокабановского могильника:
 1 - гривна, 3, 4 - височные кольца, 5 - браслет, 6-8 - поясные накладки, 9 - нож, 10, 11 - подвески, 12, 13 - пронизки, 15 - пряжка, 16 - обл. головного украшения (накосника), 17 - наконечник ремня, 18, 19 - височные подвески (5, 9, 16 - железо, 14 - железо, бронза, остальные предметы - бронза)

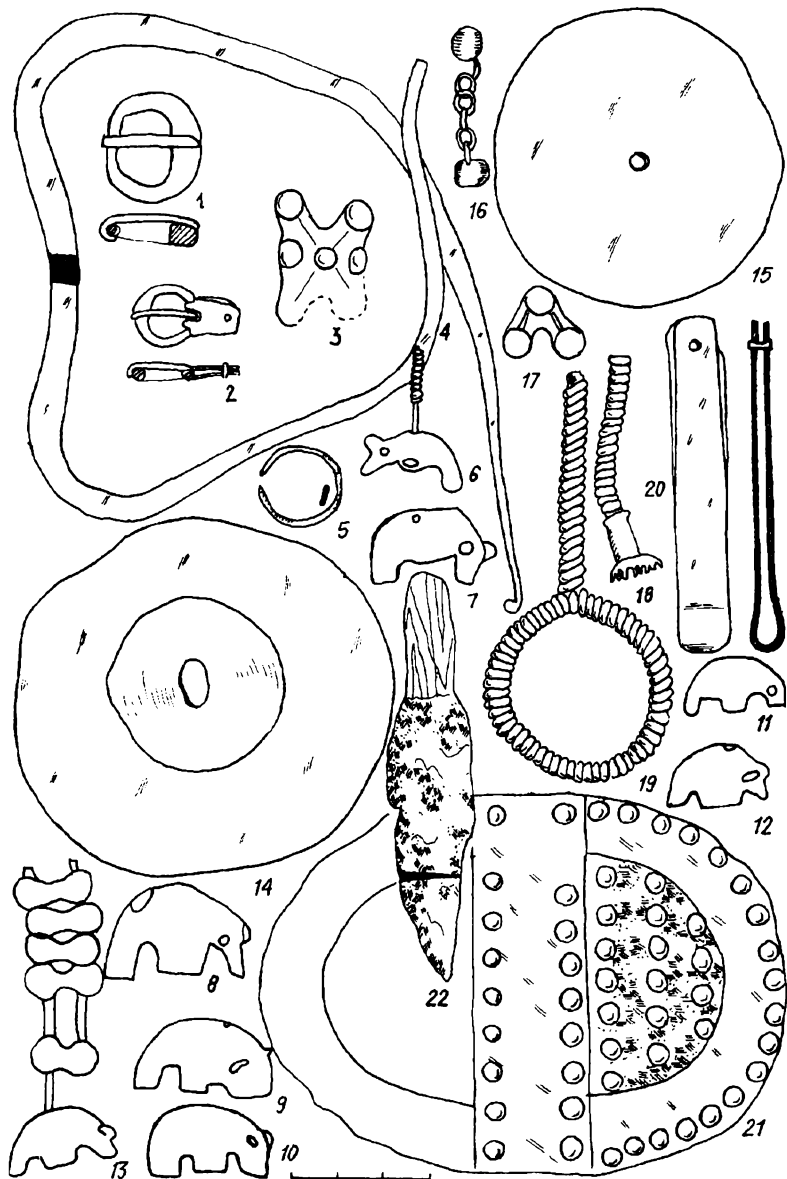

Рис. 35. Комплекс вещей V в. из погр. 10 Югомашевского могильника:

1, 2 - пряжки, 3, 17 - накладки, 5 - височное кольцо, 6-13 - подвески, 14, 15 - бляхи, 16 - подвеска-цепочка, 18 - пронизка с подвеской, 19 - височная подвеска, 20 - наконечник ремня, 21 - фибула, 22 - нож (1-20 - бронза, 21 - железо, бронза, 22 - железо)

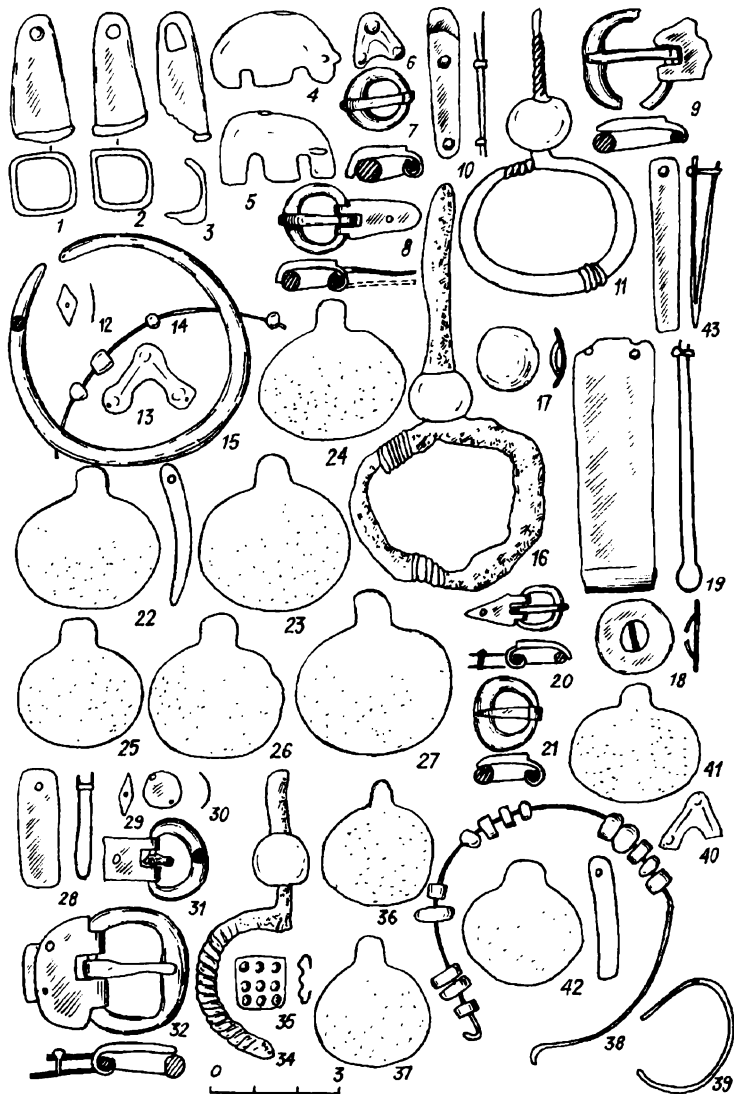

Рис. 36. Комплексы вещей V в. из погребений Югомашевского могильника (1-12, 43 - погр. 24; 13-27 - погр. 7; 28-37 - погр. 4 (раскоп 111); 38-42 - погр. 16):

1-5, 22-27, 36, 37, 41, 42 - подвески, 6, 13, 40 - накладки, 7-9, 20, 21, 31, 32 - пряжки, 15 - браслет, 17, 18, 30 - бляшки, 11, 16, 34 - височные подвески, 14, 38, 39 - височные кольца, 10, 19, 43 - наконечники ремней, 12, 29 - поясные накладки, 35 - пронизки (22-27, 36, 37, 41, 42 - раковина, 14, 38 - бронза, стекло, остальные предметы - бронза)

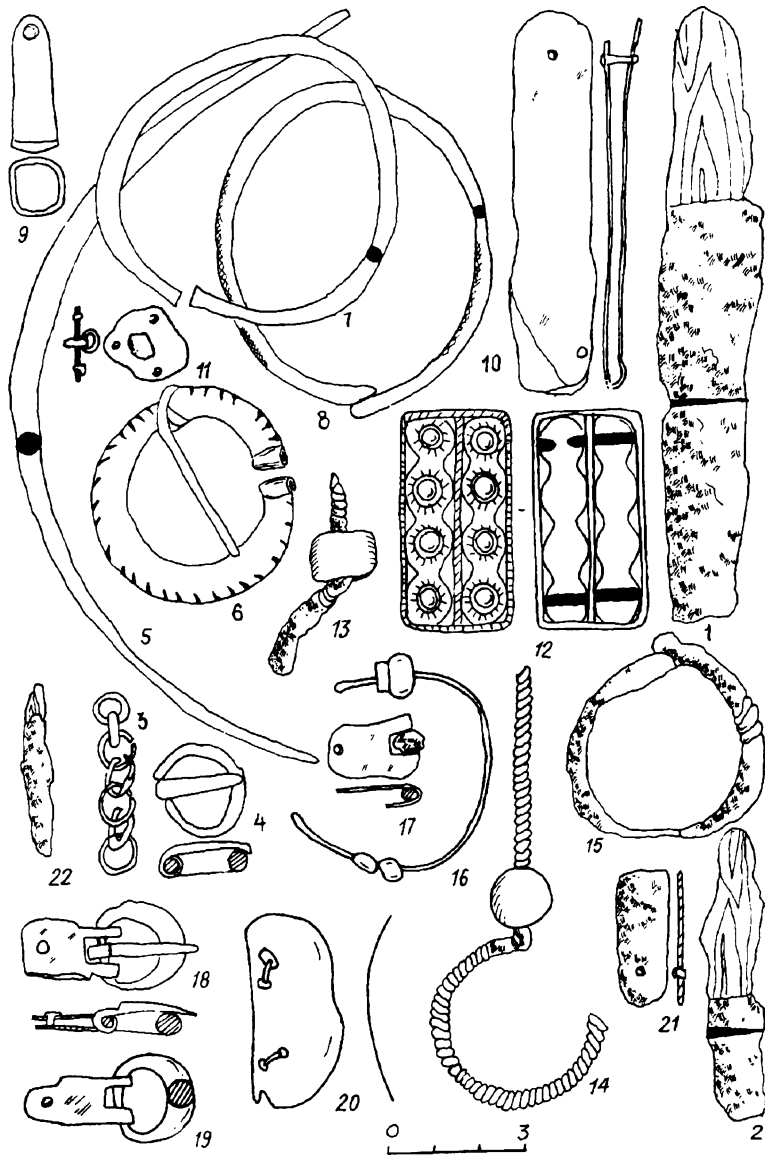

Рис. 37. Комплекс вещей V в. из погр. 5 Бахмутинского могильника:

1, 2 - ножи, 3 - подвеска-цепочка, 4, 17-19 - пряжки, 5 - фр. гривны, 6 - сюльгама, 7, 8 - браслеты, 9 - подвеска, 10, 21 - наконечники ремней, 11, 20 - бляхи, 12 - накладка, 13-15 - височные подвески, 16 - височное кольцо, 22 - шило (1, 2, 21, 22 - железо, 13-15 - бронза, стекло, железо, остальные предметы - бронза)

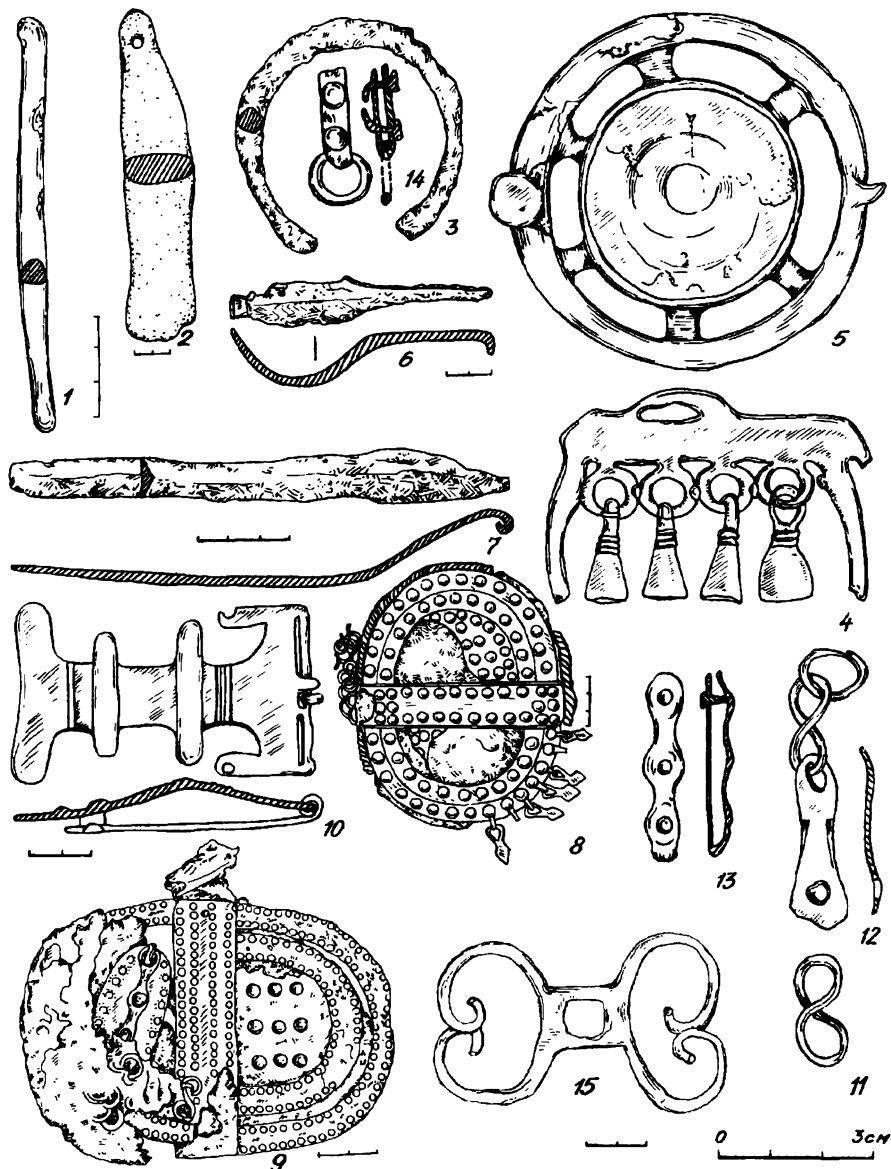

Рис. 38. 1 - слиток меди, 2 - точильный брусок, 3 - браслет, 4 - подвеска-конек, 5, 10 - застёжки-фибулы, 7 - коса, 6 - ложжарь, 8, 9 - бабочковидные фибулы, 11, 12 - подвески, 13, 14 - поясные накладки, 15 - накладка (1 - медь, 2 - камень, 3, 6, 7 - железо, 8, 9 - железо, бронза, 4, 5, 10-15 - бронза)

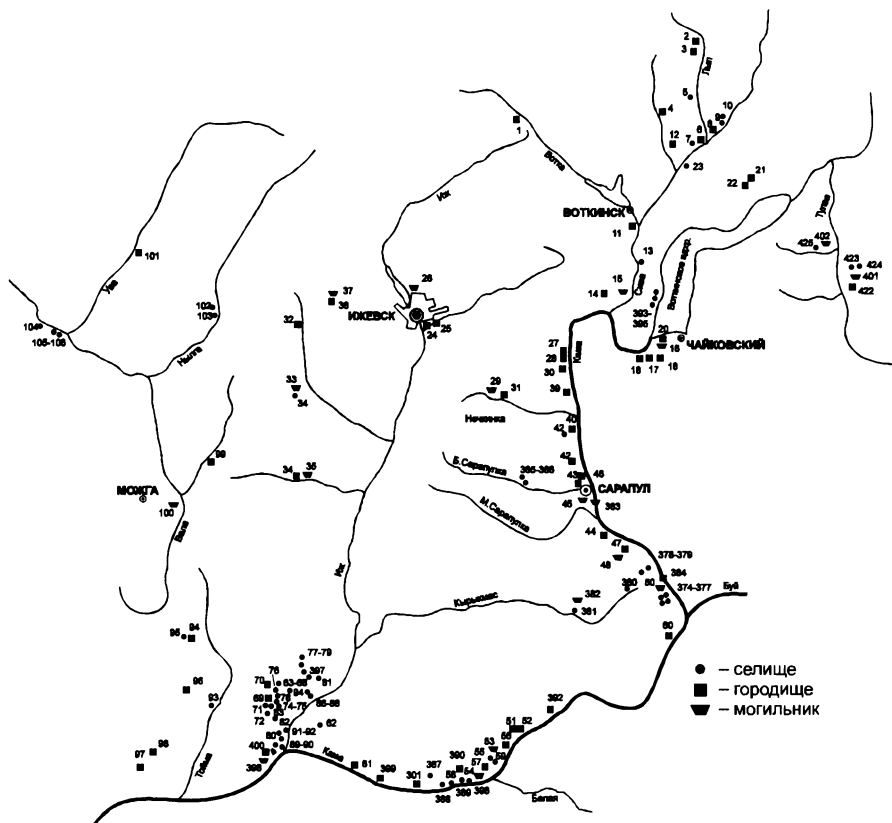

Рис. 39. Карта памятников удмуртской группы мазунинской культуры

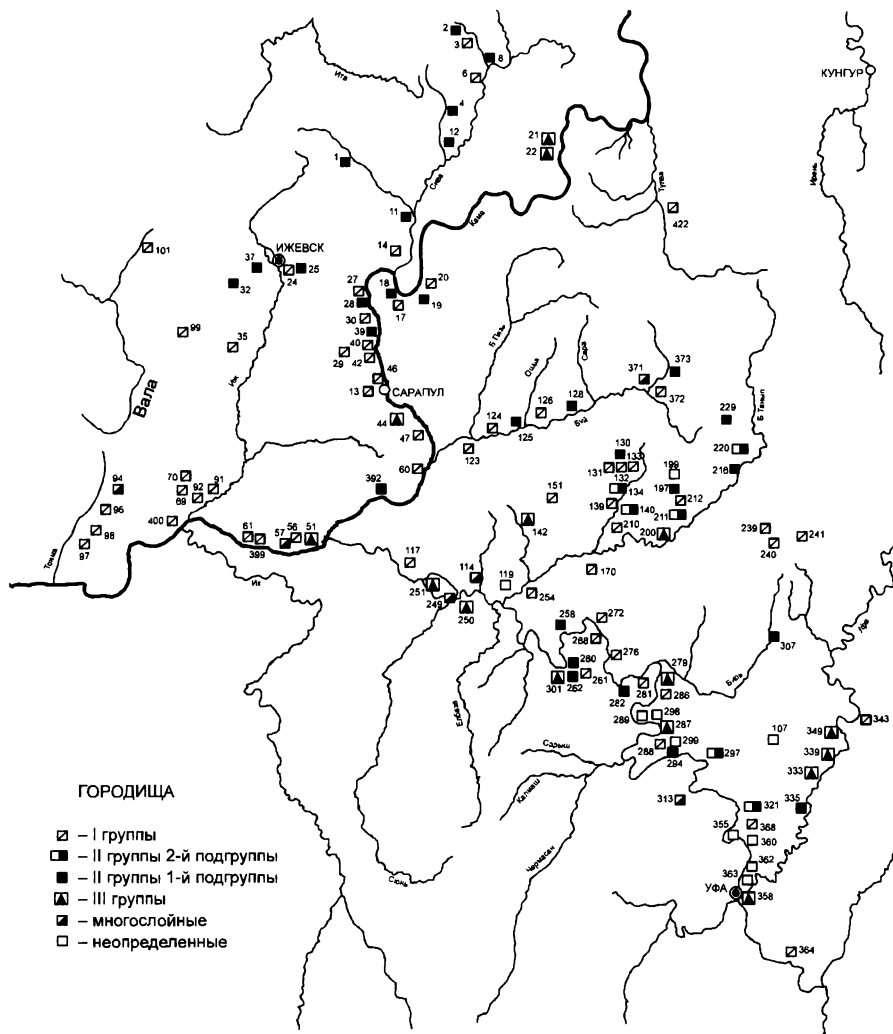

Рис. 41. Карта городищ мазунинской культуры

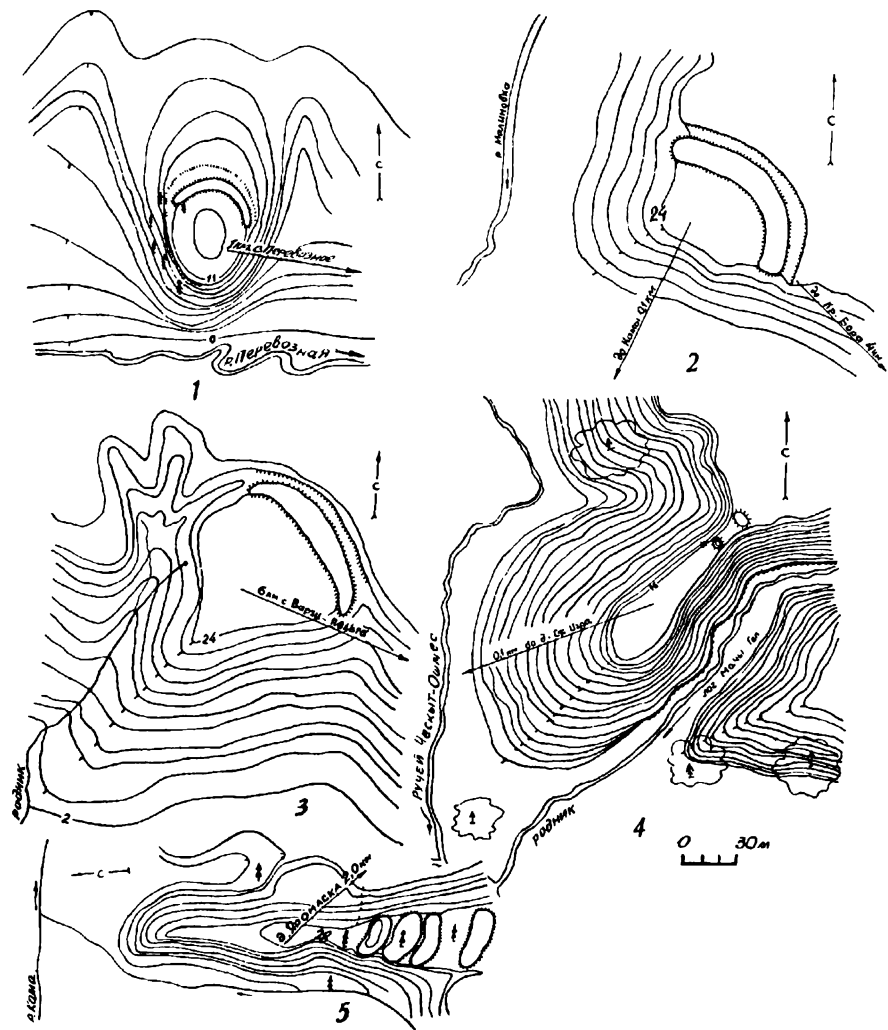

Рис. 42. Топографические планы городищ мазунинской культуры:

1 - Перевозинское, 2 - Малиновское малое, 3 - Варзи-Пельгинское, 4 - Староигринское, 5 - Яромасское

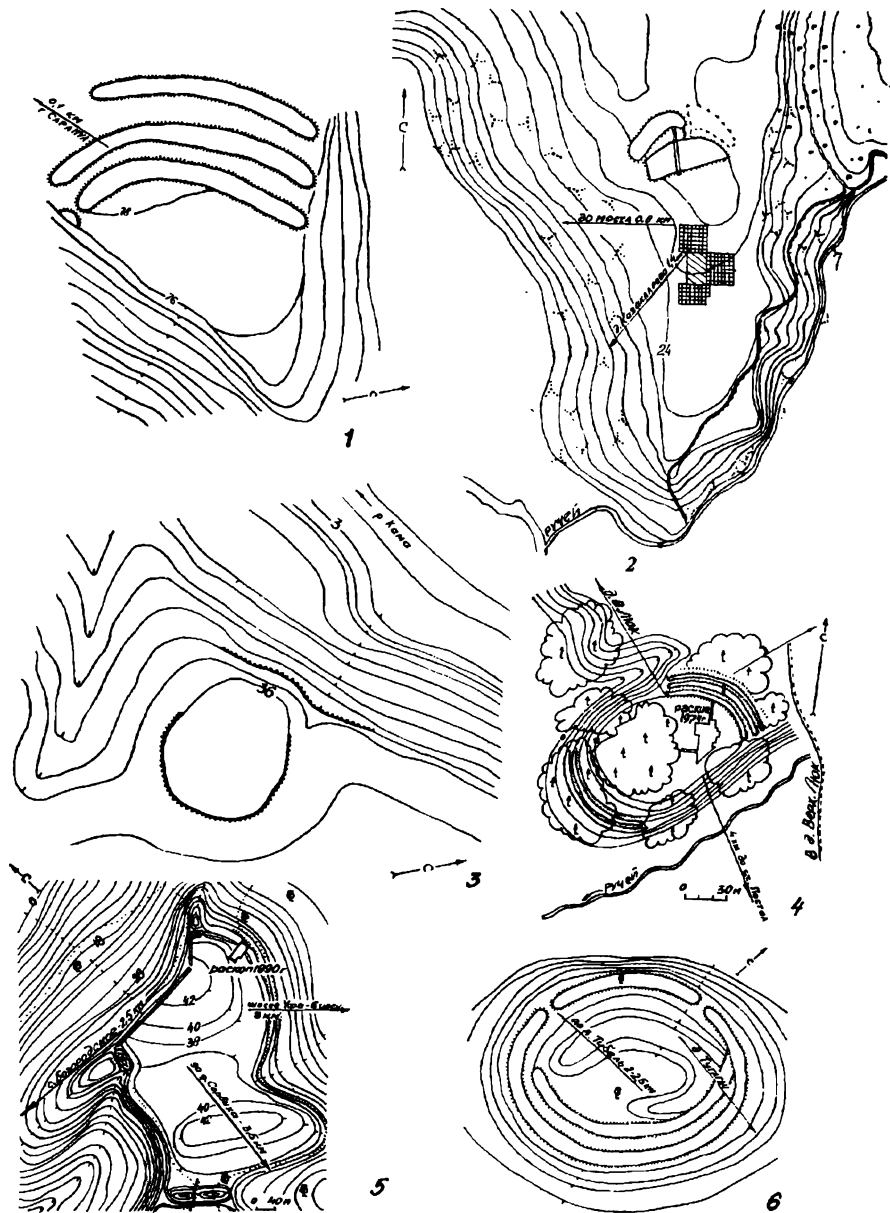

Рис. 43. Топографические планы городищ мазунинской культуры:
 1 - Чупихинское, 2 - Казакларовское I, 3 - Сайгатское I, 4 - Постольское (Кленовый мыс), 5 - Сорвихинское, 6 - Тибельское

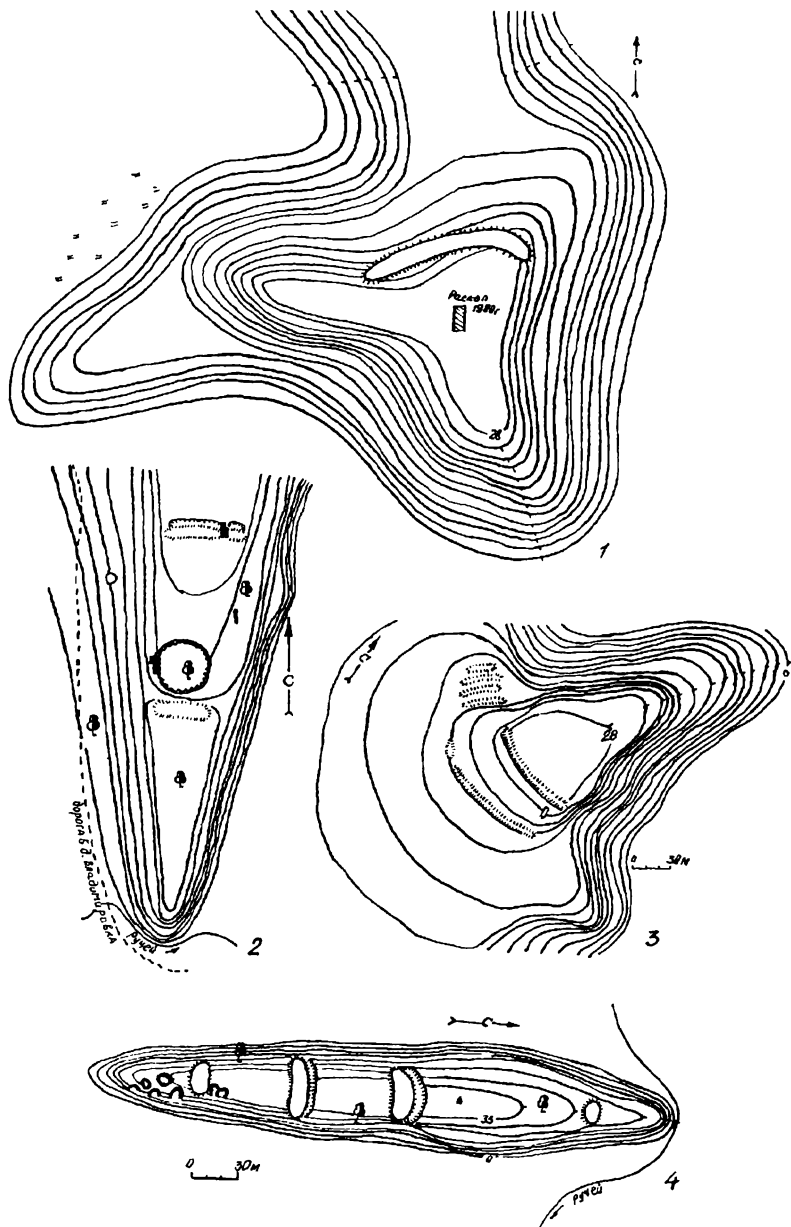

Рис. 44. Топографические планы городищ мазунинской культуры:

1 - Казакларовское III, 2 - городище Варязское, 3 - Югомашевское I, 4 - городище Барязское

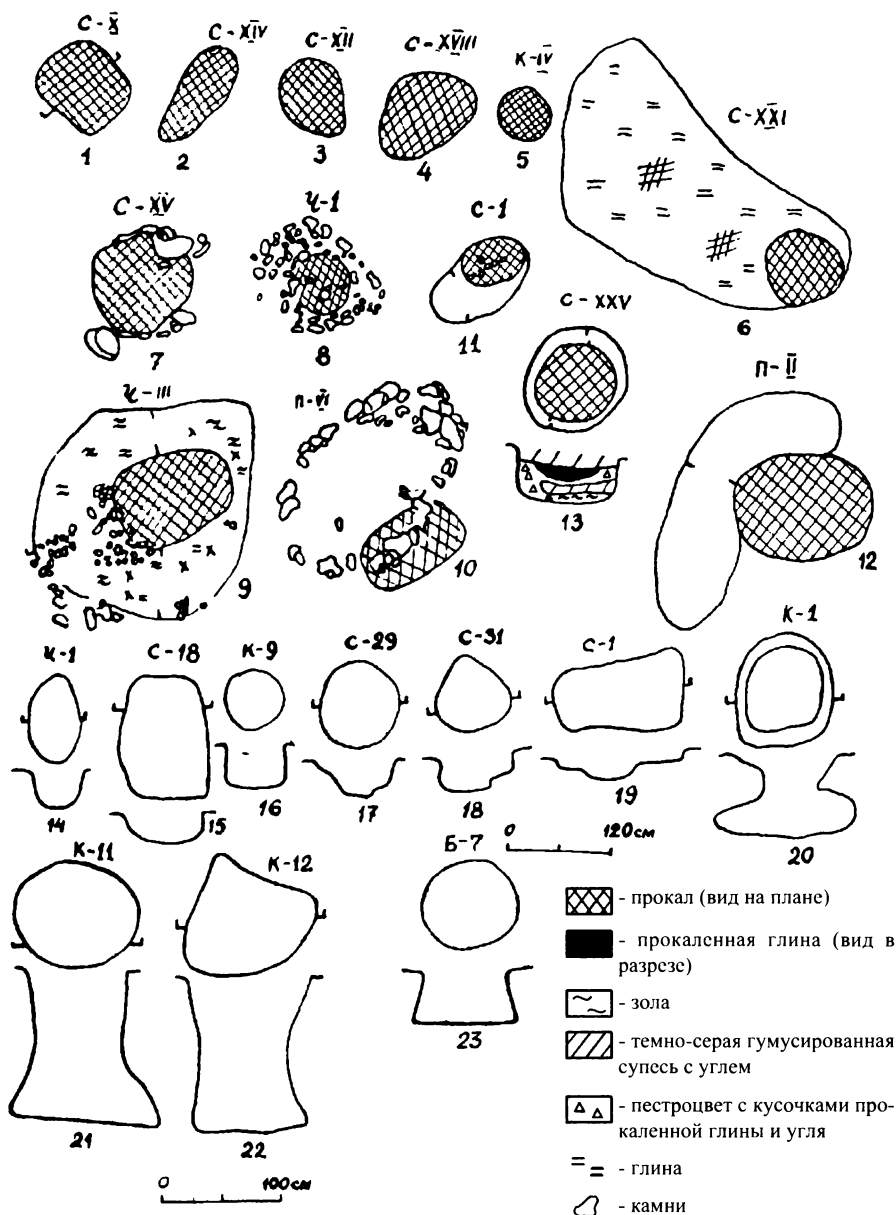

Рис. 45. Виды и типы сооружений, обнаруженных на городищах мазунинской культуры:

1-13 - очаги, 14-23 - хозяйственные ямы

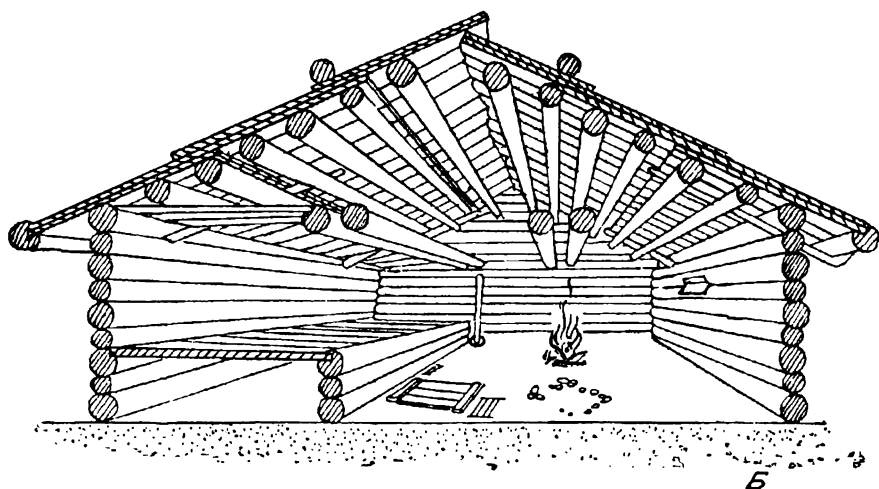
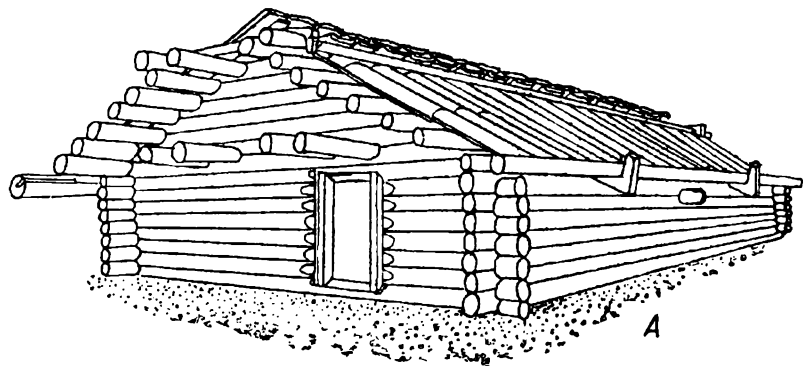

Рис. 47. Постольское городище, реконструкция жилища:

А - общий вид с северо-востока, Б - интерьер жилища

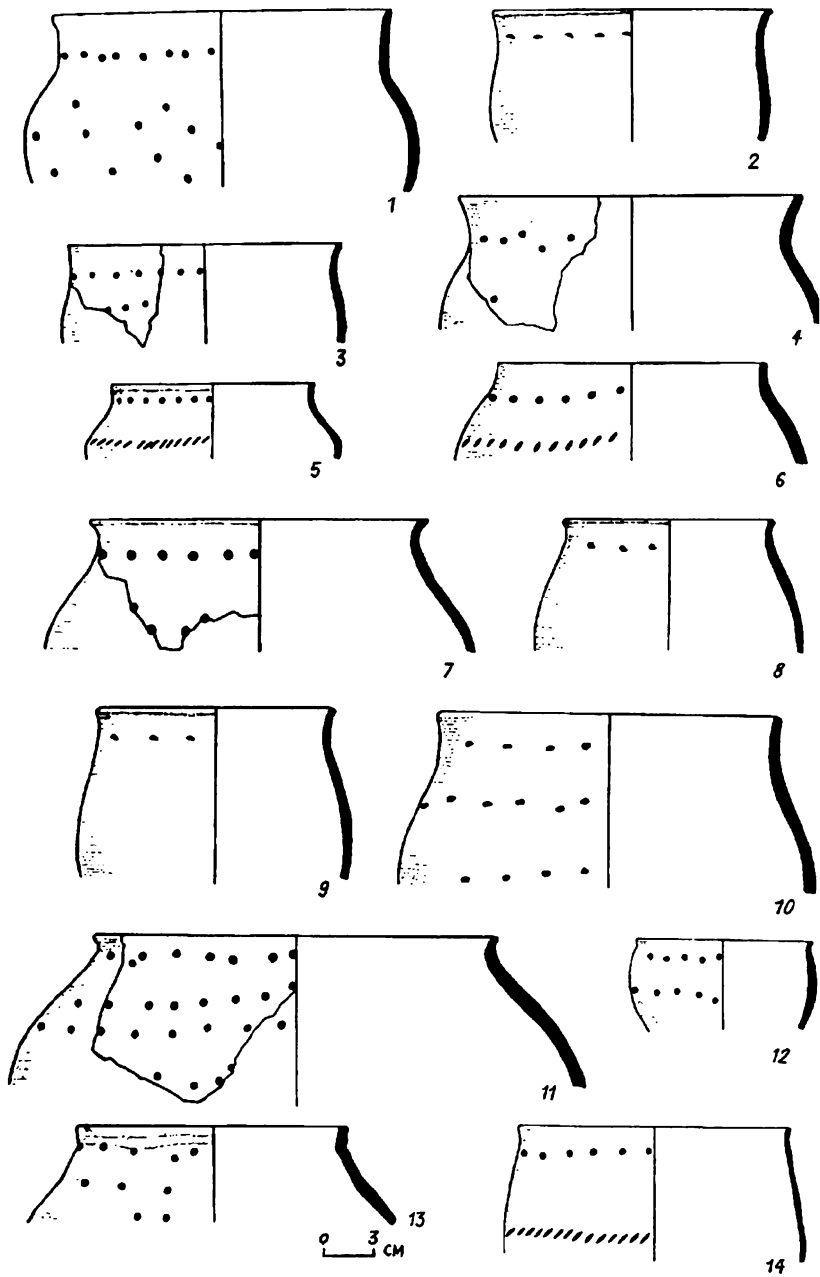

Рис. 48. Сосуды Казакларовского I городища

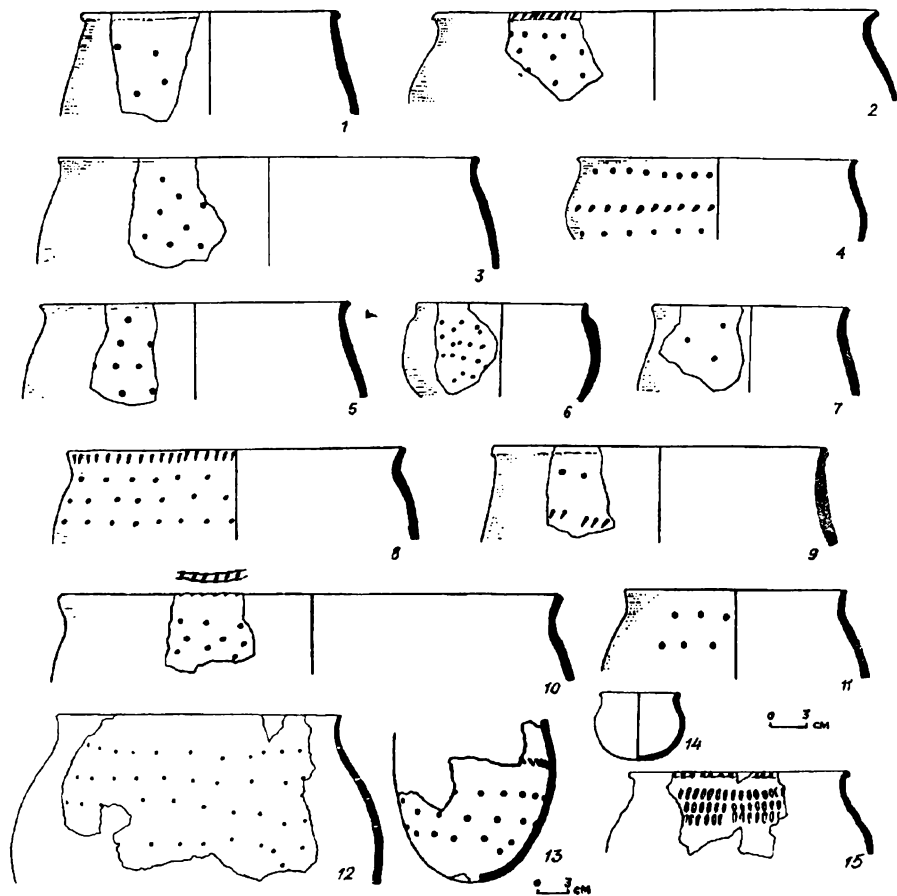

Рис. 49. Сосуды Барязского городища (1-11), Казакларовского (12-14) и Сосновского (15) городищ

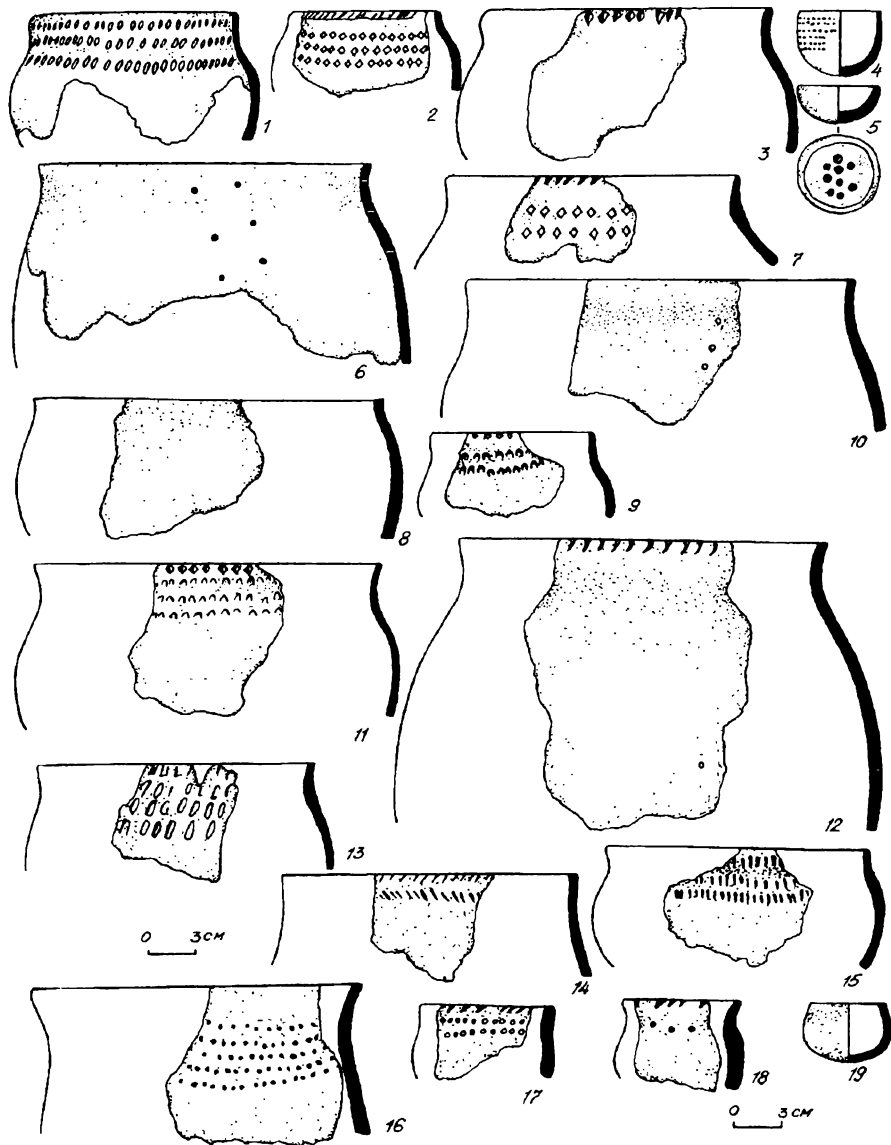

Рис. 50. Сосуды Чужьяловского городища:
горшки (1-3, 6-16), миниатюрные чашечки (4, 5, 19), стопки (17, 18)

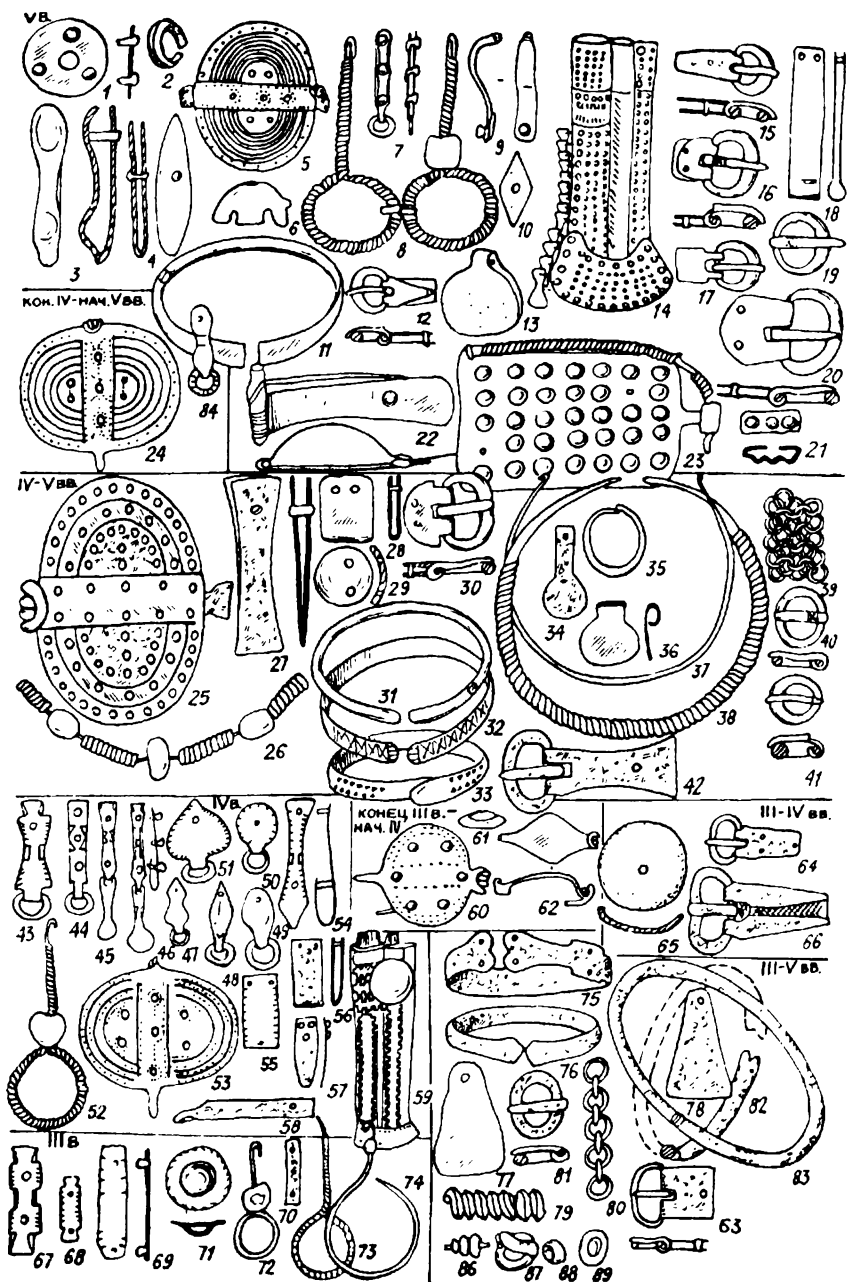

Рис. 51. Хронология вещевого материала мазунинской культуры

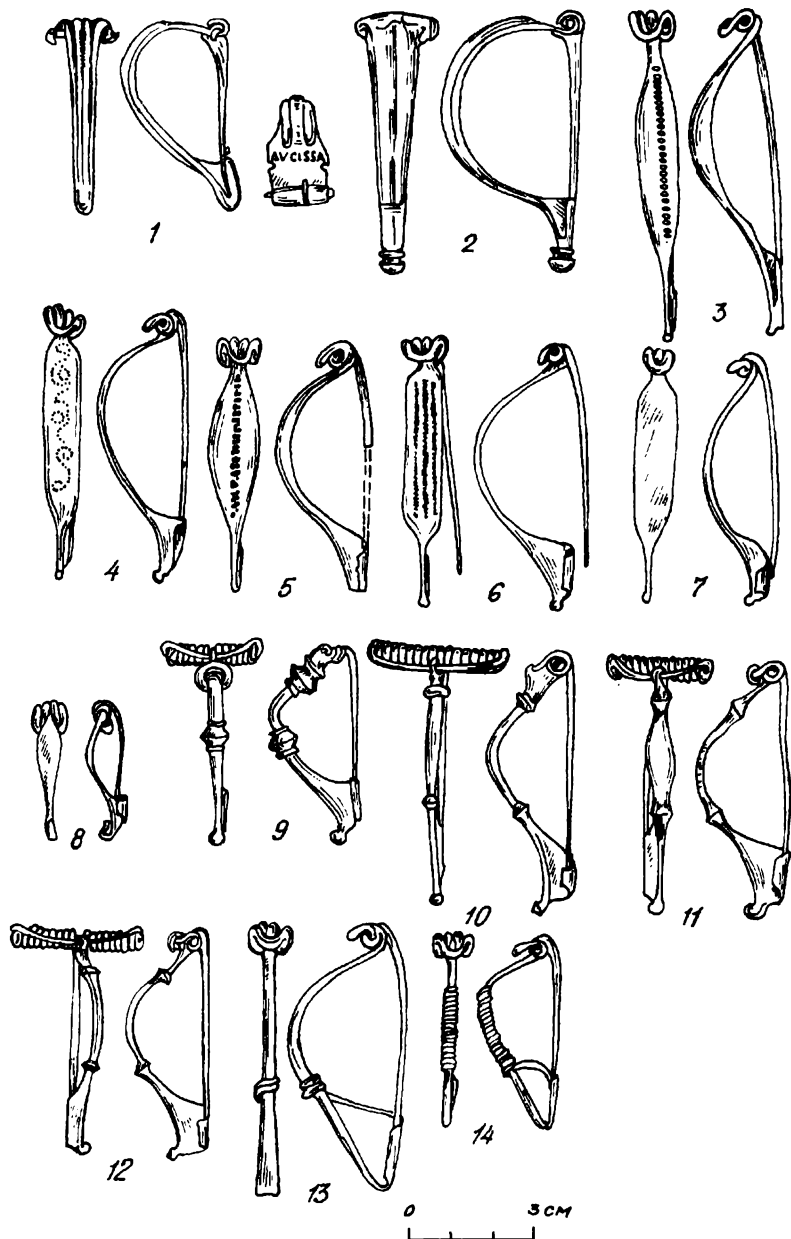
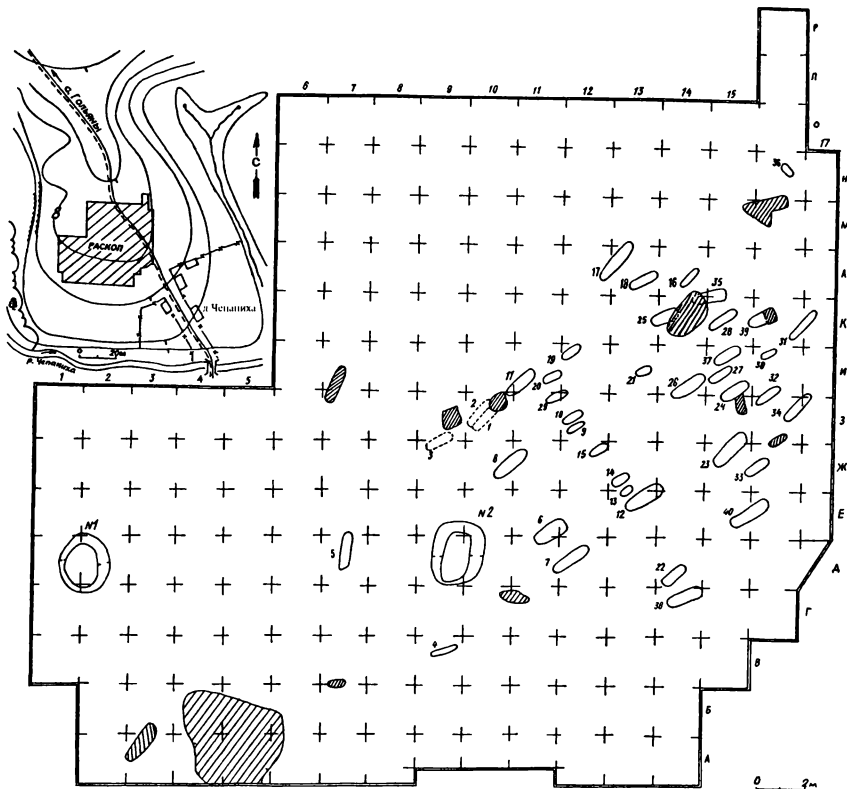

Рис. 52. Фибулы Новосасыкульского могильника (по С.М.Васюткину и В.К.Калинину)

Условные обозначения:

▨ - поздние ямы

⋯ - погребения, найденные в 1958 г.

Рис. 53. Чепанихинский могильник. Топографический план и план раскопа

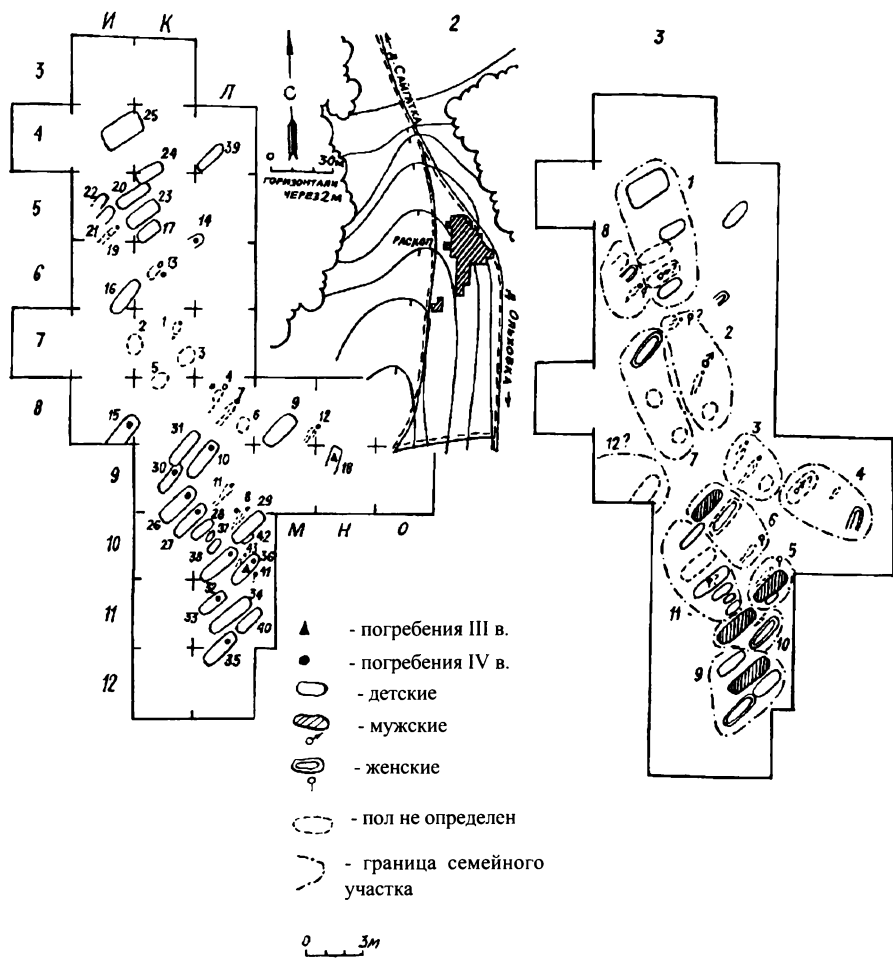

Рис. 54. Сайгатский могильник:

1 - план раскопа, 2 - топографический план, 3 - территории семейных кладбищ

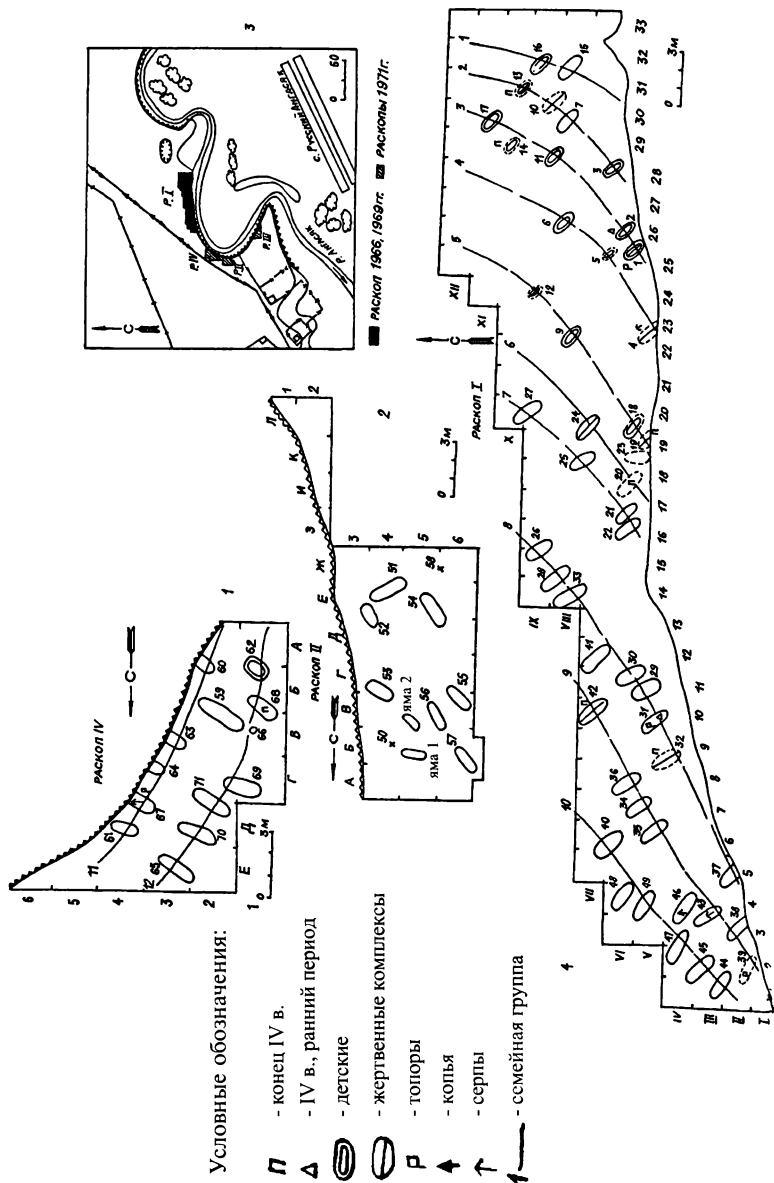

Рис. 56. Ангасякский могильник:

3 - топографический план, 1, 2, 4 - планы раскопов с выделением семейных групп

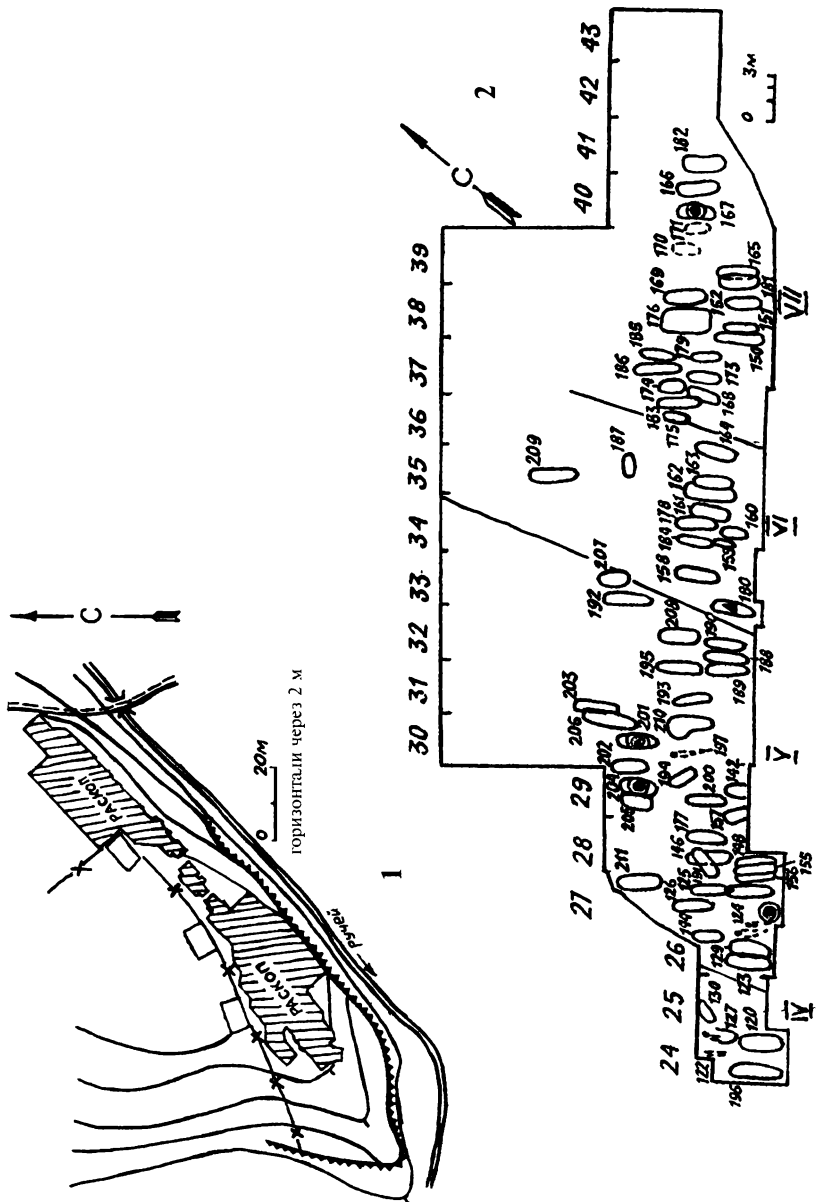
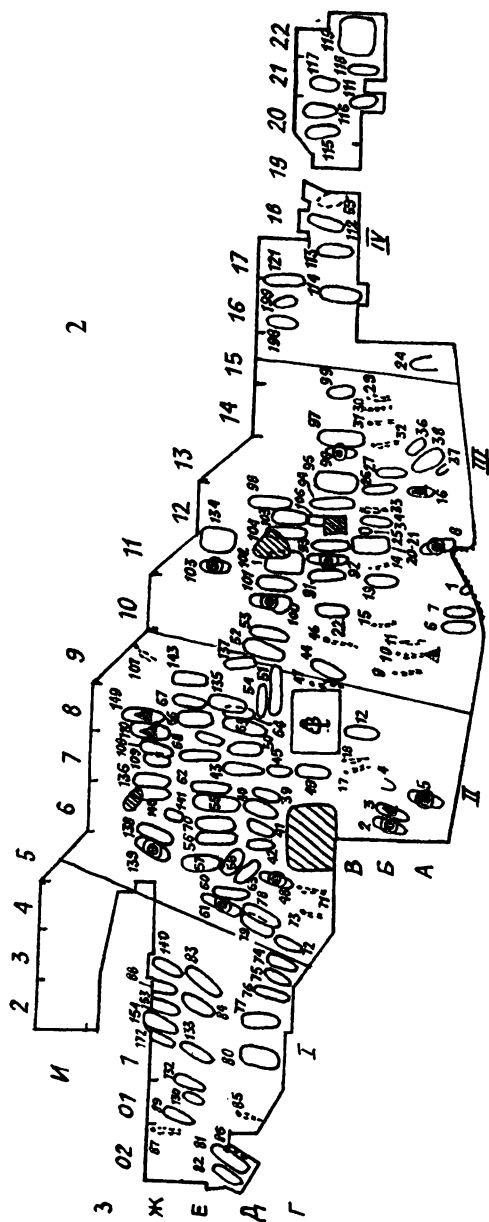

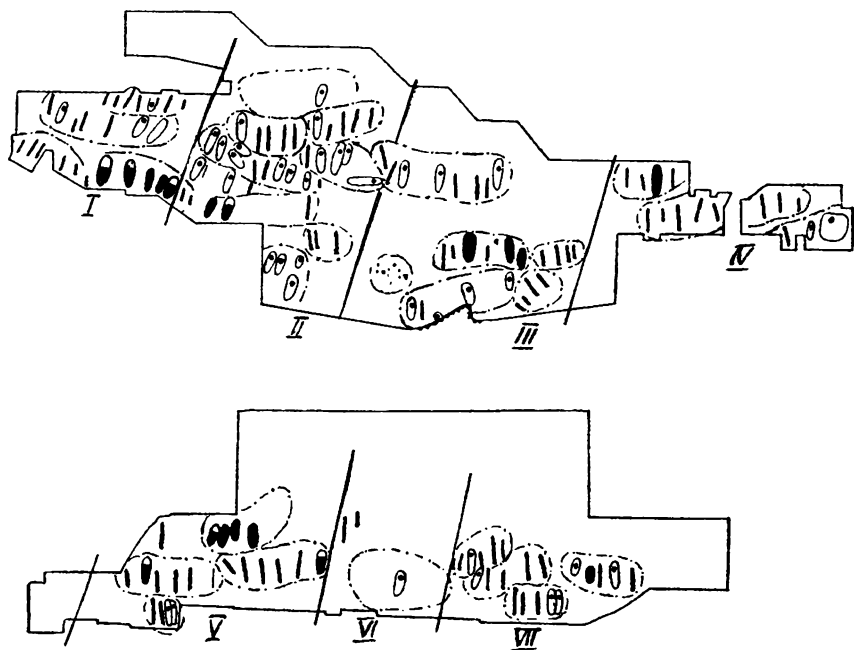
Рис. 57. Ижевский могильник:

1 - топографический план, 2 - план раскопа с выделением богатых погребений

▲ - мужские погребения с мечами, орудиями труда, удилами

● - женские с 6-9 предметами (роскошные пояса, жертвенные комплексы, украшения)

1

Условные обозначения:

— — — - граница семейного участка

— — — - граница патронимий

/// - погребения без даты

○ - III в.

● - кон. III – нач. IV в.

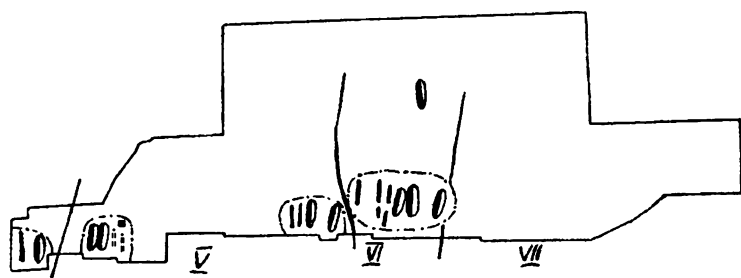
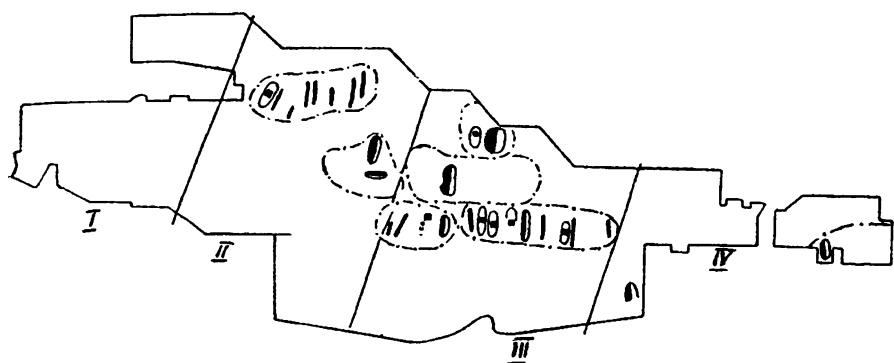
○ - IV в.

◐ - кон. IV – нач. V в.

◑ - V в.

Рис. 58. Ижевский могильник. Хронология погребений, границы кладбищ семей и патронимий:

1 - погребения III-IV вв., 2 - погребения кон. IV-V вв.

2

Условные обозначения:

— — - граница семейного участка

— — - граница патронимий

/// - погребения без даты

⦿ - III в.

● - кон. III – нач. IV в.

⦿ - IV в.

⦿ - кон. IV – нач. V в.

⦿ - V в.

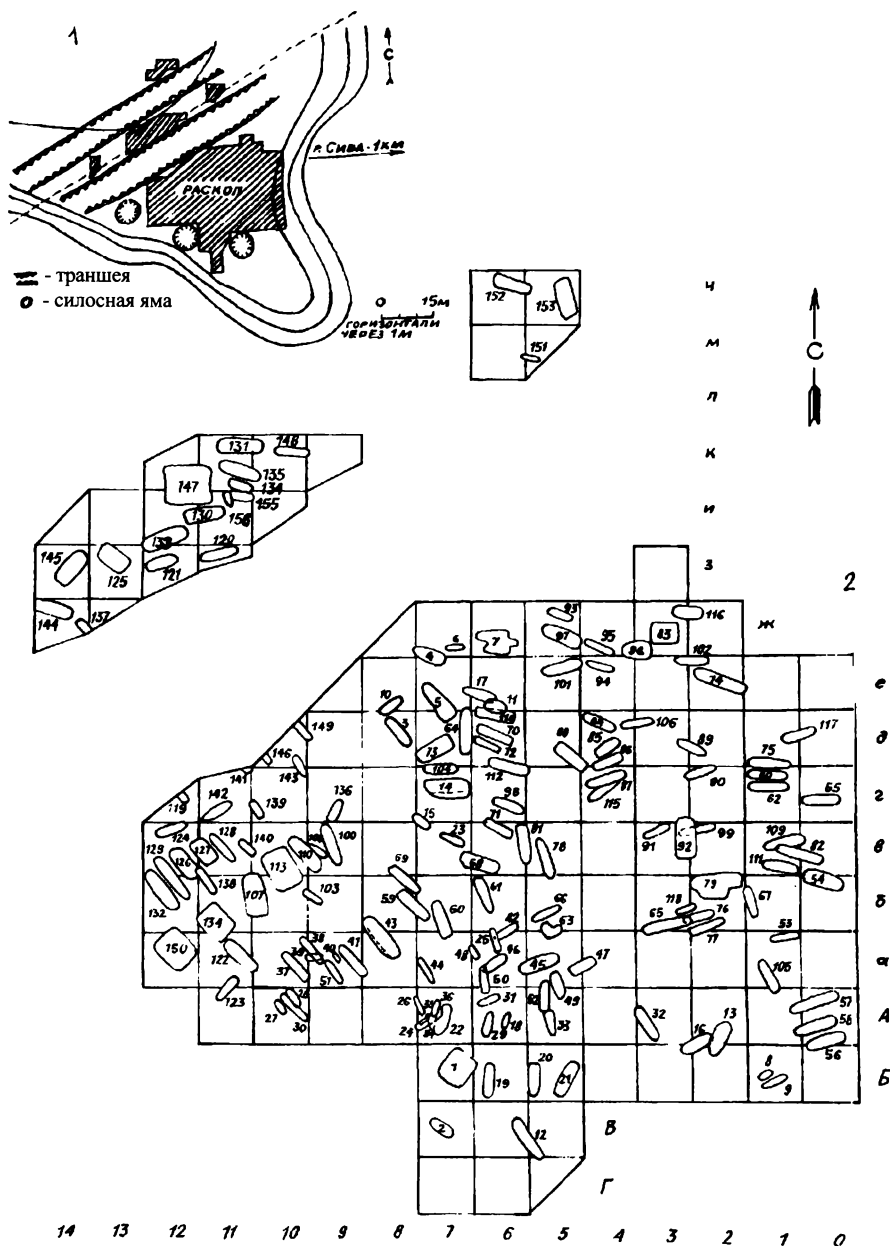

Рис. 59. Нивский могильник:

1 - топографический план, 2 - план раскопа

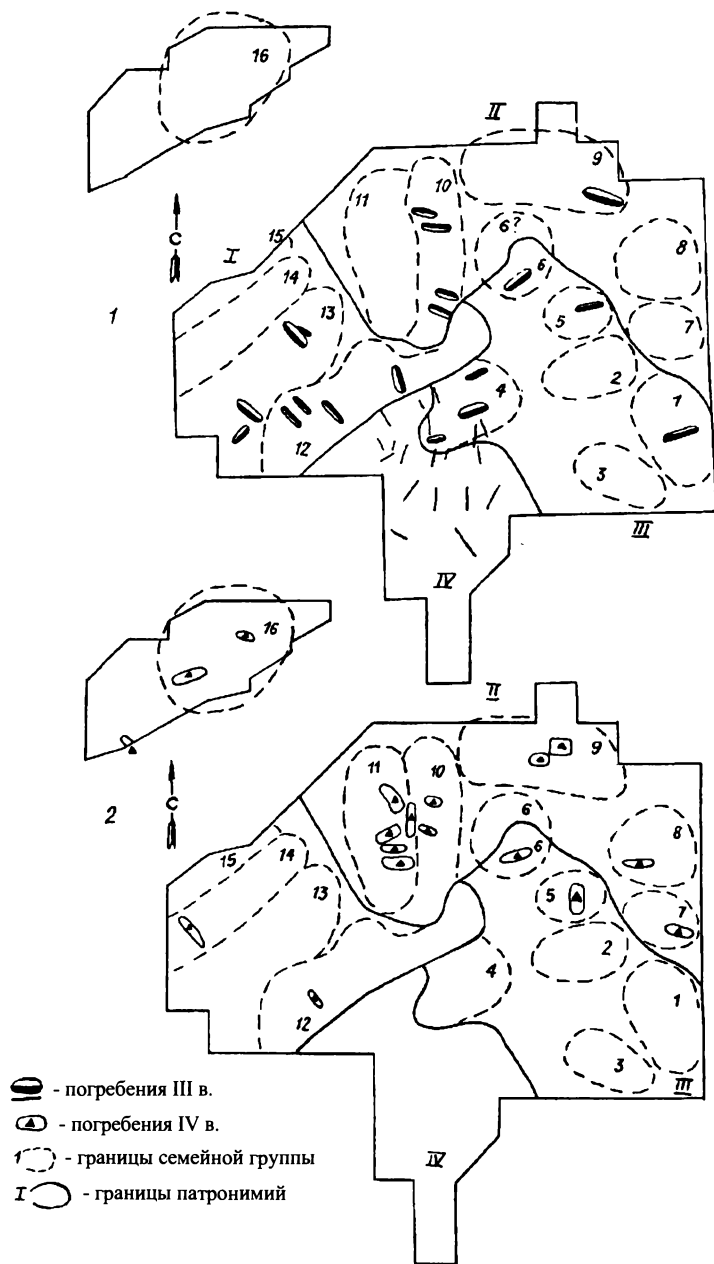

Рис. 60. Нивский могильник:
1 - погребения III в., 2 - погребения IV в.,

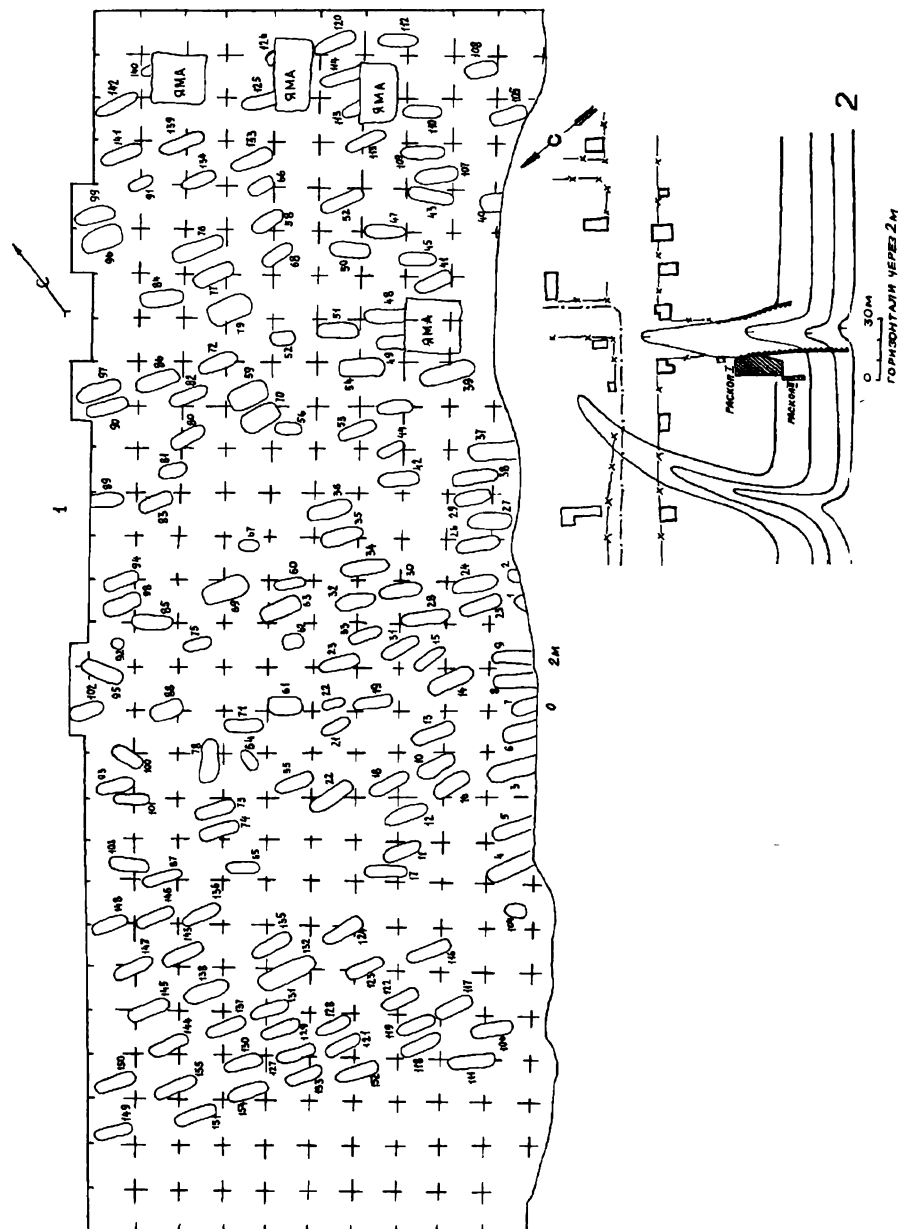

Рис. 62. Старокабановский могильник:

1 - топографический план, 2 - план раскопа

Рис. 63. Старокабановский могильник. Хронология погребений могильника:
 1 - погребения IV в., 2 - погребения V в., 3 - социальная структура населения

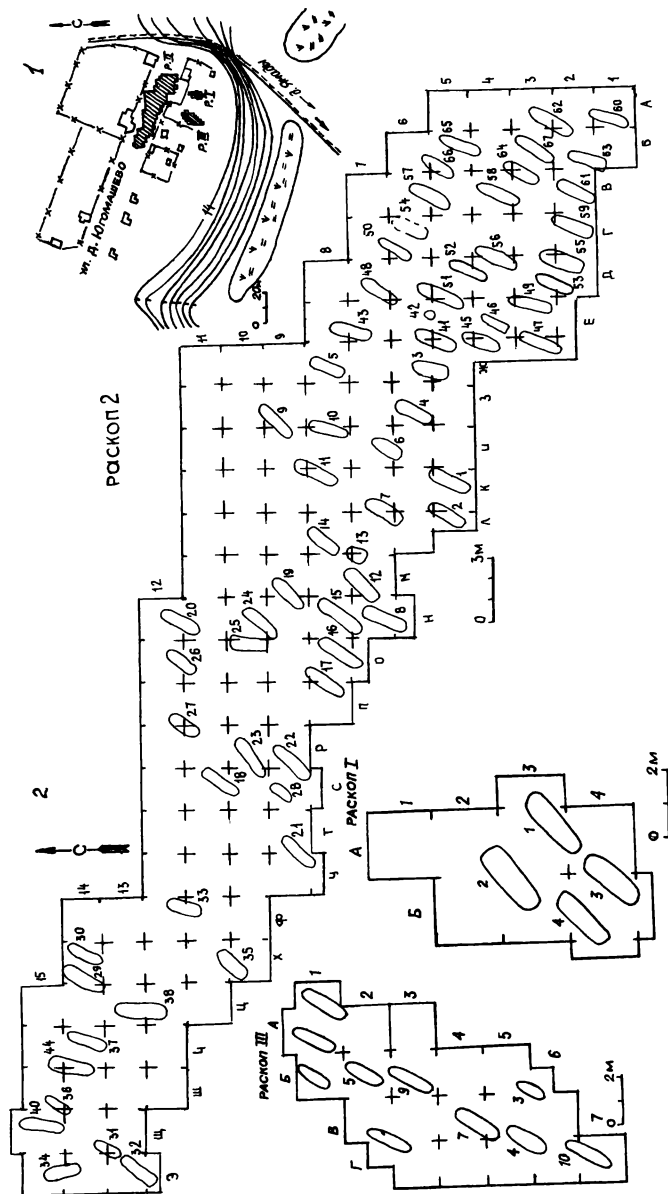

Рис.64. Югомашевский могильник.
1 - топографический план, 2 - планы раскопов

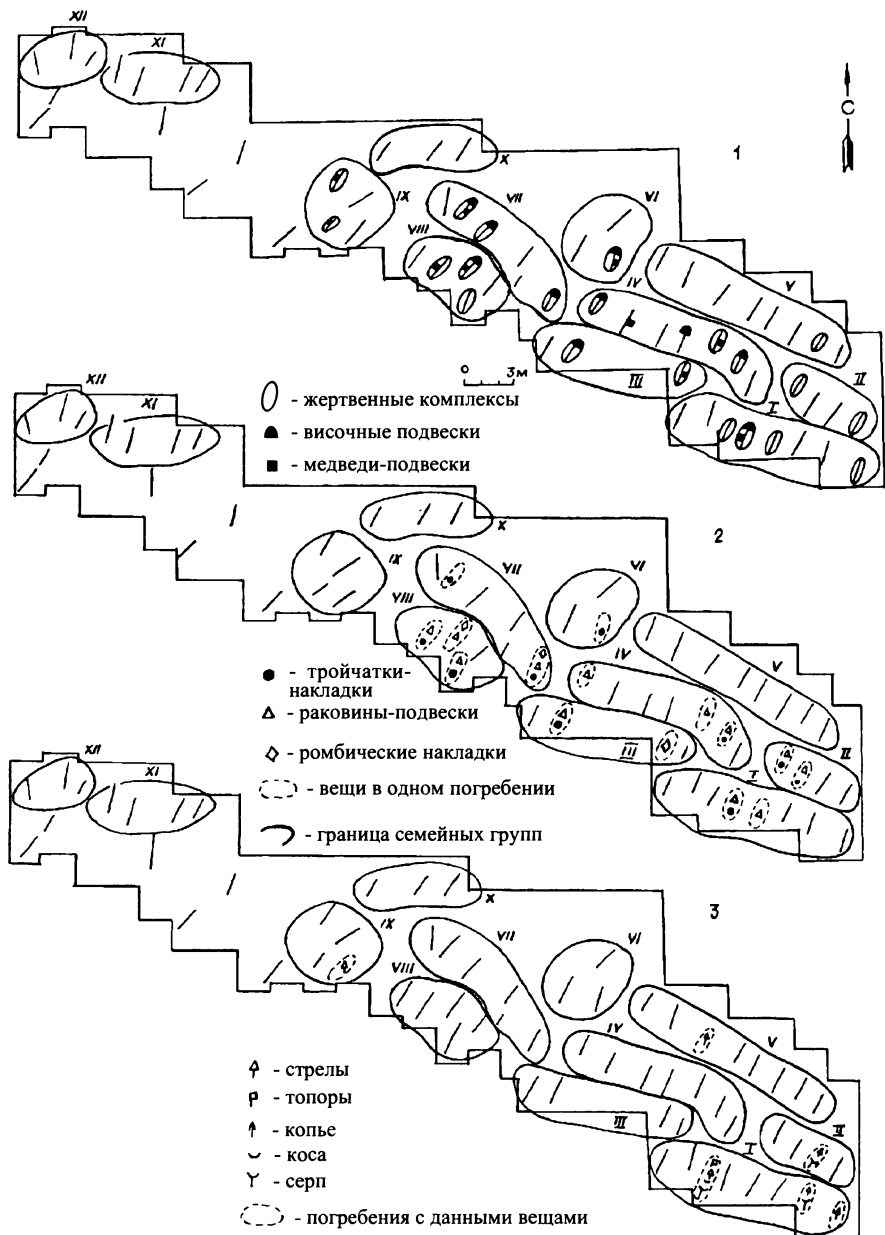

Рис. 65. Югомашевский могильник. Распределение вещей по погребениям и семейные участки

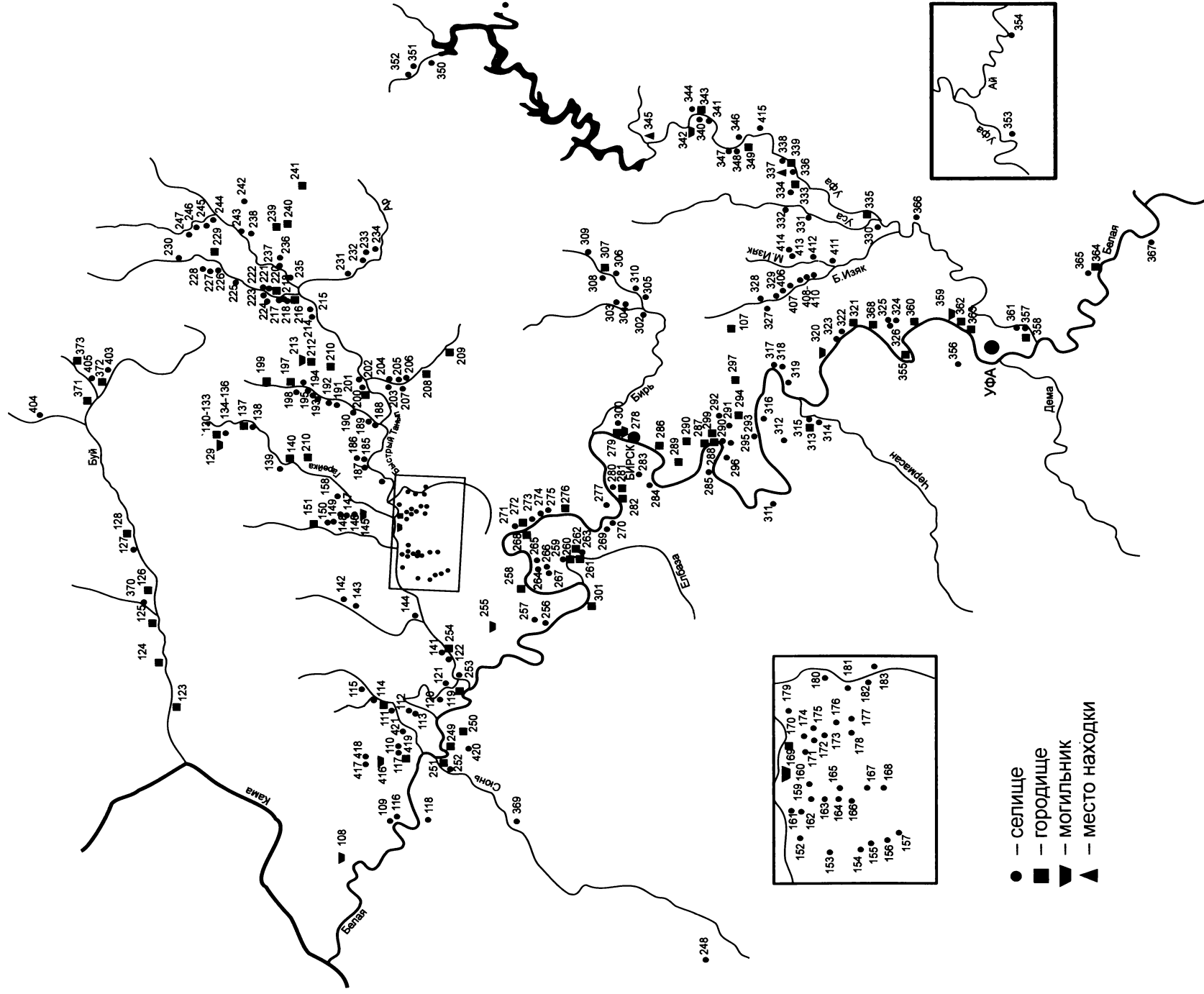

Рис. 40. Карта памятников башкирской группы мазунинской культуры

- Условные обозначения:
- - прокатанная глина
 - - дерево
 - - очертания могильных ям
 - - предполагаемые очертания могил (№ 1-6, раскопки К.И. Корепанова)
 - - женские погребения 4 группы
 - - мужские погребения с мечами
 - - женские захоронения
 - - мужские захоронения

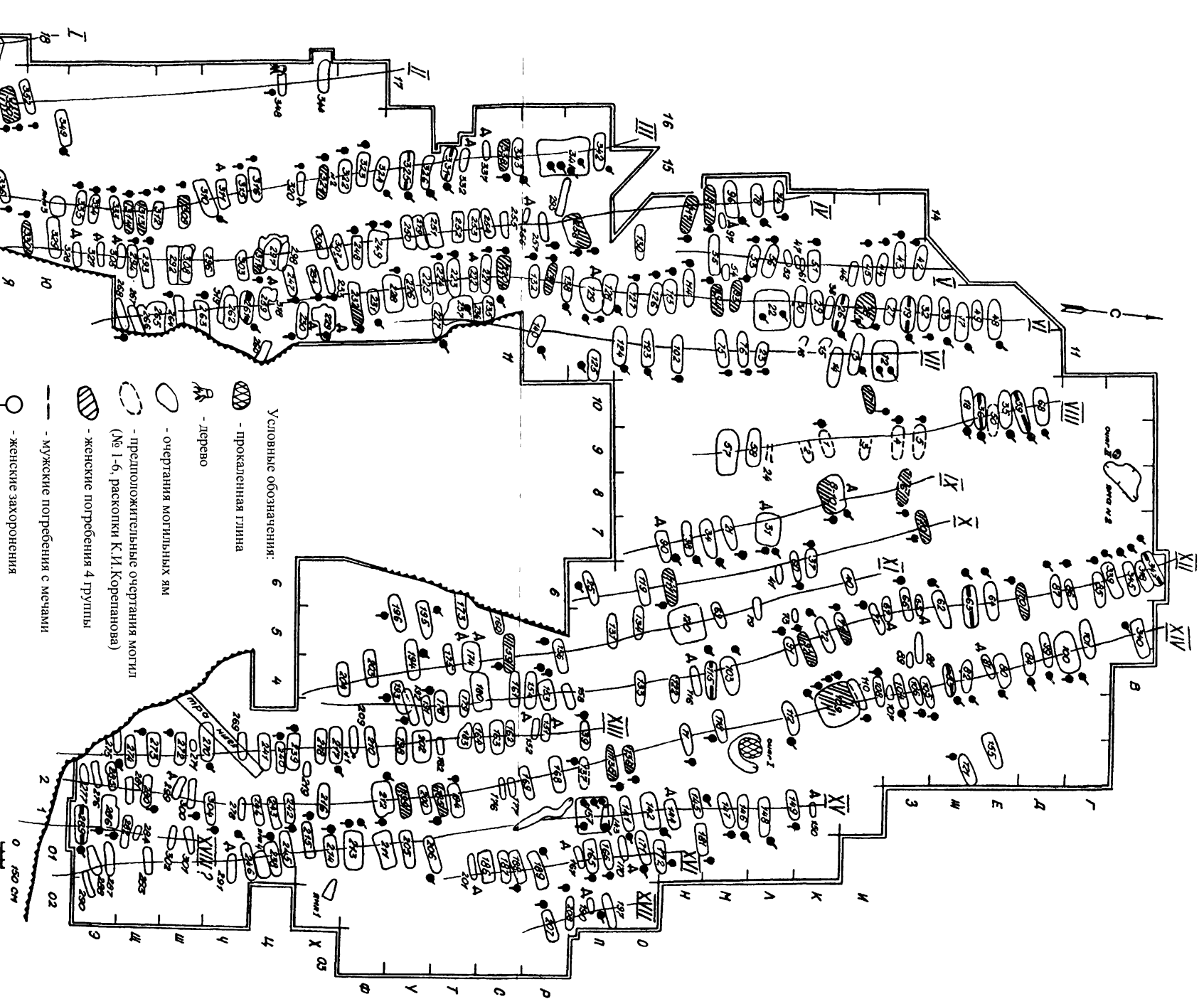

Рис. 66. Покровский могильник. Общий план раскопа. Социальная структура населения

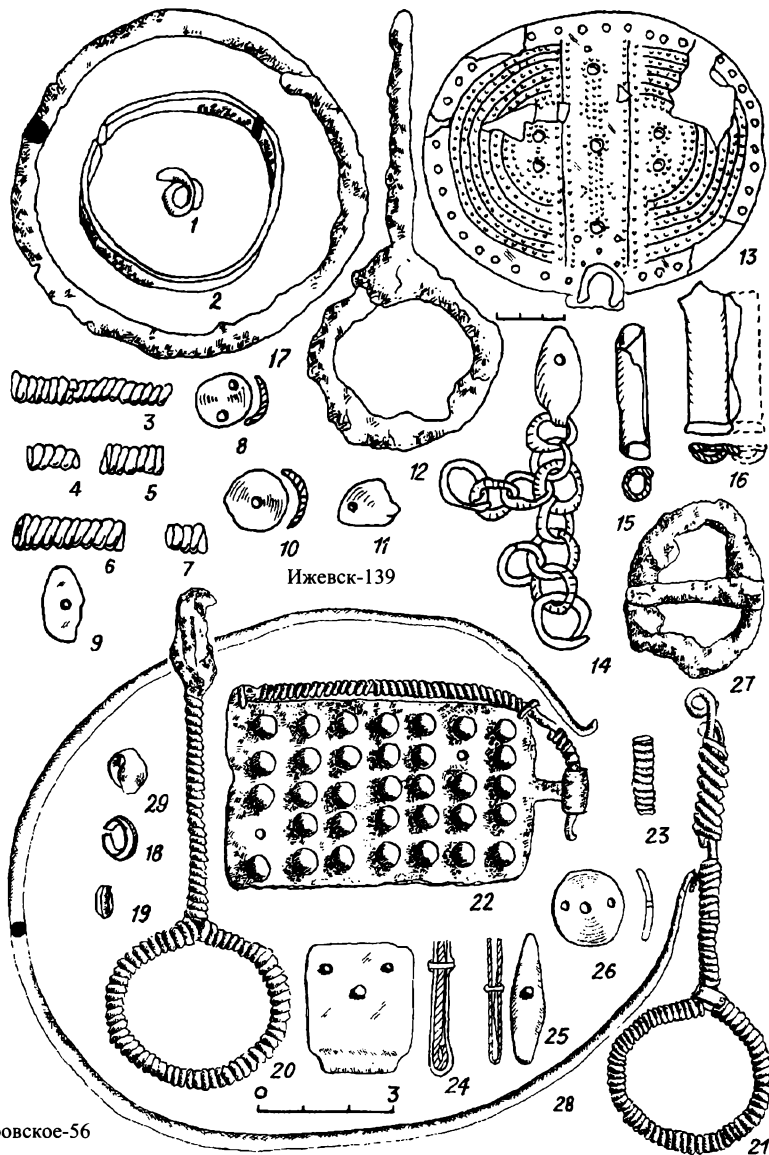

Рис. 67. 1-17 - вещевого комплекса погр. 139 Ижевского могильника, 18-29 - вещевого комплекса погр. 56 Покровского могильника:
 1, 3-7, 15, 16, 18, 19, 23, 29 - пронизки, 8-11 - бляшки, 2, 17 - браслеты, 9 - накладка, 13, 22 - фибулы, 14 - подвеска-цепочка, 24 - наконечник ремня, 25 - поясная накладка, 27 - пряжка, 28 - гривна (1, 2, 12, 17, 27 - железо, 22 - железо, бронза, остальные предметы - бронза)

Рис. 68. Реконструкция женского костюма по материалам погр. 56 Покровского могильника (вид спереди, вид сзади). Художник Н.А.Быков

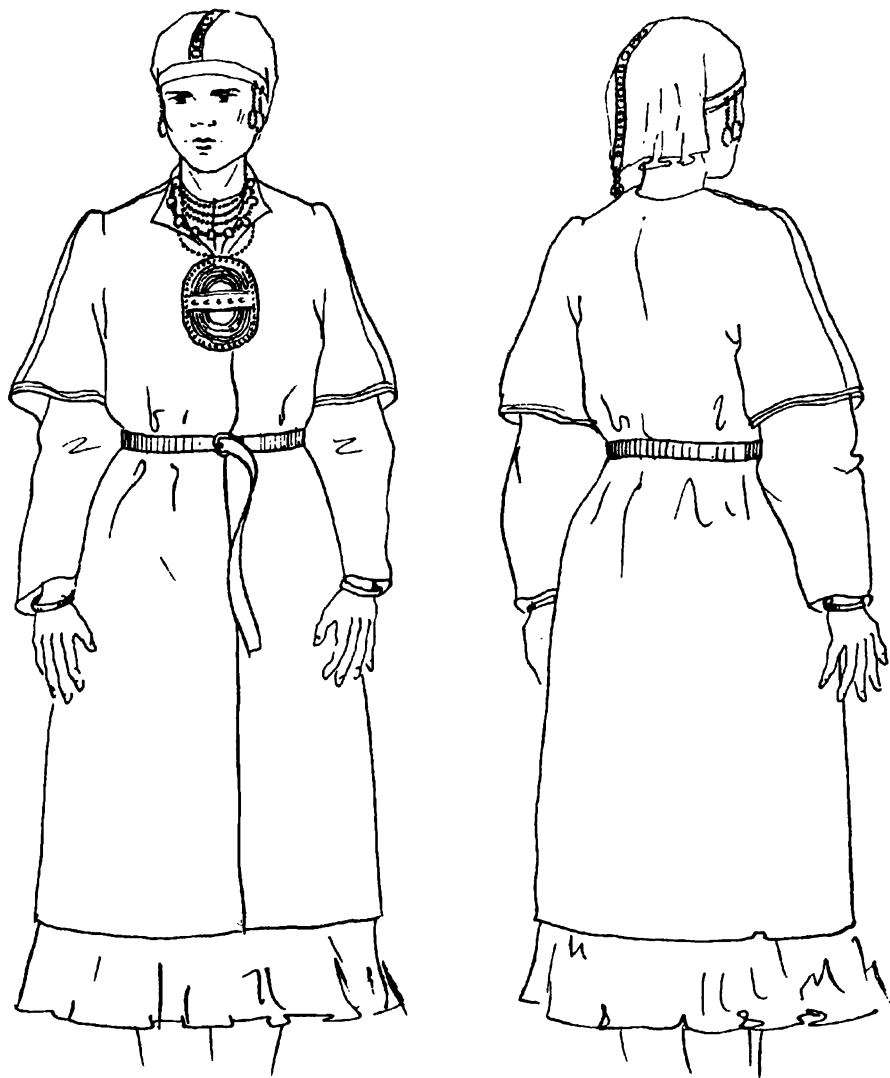

Рис. 69. Реконструкция женского костюма по материалам погр. 139 Ижевского могильника (вид спереди, вид сзади). Художник Н.А.Быков

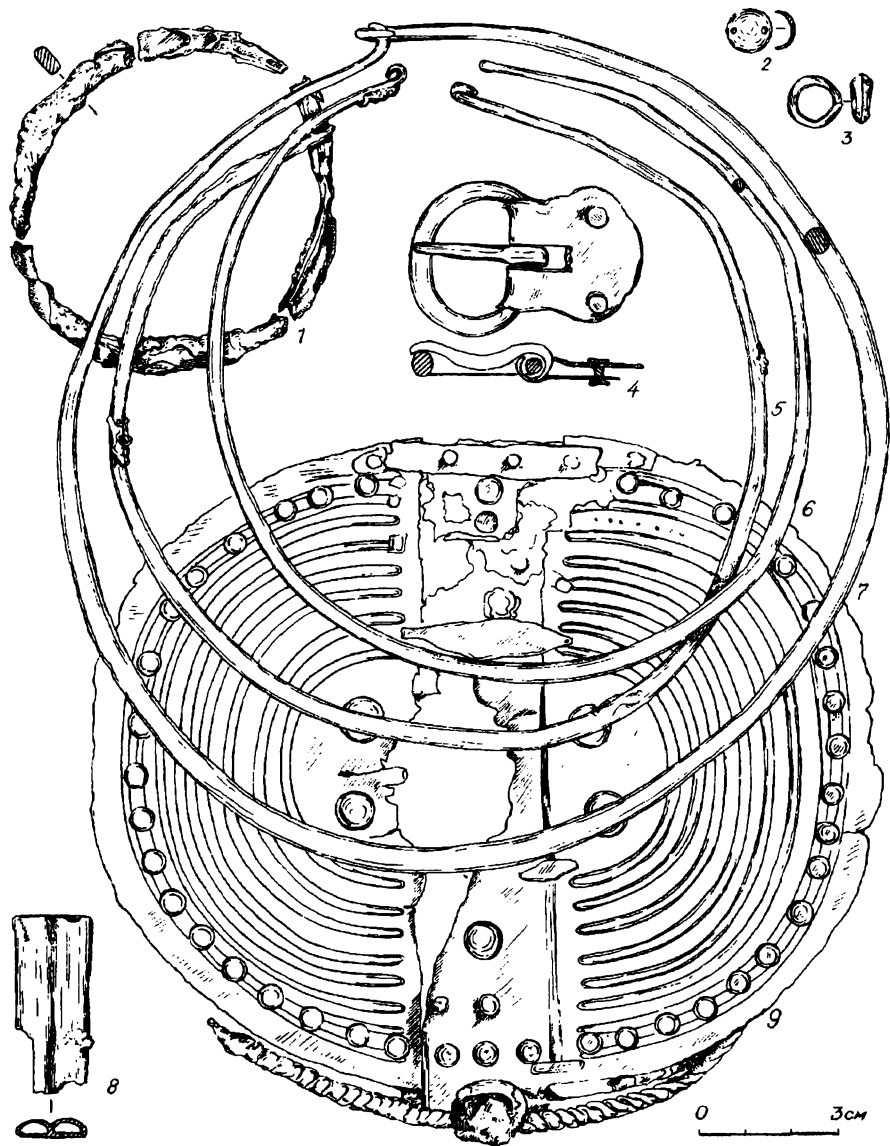

Рис. 70. Вещевой комплекс погр. 135 Покровского могильника:

1 - браслет, 2 - бляшка, 3 - пронизка, 4 - пряжка, 5-7 - гривны, 8 - полупронизка, 9 - фибула (1 - железо, 2-9 - бронза)

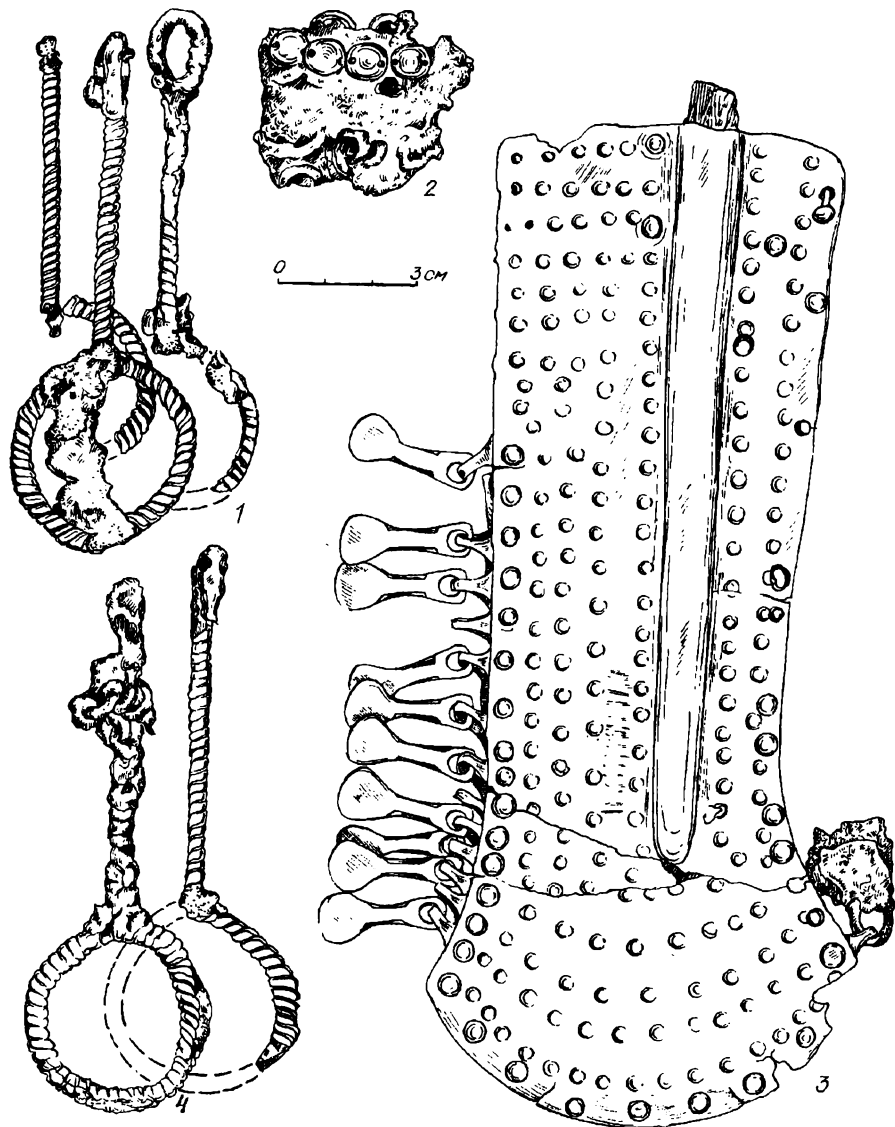

Рис. 71. Вещевой комплекс погр. 135 Покровского могильника (продолжение):
1, 4 - височные подвески, 2 - часть головного убора, 3 - ножны для ножа и шила (1-4 - бронза и
железо)

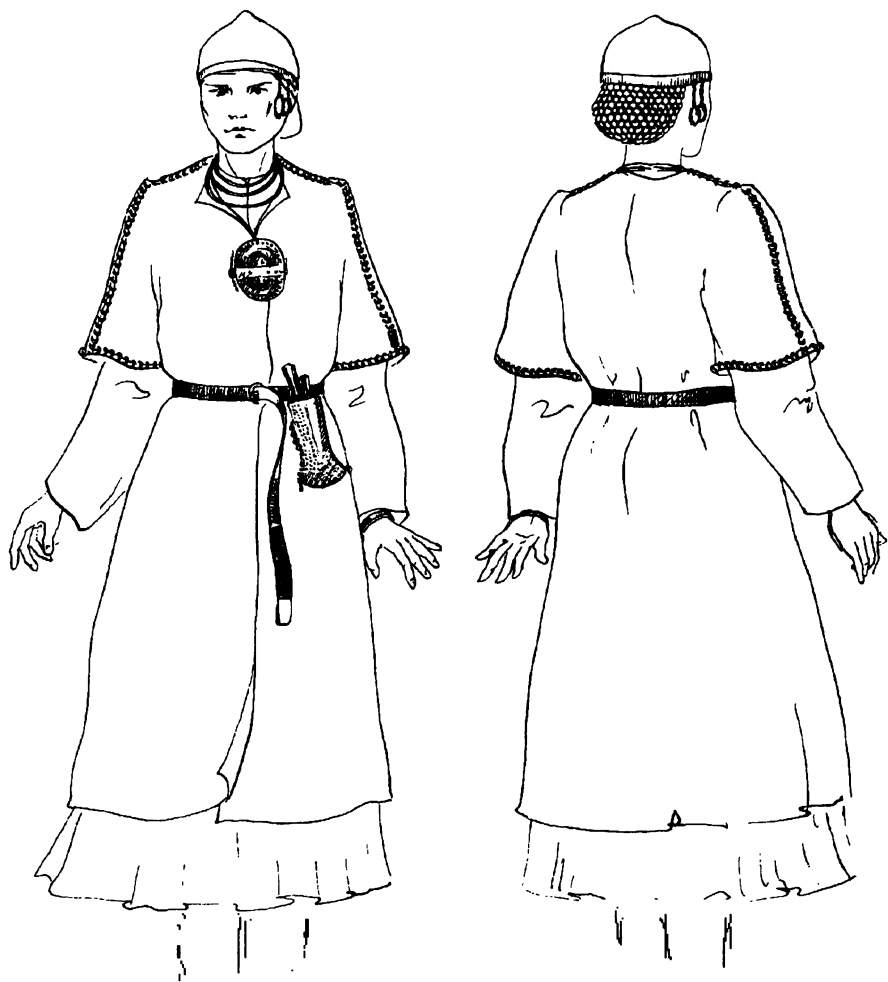

Рис. 72. Реконструкция женского костюма по материалам погр. 135 Покровского могильника (вид спереди, вид сзади). Художник Н.А.Быков

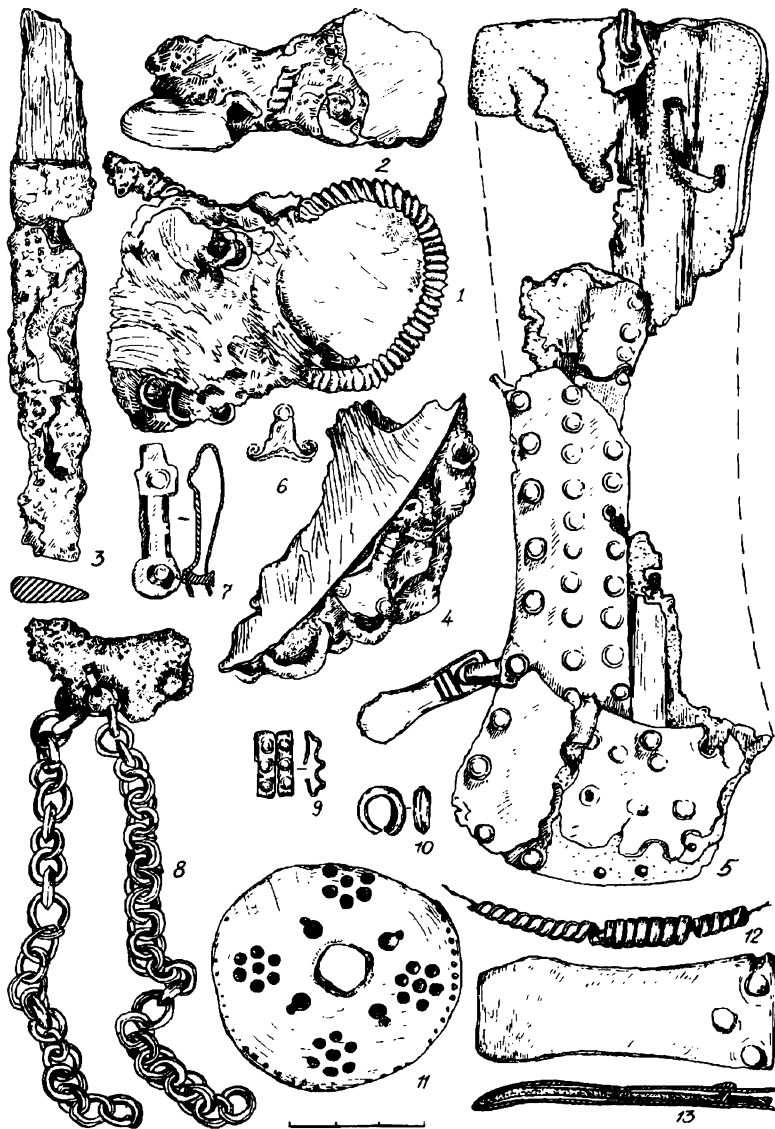

Рис. 73. 1-6 - вещевого комплекса погр. 330 Покровского могильника, 7-13 - вещевого комплекса погр. 220 Покровского могильника:

1, 2, 4 - обломки предметов из жертвенного комплекса (височные подвески, подвеска, украшение из железных колец-накосник), 3 - нож, 5 - ножны для ножа и шила, 6, 8 - подвески, 7 - поясная накладка, 9, 10, 12 - пронизки, 11 - бляха-раковина, 13 - наконечник ремня (1, 2, 4, 8 - железо, бронза, 5 - бронза, кожа, 3 - железо, 11 - раковина, 9, 10, 12, 13 - бронза)

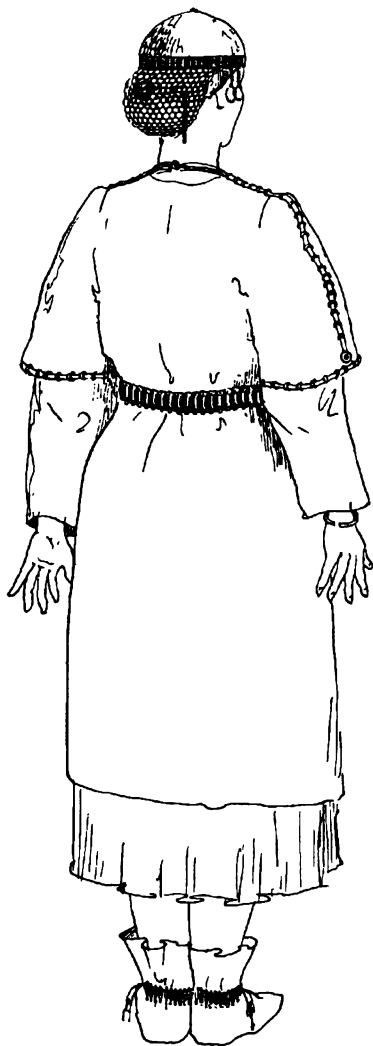
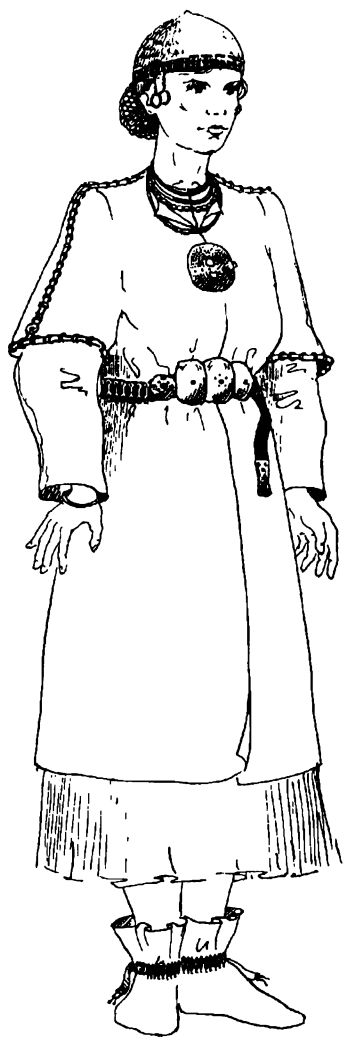

Рис. 74. Реконструкция женского костюма по материалам погр. 220 Покровского могильника (вид спереди, вид сзади). Художник Н.А.Быков

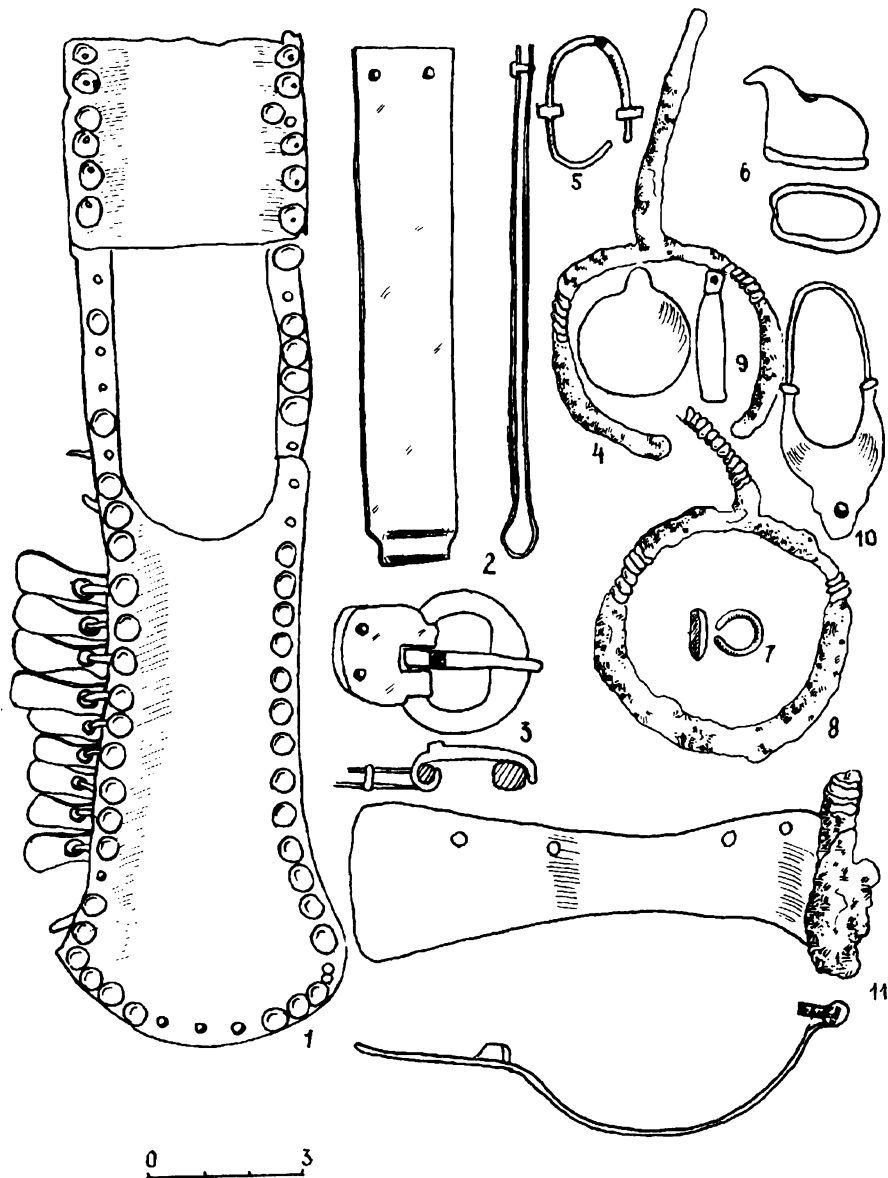

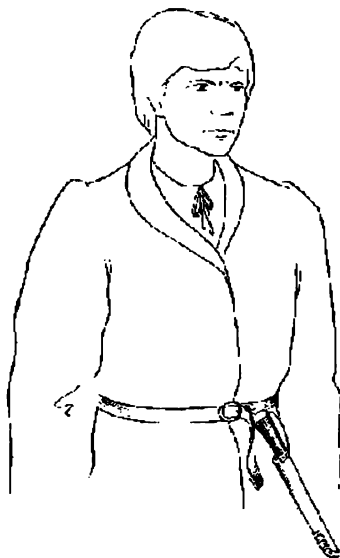
Рис. 75. 1-11 - вещевого комплекса погр. 152 Старокабановского могильника:
 1 - ножны для ножа, 2 - наконечник ремня, 3 - пряжка, 4, 8 - височные подвески, 5 - височное кольцо, 6, 9, 10 - подвески, 7 - пронизка, 11 - фибула (4, 8, 11 - бронза, железо, 1-3, 5-7, 10 - бронза, 9 - раковина)

Рис. 76. Реконструкция женского костюма по материалам погр. 152 Старокабановского могильника (вид спереди, вид сзади). Художник Н.А.Быков

1

3

2

4

Рис. 77(1,2) Реконструкция внешнего облика по материалам Покровского могильника: 1 - мужчины (погр.221), 2 - женщины (погр.215). Работа выполнена в лаборатории антропологических реконструкций Института этнологии РАН.

Рис. 77(3,4). Реконструкция одежды по материалам Покровского могильника: 3 - мужской (погр. 221), 4 - женской (погр.215). Художник Н.А.Быков.

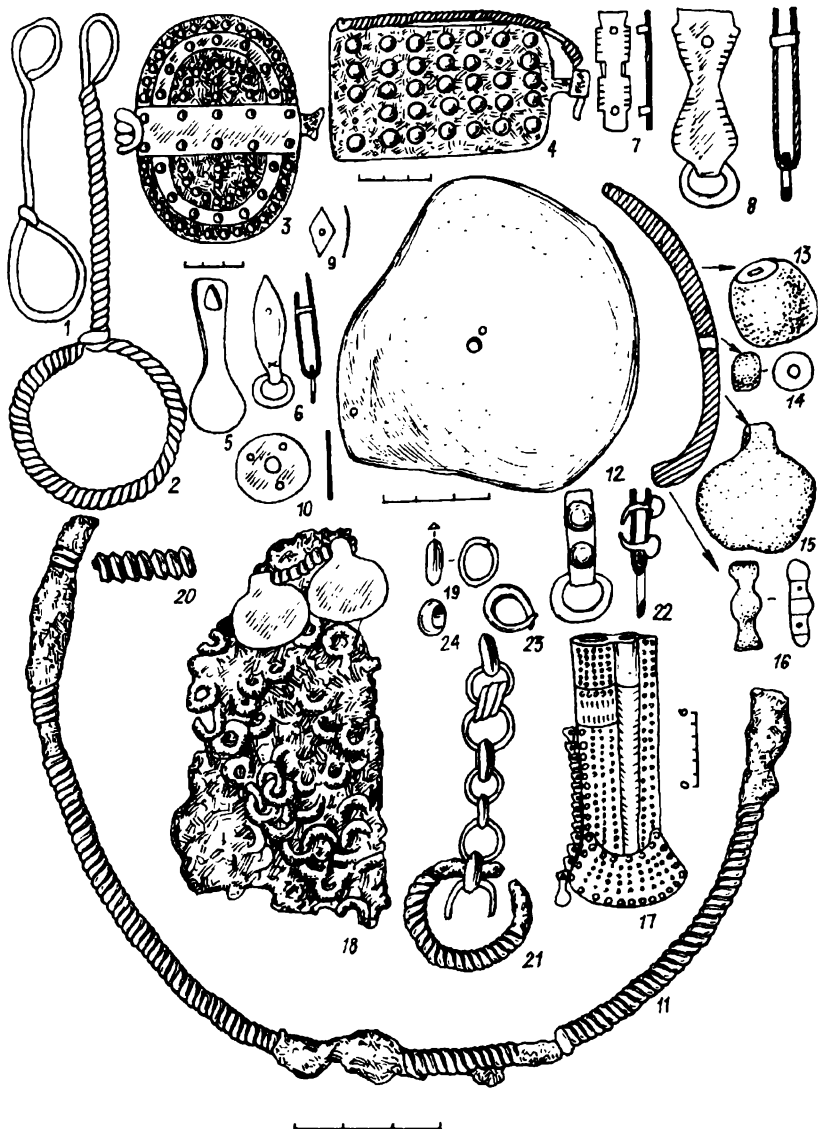

Рис. 78. Специфический комплекс вещей памятников мазунинской культуры:

1, 2 - височные подвески, 3 - бабочковидная фибула, 4 - фибула сайгатского типа, 5 - каплеобразная подвеска, 6-10, 22 - поясные накладки, 11 - гривна, 12-16 - бляха-раковина и изделия из раковины, 17 - ножны для ножа и шила, 18 - головное украшение из железных колец, 19, 23, 24 - кольцеобразные пронизки, 20 - спиральновитые пронизки, 21 - подвески-цепочки

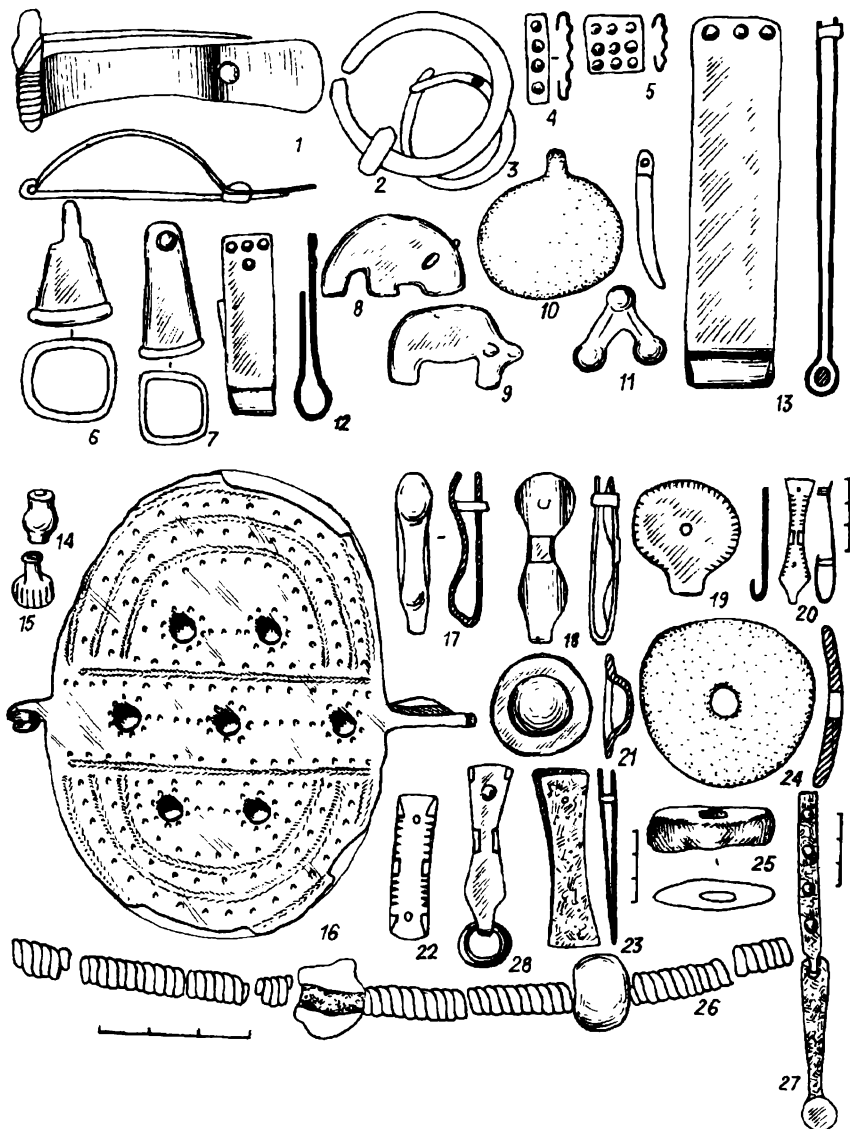

Рис. 79. Специфические вещи башкирского варианта мазунинской культуры:
1 - бантикообразные фибулы, 2, 3 - височные кольца, 4, 5 - пронизки-обоймы, 6-10 - подвески,
11 - накладки, 12, 13 - наконечники ремней.

Специфические вещи удмуртского варианта мазунинской культуры:
14, 15, 25 - пронизки, 16 - бабочковидные фибулы, 17-19, 22, 28 - поясные накладки, 20 -
петельная застежка, 21 - умбоновидная бляшка, 23, 27 - наконечники ремней, 24 - бляха-раковина,
26 - ожерелье из бус и пронизок

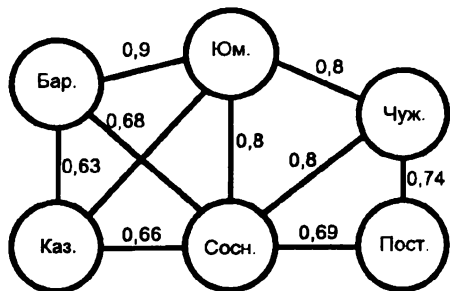

Рис. 80. Граф типологического сходства керамики. Модель А

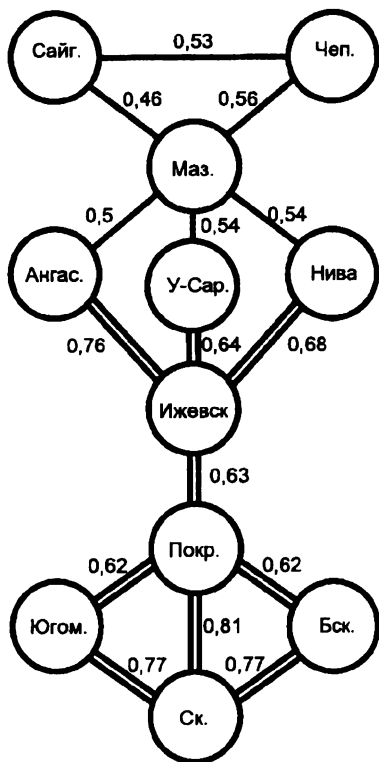

Рис. 81. Граф сходства погребального инвентаря

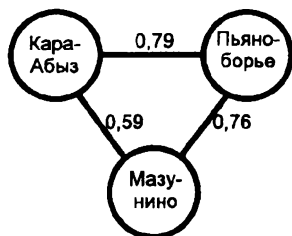

Рис. 82. Граф сходства погребального обряда археологических культур

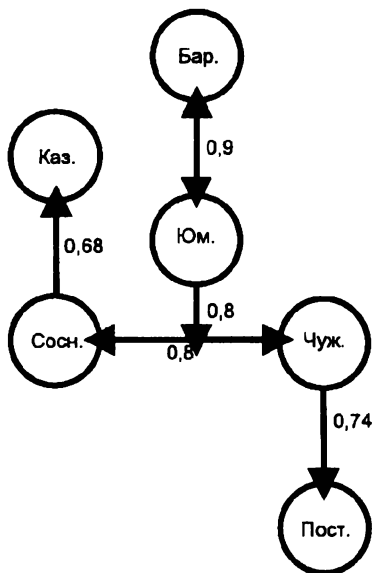

Рис. 83. Граф сходства керамики. Модель В

— близкая связь - 0,46-0,56
 === очень близкая связь - 0,62-0,81

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение. История изучения памятников мазунинской культуры... ..	7
Глава I. Могильники мазунинской культуры	20
1. Погребальный обряд	20
2. Классификация погребального инвентаря.	33
Глава II. Территория и поселения мазунинской культуры.	85
Глава III. Периодизация и датировка памятников мазунинской культуры.	103
Глава IV. Демографическая характеристика и социальная структура мазунинского общества	117
Глава V. Вопросы развития хозяйства.	143
Глава VI. Происхождение и место в истории О культурном единстве памятников мазунинской культуры.	166
Summary	185
Список использованной литературы.	186
Список сокращений.	199
Приложения	201
Приложение 1. Список памятников мазунинской культуры (приложение к археологической карте).	201
Приложение 2. Таблицы (1-41).	207
Приложение 3. Указатель к иллюстрациям.	241
Приложение 4. Иллюстрации (1-83).	247

ОСТАНИНА ТАИСИЯ ИВАНОВНА

Население Среднего Прикамья в III-V вв.

ЛР № 020764

Печатается по решению Ученого совета Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук и НИСО УрО РАН по плану выпуска 1996 года.

Литературный редактор Н.В.Малеванная
Художественный редактор Н.А.Быков
Технический редактор М.Г.Смагин
Компьютерная верстка иллюстраций Н.А.Клабуковой

НИСО УрО РАН №13(94). Сдано в набор 10.08.96. Подписано в печать 16.12.96. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Гарнитура Times ET. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 12,78. Тираж 500 экз. Заказ № P18.
"С" № 5.

Отпечатано в Ижевской республиканской типографии.
426057, г.Ижевск, ул.Пастухова, 13.

